БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VII.

Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА

рой

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. *П. Г. Виноградова*, проф. *Н. Я. Грота*, проф. *М. И. Коновалова*, *П. Н. Милюкова*, *В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова*.

VII

Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. *П. Г. Виноградова*, проф. *Н. Я. Грота*, проф. *М. И. Коновалова*, *П. Н. Милюкова*, *В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова*.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКИ:

I. **В. Минто**. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. *С. А Котляревскаго*, подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго*. XXIV + 540 + XIX. Ц. 1 р. 75 к. 2-е изданіе, исправленное и дополненное указателемъ.

Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

II. Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамонина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. I. XXVII + 451 + IV. Вып. II. XX + 502 + VI. Цѣна за оба вып. 3 р. 50 к.

IV. **И. Ремсенъ**. Введеніе къ изученію органической химіи. Переводъ *Н. С. Дрентельна*, съ измѣненіями и дополненіями проф. *М. И. Коновалова*. XXIV + 479. Ц. 1 р. 75 коп.

V. **Шенбергъ**. Положеніе труда въ промышленности. Перев. *Михаила Соболева*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*. XII + 391 + VI. Ц. 1 р. 60 к.

VI. **Кукъ**. Новая химія. Переводъ *А. В. Алехина*, подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова*. XXXII + 465 + VIII. Ц. 1 р. 75 к.

VII. **Б. Н. Чичеринъ**. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV + 469. Вып. II. 433. Цѣна за оба вып. 3 руб. 50 коп.

IX. **М. Ферворнъ.** Общая физіологія. Переводъ съ нѣм. проф. *М. А. Мензбира* и пр.-доц. *Н. А. Иванцова*. Вып. I. XX + 518. Ц за оба выпуска 4 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

III. Римская исторія. 2 выпуска.

VIII. **А. Бэнъ.** Психологія. 2 выпуска. Переводъ *В. Н. Ивановскаго*.

IX. **М. Ферворнъ**. Общая физіологія. Переводъ съ нѣм. проф. *М. А. Мензбира* и пр.-доц. *Н. А. Иванцова*. Вып. II.

X. **Регельсбергеръ**. Очерки по общему ученію о правѣ. Переводъ *И. А. Базанова*, подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова*.

XI. **Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ**. Физіологія органовъ чувствъ.

XII. **Лексисъ**. Экономія торговли. Переводъ *Е. Е. Богданова*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*.

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожева*. 2 выпуска.

XIV. **Лоренцъ.** Элементы высшей математики. Основы аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго счисленія и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ голландскаго съ дополненіями и измѣненіями *В. И. Шереметевскаго*.

XV. **А. Г. Уоллэсъ**. Дарвинизмъ. Переводъ проф. *М. А. Мензбира*.

XVI. **Э. Порритъ.** Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Переводъ съ англ. *О. В. Смирнова*.

XVII. **Гексли** и **Мартинъ**. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Переводъ съ англ., съ рисунками, *И. А. Петровскаго* и *Н. Н. Сушкина*.

Chicherin, Boris Nikolaevich

Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ

Politicheskie mysliteli

ПОЛИТИЧЕСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

ДРЕВНЯГО

и

НОВАГО МІРА

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1897.

НОВОЕ ВРЕМЯ.

(продолженіе).

8. ВОЛЬФЪ.

Въ противоположность индивидуалистической школѣ развивается школа нравственная. Какъ та примыкаетъ къ ученію демократовъ XVII-го вѣка, такъ послѣдняя исходитъ отъ началъ, которыя мы видѣли у Кумберланда, но она развиваетъ ихъ гораздо глубже и шире. Философскимъ основателемъ нравственной школы былъ Лейбницъ; но полную и систематическую обработку это ученіе получило у Христіана Вольфа, его ученика. Вольфъ не былъ великимъ мыслителемъ, какъ Лейбницъ; но онъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ и съ педантическою добросовѣстностью сводилъ къ общему итогу различныя направленія нравственной философіи, стараясь все привести въ систематическій порядокъ и все связать непрерывною цѣпью умозаключеній. Этими качествами его ученіе пріобрѣло почти неограниченное господство надъ умами въ Германіи, въ теченіи второй половины XVIII-го столѣтія.

Нравственную и политическую свою теорію Вольфъ изложилъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ. Въ 1720 году онъ издалъ *Разумныя мысли о человѣческихъ дѣйствіяхъ и воздержаніи* (Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen). Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1721-мъ году, вышли его *Разумныя мысли объ общественной*

жизни людей и въ особенности о государствѣ (Vernünftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben der Menschen, und insonderheit dem gemeinen Wesen). Позднѣе, съ 1742-го по 1750 годъ, онъ печаталъ многотомное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Естественное право, обработанное научнымъ путемъ* (Ius naturae methodo scientifico pertractatum). Наконецъ, въ 1750 году, онъ издалъ сокращеніе этой книги подъ заглавіемъ: *Установленія права естественнаго и общенароднаго, въ которыхъ изъ самой природы человѣка, непрерывною цѣпью, выводятся всѣ обязанности и всѣ права* (Institutiones juris naturae et gentium, in quibus ex ipsa hominis natura, continuo nexu, omnes obligationes et jura omnia deducuntur). Въ первыхъ двухъ сочиненіяхъ излагается преимущественно ученіе объ обязанностяхъ; здѣсь Вольфъ ближе держится системы Лейбница. Въ послѣднихъ двухъ онъ присоединяетъ сюда ученіе о правахъ. Взглянемъ сперва на первоначальное изложеніе его мыслей и затѣмъ разсмотримъ послѣдующую обработку, которая представляетъ окончательные выводы нравственной школы въ XVIII-мъ столѣтіи.

У Вольфа политика является отраслью нравственной философіи; послѣдняя же, какъ частная наука, заимствуетъ свои начала изъ метафизики*). Такимъ образомъ, въ основаніе всего нравственнаго ученія полагается метафизическое понятіе о *совершенствѣ*, которое, по опредѣленію Вольфа, есть *согласіе разнообразнаго* (die Uebereinstimmung des Mannigfaltigen). Въ приложеніи къ человѣку,

*) Ver. Ged. v. d. M. Th. und L. Vorrede zu der andern Auflage; Ver. G. v. d. gesell. Leb. des M. Vorrede.

совершенство означаетъ согласіе настоящаго состоянія съ предъидущими и послѣдующими, и всѣхъ вмѣстѣ съ существомъ и природою человѣка. Въ этомъ и заключается мѣрило свободныхъ человѣческихъ дѣйствій, составляющихъ предметъ нравственности. Тѣ свободныя дѣйствія, которыя ведутъ къ совершенству, называются добрыми, тѣ, которыя ведутъ къ несовершенству, дурными. Отсюда ясно, что дѣйствія сами по себѣ могутъ быть хороши или дурны, а не становятся таковыми единственно вслѣдствіе предписанія высшаго. Они въ себѣ самихъ заключаютъ и побужденіе для воли, ибо воля движется представленіями добра или зла. А такъ какъ одно и тоже не можетъ вмѣстѣ быть и не быть побудительною причиною дѣйствія, то невозможно, чтобы воля, имѣя представленіе добра, не хотѣла бы его получить. Если мы иногда не желаемъ добра, то это происходитъ единственно отъ недостаточнаго его познанія. Тоже самое относится и къ злу, которое въ себѣ самомъ заключаетъ побудительную причину удаляться отъ него. Соединеніе съ дѣйствіемъ извѣстной побудительной причины называется *обязательствомъ*. Слѣдовательно, такъ какъ сама природа вещей соединяетъ съ добрыми или злыми дѣйствіями побудительныя причины хотѣнія и нехотѣнія, то сама природа обязываетъ насъ дѣлать добро, избѣгать зла и предпочитать лучшее худшему. Призраки же добра или зла, которыми мы иногда увлекаемся, происходятъ не отъ природы, а отъ нашего невѣжества и заблужденія *).

Правило, съ которымъ мы обязываемся сообразо-

---

*) V. G. v. d. M. Th. u. L., часть I, гл. 1, §§ 1—12.

вать свои дѣйствія, называется закономъ. Естественнымъ закономъ называется въ частности тотъ, котораго обязательная сила проистекаетъ отъ природы вещей. Этимъ онъ отличается отъ закона Божьяго и человѣческаго. На основаніи сказаннаго выше, коренной законъ природы, изъ котораго проистекаютъ всѣ остальные, будетъ слѣдующій: «дѣлай то, что совершенствуетъ тебя и твое состояніе, и избѣгай того, что ведетъ тебя и твое состояніе къ несовершенству». Этотъ законъ познается разумомъ, который усматриваетъ связь вещей; разумъ есть, слѣдовательно, учитель естественнаго закона. Поэтому тотъ, кто устраиваетъ свою жизнь сообразно съ разумомъ, живетъ по закону природы. Разумный человѣкъ не нуждается въ иномъ законѣ; посредствомъ разума онъ самъ себѣ служитъ закономъ.

Заключая въ себѣ обязательную силу, проистекающую отъ природы, естественный законъ не нуждается и въ предписаніи высшаго. Онъ существовалъ бы, даже если мы предположимъ, что нѣтъ Бога. Поэтому ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что безбожіе влечетъ за собою дурную жизнь. Къ порокамъ ведетъ человѣка не безбожіе, а невѣжество относительно добра и зла, которое бываетъ и у людей вѣрующихъ. Однако, такъ какъ божественный разумъ — источникъ всякой возможности, а божественная воля — всякой дѣйствительности, то и естественный законъ проистекаетъ отъ изволенія Божьяго. Слѣдовательно, воля Божья и законъ природы въ сущности совпадаютъ, и тѣ, которые хотятъ сдѣлать первую источникомъ послѣдняго, не могутъ вывести никакого другаго закона, кромѣ закона совершенства. Высшее совершенство есть побудительная при-

чина самой воли Божьей. Творецъ не могъ дать человѣку инаго закона, ибо не можетъ требовать отъ человѣка иныхъ дѣйствій, кромѣ тѣхъ, которыя ведутъ къ совершенству *).

Такимъ образомъ, совершенство составляетъ конечную цѣль всей нашей жизни; мы обязаны направлять къ нему всѣ свои дѣйствія. Но полное совершенство свойственно только Божеству; никакое сотворенное существо, по своей ограниченности, не можетъ достигнуть этого состоянія. Слѣдовательно, естественный законъ обязываетъ человѣка только непрерывно стремиться къ большему и большему совершенству. Въ этомъ состоитъ для человѣка высшее благо, которое доставляетъ ему и высшее возможное для него счастіе, ибо счастіе состоитъ въ постоянномъ удовольствіи, а такое удовольствіе возбуждается созерцаніемъ совершенства. Напротивъ, всякое призрачное удовольствіе, такъ какъ оно не только не ведетъ къ большему совершенству, а напротивъ, производитъ несовершенство, не можетъ быть продолжительнымъ; оно непремѣнно смѣняется печалью. Слѣдовательно, соблюденіе естественнаго закона есть вмѣстѣ и средство для достиженія счастія **).

Изъ этого видно, что кромѣ обязательной силы, проистекающей изъ самой природы дѣйствій, съ закономъ соединяется еще другая, основанная на томъ, что добро влечетъ за собою счастіе, а зло несчастіе для человѣка. А такъ какъ эти побудительныя причины связаны съ нашими дѣйствіями волею

---

*) G. V. v. d. M. Th. u. L. §§ 17—24, 29, 34, 35.

**) V. G. v. d. M. Th. u L. § 40, 44—57.

Божіею, то изъ этого ясно также, что естественный законъ есть законъ божественный, за исполненіе или неисполненіе котораго положены награды и наказанія. Противъ этого возражаютъ, что не всегда за добромъ слѣдуетъ счастіе, а за зломъ несчастіе человѣка; но это возраженіе недостаточно: 1) потому что мы часто ошибаемся въ нашихъ сужденіяхъ о людяхъ, считая достойными счастія тѣхъ, которые въ дѣйствительности его не заслуживаютъ, и наоборотъ. 2) Счастіе и для злыхъ служитъ побужденіемъ любить Бога, ибо они своимъ благоденствіемъ обязаны ему, а не себѣ. 3) Счастіе приводитъ иногда къ большему несчастію, и это учитъ насъ не превозноситься отъ избытка благъ. 4) Несчастіе, въ свою очередь, нерѣдко становится средствомъ къ достиженію счастія или побужденіемъ воздержаться отъ зла. Поэтому, во всякомъ случаѣ, желаніе получить счастіе и отвратить отъ себя несчастіе можетъ служить для насъ побудительною причиною дѣлать добро и избѣгать зла. Однако эти соображенія нужны только для безразсудныхъ, которые побуждаются къ дѣйствіямъ надеждою награды или страхомъ наказанія. Мудрый же не нуждается въ иныхъ побужденіяхъ, кромѣ естественной обязанности; онъ дѣлаетъ добро, потому что это добро, и воздерживается отъ зла, потому что это зло, уподобляясь этимъ Богу, который не имѣетъ надъ собою высшаго и не подлежитъ наградамъ и наказаніямъ *).

Привычка направлять свои дѣйствія сообразно съ естественнымъ закономъ называется *добродѣтелью*, противоположное тому *порокомъ*. Сужденіе о добротѣ

---

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. гл. I, § 30, 31, 36—39.

или порочности дѣйствій получаетъ названіе *совѣсти*. Такое сужденіе возможно только черезъ посредство разума, который, усматривая связь вещей, можетъ судить о томъ, чтб ведетъ къ совершенству или къ несовершенству. Слѣдовательно, совѣсть проистекаетъ отъ разума; человѣкъ потому имѣетъ совѣсть, что онъ разумное существо. Удовольствіе же и неудовольствіе, которыми сопровождается совершеніе добра или зла, не составляютъ собственно совѣсти, хотя часто смѣшиваются съ нею. Это не болѣе, какъ послѣдствія совѣсти, ибо мы ощущаемъ удовольствіе, когда усматриваемъ согласіе, и неудовольствіе, когда видимъ несогласіе въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Изъ этого ясно, что спокойная совѣсть, проистекающая изъ правильныхъ сужденій, одна можетъ устранить многіе поводы къ неудовольствію и тѣмъ самымъ доставить человѣку истинное счастіе. Слѣдовательно, для достиженія блаженства необходимо, чтобъ человѣкъ всѣ свои поступки возводилъ къ правильнымъ сужденіямъ. Онъ долженъ, при каждомъ своемъ дѣйствіи, сознавать ту цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, и всѣ эти цѣли связывать между собою, такъ чтобы всѣ онѣ составляли средства для достиженія главной цѣли жизни, то есть, совершенства. Наука, указывающая человѣку правильное устройство жизни, называется мудростью. Лейбницъ вѣрно опредѣлилъ ее, какъ науку блаженства. Однако, замѣчаетъ Вольфъ, я предпочитаю свое опредѣленіе, ибо оно яснѣе и дастъ лучшія основанія для дальнѣйшихъ выводовъ *).

Стремясь къ мудрости, человѣкъ долженъ въ осо-

---

*) V. G. v. d. M. Th. u L. §§ 90, 106, 108, 134, 135, 140, 141, 315.

бенности стараться пріобрѣсти господство надъ своими внѣшними чувствами, надъ воображеніемъ и страстями, которыя нерѣдко затмѣваютъ разумъ, представляя намъ призрачное добро вмѣсто истиннаго, и отвлекая наше вниманіе отъ естественнаго закона. Владычество чувствъ, воображенія и страстей составляетъ рабство человѣка, величайшее препятствіе къ исполненію естественнаго закона, а потому и къ достиженію счастія. Напротивъ, въ господствѣ разума выражается свобода человѣка, ибо тогда онъ властенъ надъ собою *).

Съ своею педантическою манерой, Вольфъ даетъ подробныя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ достигать мудрости. Во-первыхъ, говоритъ онъ, когда утромъ просыпаешься, надобно обдумать, что̀ будешь дѣлать въ теченіи дня, и что́ можетъ съ нами случиться. 2) Надобно разсмотрѣть, чѣмъ каждое изъ этихъ дѣйствій и обстоятельствъ можетъ способствовать нашему совершенству. 3) Когда ложишься спать, надобно перебрать все, что сдѣлалъ въ теченіи дня, и 4) надобно разсмотрѣть, насколько все это содѣйствовало достиженію конечной нашей цѣли. Всѣ сужденія непремѣнно должны быть приведены въ умозаключенія, которыхъ правильность должна быть изслѣдована, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формы. Въ этомъ Вольфъ видитъ единственное средство пріобрѣсти прямую совѣсть **).

Содержаніе естественнаго закона составляютъ обязанности человѣка. *Обязанностью* называется, вообще, дѣйствіе сообразное съ закономъ. Первыя обязан-

---

*) V. G. v. d. M. T. u L. §§ 180—185.
**) V. G. v. d. M. Th. u L. § 94, 173.

ности относятся къ самому себѣ. Онѣ заключаются въ совершенствованіи души, тѣла и своего внѣшняго состоянія. Для этого необходимо прежде всего самопознаніе, а такъ какъ оно невозможно безъ познанія другихъ, то человѣкъ обязанъ познавать и другихъ. Въ этомъ состоитъ совершенство разума, а черезъ посредство разума совершенствуется и воля, когда истинное познаніе добра и зла становится для нея побудительною причиною дѣятельности. Относительно тѣла, наши обязанности заключаются въ сохраненіи жизни и здоровья, въ развитіи тѣлесныхъ способностей и въ пользованіи такими удовольствіями, которыя не влекутъ за собою страданій. И здѣсь, въ силу закона совершенства, всѣ тѣлесныя движенія и все, что принадлежитъ къ тѣлу, должно быть вполнѣ согласно одно съ другимъ, а также и съ общею цѣлью жизни. Наконецъ, человѣку нужно извѣстное имущество, какъ для удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній, такъ и для своего совершенствованія. Отсюда обязанности труда, бережливости и довольства своею судьбою, которое одно даетъ человѣку душевное спокойствіе. Къ внѣшнимъ преимуществамъ принадлежитъ и честь, то есть, доброе мнѣніе другихъ. И объ ней человѣкъ обязанъ заботиться, стараясь быть достойнымъ истиннаго уваженія. Но вообще, такъ какъ внѣшнія преимущества не зависятъ отъ человѣка и по существу своему измѣнчивы, то человѣкъ обязанъ не превозноситься въ счастіи и терпѣливо переносить несчастіе *).

За обязанностями къ себѣ слѣдуютъ обязанности къ Богу, какъ источнику всякаго совершенства. Бу-

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. часть II.

дучи обязанъ стремиться къ возможно полному познанію вещей, человѣкъ долженъ познавать Бога, какъ существо совершеннѣйшее. Живое же познаніе Бога, то есть, такое, которое дѣйствуетъ и на волю, ведетъ къ тому, что мы божественныя совершенства дѣлаемъ побудительными причинами своихъ поступковъ. Въ этомъ состоитъ почтеніе къ Богу, которое, слѣдовательно, составляетъ также обязанность человѣка. Устройство всей жизни сообразно съ богопочтеніемъ есть благочестіе, которое возвышаетъ всѣ добродѣтели, ибо мы черезъ это относимъ всѣ свои дѣйствія къ верховному совершенству. Поэтому, хотя атеистъ можетъ жить по естественному закону, однако добродѣтель его всегда остается на низшей ступени. Съ почтеніемъ къ Богу соединяется и любовь къ нему, ибо живое познаніе совершенства влечетъ за собою любовь. Поэтому человѣкъ обязанъ любить Бога. Наконецъ, изъ тѣхъ же началъ вытекаютъ страхъ Божій, надежда, благодарность и т. д. Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей составляетъ внутреннее богослуженіе, которое, выражаясь во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, служитъ основаніемъ богослуженія внѣшняго. Послѣднее поэтому принадлежилъ также къ обязанностямъ человѣка *).

Наконецъ, третій разрядъ обязанностей составляютъ обязанности къ ближнимъ. Онѣ вытекаютъ изъ общаго закона совершенства, который требуетъ, чтобы добро вообще, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, потому только, что оно добро, было побудительною причиною дѣйствій человѣка. Поэтому, мы должны стремиться къ совершенствованію другихъ, также

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. часть III.

какъ и самихъ себя. А такъ какъ совершенство ближнихъ состоитъ въ томъ же самомъ, въ чемъ и наше, то обязанности обоего рода одинаковы. Поэтому человѣкъ долженъ, по мѣрѣ силъ, помогать другимъ въ достиженіи совершенства *).

До сихъ поръ все въ изложеніи Вольфа идетъ вполнѣ послѣдовательно; но здѣсь онъ полагаетъ ограниченіе, которое существенно видоизмѣняетъ самое начало его теоріи. Онъ утверждаетъ, что мы не обязаны помогать другому въ томъ, что онъ можетъ сдѣлать собственными силами. Это выводится изъ того, что наибольшее совершенство достигается тамъ, гдѣ каждый дѣлаетъ все, что онъ въ состояніи исполнить, требуя помощи другихъ только въ случаѣ невозможности получить что-нибудь собственными средствами. Иначе, говоритъ Вольфъ, нѣкоторыя силы будутъ теряться, а другія отвлекаться отъ настоящаго своего назначенія, слѣдовательно, совершенство будетъ меньше. Точно также мы не обязаны помогать другому въ дѣлѣ, которое не состоитъ въ нашей власти. Поэтому, напримѣръ, слабосильный человѣкъ не обязанъ помогать другому, попавшему въ руки разбойниковъ, ибо онъ подвергъ бы только опасности собственную жизнь, не избавивъ другаго отъ бѣды **).

Эти ограниченія служатъ Вольфу средствомъ спасти самостоятельность личныхъ цѣлей человѣка, которыя иначе должны исчезнуть въ подчиненіи общему закону. Мы можемъ видѣть здѣсь коренной недостатокъ, свойственный всему этому направленію.

---

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. часть IV, гл. I. § 767, 768.
**) V. G. v. d. M. Th. u. L. часть IV, гл. I, § 769—772.

Нравственное начало, вытекающее изъ требованій разума, познающаго законъ или связь вещей, выводитъ человѣка изъ личной сферы и полагаетъ ему общія цѣли и стремленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ не перестаетъ быть отдѣльнымъ, самостоятельнымъ лицемъ; это — другая, личная сторона его жизни, на которой основано право, и которая составляетъ существенную часть его естества. Между тѣмъ, эта сторона теряетъ настоящее свое значеніе у тѣхъ философовъ, которые отправляются исключительно отъ нравственнаго элемента; чисто личныя требованія и стремленія не объясняются изъ ихъ системы. Поэтому, когда они стараются изъ своихъ началъ вывести противоположныя, они постоянно принуждены прибѣгать къ оговоркамъ, то ссылаясь на испорченность человѣческой природы, которая дѣлаетъ совершенство невозможнымъ, то вводя ограниченія, которыя не согласуются съ ихъ собственными основаніями. Послѣднее мы видимъ въ настоящемъ случаѣ у Вольфа. Съ нравственной точки зрѣнія, эти оговорки отнюдь не оправдываются. Нѣтъ сомнѣнія, что при взаимной помощи достигается высшее совершенство, нежели при одинокой дѣятельности человѣка; а такъ какъ мы должны всегда выбирать наилучшее, то обязанность помогать другимъ не ограничивается случаями необходимой нужды. Нѣтъ сомнѣнія также, что самопожертвованіе слабосильнаго человѣка, старающагося освободить другаго изъ рукъ разбойниковъ, стоитъ нравственно выше, нежели боязливое уклоненіе отъ подачи помощи. Еще менѣе можно согласиться съ Вольфомъ, когда онъ утверждаетъ, что человѣкъ, очень полезный обществу, обязанъ не

подвергать своей жизни опасности, подавая помощь другому *). Практическій, ограниченный педантизмъ Вольфа наивнымъ образомъ высказывается въ этихъ положеніяхъ, которыя не мѣшаютъ ему однакоже продолжать свои разсужденія въ совершенно иномъ строѣ.

Съ обязанностью помощи соединяется обязанность любви, которая состоитъ въ радости чужому счастію. Поставляя себѣ цѣлью общее добро и совершенство, мы должны радоваться чужому счастію, также какъ и своему. Поэтому мы обязаны любить ближнихъ, какъ самихъ себя; любовь же побуждаетъ насъ всѣми силами содѣйствовать чужому счастію. Такимъ образомъ, она представляетъ главный путь къ общему благоденствію. Еслибы всѣ люди любили другъ друга, то никто не имѣлъ бы ни въ чемъ недостатка. Отсюда ясно, что высшее блаженство, какого человѣкъ способенъ достигнуть на землѣ, можетъ быть только плодомъ любви **).

Дѣйствіе, противное обязанностямъ къ другимъ, есть *обида* (Beleidigung). Слѣдовательно, обидою, или оскорбленіемъ, называется всякій поступокъ, отъ котораго состояніе другаго дѣлается болѣе несовершеннымъ, — опредѣленіе, можно замѣтить, слишкомъ широкое. И здѣсь оказывается у Вольфа смѣшеніе разнородныхъ началъ, юридическихъ съ нравственными и утилитарными. Въ дѣйствительности, не всякое дѣйствіе, противное любви или наносящее другому вредъ, есть обида, а единственно то, которымъ нарушаются права личности. Нельзя, напри-

*) V. G. v. M. Th. u. L. § 773.

**) Тамъ же, § 774—777.

мѣръ, назвать обидою, когда мы побуждаемъ другаго предаваться излишней ѣдѣ и этимъ разстроиваемъ его желудокъ. Между тѣмъ, Вольфъ подобное дѣйствіе причисляетъ также къ обидамъ *).

Такъ какъ мы должны исполнять свои обязанности, то мы никого не должны оскорблять. Иначе, еслибы мы имѣли подобное право относительно другаго, то и другой имѣлъ бы такое же право въ отношеніи къ намъ. Если же по нашей винѣ произошелъ для ближняго вредъ, то мы обязаны вознаградить убытокъ. Слѣдовательно, мы можемъ и отъ другаго требовать вознагражденія причиненнаго намъ вреда. Однако, если подобное требованіе противорѣчитъ другимъ нашимъ обязанностямъ въ отношеніи къ ближнимъ, то мы должны простить обиду; напримѣръ, когда намъ случайно нанесенъ убытокъ бѣднымъ человѣкомъ, которому мы, по закону любви, обязаны помочь. Вольфъ замѣчаетъ при этомъ, что прощеніе есть благодѣяніе, а не долгъ; но изъ положенныхъ имъ началъ нельзя вывести такого различія **).

Отъ общей обязанности любви отличается особенная, которая связываетъ насъ съ друзьями, то есть, съ тѣми, которые взаимно насъ любятъ. Здѣсь обязанность становится тѣснѣе, вслѣдствіе благодарности за оказанныя благодѣянія или за желаніе дѣлать намъ добро ***). Друзьямъ противоположны враги, то есть, люди, которые насъ ненавидятъ. Изъ общей обязанности любви слѣдуетъ, что мы ни въ комъ не должны возбуждать къ себѣ вражды, а

---

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. часть IV., § 817, 818.

**) Тамъ же, § 820, 824—29.

***) Тамъ же, § 834.

если у насъ есть врагъ, то мы не должны увеличивать его вражду своими поступками. Поэтому, въ отношенiи къ врагамъ, мы обязаны воздерживаться отъ всякаго враждебнаго дѣйствiя. Отсюда рождается польза для насъ самихъ, ибо, чѣмъ болѣе врагъ насъ ненавидитъ, тѣмъ болѣе онъ старается намъ вредить. Изъ этого ясно, что мы не должны ненавидѣть враговъ и платить имъ зломъ за зло, а напротивъ, обязаны прощать обиды. Но кто прощаетъ обиды, тотъ относится къ врагу, какъ будто бы онъ его не оскорблялъ, то есть, какъ къ ближнему вообще, а такъ какъ мы ближнихъ должны любить, какъ самихъ себя, то мы и враговъ обязаны любить точно также. Подобное требованiе кажется тяжелымъ для людей, привыкшихъ слѣдовать своимъ влеченiямъ. Но мудрый, который видитъ общую связь истинъ, понимаетъ, что высшее совершенство добродѣтели состоитъ въ такомъ воздержанiи своихъ влеченiй, при которомъ мы самимъ врагамъ оказываемъ добро. Любить тѣхъ, которые насъ любятъ, не мудрено; гораздо выше любить тѣхъ, кто насъ ненавидитъ. А такъ какъ созерцанiе совершенства составляетъ высшее счастiе, то любовь къ врагамъ имѣетъ особенную сладость для разумнаго человѣка *).

Однако, изъ любви къ врагамъ не слѣдуетъ, что мы должны позволять имъ оскорблять себя. Это было бы противно обязанностямъ къ себѣ, въ силу которыхъ мы должны устранять отъ себя всякiй вредъ. При такомъ столкновенiи обязанностей, надобно соблюдать возможно большее согласiе съ об-

---

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. § 845—857.

щими правилами нравственности, а такъ какъ эти правила запрещаютъ обиды вообще, то мы удовлетворяемъ нравственности, защищаясь отъ обидъ. Притомъ, по естественному закону, никто не долженъ пренебрегать обязанностями къ себѣ, чтобъ отвратить отъ другаго зло, которому онъ хочетъ добровольно себя подвергнуть. А здѣсь обидчикъ самъ виноватъ въ томъ несчастіи, которое можетъ произойти для него отъ нашего дѣйствія *). Вольфъ простираетъ это правило такъ далеко, что даетъ каждому право употреблять всѣ возможныя средства для предупрежденія нападеній враговъ; мы можемъ даже лишить ихъ жизни, если того требуетъ наша собственная безопасность, которую мы обязаны охранять. Единственное ограниченіе, которое онъ полагаетъ, состоитъ въ томъ, что мы не должны употреблять сильныхъ средствъ, когда достаточно слабѣйшихъ**). Смѣшеніе правъ и обязанностей опять ведетъ здѣсь къ искаженію нравственности: то, что составляетъ послѣдствіе права, выдается за предписаніе нравственнаго закона.

Изъ права защиты и предупрежденія оскорбленій Вольфъ выводитъ право войны, которое такимъ образомъ совмѣщается у него съ общею обязанностью соблюдать миръ и воздерживаться отъ обидъ. И здѣсь, тѣ правила осторожности, которыми онъ постоянно ограничиваетъ нравственныя требованія, ведутъ къ тому, что онъ неизвѣстныхъ людей совѣтуетъ скорѣе считать врагами, нежели друзьями, объясняя только, что подобное правило не заклю-

---

**) Тамъ же, § 866. 7.

***) Тамъ же, § 873.

чаетъ въ себѣ ничего дурнаго, такъ какъ разумный человѣкъ долженъ любить своихъ враговъ *).

Въ связи съ обязанностями къ другимъ находятся и обязанности, касающіяся собственности **). Вольфъ, какъ и другіе представители нравственной школы, считаетъ общеніе имуществъ нравственнымъ идеаломъ для человѣчества. Еслибы всѣ любили другъ друга, какъ самихъ себя, то никто не бралъ бы себѣ болѣе того, что ему нужно, и всякій безвозмездно помогалъ бы другимъ. Такимъ образомъ, у разумныхъ людей имущество могло бы быть общее. Но такъ какъ въ дѣйствительности не всѣ добродѣтельны, а напротивъ, многіе увлекаются пороками, то общеніе имуществъ невозможно; оно повело бы только къ безпорядкамъ и къ взаимнымъ обидамъ. Если же состояніе человѣчества не дозволяетъ общенія, то необходимо установить собственность, а какъ скоро собственность установлена, ее слѣдуетъ уважать, и тотъ, кто ее нарушаетъ, наноситъ другому обиду***).

Такимъ образомъ, основаніе собственности выводится изъ испорченности человѣческой природы. Во имя нравственныхъ началъ, Вольфъ установляетъ здѣсь однако нѣкоторыя ограниченія. Собственность, по его теоріи, вводится для того, чтобы никто не имѣлъ недостатка въ предметахъ необходимыхъ для удовлетворенія нуждъ и для жизненныхъ удобствъ; слѣдовательно, никто не долженъ получать болѣе того, что потребно для этой цѣли, и если одинъ имѣетъ излишекъ, въ то время, какъ другой терпитъ недостатокъ, то подобное распредѣленіе несогласно

---

*) Тамъ же, § 884. 5.

**) V. G. v. d. M. Th. u. L. кн. IV, гл. 3.

***) Тамъ же, § 887—92.

съ справедливостью. На этомъ основанiи, Вольфъ утверждаетъ, что вещи, никому не принадлежащiя, могутъ быть усвоены только нуждающимися *). Затѣмъ, самое употребленiе усвоенныхъ предметовъ опредѣляется обязанностями человѣка къ себѣ и къ другимъ. Всякое употребленiе вещи, не основанное на обязанностяхъ, напримѣръ, трата денегъ на неумѣренную жизнь, есть злоупотребленiе, на которое намъ не дано права ни природою, ни Богомъ. А такъ какъ мы своимъ можемъ считать только то, что служитъ намъ для исполненiя обязанностей, то весь излишекъ мы должны признавать общимъ достоянiемъ, принадлежащимъ не только намъ, но и нуждающимся **).

Очевидно, что для вывода собственности нравственныя начала оказываются совершенно недостаточными. По своему обыкновенiю, Вольфъ, установивши правила, отрицающiя право собственности, немедленно ограничиваетъ ихъ оговоркою, что никто не обязанъ отдавать свое имущество другому иначе, какъ въ случаѣ нужды ***). Но подобное ограниченiе не придаетъ собственности болѣе твердыхъ основанiй, ибо огромное большинство человѣческаго рода не въ состоянiи собственными силами прiобрѣсти всѣхъ жизненныхъ удобствъ.

Изъ потребности взаимныхъ услугъ Вольфъ выводитъ обмѣнъ имуществъ, а вслѣдствiе того необходимость опредѣленiя ихъ цѣны. Отсюда возникаютъ различныя обязательства между людьми. Такъ какъ здѣсь опять является юридическое начало, то Вольфъ,

*) Тамъ же, § 898—900.
**) Тамъ же, § 902, 3.
***) V. G. v. d. M. Th. u. L. кн. IV, гл. 3, § 907.

въ изложеніи теоріи обязательствъ, постоянно прибѣгаетъ къ правиламъ осторожности, которыя онъ выводитъ изъ обязанности соблюдать собственную выгоду. Такъ напримѣръ, онъ утверждаетъ, что мы не должны давать взаймы иначе, какъ будучи увѣрены, что деньги будутъ намъ возвращены съ процентами, а если имущество должника намъ неизвѣстно, то мы должны брать залогъ. Точно также не слѣдуетъ поручаться за другаго, когда мы не увѣрены, что онъ въ состояніи заплатить, ибо мы этимъ можемъ нанести себѣ вредъ, а мы обязаны отстранять отъ себя всякій вредъ. Поэтому не должно и дарить другому болѣе, нежели мы можемъ удѣлить безъ ущерба собственному благосостоянію *).

Съ такими же ограниченіями излагается, наконецъ, и обязанность говорить правду, которая сопровождаетъ человѣческія обязательства. Ложь, по увѣренію Вольфа, запрещается только потому, что обманомъ наносится вредъ другому; если же утаеніе правды никому не причиняетъ вреда, а намъ приноситъ пользу, то это не ложь, а позволительное притворство. Говорить неправду можетъ даже иногда быть обязанностью человѣка, если этимъ устраняется зло **). Поэтому и обѣщанія свои мы должны держать только тогда, когда они согласны съ естественнымъ закономъ, то есть, съ добромъ. При этомъ, однако, можетъ возникнуть затрудненіе: что́ дѣлать, когда отъ исполненія обѣщанія можетъ причиниться вредъ намъ самимъ, а отъ неисполненія другому? Здѣсь, говоритъ Вольфъ, мы должны основательно разобрать, какое

---

*) Тамъ же, §§ 947, 953, 966.

**) Тамъ же, кн. IV, гл. 4, §§ 985, 987.

дѣйствіе болѣе согласно съ естественнымъ закономъ, и поступать сообразно съ полученнымъ результатомъ. Отсюда Вольфъ выводитъ, что при заключеніи договоровъ надобно соблюдать величайшую осторожность, замѣчая при этомъ, что хотя доброжелательство вообще есть добродѣтель, однако излишнее доброжелательство можетъ быть порокомъ, ибо мы этимъ наносимъ себѣ вредъ и тѣмъ нарушаемъ естественный законъ *).

Изъ всего этого разбора человѣческихъ обязанностей Вольфъ выводитъ общее правило, что хотя мы должны дѣлать другимъ какъ можно болѣе добра, однако благость, проистекающая изъ любви, должна руководствоваться мудростью, которая научаетъ насъ связывать всѣ свои поступки закономъ достаточнаго основанія, воздавая каждому то, что слѣдуетъ, и не забывая ни себя для другихъ, ни другихъ для себя. Благость, направляемая мудростью, и есть *правда*, которая воздаетъ каждому свое. Это высшая изъ всѣхъ добродѣтелей. Тамъ, гдѣ господствуетъ одна любовь, многое совершается не такъ, какъ слѣдуетъ: съ одной стороны, нерѣдко дается лишнее, съ другой стороны, опускается то, что нужно. Но гдѣ къ любви присоединяется мудрость, тамъ каждый поступокъ имѣетъ достаточное основаніе, и все идетъ къ высшему совершенству **).

Это опредѣленіе правды было дано еще Лейбницемъ; но у Вольфа оно получаетъ особенное значеніе, которымъ характеризуется отличіе его точки зрѣнія отъ той, на которой стоялъ его предше-

---

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. кн. IV, гл. 4, §§ 1004, 6, 14, 15.
**) Тамъ же, §§ 1022—24.

ственникъ. Поставивъ себѣ задачею свести въ общую систему всю совокупность нравственныхъ отношенiй человѣка, Вольфъ хотѣлъ уравновѣсить обязанности къ другимъ обязанностями къ себѣ; это онъ и выразилъ въ началѣ правды. Но эта попытка, какъ мы видимъ, повела только къ довольно безобразному сочетанiю высшихъ требованiй любви съ правилами самой обыкновенной житейской мудрости. Въ основанiи лежала вѣрная мысль, что высшее совершенство жизни состоитъ въ сочетанiи двухъ разныхъ элементовъ: личнаго съ общимъ, права съ обязанностью; но стоя исключительно на точкѣ зрѣнiя нравственности, Вольфъ переводилъ все, что относится къ праву, въ разрядъ обязанностей. Отсюда проистекали у него самыя странныя столкновенiя человѣческихъ обязанностей; отсюда безпрерывные скачки отъ высокаго къ смѣшному, отъ философской мысли къ самой ограниченной житейской пошлости. Наивность, съ которою все это высказывалось, конечно, коренилась въ самыхъ свойствахъ его ума, но источникъ противорѣчащихъ воззрѣнiй заключался въ односторонности системы.

На нравственныхъ обязанностяхъ человѣка Вольфъ строитъ и свое ученiе объ обществѣ. Такъ какъ дѣятельность на пользу другихъ и совершенствованiе своего собственнаго состоянiя невозможны безъ общежитiя, то человѣкъ обязанъ соединяться съ другими для взаимной пользы. Такое соединенiе называется обществомъ, которое поэтому ничто иное, какъ договоръ нѣсколькихъ лицъ о достиженiи своей пользы совокупными силами. Общая польза, или общественное благо, составляетъ, слѣдовательно, цѣль всякаго общежитiя; она заключается въ безпрепятственномъ

стремленіи всѣхъ къ большему и большему совершенству. Соединенныя такимъ образомъ лица, имѣя общій интересъ, образуютъ какъ бы одно лице. Поэтому члены общества обязаны не вредить другъ другу, и тотъ, кто преступаетъ это правило, долженъ быть принужденъ другими къ исполненію своихъ обязанностей. Въ противномъ случаѣ, лице, которому нанесенъ вредъ, имѣетъ право выдти изъ общества, ибо тутъ нарушается та цѣль, для которой онъ соединился съ другими. Точно также никто не обязанъ оставаться въ обществѣ, которое по самому существу своему неправомѣрно, ибо никто не обязанъ соблюдать договоры противные естественному закону. Наконецъ, всякій имѣетъ право выступить изъ общества, когда онъ можетъ сдѣлать это безъ ущерба своимъ сочленамъ. Но пока онъ остается въ союзѣ съ другими, человѣкъ обязанъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ имѣть въ виду общественное благо. Такимъ образомъ, основное правило всякаго общежитія будетъ слѣдующее: *дѣлай то, что содѣйствуетъ общественному благу, и не дѣлай того, что ему противорѣчитъ*. Поэтому, въ случаѣ столкновенія общаго блага съ частнымъ, первому должно быть дано предпочтеніе *).

Общества могутъ быть простыя и сложныя. Первыя составляются изъ отдѣльныхъ лицъ, вторыя изъ меньшихъ обществъ. Къ первому разряду принадлежитъ прежде всего союзъ супружескій. Человѣкъ обязанъ заботиться о продолженіи своего рода. Сама природа вложила въ него естественное къ тому стремленіе. Поэтому человѣкъ обязанъ вступать въ

---

*) V. G. v. d. gesel. Leb. d. Mensch. часть I, гл. 1.

бракъ, въ виду пріобрѣтенія потомства. А такъ какъ рожденіе дѣтей влечетъ за собою ихъ воспитаніе, то союзъ родителей долженъ быть самый тѣсный и долговѣчный. Между ними установляется общеніе всей жизни, до окончательнаго воспитанія дѣтей. Такимъ образомъ, разумъ требуетъ, чтобы супружескій союзъ не расторгался до самой смерти. Притомъ, такъ какъ для подобнаго сожительства нужно постоянное согласіе, то здѣсь умѣстно только сочетаніе единаго мужа съ единою женою. Обязанности супруговъ заключаются во взаимной помощи и любви; относительно воспитанія дѣтей, они составляютъ какъ бы одно лице. Но такъ какъ во всякомъ обществѣ необходимо господство единой воли, то и здѣсь, по естественному закону, указывать долженъ тотъ, у кого болѣе разума, а другой обязанъ повиноваться. Въ дѣйствительности, однако, подобное правило легко можетъ породить столкновенія, ибо часто невозможно опредѣлить, кто умнѣе. А такъ какъ большею частью мужчина бываетъ разумнѣе женщины, то разумъ требуетъ, чтобы власть дана была мужу, который обязанъ однако слушать умнаго совѣта жены. Съ своей стороны, жена должна повиноваться, пока мужъ не требуетъ ничего несправедливаго. Этимъ путемъ въ супружескомъ союзѣ установляются миръ и согласіе, первыя условія взаимнаго счастія*).

Изъ отношенія родителей къ дѣтямъ образуется второе естественное общество — отеческое. Такъ какъ дѣти не въ состояніи сами о себѣ заботиться и управлять собою, то они въ правѣ ожидать отъ дру-

---

*) V. G. v. d. g. Leb. d. M., часть I, гл. 2.

гихъ помощи и руководства. Эта обязанность ни на комъ не лежитъ ближе, чѣмъ на родителяхъ, которые поэтому должны доставлять дѣтямъ всѣ средства къ совершенствованію и направлять всѣ ихъ дѣйствія къ этой цѣли. Въ этомъ состоитъ забота и управленіе. Возникающее отсюда право называется *отеческою властью.* Оно принадлежитъ обоимъ родителямъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока дѣти становятся взрослыми. Съ своей стороны, дѣти обязаны родителямъ повиновеніемъ во всемъ, что справедливо, или что не противорѣчитъ естественному закону. Кромѣ того, за оказанныя имъ благодѣянія они должны платить родителямъ благодарностью и любовью и стараться дѣлать все, что требуется для ихъ пользы. Любовь и благодарность, будучи постоянными обязанностями человѣка въ отношеніи къ другимъ, должны продолжаться въ теченіи всей жизни; повиновеніе же прекращается съ совершеннолѣтіемъ *).

Третье простое общество есть общество господское. Оно образуется вслѣдствіе того, что человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, вступаетъ въ услуженіе къ другому. Отсюда взаимныя отношенія, изъ которыхъ возникаютъ обязанности обѣихъ сторонъ. Слуга долженъ усердно исполнять все то, къ чему онъ обязался, и слушаться въ этихъ предѣлахъ приказаній господина, а послѣдній, съ своей стороны, обязанъ не удерживать мзды и не требовать отъ слуги бо̀льшаго, нежели слѣдуетъ. Сверхъ того, какъ послѣдствія общихъ нравственныхъ обязанностей человѣка, здѣсь рождаются ближайшая обязанность

---

*) V. G. v. d. g. L. d. M., ч. I, гл. 3.

господина заботиться о благѣ слуги, и обязанность слуги радѣть о пользѣ господина.

Кромѣ свободныхъ слугъ существуютъ и рабы, которые составляютъ собственность господина. Рабство даетъ послѣднему бо́льшую власть надъ подчиненными, но не уничтожаетъ нравственныхъ его обязанностей, которыя остаются тѣже, что и въ отношеніи къ свободнымъ слугамъ. Можно ли однако считать рабство правомѣрнымъ? Такъ какъ всякій обязанъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать счастью другаго, а рабство мѣшаетъ счастью, то ясно, что не должно человѣка дѣлать рабомъ. Однако, такъ какъ есть люди, которые по своему характеру требуютъ строгаго обхожденія, а между тѣмъ, оставаясь на свободѣ, они не подчиняются власти, то нельзя назвать несправедливымъ временное обращеніе ихъ въ рабство, для собственной ихъ пользы. Вольфъ замѣчаетъ при этомъ, что о рабствѣ нечего распространяться, такъ какъ оно не существуетъ у европейскихъ народовъ *).

Изъ трехъ означенныхъ обществъ, различными путями, образуется сложный союзъ, который называется домомъ. Здѣсь владычествуетъ домохозяинъ; жена же, въ качествѣ хозяйки, господствуетъ надъ домочадцами, но права ея ограничиваются властью мужа, которому она подчинена. Она является здѣсь преимущественно совѣтницею. Обязанность хозяина заключается въ томъ, чтобы его домъ достигалъ возможно большаго совершенства, то есть, чтобы все въ немъ шло согласно, и одно другому бы не препятствовало. Поэтому, онъ долженъ завести въ

---

*) V. G. v. d. g. L. d. M., ч. I, гл. 4.

домѣ строгій порядокъ и блюсти, чтобы всѣ держались этого порядка. И здѣсь, общимъ правиломъ должно быть благо всего дома, которому должна подчиняться польза членовъ *).

Домашній союзъ не въ состояніи однако удовлетворить всѣмъ требованіямъ общежитія. Совершенство жизни влечетъ за собою многообразныя занятія, которыя должны распредѣляться между гораздо болѣе значительнымъ количествомъ людей, нежели сколько можетъ вмѣщать въ себѣ отдѣльный домъ. Кромѣ того, необходимо и огражденіе отъ внѣшнихъ нападеній; между тѣмъ, отдѣльный домъ самъ себя защищать не въ состояніи. Поэтому дома соединяются въ болѣе обширный союзъ, который называется государствомъ. Итакъ, государство есть общество, состоящее изъ столькихъ домовъ, сколько нужно для общаго благосостоянія и безопасности. Отсюда общій законъ, который служитъ мѣриломъ всего, что касается до политическаго союза: «дѣлай то, что способствуетъ общему благосостоянію и охраняетъ общественную безопасность, и избѣгай того, что противорѣчитъ тому и другому». Государство, какъ и всякое другое общество, имѣетъ право употреблять всѣ нужныя средства, чтобы каждый его членъ исполнялъ свои обязанности, и никто не ставилъ бы своей частной пользы выше общественной. Такой союзъ образуетъ единое лице, которое относительно другихъ государствъ имѣетъ тѣже обязанности, какъ отдѣльныя лица относительно другъ друга.

Цѣлью государства опредѣляется его устройство. Совершеннѣйшимъ устройствомъ будетъ то, кото-

---

*) Тамъ же, гл. 5.

рымъ лучше всего охраняются общественное благосостояніе и безопасность, то есть, то, въ которомъ люди могутъ жить счастливѣйшимъ образомъ. А такъ какъ совершенство состоитъ въ согласіи разнообразнаго, то всѣ государственныя учрежденія должны быть направлены къ этой цѣли.

Противъ этого могутъ возразить, что совершенство есть невозможный идеалъ, къ которому стремиться напрасно. Но 1) совершенство тогда только можетъ быть названо невозможнымъ, когда оно заключаетъ въ себѣ противорѣчащія или невозможныя условія; совершенство же сообразное съ человѣческой природою не представляетъ ничего недостижимаго. 2) Если мы даже не въ состояніи достигнуть высшаго идеала, то мы все-таки должны имѣть о немъ понятіе, чтобы знать, что̀ именно желательно и къ чему мы должны стремиться. Отсюда ясно, что основаніемъ политики должно быть познаніе естественнаго закона и требованій нравственности *).

Такимъ образомъ, по ученію Вольфа, вся дѣятельность государства опредѣляется нравственными цѣлями человѣка. Очевидно, что подобное воззрѣніе должно было вести къ полному смѣшенію юридическихъ и нравственныхъ началъ. Все, что можетъ служить человѣческому совершенству, становится цѣлью политики. Государство должно, съ одной стороны, всѣми средствами заставлять каждаго гражданина исполнять свои нравственныя обязанности, а съ другой стороны, оно должно устранять всякое нарушеніе этихъ обязанностей. Поэтому, говоритъ Вольфъ, чтобы знать, каковы должны быть государ-

---

*) V. G. v. d. g. L. d. M. часть II, гл. 1.

ственныя установленія, необходимо пересмотрѣть всѣ обязанности человѣка. Изъ нихъ можно видѣть, въ чемъ заключается общественное благосостояніе и какими дѣйствіями оно можетъ быть нарушено.

Первое условіе благосостоянія состоитъ въ достаточномъ количествѣ народонаселенія. Оно можетъ быть слишкомъ велико, если не всѣмъ достаетъ пропитанія, слишкомъ мало, если земля можетъ прокормить большее количество людей, или если государство слишкомъ слабо для защиты. Этимъ опредѣляются задачи политики въ этомъ вопросѣ. Тамъ, гдѣ нужно увеличить населеніе, надобно заботиться о томъ, чтобы подданные рано вступали въ бракъ и тщательно воспитывали своихъ дѣтей. Надобно привлекать чужестранцевъ и не позволять подданнымъ выселяться изъ государства; а такъ какъ люди привлекаются и удерживаются удобствами жизни, то нужно заботиться о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо жить. Съ другой стороны, такъ какъ народонаселеніе не должно превышать средствъ пропитанія, то слѣдуетъ пещись о томъ, чтобы не было недостатка въ вещахъ необходимыхъ для жизни. Поэтому, государство должно каждому доставлять работу и опредѣлять величину заработной платы, такъ чтобы всякій могъ содержать себя своимъ трудомъ. Но всѣ не могутъ имѣть достаточно работы, если въ извѣстномъ состояніи, напримѣръ въ какомъ-нибудь ремеслѣ, болѣе людей, нежели нужно. Поэтому необходимо опредѣлить, смотря по обстоятельствамъ, количество людей въ каждомъ состояніи. А такъ какъ, съ другой стороны, всякій обязанъ работать по мѣрѣ силъ, то надобно устранять всѣ поводы къ праздности и къ безполезному расточенію имущества.

Затѣмъ, человѣкъ обязанъ стремиться къ познанію того, что ему нужно въ жизни, и особенно къ познанію добра и зла. Отсюда обязанность государства устроивать школы и академіи, назначать въ нихъ хорошихъ учителей, доставлять послѣднимъ приличное содержаніе и положеніе въ обществѣ, заботиться объ успѣшномъ ходѣ занятій и устранять отъ школъ тѣхъ, которые не имѣютъ средствъ, охоты или способности учиться. Далѣе, такъ какъ человѣкъ обязанъ стремиться къ добру, то государство должно имѣть попеченіе о томъ, чтобы подданные были добродѣтельны. Для этого необходимы прежде всего хорошее нравственное преподаваніе и полезныя книги. Надобно по возможности искоренить пороки ученіемъ, примѣромъ, устраненіемъ поводовъ къ соблазну. Такъ какъ познаніе Бога и поклоненіе ему служатъ самыми надежными побужденіями къ добродѣтели, то надобно заботиться о религіозномъ воспитаніи народа, строить церкви и установлять праздничные дни, свободные отъ житейскихъ заботъ. Наконецъ, нравственному совершенствованію народа содѣйствуютъ театральныя представленія, которыя производятъ на душу болѣе сильное дѣйствіе, нежели книги; поэтому забота правительства должна быть обращена и на этотъ предметъ.

Къ числу важнѣйшихъ обязанностей государства относится предупрежденіе и устраненіе всякихъ взаимныхъ обидъ между членами союза. Государство должно наблюдать, чтобы обязательства исполнялись, какъ слѣдуетъ. Для предупрежденія обмана въ куплѣ и продажѣ, надобно установить изслѣдованіе качества всѣхъ товаровъ и опредѣлять цѣну каждаго.

Съ тою же цѣлью должна быть опредѣлена и величина роста, а съ другой стороны, надобно смотрѣть, чтобы не было въ государствѣ людей, которые жили бы одними процентами съ своихъ капиталовъ, безъ всякой работы. Если, не смотря на естественные и гражданскіе законы, происходитъ нарушеніе права, то государство должно оказывать помощь обиженному или прибѣгать къ наказанію. Помощь нужна тамъ, гдѣ одинъ членъ союза отказывается исполнять свои обязательства въ отношеніи къ другому; наказаніе же прилагается тамъ, гдѣ обида уже нанесена. Наконецъ, государство можетъ дѣйствовать и наградами, которыя служатъ побужденіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда принудительныя средства были неумѣстны.

Наказанія должны быть соразмѣрны съ величиною обиды или вреда. Они служатъ не только средствомъ для исправленія преступниковъ, но и примѣромъ для остальныхъ. Этимъ общественныя наказанія отличаются отъ домашнихъ, которыя имѣютъ въ виду только первую цѣль. Наказаніе не можетъ, впрочемъ, сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ; оно способно только удержать его отъ зла. Поэтому здѣсь дѣло идетъ лишь о внѣшней дисциплинѣ. Это единственное, что можетъ имѣть въ виду гражданскій законъ, въ отличіе отъ естественнаго, который простирается и на внутренній міръ человѣка. Оттого говорятъ, что мысли не подлежатъ наказанію. Поэтому не подлежатъ наказанію и простыя заблужденія. Вообще, наказывать слѣдуетъ только то, что противорѣчитъ государственной цѣли, то есть, общественному благосостоянію и безопасности. Но изъ этого ясно, что можно наказывать, если не самыя

мнѣнія, то распространеніе заблужденій вредныхъ для общества. Не должно поэтому терпѣть въ обществѣ атеистовъ, когда они явно высказываютъ свой образъ мыслей. Ибо, хотя безбожіе само по себѣ не ведетъ къ дурной жизни, однако это справедливо только относительно разумныхъ людей. Большинство же людей неразумно; они сдерживаются преимущественно страхомъ Бога и наказаній въ будущей жизни, а потому для нихъ атеизмъ представляетъ опасный соблазнъ.

Говоря о наказаніяхъ, Вольфъ оправдываетъ и употребленіе пытки, когда общественное благо непремѣнно требуетъ наказанія извѣстнаго преступленія, а нѣтъ другаго средства открыть виновнаго. Онъ совѣтуетъ только прилагать ее съ большою осторожностью и лишь въ крайнихъ случаяхъ. Далѣе, входя въ подробности на счетъ образа жизни подданныхъ, онъ возлагаетъ на государство обязанность заботиться не только о томъ, чтобы каждый имѣлъ за сходную цѣну то, что ему нужно для пищи и одежды, но и о томъ, чтобы каждый въ пищѣ и одеждѣ сообразовался съ своимъ состояніемъ и съ общественнымъ своимъ положеніемъ. Вольфъ приписываетъ государству даже попеченіе объ удовольствіи всѣхъ пяти чувствъ, ибо все это необходимо для совершенства человѣка. Однимъ словомъ, во имя нравственнаго совершенства, рука правительства простирается на все; для личной свободы не остается почти мѣста *).

Всѣ эти постановленія гражданскаго закона слу-

*) О государственномъ устройствѣ см. вообще Ver. Ged. v. d. gesell. L. d. M. часть II, гл. 3.

жать впрочемъ только подкрѣпленіемъ требованій закона естественнаго, который охраняется государствомъ, потому что самъ по себѣ онъ недостаточенъ для неразумныхъ людей. Если иногда и допускаются отступленія отъ естественнаго закона, то это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда точное исполненіе послѣдняго могло бы повести къ спорамъ и замѣшательствамъ. Тутъ необходимо примириться съ нѣкоторымъ зломъ для избѣжанія зла бо̀льшаго. Кромѣ того, гражданскими постановленіями иногда упрощаются предписанія естественнаго закона. Но эти отступленія всегда должны имѣть характеръ дозволенія, а никогда предписанія: гражданскій законъ можетъ оставлять безнаказанными нарушенія естественнаго закона, но онъ никогда не можетъ предписать подобнаго нарушенія, ибо въ такомъ случаѣ законъ былъ бы несправедливъ, слѣдовательно, не долженъ бы былъ исполняться. Отсюда ясно, что гражданскіе законы имѣютъ менѣе полноты и совершенства, нежели законы естественные *).

Этими началами опредѣляются и границы власти правительства, стоящаго во главѣ государства. Оно установляется собственно для исполненія естественнаго закона, а потому не можетъ предписать ничего, что бы ему противорѣчило. Еслибы оно дало подобное приказаніе, то подданные не обязаны повиноваться, развѣ когда неповиновеніе можетъ принести имъ болѣе вреда, нежели повиновеніе. Напримѣръ, говоритъ Вольфъ, еслибы правительство взимало небольшую подать на содержаніе комедіантовъ, производящихъ соблазнъ, то это, конечно,

---

*) V. G. v. d. g. L. d. M. часть II, гл. 4.

было бы безнравственно; но такъ какъ неповиновеніе навлекло бы на подданныхъ еще большее зло, а вина лежитъ здѣсь на правительствѣ, которое дѣйствуетъ помимо воли гражданъ, то лучше повиноваться. Напротивъ, подданные обязаны неповиноваться, когда правительство предписываетъ имъ самимъ сдѣлать что-либо противное совѣсти и религіи *).

Установленіе правительствъ Вольфъ, также какъ и его предшественники, основываетъ на договорѣ, въ силу котораго правители обязываются всѣми средствами содѣйствовать общественному благосостоянію и безопасности, а подданные, съ своей стороны, обязываются повиноваться. Такой договоръ правомѣренъ, ибо онъ имѣетъ въ виду исполненіе естественнаго закона и предупрежденіе всякаго его нарушенія **).

Что касается до самаго устройства власти, то оно можетъ быть различно. Вольфъ принимаетъ Аристотелево раздѣленіе образовъ правленія на монархію, аристократію и политію, которыя извращаются въ тираннію, олигархію и демократію. Кромѣ того, могутъ быть и смѣшанныя формы, образующіяся изъ сочетанія простыхъ. Преимущества и недостатки каждаго изъ этихъ видовъ опредѣляются способностью его къ достиженію государственной цѣли, ибо само правительство ничто иное, какъ средство для осуществленія этой цѣли. А потому, для разрѣшенія этого вопроса, надобно прежде всего знать: чтó требуется въ этомъ отношеніи отъ правителей?

---

*) Тамъ же, гл. 5, § 433—434.

**) Тамъ же, гл. 2, §§ 230, 231.

Необходимыя въ правительствѣ качества суть разумъ и добродѣтель, которые непремѣнно должны быть связаны другъ съ другомъ. Къ этому должна присоединяться искренняя любовь къ подданнымъ, ибо правительство обязано заботиться объ ихъ счастіи, которое неразлучно съ совершенствомъ. Отсюда ясно, что тамъ, гдѣ эти качества соединяются въ князѣ, возможна монархія, и что напротивъ, при отсутствіи ихъ, монархія превращается въ тираннію. При этомъ Вольфъ замѣчаетъ, что не всякое отклоненіе отъ нравственныхъ требованій даетъ право считать монархію за тираннію: полное совершенство не принадлежитъ человѣку, а потому здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду только большинство случаевъ. Еще въ большей мѣрѣ возможно соединеніе разума, добродѣтели и любви къ подданнымъ въ аристократіи, составленной изъ лучшихъ людей, ибо здѣсь эти качества, распредѣляясь между многими, восполняются одно другимъ. Но если они распредѣлены такъ, что они другъ друга не восполняютъ и не уравновѣшиваютъ, то аристократія превращается въ олигархію. Наконецъ, возможенъ и выборъ лучшихъ людей изъ всѣхъ состояній; этимъ способомъ образуется политія. Когда же вся чернь призывается къ правленію, то установляется демократія, ибо простолюдинъ не имѣетъ довольно разума, чтобы судить о государственныхъ дѣлахъ, и не довольно твердъ въ добродѣтели, чтобы предпочитать общую пользу частной. Что касается до смѣшанныхъ формъ, то къ нимъ прилагаются тѣже начала. Главное правило то, чтобы часть, которая преимущественно держитъ власть, не могла злоупотреблять своими правами.

Обсуждая свойства различныхъ образовъ правле-

нія, Вольфъ замѣчаетъ, что политія приходится народамъ образованнымъ, у которыхъ процвѣтаютъ мудрость и добродѣтель. Этого намека, говоритъ онъ, достаточно, для того, чтобы каждый могъ судить, какая политическая форма пригодна тому или другому народу. Столь осторожная уклончивость не мѣшаетъ ему, однако, разбирать выгоды и недостатки различныхъ образовъ правленія. Преимуществомъ монархіи онъ признаетъ то, что въ ней возможны быстрое рѣшеніе и тайное веденіе дѣлъ. Поэтому ей должно быть дано предпочтеніе въ случаѣ войны и въ другихъ обстоятельствахъ, гдѣ промедленіе вредно и требуется тайна. Недостатокъ же ея состоитъ въ томъ, что отдѣльное лице болѣе подвержено страстямъ и заблужденіямъ, нежели цѣлое собраніе. Съ своей стороны, аристократія имѣетъ то преимущество, что здѣсь легче воздерживаются вредныя для общества стремленія, но зато въ ней возникаютъ партіи, которыя могутъ противодѣйствовать другъ другу и въ благихъ начинаніяхъ. Раздоры ихъ порождаютъ въ государствѣ смуты и безпокойства, чего нельзя опасаться въ монархіи. Когда же вельможи сохраняютъ между собою согласіе, то и это бываетъ въ ущербъ народу, если они имѣютъ въ виду свою собственную, а не общественную пользу. Этого послѣдняго недостатка, общаго монархіи и аристократіи, не имѣетъ политія: тамъ, гдѣ всѣ участвуютъ въ правленіи, частная польза не можетъ противорѣчить общественной. Но съ другой стороны, такъ какъ большинство людей неразумно, то тутъ скорѣе всего могутъ быть приняты вредныя для государства рѣшенія. Нерѣдко даже, вслѣдствіе неразлучнаго съ неразуміемъ упорства,

трудно бываетъ придти къ какому-нибудь соглашенію. Наконецъ, здѣсь еще болѣе, нежели въ аристократіи, можетъ возгорѣться гибельная вражда партій; внутреннія безпокойства нигдѣ не возникаютъ такъ легко, какъ въ политіи *).

Выше всѣхъ чистыхъ формъ Вольфъ ставитъ правленія смѣшанныя, или ограниченныя законами. Онъ подробно распространяется объ ихъ устройствѣ. Существенный характеръ ихъ заключается въ томъ, что въ нихъ установляются извѣстныя правила, отъ которыхъ правители не могутъ отступать. Эти правила опредѣляются первоначальнымъ договоромъ, по которому правительство получаетъ власть отъ народа. А такъ какъ, по естественному закону, правители обязаны соблюдать договоры, то эти правила составляютъ для нихъ законъ. Поэтому они называются *основными законами* государства.

Однако, одного даннаго правителями обѣщанія недостаточно, чтобы заставить ихъ соблюдать основные законы; нужно болѣе крѣпкое ручательство. Нерѣдко договоръ утверждается присягою; но и этого мало. Правители не всегда достаточно разумны, чтобы по одному внутреннему побужденію исполнять свои обязательства. Поэтому, единственное надежное ручательство въ соблюденіи договора заключается въ возможности принужденія, а для этого необходимо ограниченіе власти правителей собраніемъ чиновъ. Основные законы должны опредѣлить случаи, когда правительство не можетъ дѣйствовать по усмотрѣнію, а требуется согласіе чиновъ государства. Главнымъ образомъ, оно нужно для взиманія пода-

*) V. G. v. d. g. L. d. M. часть II, гл. 2.

тей, отъ чего зависитъ все государственное управленіе. Кромѣ того, войско должно быть подчинено начальнику, обязанному повиноваться единственно приказаніямъ согласнымъ съ основными законами; ибо, еслибы правитель могъ самовластно распоряжаться войскомъ, то онъ всегда имѣлъ бы возможность безнаказанно нарушать основные законы. Когда же правитель не можетъ получить денегъ безъ согласія чиновъ и не имѣетъ арміи въ своемъ полномъ распоряженіи, то этимъ самымъ ограничивается и право его начинать войну и заключать миръ. Наконецъ, чтобы должности не замѣщались неспособными лицами, по протекціи, надобно дать коллегіямъ право представлять кандидатовъ къ различнымъ ваканціямъ.

Всѣ эти ограниченія, говоритъ Вольфъ, нисколько не умаляютъ значенія власти, ибо разумный человѣкъ самъ ограничиваетъ себя такъ, чтобы отъ его дѣйствій не могло произойти вреда для общества. Даже всемогущій Богъ ограничиваетъ себя своею мудростью. Въ самодержавномъ правленіи, хотя монархъ не имѣетъ надъ собою высшаго, кромѣ Бога, однако и онъ долженъ руководиться требованіями общаго благосостоянія и безопасности; иначе онъ становится тираномъ. Поэтому устройство, въ которомъ власть принуждена всегда дѣйствовать сообразно съ мудростью, можетъ служить только къ большей славѣ правительства. Вольфъ замѣчаетъ впрочемъ, что онъ хотѣлъ только указать на различіе неограниченнаго правленія и ограниченнаго, не имѣя въ виду разбирать преимущества того или другаго, и еще менѣе утверждать, что означенныя ограниченія должны быть установлены вездѣ *).

*) V. G. v. d. g. L. d. M. часть II, гл. 5.

Не смотря однако на эту оговорку, очевидно, что Вольфъ изъ всѣхъ политическихъ формъ давалъ предпочтеніе правленію, ограниченному основными законами. Это вытекало изъ самаго существа нравственнаго ученія, которое выше всего ставитъ начало закона и подчиняетъ ему личную волю человѣка. Но одинъ законъ не въ силахъ сдерживать власть; послѣдняя можетъ быть ограничена только призваніемъ самихъ гражданъ къ участію въ правленіи, то есть, политическою свободою. Оказывается, слѣдовательно, необходимость прибѣгнуть къ началу свободы и связать его съ нравственными обязанностями человѣка. Въ изложенномъ выше ученіи Вольфа это начало является только въ государственномъ устройствѣ; въ основныхъ же положеніяхъ, на которыхъ строится вся система, объ немъ нѣтъ рѣчи. Естественная свобода человѣка упоминается здѣсь только въ видѣ намековъ, которые остаются безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. На этомъ, очевидно, нельзя было остановиться. Чтобы связать всѣ элементы нравственнаго порядка въ одно систематическое цѣлое, на основаніи закона совершенства, надобно было ввести въ эту систему начала свободы и права, безъ которыхъ совершенство недостижимо. Это именно Вольфъ и старался сдѣлать въ двухъ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, въ *Естественномъ правѣ* и въ *Установленіяхъ права естественнаго и общенароднаго*. Послѣднее содержитъ въ себѣ всю сущность его взглядовъ, а потому можетъ служить достаточнымъ указаніемъ на ходъ его мысли *).

*) Въ *Естественномъ правѣ* Вольфъ прямо говоритъ, что къ ученію объ обязанностяхъ надобно присоединить ученіе о правахъ: Quoniam in jure naturae non modo obligationes, verum etiam jura

И здѣсь Вольфъ отправляется отъ понятія о совершенствѣ, какъ согласіи въ разнообразіи, но оно опредѣляется ближайшимъ образомъ отношеніемъ къ конечной цѣли. Согласіемъ называется стремленіе всѣхъ частей къ единой цѣли. Такъ напримѣръ, совершенство часовъ состоитъ въ способности ихъ точно показывать время. Разногласіе, напротивъ, есть противорѣчіе въ стремленіи къ общей цѣли. Такъ напримѣръ, глазъ несовершенъ, если въ устройствѣ его есть что-либо мѣшающее ясному зрѣнію. Совершенство называется существеннымъ, если оно состоитъ въ согласіи существенныхъ опредѣленій предмета, которыми онъ постигается, какъ бытіе извѣстнаго рода; случайнымъ, если согласуются случайныя опредѣленія съ существенными. А такъ какъ дѣйствія, вытекающія изъ свободы, принадлежатъ къ случайнымъ опредѣленіямъ человѣка, а напротивъ, тѣ, которыя вытекаютъ изъ самой его природы, относятся къ опредѣленіямъ существеннымъ, то ясно, что тѣ свободныя дѣйствія, которыя опредѣляются одинакими конечными цѣлями съ дѣйствіями естественными, ведутъ къ совершенству человѣка, а потому называются добрыми, и наоборотъ. Поэтому, правымъ дѣйствіемъ называется то, въ которомъ усматривается согласное употребленіе всѣхъ силъ и способностей, составляющихъ существо человѣка, именно, разума, воли и движущей силы *).

Нельзя здѣсь не замѣтить, что понятіе о совершенствѣ выводитъ нравственное ученіе изъ предѣ-

---

doceri debent... officia unam tantummodo partem Juris Naturae constituunt, nec cum juribus confundenda sunt, cum dispar sit officiorum et jurium ratio (часть I, гл. 1, § 58).

*) Instit. Jur. Nat. et Gent. часть I, гл. 1, §§ 9—12, 16, 17.

ловъ чисто нравственныхъ началъ, ибо, если нужно согласіе всѣхъ силъ и способностей, то необходимо и удовлетвореніе физической природы, какъ самостоятельнаго элемента жизни. Вольфъ дѣлаетъ тутъ, впрочемъ, оговорку. Доказывая, что человѣкъ долженъ сообразовать свои дѣйствія съ своею природою, онъ прибавляетъ: *какъ разумнаго существа*. Поэтому, нравственно невозможнымъ называется то, что противорѣчитъ разумной природѣ человѣка, нравственно возможнымъ то, что съ нею согласно, наконецъ, нравственно необходимымъ то, что противоположно нравственно невозможному. Послѣднее и есть *обязанность* *).

Изъ присущаго совершенству начала конечной цѣли непосредственно вытекаетъ сочетаніе обязанностей къ себѣ съ обязанностями къ другимъ. Люди, по ограниченности своей природы, не могутъ совершенствовать себя и свое состояніе иначе, какъ совокупными силами; слѣдовательно, они обязаны содѣйствовать чужому совершенству, насколько это совмѣстно съ обязанностями къ себѣ **).

Съ другой стороны, съ обязанностью соединяется и право. Каждый долженъ имѣть свободу дѣлать все, что необходимо для исполненія обязанности. Слѣдовательно, законная свобода человѣка простирается настолько, насколько требуется его обязанностями. Эта нравственная способность, или свобода дѣйствовать называется *правомъ*. Такимъ образомъ, право вытекаетъ изъ обязанности, и еслибы не было обязанности, то не было бы и права. Обязывая насъ

*) Instit. J. N. et G. часть I, гл. 2, § 37.

**) Тамъ же, § 44.

къ цѣли, естественный законъ тѣмъ самымъ даетъ намъ право на средства. Отсюда раздѣленіе закона на предписывающій, запрещающій и дозволяющій. Изъ перваго проистекаетъ обязанность или долгъ, изъ втораго недозволенное, изъ третьяго дозволенное, или то, на что мы имѣемъ только право. Последняго рода законъ, замѣчаетъ Вольфъ, есть законъ въ истинномъ смыслѣ слова, ибо, давая намъ извѣстное право, онъ тѣмъ самымъ запрещаетъ другимъ препятствовать дѣйствію нашей свободы, а отсюда у насъ рождается право не терпѣть препятствія, то есть, сопротивляться, когда кто хочетъ намъ мѣшать *).

Эти выводы Вольфа составляютъ окончательный результатъ всей нравственной теоріи. Право, по этому воззрѣнію, вытекаетъ изъ обязанности; оно дается человѣку единственно для исполненія последней. Поэтому, правильнымъ признается только то употребленіе права, которое согласно съ обязанностью; остальное есть злоупотребленіе, которое воспрещается естественнымъ закономъ **). Въ этихъ положеніяхъ высказывается вся односторонность этого ученія. 1) Остается непонятнымъ, какимъ образомъ можетъ существовать законъ дозволяющій. Всякое дѣйствіе, необходимое для исполненія обязанности, не дозволяется только, а предписывается нравственнымъ закономъ, который обязываетъ человѣка всегда выбирать наилучшее или то, что ведетъ къ большему совершенству (§ 48). Слѣдовательно, дѣйствій только дозволенныхъ быть не можетъ. Тѣ

*) Тамъ же, § 45—50.

**) Instit. J. N. et G. часть I, гл. 2, § 66; Jus Nat. часть I, гл. 1 § 60, 62.

дѣйствія, на которыя мы имѣемъ только право, не нужны для исполненія обязанностей, а потому, по этой теоріи, вовсе не составляютъ права. 2) Этимъ опредѣленіемъ понятіе о правѣ съуживается, въ противорѣчіе съ самою сущностью этого начала, до такой степени, что оно перестаетъ быть правомъ. Такъ напримѣръ, право собственности, по существу своему, состоитъ въ свободѣ располагать извѣстнымъ имуществомъ по своему усмотрѣнію; но если право дано только для исполненія обязанности, то я могу дѣлать съ своимъ имуществомъ единственно то, что требуется моими обязанностями; все остальное выходитъ изъ предѣловъ моего права. Съ другой стороны, если я имѣю излишекъ, а постороннее лице нуждается въ моемъ имуществѣ для исполненія какой-нибудь обязанности, то оно имѣетъ полное право имъ овладѣть, а я не имѣю права ему мѣшать. Такимъ образомъ, очевидно, понятіе о правѣ собственности уничтожается. 3) По этой теоріи непонятно, почему принужденіе ограничивается однимъ сопротивленіемъ препятствію. Право дается мнѣ для исполненія обязанности, а потому я могу требовать отъ другихъ всего, что нужно для достиженія этой цѣли. Другіе же, съ своей стороны, не только обязаны мнѣ не мѣшать, но должны содѣйствовать мнѣ всѣми средствами. Слѣдовательно, если я имѣю право силою сопротивляться помѣхѣ, то я имѣю также право заставлять другихъ исполнять свои обязанности относительно меня. Черезъ это, границы между правомъ и нравственностью исчезаютъ. Чтобы избѣгнуть этого вывода, Вольфъ и здѣсь, какъ и въ прежнемъ своемъ ученіи, старается ввести обязанности къ ближнимъ въ болѣе тѣсныя рамки, при-

знавая за человѣкомъ право отказать другому въ содѣйствіи, когда отъ этого можетъ произойти ущербъ себѣ, или когда тотъ можетъ восполнить недостатокъ собственными силами *). Но изъ послѣдняго прямо слѣдуетъ, что я не имѣю права отказать въ помощи истинно нуждающемуся, а онъ, напротивъ, имѣетъ право взять у меня все, что ему нужно. Кромѣ того, ограниченіе обязанности взаимной помощи случаями неустранимой нужды противорѣчитъ закону совершенства. Чѣмъ болѣе люди помогаютъ другъ другу, тѣмъ высшее достигается совершенство, а такъ какъ я всегда обязанъ выбирать наилучшее, то я, въ сущности, никогда не въ правѣ отказать другому въ помощи, развѣ когда онъ въ ней вовсе не нуждается. Иначе мое право будетъ противорѣчить моей обязанности, что немыслимо, если право дается только для исполненія обязанности. Еще болѣе противорѣчитъ закону совершенства абсолютное предпочтеніе, данное обязанностямъ къ себѣ въ случаѣ столкновенія ихъ съ обязанностями къ другимъ. Пожертвовать личнымъ благомъ, чтобы оказать помощь ближнему, есть, напротивъ, признакъ высшаго нравственнаго совершенства; слѣдовательно, въ этомъ заключается и высшая обязанность относительно самого себя, а потому невозможно, на этомъ основаніи, дать человѣку право отказать другому въ пособіи.

Самъ Вольфъ чувствовалъ недостаточность своихъ доводовъ; поэтому, при обсужденіи этого вопроса, онъ въ концѣ концовъ ссылается на естественную сво-

---

*) Inst. J. N. et G. часть I, гл. 2. §§ 44, 59, 61; Jus Nat. часть I, гл. 3, §§ 608—610.

боду человѣка, которой противорѣчитъ право принуждать другаго къ исполненію обязанностей *). Но естественная свобода плохо клеится съ его системою. Вольфъ выводитъ ее только съ помощью весьма искусственной аргументаціи. Признавая прирожденныя человѣку обязанности, онъ, разумѣется, признаетъ и прирожденныя права, которыхъ никто отнять не можетъ. А такъ какъ эти обязанности и права вытекаютъ изъ самой природы человѣка, которая у всѣхъ одна, то въ нравственномъ отношеніи всѣ люди равны: никто не имѣетъ преимущества передъ другимъ. Отсюда правило: чего ты, на основаніи своего права, не хочешь, чтобы другой тебѣ дѣлалъ, того и ты не дѣлай другому. И наоборотъ, что ты, на основаніи своего права, хочешь, чтобы другой тебѣ дѣлалъ, то и ты дѣлай другому. Слѣдовательно, еслибы у тебя было право на чужія дѣйствія, такъ чтобы другой долженъ былъ сообразовать свои дѣйствія съ твоею волею, то и другому принадлежало бы такое же право на твои дѣйствія. Но, говоритъ Вольфъ, *это нелѣпо,* особенно если распространить это правило на всѣхъ людей. Въ природѣ человѣка нѣтъ основанія, почему бы тому или другому принадлежало право на дѣйствія того или другаго сторонняго лица. Поэтому, мы должны заключить, что, по природѣ никому не принадлежитъ право на дѣйствія другаго; каждый, слѣдовательно, въ своихъ поступкахъ зависитъ единственно отъ себя. Эта независимость называется *свободою.* Слѣдовательно, по природѣ всѣ люди свободны.

---

*) Philos. Pract. Univ. часть I, гл. 2, § 234. На это мѣсто Вольфъ ссылается въ Jus. Nat. часть I, гл. 3.

Какъ же сочетается это начало съ закономъ совершенства, который требуетъ достиженія общей цѣли совокупными силами людей?

Свобода, говоритъ Вольфъ, не уничтожаетъ естественныхъ обязанностей человѣка, но исполненіе ихъ предоставляется собственному сужденію каждаго. Я имѣю право просить чужой помощи, но не принудить другаго къ подачѣ этой помощи. Съ своей стороны, другой можетъ, по своему усмотрѣнію, оказать или не оказать мнѣ содѣйствіе; но онъ не въ правѣ препятствовать мнѣ въ употребленіи моего права, ибо послѣднее дано мнѣ для исполненія обязанности, и онъ самъ обязанъ его уважать. Если же онъ хочетъ препятствовать мнѣ силою, то и я, съ своей стороны, имѣю право употреблять противъ него силу. Отсюда различіе между правами и обязанностями *совершенными* и *несовершенными*. Первыя соединены съ принужденіемъ, вторыя нѣтъ. Всякое прирожденное право, будучи дано человѣку для исполненія обязанности, возложенной на него неизмѣннымъ закономъ природы, само по себѣ совершенно, а потому можетъ быть защищаемо силою. Но право на чужія дѣйствія само по себѣ несовершенно, ибо оно простирается на чужія обязанности, которыхъ исполненіе зависитъ отъ чужой свободы. А если несовершенно право, то несовершенны и соотвѣтствующія ему обязанности. Таковы обязанности человѣколюбія, которыя не могутъ быть вынуждены силою. Однако, такъ какъ человѣкъ нерѣдко нуждается въ чужой помощи, и ему бываетъ необходима увѣренность, что онъ ее получитъ, то онъ можетъ несовершенную обязанность превратить въ совершенную, испросивъ чужое согласіе. Это

происходитъ посредствомъ договора, когда одинъ обязывается къ извѣстному дѣйствію въ отношеніи къ другому. Проистекающее отсюда право, въ отличіе отъ прирожденнаго, называется *пріобрѣтеннымъ*, и тотъ, кто его нарушаетъ, можетъ быть принуждаемъ силою къ исполненію своей обязанности*).

Такимъ путемъ Вольфъ приходитъ къ сочетанію права и свободы съ нравственными обязанностями человѣка. Но этотъ выводъ могъ быть добытъ только непослѣдовательнымъ проведеніемъ положенныхъ въ основаніе началъ. Если право дано мнѣ для исполненія обязанности, то отсюда слѣдуетъ, что я имѣю право на все, что нужно для исполненія этой обязанности. Кто обязанъ достигать цѣли, тому дано право на средства (§ 46). Цѣль же можетъ быть достигнута только совокупными силами людей, вслѣдствіе чего самый естественный законъ обязываетъ ихъ помогать другъ другу. Слѣдовательно, я имѣю право требовать отъ другаго всего, что нужно для исполненія моей обязанности. Другаго права, кромѣ совершеннаго, по этой теоріи даже быть не можетъ, ибо всѣ права одинаково даются для исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на человѣка неизмѣннымъ закономъ природы. Самъ Вольфъ признаетъ прирожденныя права совершенными; но право требовать чужой помощи прирождено человѣку, ибо оно составляетъ необходимое послѣдствіе самой его природы. Несовершенное право, по существу своему, вовсе даже не есть право. Точно также, съ нравственной точки зрѣнія, немыслима и несовершенная обязанность. Если прирожденное право, ко-

*) Instit. J. N. et G. Par. I. cap. III. De oblig. et jur. homin. universali in genere.

торое дано человѣку для достиженія совершенства, само по себѣ совершенно, то и всякая соотвѣтствующая ему обязанность совершенна. Если человѣку принадлежитъ совершенное право просить чужой помощи (§ 82), то на другомъ лежитъ совершенная обязанность исполнить эту просьбу. Вольфъ говоритъ, что такое взаимное право на чужія дѣйствія было бы нелѣпо; но эта нелѣпость прямо вытекаетъ изъ положенныхъ имъ началъ, изъ того, что право, а вмѣстѣ съ нимъ и принужденіе, выводится изъ нравственной обязанности. Устранить нелѣпость можно было только непослѣдовательностью.

Несоотвѣтственность правъ и обязанностей еще яснѣе выказывается при разборѣ отдѣльныхъ обязанностей человѣка. По общепринятому ученію, Вольфъ дѣлитъ ихъ на обязанности къ себѣ, къ ближнимъ и къ Богу. Первыя заключаются въ совершенствованіи души, тѣла и внѣшняго состоянія. Отсюда право на все, что нужно для достиженія этой цѣли: на пищу, лѣкарства, одежду, жилище, украшенія и т. д.*). Между тѣмъ, все это права, которымъ не соотвѣтствуютъ никакія совершенныя обязанности со стороны другихъ, слѣдовательно, на основаніи которыхъ ничего нельзя требовать. Очевидно, что понятіе о правѣ здѣсь неприложимо. Невозможно утверждать, что человѣкъ имѣетъ право на жизненныя удобства, когда никто не обязанъ удовлетворять этому праву. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь права безъ обязанностей. Съ другой стороны, при исчисленіи обязанностей къ ближнимъ, Вольфъ, для исполненія ихъ, даетъ человѣку одно

---

*) Instit. J. Nat. et G. p. I, c. IV.

только отрицательное право защищать другихъ отъ обидъ, выводя притомъ это право весьма искусственнымъ образомъ изъ обязанности. Аргументація его слѣдующая: изъ того, что я не долженъ обижать другаго, вытекаетъ, въ силу взаимности, что я имѣю право защищать себя отъ чужихъ обидъ, а такъ какъ я въ отношеніи къ другому имѣю тѣ же обязанности, какъ и относительно себя, а право дается для исполненія обязанности, то я имѣю право и другаго защищать отъ обидъ *). Но принимая даже подобное умозаключеніе, можно спросить, гдѣ же права нужныя для исполненія остальныхъ обязанностей къ ближнимъ? Объ нихъ умалчивается, потому что здѣсь опять присвоеніе человѣку подобныхъ правъ было бы слишкомъ нелѣпо. Надобно было бы, напримѣръ, признать за человѣкомъ право брать все, что ему нужно для исполненія обязанностей человѣколюбія, благодарности и т. п., что немыслимо. Наконецъ, изъ обязанностей къ Богу Вольфъ выводитъ право людей опредѣлять и устроивать все, что потребно для религіозныхъ собраній; но это право, очевидно, принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а цѣлому обществу. О свободѣ вѣроисповѣданія здѣсь нѣтъ и рѣчи. Напротивъ, такъ какъ естественнымъ закономъ запрещается богопочитаніе, соединенное съ идолопоклонствомъ и предразсудками, то изъ этого выводится, что никто не имѣетъ права устроивать поклоненіе Богу по своему усмотрѣнію **).

Изъ всего этого очевидно, что изъ нравственныхъ обязанностей невозможно вывести права. Поэтому,

---

*) Instit. J. Nat. G. p. I, c. V, § 143, 151.

**) Inst. J. N. et G. p. I, c. V, § 182.

когда Вольфъ переходитъ къ ученію о собственности, онъ принужденъ оставить въ сторонѣ начало обязанности и искать основаній въ прирожденной человѣку свободѣ. Но и здѣсь происходитъ смѣшеніе разнородныхъ понятій, ибо нравственныя требованія, съ своей стороны, вносятъ сюда положенія, совершенно несогласныя съ юридическими началами.

Сообразно съ прежнимъ своимъ ученіемъ, Вольфъ изъ равенства человѣческихъ правъ выводитъ первобытное общеніе имуществъ. Но такъ какъ оно предполагаетъ со стороны людей совершенное исполненіе всѣхъ обязанностей, а этого нельзя ожидать отъ человѣка, то во имя самаго естественнаго закона, который требуетъ, чтобы мы всегда выбирали наилучшее, это первобытное общеніе уничтожается и въ замѣнъ его установляется собственность, то есть вещи подчиняются личному праву. Между тѣмъ, въ силу прирожденной свободы, каждый въ своихъ дѣйствіяхъ руководится только собственнымъ своимъ сужденіемъ; слѣдовательно, какъ скоро вещь подчинена личному праву, такъ собственникъ получаетъ свободу располагать ею по своему усмотрѣнію, съ исключеніемъ всякаго другаго. Поэтому, хотя по естественному закону злоупотребленіе правомъ не дозволено, однако оно должно быть допущено другими, пока не нарушаются ихъ права*). Съ другой стороны, прирожденная свобода, изъ которой вытекаетъ право произвольнаго распоряженія имуществомъ, не уничтожаетъ естественнаго закона, ограничивающаго эту свободу. Поэтому хозяинъ долженъ пользоваться своею вещью сообразно съ естествен-

*) Inst. J. N. et G. p. I. c. V, § 194, 195, 202.

нымъ закономъ, а такъ какъ послѣдній не допускаетъ произвольнаго истребленія или порчи вещей, то право собственности не заключаетъ въ себѣ подобнаго права *). Вольфъ полагаетъ и нѣкоторыя другія ограниченія, которыя вводятся въ силу того же естественнаго закона. Установленіе собственности, говоритъ онъ, не могло уничтожить принадлежащаго всѣмъ людямъ права употреблять вещи, которыя имъ необходимы, ибо это было бы противно естественному закону. Слѣдовательно, собственность введена съ тайною оговоркою, что, въ случаѣ крайней нужды, каждый можетъ пользоваться чужими вещами даже противъ воли хозяина. Кромѣ того, вообще, введеніе собственности уничтожаетъ первоначальное общеніе лишь настолько, насколько это необходимо; поэтому здѣсь подразумѣвается и другая оговорка, именно, что должно быть допущено безвредное употребленіе вещей постороннимъ лицемъ. Однако, въ силу естественной свободы, сужденіе о томъ, чтò вредно или безвредно, предоставляется самому хозяину **). Такимъ образомъ, въ послѣднемъ случаѣ, противоположныя начала общаго и личнаго права прямо приходятъ въ столкновеніе, и оказывается, что одно совершенно независимо отъ другаго.

Тѣже противорѣчія усматриваются и въ ученіи о человѣческихъ обществахъ. Въ основаніе полагается понятіе о естественной свободѣ человѣка, и отсюда выводятся чисто демократическія начала; но съ другой стороны, во имя вытекающей изъ обязанности

---

*) Instit. J. N. et G. p. I, c. V, § 255.
**) Inst. J. N. et. G. p. I, c. V, § 304, 305, 310.

общественной цѣли, снова воспроизводится вся прежняя теорія, далеко не благопріятствующая свободѣ.

Точка отправленія Вольфа состоитъ въ томъ, что такъ какъ по природѣ всѣ люди равны и свободны, то по естественному закону никто не имѣетъ власти надъ другимъ, и никто не можетъ быть подчиненъ другому противъ своей воли. Но съ другой стороны, такъ какъ люди обязаны совокупными силами достигать общей цѣли, то они добровольно соединяются въ общества. Изъ этого ясно, что общество ничто иное, какъ договоръ о достиженіи извѣстной цѣли совокупными силами людей. Ясно также, что общества различаются своими цѣлями. Каждый членъ обязывается дѣлать все, что требуется для достиженія этой цѣли, чѣмъ опредѣляются его права и обязанности; обществу же, какъ цѣлому, принадлежитъ право установлять то, что нужно для достиженія цѣли, и принуждать своихъ членовъ къ исполненію принятыхъ ими на себя обязанностей.

Это право всѣхъ надъ каждымъ есть *власть*. Слѣдовательно, общественная власть возникаетъ изъ договора. Для установленія правилъ, необходимыхъ для достиженія общественной цѣли, нужно согласіе всѣхъ, ибо самая цѣль достигается совокупными силами всѣхъ. Поэтому, когда составляется общество, надобно опредѣлить общимъ приговоромъ, что̀ именно должно дѣлаться всегда одинакимъ образомъ и какъ слѣдуетъ поступать въ случаѣ нужды. Рѣшеніе постановляется подачею голосовъ, а такъ какъ тутъ нельзя дать перевѣса лучшимъ людямъ, ибо каждый считаетъ себя лучшимъ, то надо довольствоваться большинствомъ. Поэтому, всякій вступающій въ общество долженъ согласиться, чтобы

рѣшеніе большинства считалось рѣшеніемъ всѣхъ, а меньшинство подчинялось бы этому приговору. Договоры общества о томъ, что̀ должно всегда происходить одинакимъ образомъ, называются законами. Каждое общество должно имѣть свои законы. Поэтому ему присвоивается законодательная власть, а также право наказывать нарушенія изданныхъ имъ правилъ *).

Эти начала Вольфъ прилагаетъ къ различнымъ видамъ общества. Въ отличіе отъ прежняго ученія, онъ не признаетъ власти мужа надъ женою, иначе какъ въ силу добровольнаго соглашенія. Точно также и родительскую власть онъ выводитъ изъ подобія договора (quasi pactum). Съ возрастаніемъ дѣтей, эта власть вводится въ болѣе и болѣе тѣсныя границы; съ окончаніемъ же воспитанія, она прекращается совершенно. Наконецъ, на договорѣ онъ основываетъ и господскую власть. По теоріи Вольфа, каждый, въ силу естественной свободы, воленъ продать себя въ рабство, если онъ не можетъ иначе снискать себѣ пропитаніе; всякій можетъ продать и своихъ дѣтей, если онъ не въ состояніи ихъ прокормить. Но возникающій отсюда договоръ даетъ господину только право на работу подчиненнаго и власть наказывать его за нерадѣніе, а отнюдь не право на жизнь и тѣло раба. Такимъ образомъ, естественная свобода ведетъ къ установленію рабства, хотя и неполнаго. Нельзя не сказать, что въ этомъ есть значительная непослѣдовательность: если прирожденное право дано намъ только для исполненія обязанностей, налагаемыхъ естественнымъ за-

---

*) Instit. J. N. et. G., p. III, c. II, §833—853.

кономъ, то оно такъ же неизмѣнно, какъ послѣдній, слѣдовательно, неотчуждаемо. Начало права опять выходитъ здѣсь за предѣлы обязанности. За исключеніемъ впрочемъ этихъ отступленій, ученіе Вольфа о домашнихъ отношеніяхъ весьма сходно съ прежнимъ. И здѣсь, главное основаніе у него все-таки составляетъ начало обязанности.

Такой же отпечатокъ носитъ на себѣ и ученіе о государствѣ. Недостаточность дома для пріобрѣтенія необходимыхъ вещей ведетъ къ соединенію людей въ болѣе обширныя общества, имѣющія цѣлью довольство жизни или счастіе, внутреннее спокойствіе и внѣшнюю безопасность *). Такъ же, какъ и другіе союзы, государство основано на договорѣ. Власть въ немъ первоначально принадлежитъ народу. Но она простирается не далѣе того, что нужно для общаго блага; въ остальномъ естественная свобода человѣка остается неприкосновенною. Народу принадлежитъ право устроить государство по своему усмотрѣнію и установить тотъ или другой образъ правленія. Власть правительства измѣряется первоначальною волею народа, выраженною при перенесеніи ея на извѣстныхъ лицъ. Законы, которыми опредѣляются права верховной власти, называются основными, и такъ какъ они установляются волею

*) На этомъ основаніи Вольфъ въ *Естественномъ Правѣ* опредѣляетъ государство слѣдующимъ образомъ: союзъ многихъ домовъ, установленный съ тою цѣлью, чтобы совокупными силами уготовить все, что нужно для потребностей, удобствъ и пріятности жизни, т. е. для счастія, и заботиться о томъ, чтобы каждый спокойно и безопасно пользовался своимъ правомъ и могъ бы защищать себя и свое добро отъ внѣшняго насилія, называется *государствомъ*. «Мы хотѣли ясно высказать цѣль государства въ самомъ опредѣленіи, говоритъ онъ въ примѣчаніи, потому что отсюда вытекаетъ все остальное». Jus Nat., часть VIII, гл. 1, § 4.

народа, то они ею же могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы, однако безъ нарушенія пріобрѣтенныхъ правъ правителя. Но законы, изданные самимъ правителемъ, не ограничиваютъ его власти. Точно также, власть остается неограниченною и въ томъ случаѣ, когда народъ, при первоначальномъ ея перенесеніи, не сохраняетъ за собою никакихъ правъ и не установляетъ совѣта, котораго согласіе требуется для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ. Наконецъ, власть не можетъ быть перенесена съ тѣмъ условіемъ, что народъ обязывается повиноваться хорошему правителю и оставляетъ за собою право сопротивляться дурному; ибо сужденія о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, бываютъ разнообразны, слѣдовательно, подобное условіе не можетъ служить признакомъ для разграниченія взаимныхъ правъ правителя и народа *).

Эти положенія, въ силу которыхъ власть, первоначально принадлежащая народу, можетъ быть произвольно отчуждаема, ведутъ Вольфа къ принятію установленнаго Гуго Гроціемъ различія между государствами вотчинными и состоящими на правѣ пользованія. Въ первыхъ, власть переносится на правителя всецѣло, во вторыхъ, съ ограниченіями. По примѣру Гроція, смѣшивая начала гражданскаго права съ государственнымъ, Вольфъ признаетъ, что власть можетъ быть отдана въ ленъ и на правѣ фидеикоммисса, и хотя господская власть, при которой подданные обращаются въ рабство, противорѣчитъ основному договору и не согласна съ цѣлью государства, однако, такъ какъ отъ народа зависитъ

---

*) Instit. J. N. et G. p. III, c. II, § 972—985.

установить у себя то правленіе, какое ему угодно, то и подобная власть имѣетъ законное основаніе *). Очевидно, что здѣсь опять приписанное народу право идетъ гораздо далѣе обязанности. По теоріи Вольфа, оно должно было бы простираться единственно на то, что требуется государственною цѣлью.

При такомъ взглядѣ, ученіе объ образахъ правленія сводится на положительное право, ибо оно опредѣляется не требованіями разума, а первоначальною волею народа. Поэтому Вольфъ ограничивается указаніями на тѣ установленія, которыя соотвѣтствуютъ тому или другому образу правленія. Въ основныхъ чертахъ, это ученіе сходно съ тѣмъ, которое онъ излагалъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ. Точно также и въ ученіи о государственномъ устройствѣ онъ воспроизводитъ прежніе свои выводы, не смотря на положеніе, что прирожденная человѣку свобода ограничивается лишь настолько, насколько этого требуетъ общее благо. Такъ какъ послѣднее начало весьма упруго, то изъ него можно вывести полнѣйшее стѣсненіе свободы. Такъ, во имя общаго блага, Вольфъ признаетъ, что правители не должны дозволять праздности, что они обязаны доставлять всѣмъ работу, заботиться обо всѣхъ удобствахъ жизни, помогать исполняющимъ естественный законъ и силою принуждать другихъ сообразовать съ закономъ, по крайней мѣрѣ, свои внѣшнія дѣйствія **). Послѣднее относится и къ обязанностямъ человѣка къ Богу. Вольфъ не допускаетъ только вмѣшательства власти во внутреннее богопочитаніе, такъ какъ нельзя заставить человѣка считать исти-

*) Тамъ же, § 986—8, 997.

**) Inst. J. N. et G. p. III, § 1021—1024.

ною то, въ чемъ онъ не убѣжденъ; но все, что касается до внѣшняго поклоненія, а также и всѣ дѣйствія, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ государству, вполнѣ подлежатъ опредѣленіямъ власти *). Въ *Естественномъ Правѣ* онъ идетъ еще далѣе: здѣсь онъ возлагаетъ на правителя обязанность заботиться о томъ, чтобы подданные были добродѣтельны и отвращались отъ пороковъ, ибо цѣль государства есть счастіе, а безъ добродѣтели никто не можетъ быть счастливъ. Отсюда слѣдуетъ, что правители должны смотрѣть, чтобы подданные были набожны и почитали Бога. Хотя въ естественномъ состояніи никто не имѣетъ права наказывать чужія порочныя дѣйствія, которыми не наносится вреда другому, но въ государствѣ всякіе пороки могутъ быть наказаны, ибо правительство должно заботиться о томъ, чтобы подданные были добродѣтельны **). Повторяется и прежнее ученіе о соотвѣтствіи гражданскаго закона естественному, съ весьма значительнымъ прибавленіемъ, что волею власти несовершенная обязанность можетъ быть превращена въ совершенную, если этого требуетъ государственная цѣль, ибо, говоритъ Вольфъ, къ чему могутъ обязаться отдѣльныя лица въ силу естественной своей свободы, то можетъ предписать и правитель, которому эта свобода подчинена. Такимъ образомъ, обязанности человѣколюбія, въ силу предписанія власти, могутъ превратиться въ обязанности юридическія ***). Ясно, что при такомъ воззрѣніи отъ естественной свободы не остается и слѣда: смѣшеніе началъ права и нрав-

---

*) Тамъ же, § 1064.

**) Jus Nat. p. VIII, c. 3, §§ 456—458, 652, 655.

***) Inst. J. N. et G. p. III, § 1064.

ственности проявляется здѣсь вполнѣ. Но съ другой стороны, естественный законъ полагаетъ и границы власти правителя. Подданный не обязанъ повиноваться повелѣнію, противному естественной обязанности. Однако, такъ какъ власть не можетъ быть перенесена подъ тѣмъ условіемъ, что народъ будетъ повиноваться доброму правителю, а не дурному, то слѣдуетъ терпѣливо переносить наказаніе за неповиновеніе. Но если правитель преступаетъ основные законы государства, на которыхъ зиждется его право, то позволительно сопротивляться и употреблять принужденіе, ибо въ этомъ случаѣ онъ выступаетъ изъ предѣловъ своей власти *).

Наконецъ, Вольфъ излагаетъ начала международныхъ отношеній. Нравственное ученіе ведетъ къ установленію общей связи между всѣми людьми. Народы, также какъ и отдѣльныя лица, обязаны совершенствоваться совокупными силами. Отсюда учрежденный самою природою союзъ народовъ, основанный какъ бы на договорѣ (quasi contractum). Этотъ союзъ называется *величайшимъ или общенароднымъ государствомъ* (civitas maxima sive gentium). Изъ него, какъ изъ всякаго общенія людей, рождается нѣкоторое право, принадлежащее всѣмъ надъ каждымъ, право, которое можно назвать *всемірною властью* (imperium universale). Она состоитъ въ свободѣ опредѣлять дѣйствія отдѣльныхъ народовъ сообразно съ общимъ благомъ человѣчества, и принуждать неповинующихся къ исполненію ихъ обязанностей. А такъ какъ всякое общество должно управляться законами, то и общенародное государство должно

*) Тамъ же, § 1079.

имѣть ихъ. И здѣсь, такъ же какъ въ отдѣльныхъ государствахъ, естественные законы превращаются въ гражданскіе. Это называются *положительнымъ международнымъ правомъ* (jus gentium voluntarium). Но кромѣ того, отдѣльные народы, такъ же какъ и члены меньшихъ обществъ, могутъ заключать между собою взаимныя обязательства. Отсюда рождается *международное договорное право* (jus gentium pactitium), которое всегда бываетъ частное, а не общее *).

Эти положенія Вольфа доказываютъ, что и къ области международныхъ отношеній нравственная теорія неприложима во всемъ своемъ объемѣ. Если система общежитія, въ томъ видѣ, какъ она излагалась у Гоббеса вела къ уничтоженію международнаго права и къ господству одной силы, то система, основанная исключительно на нравственныхъ началахъ, съ своей стороны, смѣшивая право съ нравственною обязанностью, ведетъ къ уничтоженію самостоятельности народовъ, къ невозможному расширенію человѣческаго союза и къ уподобленію международныхъ отношеній государственнымъ.

Изъ всего этого ясно, что изъ нравственныхъ началъ невозможно вывести началъ юридическихъ. Право рождается не изъ обязанности, а изъ свободы. Всякая попытка вывести юридическія отношенія изъ нравственныхъ ведетъ къ смѣшенію обѣихъ областей и къ поглощенію одного начала другимъ. Съ одной стороны, нравственныя обязанности переносятся въ юридическую область и получаютъ принудительный характеръ, чѣмъ уничтожается свобода человѣка. Съ другой стороны, право, являясь

*) Inst. J. N. et G. p. III, § 1090, 1091.

только средствомъ для исполненія обязанности, лишается всякаго самостоятельнаго значенія и въ сущности перестаетъ быть правомъ. Восполнить этотъ недостатокъ, дать праву нѣкоторую самостоятельность, въ этой системѣ возможно только съ помощью непослѣдовательности, и къ подобной непослѣдовательности ведетъ самое внутреннее развитіе нравственной теоріи. Высшее ея начало, совершенство, которое составляетъ конечную цѣль всей нравственной дѣятельности человѣка, требуетъ гармоніи всей жизни, всѣхъ ея отправленій, а жизнь слагается изъ противоположныхъ элементовъ, изъ личнаго и общаго, изъ свободы и закона. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія нравственной теоріи, исходящей изъ односторонняго начала, невозможно произвести сочетанія противоположностей. Поэтому, когда очевидность указываетъ на необходимость инаго начала, остается сдѣлать скачокъ или употребить уловку. Вольфъ дѣлалъ это самымъ добросовѣстнымъ и наивнымъ образомъ. У него, съ извѣстною логическою послѣдовательностью, вытекавшею болѣе изъ трудолюбія, нежели изъ высшаго полета мысли, соединялся столь же ограниченный практическій смыслъ, который не дозволялъ ему вести свое начало до крайнихъ предѣловъ. Какъ скоро онъ въ концѣ своего вывода видѣлъ нелѣпость, онъ пріискивалъ другое умозаключеніе, посредствомъ котораго можно было бы сочетать стремящіяся врозь начала и произвести желанное равновѣсіе стремленій. Такимъ образомъ, въ ученіи объ обязанностяхъ онъ старался посредствомъ обязанностей къ себѣ ограничить излишнее расширеніе обязанностей къ другимъ. Здѣсь затрудненіе было меньше, ибо обязанности

были однородныя; но и тутъ камнемъ преткновенія являлось смѣшеніе правъ съ обязанностями и отнесеніе къ разряду послѣднихъ того, что принадлежитъ собственно къ первымъ, напримѣръ, удовлетвореніе стремленія къ личному удовольствію. Еще болѣе произвола и непослѣдовательности должно было проявляться тамъ, гдѣ дѣло шло именно о правахъ. Ложное воззрѣніе на право, какъ на нравственную способность, данную человѣку для исполненія обязанности, влекло за собою безчисленныя недоразумѣнія, противорѣчія и оговорки. Чѣмъ подробнѣе развивалось ученіе, тѣмъ болѣе въ немъ представлялось затрудненій. Выпутываться изъ нихъ можно было только посредствомъ практическихъ соображеній, не имѣющихъ связи съ общимъ ходомъ мысли. Поэтому, если ученіе Вольфа о нравственномъ законѣ и объ обязанностяхъ представляетъ много вѣрнаго, какъ общій выводъ изъ изслѣдованій по нравственной философіи, то ученіе его о правахъ не соотвѣтствуетъ самымъ простымъ требованіямъ науки.

9. БЕНТАМЪ.

Бентамъ представляетъ одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ исторіи философіи права. Своими многочисленными трудами по разнымъ отраслямъ правовѣдѣнія, своею неутомимою дѣятельностью и неуклонною преданностью общему благу человѣчества, онъ пріобрѣлъ колоссальную репутацію. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ считался какъ бы оракуломъ, къ которому обращались и са-

модержавные монархи и республиканскія правительства, прося его совѣтовъ и внося его теоріи въ свои законодательныя работы. Онъ самъ обращался ко всѣмъ народамъ міра, предлагая имъ свои услуги, и утверждая, что онъ одинъ имѣетъ безошибочное средство водворить всеобщее благоденствіе на землѣ. До сихъ поръ еще его ученіе пользуется въ Англіи значительною популярностью и имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ, даже въ ряду весьма замѣчательныхъ умовъ. Если мы захотимъ однако ближе узнать, на чемъ основывалась эта громадная репутація и еще болѣе громадная самоувѣренность; если мы взглянемъ на сущность тѣхъ началъ, на которыхъ Бентамъ строилъ свою теорію, и изъ которыхъ онъ думалъ извлечь всеобщее лѣкарство отъ всѣхъ золъ, мы будемъ поражены нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Всякій человѣкъ, имѣющій какое-нибудь пониманіе философіи, долженъ убѣдиться, при чтеніи сочиненій знаменитаго юриста, что у него было полнѣйшее отсутствіе всего, что можетъ быть названо философскимъ смысломъ. Въ основаніяхъ его системы невозможно встрѣтить даже и тѣни доказательства. Все ограничивается чисто догматическимъ утвержденіемъ извѣстнаго начала и до крайности утомительнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же положеній. Между тѣмъ, по странной ограниченности ума, Бентамъ искренно увѣрялъ, что именно его противники никогда ничего не доказываютъ, а довольствуются догматическимъ утвержденіемъ. Онъ изобрѣлъ для этого даже особенное выраженіе: *ипседикситизмъ* *). Къ противникамъ же своей теоріи

---

*) Ipse dixi: «это такъ, потому что я самъ сказалъ».

онъ причислялъ почти всѣхъ, кто до него и независимо отъ него думалъ и писалъ о человѣческихъ дѣлахъ. Лишенный всякой способности понимать чужую мысль, онъ видѣлъ во всѣхъ философскихъ произведеніяхъ древняго и новаго міра одну полнѣйшую безсмыслицу, которой сами философы не въ состояніи понять. Съ другой стороны, съ такимъ же точно презрѣніемъ онъ относился и къ практикѣ, которую онъ считалъ плодомъ человѣческаго своекорыстія и невѣжества. Въ себѣ одномъ онъ видѣлъ непогрѣшимаго оракула, возвѣщающаго новыя, невѣдомыя прежде начала, на основаніи которыхъ должны быть перестроены всѣ законодательства въ мірѣ.

Нельзя не признать однако, что въ приложеніи къ законодательству критика его нерѣдко отличалась значительною тонкостью. Онъ съ большою проницательностью и съ несомнѣннымъ остроуміемъ усматривалъ недостатки существующихъ учрежденій; онъ подвергалъ безпощадному разоблаченію какъ либеральные, такъ и охранительные софизмы, которыми нерѣдко прикрываются политическія стремленія партій. Къ этимъ качествамъ присоединяется то неподдѣльное человѣколюбіе, которымъ дышатъ всѣ его сочиненія. Бентамъ, конечно, не умѣлъ построить свою теорію на твердыхъ началахъ; основныя его положенія носятъ на себѣ отпечатокъ крайней ограниченности ума и узкости взглядовъ, нерѣдко доходящей до смѣшнаго; но какимъ бы то ни было путемъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что истинная цѣль законодательства состоитъ въ пользѣ и счастьи человѣчества. Этой одной идеѣ онъ посвятилъ всю свою многолѣтнюю дѣятельность и свою неутомимую

энергію; во имя ея онъ преслѣдовалъ всякое зло, которое онъ могъ открыть даже въ самыхъ темныхъ закоулкахъ права, и если многое, вслѣдствіе односторонности пониманія, отъ него ускользало, зато онъ обращалъ вниманіе на многое такое, что ускользало отъ другихъ.

Особенное значеніе имѣла его теорія въ собственномъ его отечествѣ, гдѣ рутинная привязанность къ старинѣ слишкомъ часто преобладала надъ потребностью улучшеній, и завѣщанныя исторіею формы нерѣдко прикрывали вѣками укоренившіяся злоупотребленія. Воззрѣнія Бентама, отрѣшенныя отъ всякихъ историческихъ основъ, конечно, менѣе всего могли прилагаться къ англійскому быту, хотя и выросли изъ англійской, чисто практической почвы. Поэтому Бентамъ, какъ пророкъ, менѣе всего признавался въ своемъ отечествѣ. Первоначально его ученіе съ большимъ трудомъ пролагало себѣ путь. Законодатели не хотѣли его знать; юристы вооружались противъ него всѣми силами. Но эта радикальная, послѣдовательная, неумолимая критика существующаго порядка, во имя близкой сердцу Англичанъ практической пользы, служила могучимъ противовѣсомъ господствовавшимъ въ то время односторроннимъ охранительнымъ воззрѣніямъ. Бентамъ былъ однимъ изъ піонеровъ, пролагавшихъ путь къ тѣмъ глубокимъ реформамъ, которыми ознаменовалась въ Англіи вторая четверть нынѣшняго столѣтія. Поэтому онъ мало-по-малу завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ общественномъ мнѣніи.

Къ числу особенностей Бентама принадлежало то, что при всей систематичности своихъ взглядовъ, онъ никогда почти не обработывалъ своихъ сочине-

ній. Ему казалось, что на это не стоитъ терять времени, что его призваніе — открывать новыя мысли, которыя должны облагодѣтельствовать человѣчество, а не сидѣть надъ отдѣлкой слога. Онъ обыкновенно довольствовался тѣмъ, что набрасывалъ свои замѣтки на клочкахъ бумаги, предоставляя приведеніе ихъ въ порядокъ своимъ ученикамъ и поклонникамъ. Такъ, важнѣйшія его сочиненія первоначально вышли во французской обработкѣ Женевца Дюмона. Многія же изъ позднѣйшихъ его произведеній получили окончательную свою форму отъ руки близкаго его друга и послѣдователя, недавно умершаго Джона Боуринга, которому литература обязана и полнымъ изданіемъ сочиненій Бентама. Впрочемъ, читатель ничего не теряетъ отъ этого перехода мыслей автора черезъ чужія руки; ибо какую бы онѣ ни получили обработку, въ результатѣ все выходитъ повтореніе одного и того же. Тутъ нѣтъ глубокихъ или тонкихъ воззрѣній, которыя могли бы получить иной оттѣнокъ подъ перомъ ученика; все ясно, какъ на ладони. Послѣдователи Бентама сглаживали только слишкомъ наивныя или безобразныя выраженія и придавали нѣкоторую внѣшнюю стройность тому, что было набросано въ хаотическомъ безпорядкѣ. Поэтому ихъ работы точно также раскрываютъ намъ воззрѣнія Бентама, какъ и оригинальныя произведенія его пера. Во всякомъ случаѣ, для оцѣнки утилитарныхъ началъ они имѣютъ одинакое значеніе.

Основное сочиненіе Бентама, въ которомъ излагаются коренныя начала его теоріи, было напечатано уже въ 1780-мъ году, подъ именемъ *Введенія въ начала нравственности и законодательства* (Introduction to the principlls of morals and legislation); но явные не-

достатки формы, указанные друзьями и признанные самимъ авторомъ, побудили Бентама пріостановить выходъ въ свѣтъ этого трактата. Онъ явился только въ 1789-мъ году, въ обработкѣ Дюмона, подъ заглавіемъ: *Начала законодательства* (Principes de législation). Впослѣдствіи онъ былъ вновь изданъ въ первоначальномъ видѣ и вошелъ въ первую часть сочиненій Бентама. Ближайшее приложеніе изложенныхъ здѣсь началъ къ нравственности заключается въ *Деонтологіи,* то есть, ученіи объ обязанностяхъ; это было послѣднее произведеніе Бентама, окончательно обработанное Боурингомъ. Въ критическомъ отношеніи важны изданные самимъ Бентамомъ и также обработанные Дюмономъ трактаты *о Политическихъ софизмахъ* (Traité des sophismes politiques, The book of Fallacies, Works, II), *и объ Анархическихъ софизмахъ* (Sophismes anarchiques, Anarchical Fallacies, Works, II), а также вышедшій въ 1776-мъ году *Отрывокъ о правительствѣ* (A fragment on government, Works, I), въ которомъ подвергается ѣдкой критикѣ конституціонная теорія Блакстона. Въ позднѣйшую эпоху своей долгой жизни (онъ умеръ въ 1832-мъ году, 85 лѣтъ отъ роду) Бентамъ много писалъ о политикѣ. Основныя свои идеи по этой части онъ изложилъ въ *Руководящихъ началахъ конституціоннаго кодекса для всѣхъ государствъ* (Leading principles of a Constitutional code for any state, Works, II). Онъ написалъ даже подробный *Конституціонный кодексъ* для всѣхъ народовъ въ мірѣ (The Constitutional code, Works, IX). Нѣкоторыя изъ его политическихъ сочиненій важны только въ практическомъ отношеніи, напримѣръ, его *Тактика совѣщательныхъ собраній* (Tactique des assemblées délibérantes). Кромѣ того,

многія и важнѣйшія его произведенія посвящены другимъ отраслямъ правовѣдѣнія: уголовному праву, гражданскому праву, судопроизводству. Для нашей цѣли достаточно изложить главныя основанія его философской теоріи и показать приложеніе этихъ началъ къ нравственности и политикѣ.

Бентамъ явился въ новое время главнымъ представителемъ *утилитаризма*, ученія, которому начало положилъ основатель скептической философіи, Юмъ. Скептицизмъ, вообще, составляетъ естественное послѣдствіе противоположныхъ направленій, на которыя, въ своемъ развитіи, разбивается человѣческая мысль. Всякая односторонность, послѣдовательно проведенная, сама собою обличаетъ свою несостоятельность. А такъ какъ обѣ односторонности оказываются одинаково недостаточными, то человѣческій умъ приходитъ къ отрицанію обѣихъ и начинаетъ сомнѣваться во всякой истинѣ. Остается только чисто практическая точка зрѣнія. Въ области теоріи все сводится къ привычкѣ, въ сферѣ дѣятельности къ практической пользѣ. Этотъ шагъ и сдѣлалъ Юмъ *). Но указывая на послѣднее начало, какъ на единственный источникъ человѣческихъ дѣйствій, Юмъ все еще не могъ отрѣшиться вполнѣ отъ предшествующихъ теорій. У него къ началу пользы присоединяется еще нравственное чувство, которое развивали шотландскіе философы. Противъ этой непослѣдовательности возсталъ Бентамъ. Юмъ, говоритъ онъ, видѣлъ нѣкоторый проблескъ истины: онъ показалъ, съ точки зрѣнія пользы, въ чемъ состоятъ правда и добродѣтель. Но на этомъ онъ остановил-

*) О Юмѣ см. въ моей «Исторіи политическихъ ученій», часть III, стр. 195—231.

ся, и вмѣсто того, чтобы утвердить свое ученіе на истинныхъ началахъ, онъ сбился опять на нравственное чувство, которое ничто иное, какъ чисто произвольное предположеніе, ни къ чему не ведущее *). Единственное основаніе пользы, по мнѣнію Бентама, заключается въ прирожденныхъ человѣку чувствахъ удовольствія и страданія. Поэтому онъ высоко ставитъ французскихъ мыслителей XVIII вѣка, которые проводили этотъ принципъ въ своихъ сочиненіяхъ, особенно Гельвеція **), котораго Бентамъ признаетъ первымъ моралистомъ, постигшимъ настоящее значеніе начала пользы ***). Съ своимъ положительнымъ умомъ, Бентамъ не могъ остановиться на неопредѣленной формулѣ Юма, въ которой смѣшивались и общая польза и личная, и нравственное чувство и эгоистическія стремленія. Онъ искалъ для своей системы болѣе точныхъ основаній, а съ устраненіемъ всякихъ общихъ понятій, иныхъ практическихъ началъ не обрѣталось, кромѣ тѣхъ, которыя были приняты французскими матеріалистами XVIII вѣка, проповѣдывавшими чистый эгоизмъ. Поэтому Бентамъ, такъ же какъ послѣдніе, признаетъ личное удовольствіе и страданіе исходною точкою всей человѣческой дѣятельности. Въ этомъ заключается основное его положеніе, изъ котораго выводится все остальное.

«Природа, говоритъ Бентамъ въ своихъ *Началахъ Законодательства,* поставила человѣка подъ власть удовольствія и страданія. Имъ мы обязаны всѣми

---

*) Deontol. I, ch. 1.

**) О немъ см. «Исторія политическихъ ученій», часть III, стр. 48—59.

***) Тамъ же.

нашими понятіями; къ нимъ мы относимъ всѣ наши сужденія, всѣ дѣйствія нашей жизни. Тотъ, кто думаетъ освободиться отъ этого подчиненія, не знаетъ, что онъ говоритъ. Единственная его цѣль — искать удовольствія и избѣгать страданія, въ ту самую минуту, когда онъ отрекается отъ величайшихъ удовольствій и идетъ на встрѣчу самымъ жестокимъ страданіямъ. Эти вѣчныя и неодолимыя чувства должны быть главнымъ предметомъ вниманія моралиста и законодателя. Начало пользы все подчиняетъ этимъ двумъ побужденіямъ» *).

На чемъ же основывается это положеніе? Повидимому, невозможно принять его безъ глубокаго психологическаго анализа. Это не есть общій, не подлежащій исключеніямъ фактъ, на который можно было бы опираться, какъ на несомнѣнное данное, безъ дальнѣйшаго разбора. По собственному признанію Бентама, люди не всегда дѣйствуютъ по этому побужденію и еще чаще отвергаютъ это начало въ своихъ воззрѣніяхъ **). Извѣстно, что человѣкъ руководится иногда вовсе не желаніемъ удовольствія, а тѣми или другими нравственными понятіями, которыя онъ признаетъ для себя обязательными: надобно доказать, что это мечта. Поэтому и Юмъ, хотя онъ и держался начала пользы, останавливался передъ послѣдовательнымъ проведеніемъ своихъ взглядовъ, имѣя въ виду тѣ полновѣсныя возраженія, которыя представляли противъ эгоистическихъ ученій шотландскіе философы. Въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ указывалъ на то, что человѣкъ нерѣд-

*) Princ. de législ., ch. I; cp. Introd. to the Princ. of. Mor. etc., ch. 1.
**) Intr. to the Pr. of. Mor. and. Leg., I, § 12.

ко побуждается къ дѣйствію безкорыстнымъ сочувствіемъ къ другимъ, и тогда собственное его удовольствіе составляетъ для него не цѣль, а только послѣдствіе дѣйствія: надобно было устранить это возраженіе. Однако ничего подобнаго мы не видимъ у Бентама. Онъ считаетъ свое положеніе такою аксіомою, которую и доказывать нечего. Онъ самъ въ этомъ сознается: «подлежитъ ли это начало какому нибудь доказательству? говоритъ онъ. Повидимому нѣтъ, ибо то, чѣмъ доказывается все остальное, не можетъ само быть доказано: цѣпь доказательствъ должна имѣть гдѣ - нибудь свое начало. Представить такое доказательство столь же невозможно, какъ и безполезно» *). «Есть положенія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, которыя не подлежатъ доказательствамъ. Невозможно, напримѣръ, математически доказать, что благосостояніе слѣдуетъ предпочитать дурному состоянію; пусть тотъ, кто отвергаетъ начало, отвергаетъ и выводы. Это единственная аксіома, которую мы просимъ, чтобы намъ допустили, а это значитъ весьма немногаго требовать отъ довѣрчивости людей» **).

Замѣтимъ, что исходною точкою служитъ здѣсь не фактъ, а умозрительное положеніе, которое принимается за аксіому, и къ которому примыкаетъ, по выраженію Бентама, вся цѣпь доказательствъ. Слѣдовательно, и здѣсь мысль движется путемъ вывода, а не наведенія. Отсюда то полнѣйшее презрѣніе къ исторической жизни народовъ и то чисто отвлеченное построеніе системы, которыми отличаются всѣ

---

*) Intr. to the Pr. of. Mor. and. Leg. I, § 11.

**) Deontol. I, ch. 20.

сочиненія Бентама. Въ этомъ нельзя не видѣть крайняго противорѣчія мысли: чисто практическое начало возводится въ умозрительную аксіому, притомъ безъ всякихъ опытныхъ изслѣдованій и безъ всякой философской провѣрки. Здѣсь ярко выказывается недостатокъ философской способности Бентама.

Избавляя себя отъ всякихъ доказательствъ, Бентамъ въ тоже время избавляетъ себя и отъ всякой серіозной критики противниковъ. Онъ просто утверждаетъ, что они сами не понимаютъ, что говорятъ. Въ его глазахъ, достаточно указать на ихъ ученія, чтобы ихъ опровергнуть. «Если начало пользы, говоритъ онъ, есть истинное начало, которымъ мы должны руководствоваться во всѣхъ случаяхъ, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всякое начало, которое отъ него отличается въ чемъ бы то ни было, должно по необходимости быть ложно. Поэтому, чтобы доказать, что извѣстное начало ложно, нужно только показать, что предписанія этого начала въ томъ или другомъ случаѣ отличаются отъ требованій начала пользы: изложить его значитъ его опровергнуть» *).

Бентамъ противополагаетъ началу пользы два другихъ принципа: аскетизмъ и безотчетную симпатію или антипатію. Первый изъ нихъ основываетъ нравственность на лишеніяхъ, а добродѣтель на самоотверженіи. Это — совершенная противоположность началу пользы: здѣсь страданіе считается благомъ, а удовольствіе зломъ. Основаніе этого ученія можетъ быть двоякое: философское и религіозное. Но въ обоихъ случаяхъ подъ этимъ скрываются чисто

*) Intr. to the Pr. of Mor., ch. II, § 1.

личныя побужденія. По увѣренію Бентама, всѣ аскетическіе философы, напримѣръ, Стоики, имѣли въ виду за мнимыя свои жертвы получить вознагражденіе репутаціею и славою. Религіозные же послѣдователи аскетизма суть или жалкіе безумцы, которые терзаются напраснымъ страхомъ, происходящимъ отъ предразсудковъ, или люди, которые думаютъ получить въ будущей жизни награду за лишенія въ настоящей. Слѣдовательно, заключаетъ онъ, аскетизмъ ничто иное, какъ дурно понятое начало пользы; въ основаніи его лежитъ недоразумѣніе *).

Что касается до симпатіи и антипатіи, то здѣсь уже нѣтъ ничего, кромѣ чистѣйшаго произвола. Философъ говоритъ: *я чувствую, слѣдовательно это такъ.* Подобное ученіе есть, въ сущности, отрицаніе всякаго разумнаго принципа. Отъ начала, которое полагается въ основаніе нравственной системы, требуется какой - нибудь внѣшній критерій, который могъ бы руководить внутренними чувствами одобренія или неодобренія, сопровождающими дѣйствія. Но здѣсь эти внутреннія чувства считаются достаточнымъ мѣриломъ самихъ себя: все, что не нравится человѣку, по этому самому должно быть дурно. Это ведетъ къ полнѣйшему произволу въ мысляхъ и къ деспотизму въ отношеніи къ другимъ. Къ этой категоріи Бентамъ причисляетъ всѣ системы, которыя опираются на нравственное чувство, на совѣсть, на здравый смыслъ, даже на разумъ вообще, наконецъ всѣ ученія, которыя признаютъ существованіе естественнаго закона и вѣчныхъ началъ права. Подъ этими различными именами, го-

---

*) Princ. de Lég., ch. II; Intr. to the Pr. of. Mor., ch. II, §§ 1—10.

ворить онъ, проповѣдуются только личныя, ни на чемъ не основанныя сужденія авторовъ *).

Въ позднѣйшее время Бентамъ подвелъ оба эти разряда ученій подъ одну рубрику, относя аскетизмъ къ антипатіи, а сентиментализмъ къ симпатіи **). Онъ обозначалъ ихъ общимъ названіемъ ипседикситизма, то есть теорій, основанныхъ единственно на произвольномъ утвержденіи авторовъ. Такимъ образомъ, все, что выходило изъ круга его воззрѣній, казалось ему лишеннымъ всякаго серіознаго значенія. Мысли древнихъ философовъ въ особенности представлялись ему только собраніемъ нелѣпостей. «Въ то время, какъ Ксенофонтъ писалъ свою исторію, говоритъ онъ, а Евклидъ создавалъ геометрію, Сократъ и Платонъ болтали пустяки, подъ предлогомъ преподаванія мудрости и нравственности. Ихъ нравственность состояла въ словахъ, ихъ мудрость въ отрицаніи того, что извѣстно опыту каждаго, и въ утвержденіи того, что противорѣчитъ опыту каждаго». Платона онъ прямо называетъ верховнымъ мастеромъ въ созданіи безсмыслицы ***).

Устранивши такимъ способомъ всѣ возраженія, Бентамъ послѣдовательно отвергаетъ и всѣ нравственныя понятія, выработанныя человѣческимъ умомъ. *Совѣсть,* говоритъ онъ, есть вымышленный предметъ, котораго мѣстопребываніе полагается въ душѣ; въ философскомъ языкѣ надобно отбросить эти метафорическія выраженія и замѣнить ихъ настоящими, то есть, представленіемъ удовольствій и

---

*) Princ. de législ., ch. III, Sect. I; Intr. to the Princ. of Mor. and Leg., ch. II, § 11 и слѣд.

**) Deontol. I, ch. 8.

***) Тамъ же, гл. 3.

страданій *). Безполезно толковать и объ обязанностяхъ. «Самое это слово, говоритъ Бентамъ, имѣетъ въ себѣ что-то непріятное и отталкивающее. Пусть твердятъ о немъ, сколько хотятъ; никогда это слово не сдѣлается правиломъ человѣческаго поведенія» **). «Талисманъ, который употребляютъ высокомѣріе, нерадѣніе и невѣжество, говоритъ онъ далѣе, заключается въ одномъ словѣ, которое даетъ обману видъ увѣренности и авторитета... Это таинственное слово есть *обязанность*... Оно должно быть изгнано изъ лексикона нравственности» ***). «Что возьмете вы съ этимъ великимъ словомъ *обязанность*, восклицаетъ Бентамъ въ другомъ мѣстѣ, съ этимъ вѣчнымъ логическимъ кругомъ, или съ этими абсолютными терминами *добраго, честнаго, полезнаго, правомѣрнаго?* Пусть раздаются сколько угодно эти звонкія и лишенныя смысла слова, они не будутъ имѣть никакого вліянія на умъ человѣка. Ничто не можетъ на него дѣйствовать, кромѣ ожиданія удовольствія и страданія» ****). Столь же вредными онъ считаетъ и термины: *естественный законъ* и *естественное право*. Все это фикціи, не имѣющія дѣйствительности. Существуютъ только положительные законы и права; естественныхъ же вовсе нѣтъ. Естественны человѣку не права, а чувства удовольствія и страданія. Поэтому правомѣрнымъ должно быть признано единственно то, что удовлетворяетъ этимъ чувствамъ, то есть, то, что полезно. Во всякомъ другомъ смыслѣ, начало права становится однимъ изъ самыхъ ги-

*) Deontol. I, ch. 9; Princ. de législ., ch. 7, примѣч.
**) Deontol. I, ch. 1.
***) Тамъ же, гл. 2.
****) Deontol. Введеніе во вторую часть.

бельныхъ для человѣчества предразсудковъ *). Наконецъ, и слово *заслуга* ведетъ лишь къ возбужденію страстей и къ безчисленнымъ заблужденіямъ. Только произвольное начало симпатіи и антипатіи заставляетъ людей считать дѣйствія *заслуживающими* награды и наказанія. По настоящему, надобно смотрѣть лишь на хорошія или дурныя послѣдствія дѣйствій**).

Съ этой точки зрѣнія, Бентамъ долженъ былъ логически придти къ совершенному устраненію всякаго изслѣдованія внутреннихъ мотивовъ дѣйствія: важенъ только результатъ, или та польза, которую оно приноситъ человѣку. Дѣйствительно, въ Деонтологіи онъ особенно настаиваетъ на этой мысли. Не только законодателю, но и моралисту воспрещается вступать въ эту область. Бентамъ называетъ мотивъ фиктивнымъ существомъ, неуловимымъ и летучимъ, темнымъ и неприступнымъ отвлеченіемъ, которое, если бы его можно было ухватить и вывести на свѣтъ, не принесло бы никакой пользы. «Изысканіе мотивовъ, говоритъ онъ, составляетъ одну изъ причинъ, которыя наиболѣе содѣйствуютъ введенію людей въ заблужденіе относительно нравственныхъ вопросовъ. Это изысканіе основывается на смутномъ представленіи, что истинное количество и качество добродѣтели и порока находятся болѣе въ источникахъ дѣйствія, нежели въ самомъ дѣйствіи. Но время, употребленное на это изслѣдованіе, совершенно потеряно. Въ отвлеченномъ смыслѣ, всѣ побужденія хороши; всѣ имѣютъ цѣлью полученіе удовольствія и избѣжаніе страданія. Люди не имѣютъ, не могутъ имѣть и никогда не будутъ имѣть иныхъ

---

*) Princ. de législ., ch. XIII, 10; Deontol. I, ch. 9

**) Princip. de législ., ch. XIII.

мотивовъ... Но каковы бы ни были побужденія, не по нимъ долженъ судить моралистъ; онъ обращается къ поведенію людей, только когда послѣдствія этого поведенія касаются области наслажденія или страданія; въ остальномъ его вмѣшательство было бы деспотизмомъ» *). «Мотивы! восклицаетъ Бентамъ въ другомъ мѣстѣ; какъ будто не всѣ мотивы одинаковы! какъ будто они всѣ не имѣютъ цѣлью доставить дѣйствующему лицу какую-нибудь награду за его дѣйствіе, или избавленіемъ отъ страданія, или пріобрѣтеніемъ удовольствія! Самые порочные люди и самые добродѣтельные имѣютъ совершенно одинакіе мотивы дѣйствія; и тѣ и другіе хотятъ увеличить сумму своего счастія» **).

Такимъ образомъ, Бентамъ, также какъ Гельвецій, считаетъ личный интересъ единственною пружиною человѣческой дѣятельности. «Достовѣрно, говоритъ онъ, что всякій человѣкъ всегда дѣйствуетъ въ виду собственнаго интереса... Цѣль всякаго разумнаго существа состоитъ въ томъ, чтобы получить для себя самого наибольшее количество счастія. Всякій человѣкъ себѣ ближе и дороже, нежели другому, и никто, кромѣ него самого, не можетъ измѣрить его удовольствій и страданій. Необходимо, чтобы онъ самъ былъ первымъ предметомъ своей заботы. Его собственный интересъ долженъ въ его глазахъ имѣть преимущество передъ всякимъ другимъ» ***). «Отрѣшиться отъ своей личности, забыть собственный интересъ, приносить безкорыстныя жертвы въ виду долга, говоритъ онъ далѣе, все это фразы, конечно,

---

*) Deontol. I, ch. 8, см. также часть II, гл. 1.
**) Deontol. II, ch. 3.
***) Deontol. I, ch. 1.

очень громкія, но правду сказать, столь же нелѣпыя, какъ и громкія. Предпочтеніе, оказываемое собственному лицу, есть явленіе всеобщее и необходимое» *). Поэтому Бентамъ считаетъ главною цѣлью нравственности и законодательства указать каждому, въ чемъ состоитъ истинная его выгода. «Нравственность, говоритъ онъ, даетъ правила эгоизму, и какъ мудрый и дѣятельный управитель, завѣдываетъ нашимъ доходомъ счастія, такъ чтобы мы получили изъ него наиболѣе барыша» **). Поэтому вся задача какъ нравственности, такъ и законодательства состоитъ лишь въ правильномъ производствѣ ариѳметическихъ вычисленій, въ которыхъ, съ одной стороны, полагаются удовольствія, съ другой, страданія, и оказывающійся остатокъ опредѣляетъ доброту или порочность дѣйствія ***).

Можно бы ожидать послѣ этого, что личный интересъ, также какъ у Гельвеція, будетъ поставленъ основнымъ началомъ всего ученія. Но тутъ производится подтасовка понятій, и въ самой исходной точкѣ, вмѣсто личнаго интереса, является интересъ общій. «*Общественное счастіе,* говоритъ Бентамъ, должно быть цѣлью законодателя; *общая польза* должна быть основаніемъ сужденій въ законодательствѣ» ****). Тоже самое относится и къ нравственности: «основаніемъ деонтологіи, говоритъ Бентамъ, будетъ такимъ образомъ начало пользы, или, другими словами, то, что дѣйствіе считается добрымъ или дурнымъ, что оно заслуживаетъ похвалы или

*) Deontol. II, ch. 2.
**) Deontol. II, ch. 11.
***) Princ. de législ., ch. 8; Deontol. I, ch. 2, 14.
****) Princ. de législ., ch. 1.

порицанія, соразмѣрно съ его стремленіемъ увеличить или уменьшить сумму *общественнаго счастія»* *). При своей полной неспособности къ философскому мышленію, Бентамъ, повидимому, даже и не подозрѣваетъ, что тутъ есть противорѣчіе. Въ его глазахъ, эти два начала тожественны, ибо общество ничто иное, какъ фиктивное тѣло, состоящее изъ лицъ; слѣдовательно, интересъ общества составляетъ только сумму частныхъ интересовъ всѣхъ его членовъ **). Общее благо достигается тѣмъ, что каждый получаетъ изъ него наибольшее количество для себя ***). Это было бы, безъ сомнѣнія, справедливо, если бы личныя удовольствія можно было складывать, какъ математическія единицы; но всякому извѣстно, что удовольствіе одного часто противорѣчитъ удовольствію другаго, и личная польза нерѣдко идетъ наперекоръ общей. Что же будетъ, если каждый, слѣдуя внушеніямъ личнаго интереса, захочетъ пріобрѣсти для себя гораздо большее количество общественныхъ благъ, нежели сколько достается другимъ? При столкновеніи своего интереса съ чужими, которому изъ нихъ должно быть дано предпочтеніе? И кто станетъ соглашать эти разнородныя требованія, когда всякій, въ силу естественной необходимости, тянетъ на свою сторону?

Очевидно, что исходя отъ чисто личнаго чувства удовольствія и страданія, невозможно было логически поставить общую пользу рядомъ съ личною, не доказавши предварительно, что обѣ онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ. Бентамъ говорит-

---

*) Deontol. I, ch. 2.

**) Introd. to the Pr. of. Mor. and Leg., ch. I, § 4.

***) Deontol. I, ch. 1.

ритъ мимоходомъ, что цѣль утилитаризма — доказать каждому эту связь *). Но именно этого доказательства, на которомъ зиждется все ученіе, онъ не представилъ, да и не могъ представить. Все ограничивается общими фразами, что дѣйствуя на пользу другихъ, мы можемъ ожидать отъ нихъ благодарности, похвалы и услуги. Между тѣмъ, какъ скоро дѣло доходитъ до приложенія теоріи, такъ постоянно предполагается совершенно другое. Бентамъ ссылается на мнѣніе Гельвеція, который говорилъ, что для того, чтобы любить людей, не надобно многаго отъ нихъ ждать **). Но тогда за что же ихъ любить? Естественное согласіе между личнымъ интересомъ и общественнымъ такъ мало допускается самимъ Бентамомъ, что для установленія его онъ постоянно требуетъ искусственныхъ средствъ. «Чтобы человѣкъ чувствовалъ эту связь между чужимъ интересомъ и своимъ собственнымъ, говоритъ онъ, нуженъ просвѣщенный умъ и сердце свободное отъ соблазнительныхъ страстей (NB, то есть, отъ сильнѣйшихъ побужденій къ удовольствію). Большая часть людей не имѣетъ ни достаточно душевной твердости, ни довольно нравственной чувствительности, чтобы честность ихъ могла обходиться безъ помощи закона. Законодатель долженъ восполнять слабость этого естественнаго интереса, присоединивъ къ нему интересъ искусственный, болѣе чувствительный и болѣе постоянный» ***). Поэтому законъ, какъ юридическій, такъ и нравственный, нуждается въ санкціяхъ, и со стороны правитель-

---

*) Deontol. I, ch. 2.

**) Deontol. I, ch. 1.

***) Princip. de législ., ch. 12; cp. Deontol. I, ch. 7.

ства, распредѣляющаго награды и наказанія, и со стороны общественнаго мнѣнія, которое поддерживаетъ нравственныя начала своимъ приговоромъ и своимъ вліяніемъ. «Отъ правительства, говоритъ Бентамъ, въ значительной степени зависитъ предупрежденіе причины безнравственности, состоящей въ предпочтеніи личнаго интереса общественному. Мудрое законодательство должно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ единый интересъ, и согласить обѣ санкціи, народную и политическую. Это согласіе укрѣпляется всякимъ хорошимъ закономъ и ослабляется дурнымъ» *). Иногда Бентамъ выражается еще сильнѣе. Опровергая понятіе о естественномъ законѣ, онъ говоритъ, что человѣку естественны только чувства удовольствія и страданія и основанныя на нихъ наклонности. Но эти чувства и наклонности не только не служатъ закономъ для человѣка, а напротивъ, сами должны быть подчинены законамъ. «Строжайшіе законы нужны именно противъ сильнѣйшихъ наклонностей. Если бы существовалъ естественный законъ, который направлялъ бы людей къ общему благу, то законы были бы излишни» **).

Все, слѣдовательно, зависитъ отъ санкціи. Предоставленный самъ себѣ, личный интересъ противорѣчитъ общественному; нужны искусственныя побужденія, чтобы заставить ихъ дѣйствовать согласно. Бентамъ признается однако, что эти санкціи, въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали доселѣ, весьма недостаточны. И правительства, и общества погрязли въ предразсудкахъ; истиннаго желанія счастія для

*) Deontol. I, ch. 8.

**) Princ. del égisl., ch. XIII, 10.

людей нигдѣ почти не видать. Честь и слава большею частью пріобрѣтаются самыми гибельными для человѣчества предпріятіями; героями считають тѣхъ, кто изъ честолюбія проливаетъ потоки крови на войнѣ. Напротивъ, репутація, пріобрѣтаемая добрыми дѣлами, почти незамѣтна въ сравненіи съ тою, которая дается этими варварскими поступками. «Что же дѣлать, восклицаетъ Бентамъ, если изъ всѣхъ этихъ великолѣпныхъ вещей, такъ мала доля, которую можно пріобрѣсти невинными средствами, и такъ велика та, которая пріобрѣтается преступными путями? Что дѣлать, какъ не представить изображеніе добродѣтели и порока и контрастъ между красотою первой и безобразіемъ послѣдней?» *)

Оказывается, слѣдовательно, что побужденіемъ для человѣка можетъ служить не одинъ личный интересъ, а красота добродѣтели, и что послѣднее даже выше перваго. Собственно говоря, съ точки зрѣнія Бентама, слѣдовало бы считать добродѣтельнымъ именно того, кто проливаетъ человѣческую кровь для пріобрѣтенія репутаціи героя, ибо онъ жертвуетъ всѣмъ для личнаго своего удовольствія, а въ этомъ, по ученію Бентама, и состоитъ существо добродѣтели.

Но предположивши даже, что съ теченіемъ времени, при лучшемъ состояніи человѣческаго рода, явится возможность установить санкціи болѣе правильнымъ образомъ, на основаніи утилитарныхъ началъ, какой же выйдетъ изъ этого результатъ? Если человѣкъ предпочелъ свой интересъ чужому, то на какомъ основаніи можно его осудить? Онъ сдѣлалъ только то, что требуется и его природою, и прав-

*) Deontol. I, ch. 7.

ственнымъ закономъ, который учитъ его ставить свой личный интересъ выше всего на свѣтѣ. Можно сказать въ томъ или другомъ случаѣ, что онъ плохо расчелъ свои выгоды; но на какомъ основанiи налагать наказанiе за дурной личный расчетъ? И кто можетъ быть въ этомъ дѣлѣ судьею, какъ не само дѣйствующее лице? Вся сущность утилитаризма заключается въ томъ, что слѣдуетъ предпочитать большее удовольствiе меньшему. Но о степени, мѣрѣ и качествѣ удовольствiя можетъ судить только то лице, которое его ощущаетъ, и никто другой. Тутъ является безконечное разнообразiе человѣческихъ чувствъ и стремленiй. Для меня въ одной минутѣ можетъ заключаться счастiе, за которое я готовъ заплатить годами лишенiй, а для другаго тоже самое счастiе представляется совершенно ничтожнымъ. Это положительно признаетъ и самъ Бентамъ. «Что такое удовольствiе? говоритъ онъ; и что такое страданiе? Всѣ люди имѣютъ ли объ этомъ одно и тоже понятiе? Далеко нѣтъ: удовольствiе, *это то, что сужденiе человѣка, съ помощью памяти, представляетъ ему таковымъ*. Никто не можетъ признать за другимъ право рѣшать вмѣсто него, въ чемъ состоитъ его удовольствiе, и удѣлять ему потребное количество онаго. Отсюда необходимый выводъ, что надобно предоставить каждому человѣку зрѣлыхъ лѣтъ и съ здравымъ умомъ судить и дѣйствовать въ этомъ отношенiи, какъ ему заблагоразсудится, и что было бы безумiемъ и дерзостью хотѣть направить его поведенiе въ смыслѣ противоположномъ тому, который онъ самъ считаетъ своимъ интересомъ» *). Бентамъ неоднократно выставляетъ подобное вмѣшательство

*) Deontol. I, ch. 2.

въ область личныхъ ощущеній человѣка высшею степенью тиранніи. «Каждый, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не только лучшій, но и единственный судья того, что составляетъ для него удовольствіе и страданіе. Сказать: если я это сдѣлаю, то у меня не будетъ перевѣса удовольствія; слѣдовательно, если вы это сдѣлаете, то у васъ не будетъ перевѣса удовольствія,—есть признакъ притязательности и глупости. Говорить: если я это сдѣлаю, то у меня не будетъ перевѣса удовольствія, но если вы это сдѣлаете, то у васъ можетъ быть перевѣсъ удовольствія, однако вамъ не слѣдуетъ этого дѣлать, есть чистая нелѣпость. И если я произвожу какую бы то ни было сумму зла, подъ какою бы то ни было формою, чтобы предупредить зло, тутъ есть несправедливость и вредъ; а если, чтобы помѣшать означенному дѣйствію, я взываю къ правительственной власти, тутъ есть тираннія... Оцѣнку удовольствія и страданія долженъ, слѣдовательно, производить тотъ, кто наслаждается или страдаетъ» *).

Послѣ этого спрашивается: какая же возможность вывести изъ этихъ началъ какія бы то ни было общія правила? Гдѣ общее мѣрило, необходимое для того, чтобы дѣйствіе могло быть признано хорошимъ или дурнымъ? Нельзя было собственными словами представить болѣе сильное опроверженіе своего ученія. Отвергнувъ всякія разумныя начала и принявши за точку отправленія одно лишь чисто субъективное и безконечно разнообразное ощущеніе, Бентамъ тѣмъ самымъ лишаетъ себя всякой возможности дать какую бы то ни было руководящую нить для человѣческой дѣятельности. Если онъ и пытается дѣлать

*) Deontol. I, ch. 4.

нѣчто подобное, то это можно приписать единственно его неспособности видѣть собственныя, кидающіяся въ глаза противорѣчія. У всѣхъ его выводовъ отрѣзаны корни; это — растенія, висящія на воздухѣ.

Дѣло въ томъ, что удовольствіе можетъ иногда быть цѣлью, но никогда мѣриломъ дѣятельности. Оно само, напротивъ, нуждается въ мѣрилѣ. Есть удовольствія хорошія и дурныя, и тѣ, которыя намъ ближе къ сердцу, не всегда должны быть предпочитаемы другимъ. Съ нравственной точки зрѣнія, предпочтеніе должно быть дано тому, которое согласуется съ высшими требованіями человѣка, какъ разумнаго существа. Слѣдовательно, мѣрило дѣйствій лежитъ не въ удовольствіи, а въ разумной природѣ человѣка. Въ сущности, удовольствіе, само по себѣ взятое, безъ отношенія къ высшимъ началамъ человѣческой жизни, не имѣетъ никакого значенія; оно можетъ быть цѣлью только для праздности или разврата. Удовольствіе ничто иное, какъ ощущеніе, сопровождающее удовлетвореніе человѣческихъ стремленій и потребностей; оно все зависитъ отъ послѣднихъ. Слѣдовательно, когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ удовольствій, надобно возвыситься къ ихъ причинѣ и спросить: какимъ стремленіямъ и потребностямъ они отвѣчаютъ? Но тогда вопросъ сводится къ тому: всѣ ли стремленія и потребности человѣка должны быть поставлены на одну доску и всѣ ли должны удовлетворяться? На это можетъ быть только отрицательный отвѣтъ, ибо очевидно, что одно стремленіе нерѣдко противорѣчитъ другому, и потребности одного человѣка идутъ въ разрѣзъ съ потребностями другихъ. Слѣдовательно, является необходимость различать стремленія суще-

ственныя и случайныя, законныя и незаконныя. А это, въ свою очередь, ведетъ къ новому вопросу: въ чемъ состоитъ истинное существо человѣка и какимъ закономъ онъ долженъ руководствоваться? Этотъ вопросъ разсматривается философіею и можетъ быть рѣшенъ различно, смотря по тому, какой сторонѣ человѣка отдается первенство, разумной или чувствительной. Во всякомъ случаѣ, безъ его рѣшенія нѣтъ никакой возможности придти къ какимъ бы то ни было практическимъ заключеніямъ. Но для Бентама все это какъ бы не существуетъ. Онъ устраняетъ основанія и беретъ послѣдствія: онъ не хочетъ знать причинъ и старается уловить только мимолетные и измѣнчивые признаки, которые ускользаютъ отъ всякаго опредѣленія. Поэтому его ученіе разлетается въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи философской мысли.

Это будетъ еще очевиднѣе изъ разбора способовъ приложенія этихъ началъ къ законодательству и къ нравственности.

Цѣлью законодателя Бентамъ полагаетъ *общее благо* *). Мы уже замѣтили, что тутъ можно спросить: отчего же не собственное, если личный интересъ составляетъ единственное побужденіе человѣка? Изъ теоріи Бентама прямо слѣдуетъ, что князь, который пользуется властью для личныхъ своихъ удовольствій, что меньшинство, которое обращаетъ остальныхъ членовъ общества въ рабство, или большинство, которое вымогаетъ все, что можетъ, изъ меньшинства, дѣйствуютъ добродѣтельно, ибо они предпочитаютъ свое удовольствіе чужому и большее

*) Princ. de législ., ch. I.

меньшему. Это возраженіе неопровержимо. Но пойдемъ далѣе. Что же разумѣется подъ именемъ общаго блага? Наибольшая сумма удовольствій, ощущаемыхъ гражданами. Если мы спросимъ: какихъ удовольствій? то въ отвѣтъ получимъ, что всякихъ. Какъ личное ощущеніе, всѣ имѣютъ одинакую цѣну; тутъ качественнаго различія быть не можетъ. Одни предпочитаютъ удовольствія одного рода, другіе другаго: это — дѣло вкуса. Законодатель, по теоріи Бентама, обязанъ принимать во вниманіе и то удовольствіе, которое разбойникъ или убійца извлекаетъ изъ своего злодѣянія; если оно окончательно не дѣлается цѣлью законодательныхъ мѣръ, то это происходитъ единственно отъ того, что при взвѣшиваніи выгодъ и невыгодъ поступка, это удовольствіе перевѣшивается страданіями другихъ. Такимъ образомъ, мы можемъ руководствоваться только чисто количественною оцѣнкою. Но и здѣсь степень удовольствія опредѣляется личнымъ ощущеніемъ каждаго; тутъ опять мѣрила нѣтъ никакого. Слѣдовательно, единственное, что можно взять въ разсчетъ, это — количество лицъ, ощущающихъ удовольствіе. На этомъ основаніи, Бентамъ послѣдовательно измѣнилъ первоначальную формулу утилитаризма; вмѣсто принятаго Юмомъ начала *пользы,* онъ сталъ употреблять терминъ: *наибольшее счастіе наибольшаго количества людей* *). Это, очевидно, прямо вело къ демократіи,

*) Эту формулу, заимствованную у Пристлея, Бентамъ началъ употреблять уже въ самыхъ раннихъ своихъ сочиненіяхъ. См. A fragment on Government, Preface: «it is the greatest happiness of the greatest number, that is the measure of right and wrong». Но здѣсь это выраженіе безразлично замѣняется словомъ *польза*. Только позднѣе, вслѣдствіе болѣе точнаго анализа понятій, Бентамъ со-

къ которой, какъ увидимъ, Бентамъ и пришелъ во вторую эпоху своей дѣятельности. Однако и эта формула оказалась неудовлетворительною: подъ конецъ жизни Бентамъ самъ былъ недоволенъ этимъ выраженіемъ. Оно, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что счастіе меньшинства должно быть принесено въ жертву счастію большинства, а это влечетъ за собою не увеличеніе, а уменьшеніе общаго счастія. Поэтому онъ изобрѣлъ новую формулу: *максимація* счастія, или доведеніе его до высшей степени*). Здѣсь уже начало наибольшаго счастія превращается въ отвлеченный принципъ, который долженъ безразлично прилагаться ко всякому удовольствію и страданію, гдѣ бы они ни встрѣтились. Бентамъ распространяетъ его не только на людей, но и на животныхъ. «Есть счастіе и внѣ области человѣческой жизни, говоритъ онъ, счастіе, которому человѣкъ не можетъ оставаться чуждымъ, котораго онъ поставленъ стражемъ, хотя существа, его вкушающія, не принадлежатъ къ человѣческому роду. Пусть люди вспомнятъ, что счастіе, гдѣ бы оно ни было, и кто бы его ни испытывалъ, составляетъ главный ввѣренный имъ кладъ, что всякій другой предметъ недостоинъ ихъ заботы, и что это — единственное неоцѣненное сокровище въ мірѣ» **).

Спрашивается: какое же земное существо можетъ ставить себѣ цѣлью это отвлеченное начало счастія, независимое отъ ощущающихъ его лицъ, счастіе не

вершенно устранилъ послѣднее и сталъ употреблять первое. См. объясненія Боуринга въ концѣ первой части Деонтологіи.

*) См. объясненія Боуринга въ концѣ первой части Деонтологіи.

**) Deontol. II, ch. 5.

только человѣка, но и животныхъ? По ученію Бентама, каждый стремится исключительно къ личному своему удовольствію; для того, чтобы человѣкъ обратилъ вниманіе на счастіе другихъ, надобно, чтобы онъ видѣлъ въ этомъ собственную свою выгоду. Поэтому и правитель, какъ признаетъ самъ Бентамъ, непремѣнно будетъ преслѣдовать свою личную пользу, а не общую, если онъ не будетъ поставленъ въ зависимость отъ народа. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что цѣлью законодателя всегда можетъ быть только счастіе владычествующей части народа, будь это большинство или меньшинство; остальные же неизбѣжно должны быть принесены въ жертву. Таковъ, въ силу теоріи Бентама, роковой удѣлъ человѣчества. Ясно, слѣдовательно, что для приложенія начала максимаціи счастія вообще нужно отвлеченное, фиктивное существо, какого на землѣ не найдется. Или же надобно предположить въ человѣкѣ безкорыстное чувство любви къ ближнимъ и даже къ животнымъ, чувство, которое притомъ должно быть для него высшимъ правиломъ дѣйствій. Въ сущности, Бентамъ это и признаетъ, когда онъ утверждаетъ, что забота о счастіи должна распространяться на всѣ существа, *одаренныя чувствомъ*, въ томъ числѣ и на животныхъ: «ибо, говоритъ онъ, если животныя, которыхъ мы называемъ низшими, не имѣютъ никакого права на наше *сочувствіе*, то на чемъ основаны права нашей собственной породы?» *) Но въ такомъ случаѣ вся его система рушится въ самыхъ основаніяхъ; это опять ничто иное, какъ отвергнутая имъ теорія сочувствія. Мы

---

*) Deontol. I, ch. 1.

видимъ здѣсь тотъ самый процессъ, которому подвергается всякое одностороннее ученіе: послѣдовательно развивая свое начало, Бентамъ доводитъ его до самоотрицанія.

Если мы вникнемъ въ существо дѣла, то увидимъ, что понятіе пользы, само по себѣ взятое, есть общее начало, ибо оно означаетъ отношеніе средства къ цѣли вообще; отсюда возможность приложенія вытекающихъ изъ него правилъ не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ цѣлымъ обществамъ. Въ этомъ состоитъ главное преимущество утилитаризма передъ индивидуализмомъ. Но когда это начало сводится опять на личное ощущеніе, то здѣсь неизбѣжно оказывается внутреннее противорѣчіе, которое и ведетъ къ различнымъ, хотя одинаково неправильнымъ выводамъ. Если въ основаніе полагается личное требованіе, то общая цѣль исчезаетъ, и мы снова впадаемъ въ чистый индивидуализмъ; если же мы послѣдовательно придемъ опять къ общему началу, то личное у насъ ускользаетъ, и такимъ образомъ теряется почва подъ ногами. Истинное разрѣшеніе задачи заключается въ томъ, что личное начало, во имя высшихъ нравственныхъ требованій, должно подчиняться общему. Лице призвано служить цѣлому, котораго оно состоитъ членомъ, но въ этомъ служеніи оно находитъ и собственное свое удовлетвореніе, какъ разумное существо, то есть, удовлетвореніе не всѣхъ своихъ стремленій и потребностей безразлично, а только высшихъ. Съ своей стороны, общество само полагаетъ себѣ цѣлью удовлетвореніе личныхъ потребностей своихъ членовъ, но опять-таки не всѣхъ потребностей безразлично, а лишь существенныхъ. Такимъ образомъ, общій

элементъ и личный приводятся къ соглашенію. Но эти выводы выходятъ уже изъ предѣловъ утилитаризма. Какъ чисто практическое начало, онъ долженъ ограничиваться частными, практическими соображеніями, а потому принужденъ колебаться между неразрѣшимыми противорѣчіями.

Посмотримъ теперь, какъ законодатель исполняетъ возложенную на него задачу.

Законодатель, говоритъ Бентамъ, долженъ, при оцѣнкѣ каждаго дѣйствія, взвѣсить всѣ проистекающія изъ него удовольствія и страданія, вычесть одну сумму изъ другой и затѣмъ вывести общій итогъ. Это — чисто ариѳметическая операція. Взвѣсить же удовольствія и страданія можно только принявши въ расчетъ всѣ сопровождающія ихъ обстоятельства, а именно, съ одной стороны, ихъ силу, продолжительность, вѣрность или невѣрность, близость или отдаленность, ихъ плодовитость и чистоту; съ другой стороны, степень чувствительности субъектовъ, ибо для разныхъ лицъ одни и тѣже удовольствія и страданія имѣютъ совершенно различное значеніе. Чувствительность же зависитъ отъ темперамента, здоровья, силы, тѣлесныхъ недостатковъ, степени просвѣщенія, умственныхъ способностей, твердости души, отъ постоянства и наклонностей человѣка, отъ понятій о чести, религіозныхъ вѣрованій, отъ привязанностей и ненавистей, отъ умственнаго состоянія, наконецъ, отъ денежнаго положенія. Это — обстоятельства главныя, или основныя; но кромѣ того, есть и второстепенныя, которыя также должны быть приняты въ расчетъ, а именно, полъ, возрастъ, общественное положеніе, воспитаніе, занятіе, климатъ, раса, правительство,

наконецъ, вѣроисповѣданіе *). «Какъ невозможно исчислить движеніе корабля, не зная всѣхъ обстоятельствъ, которыя вліяютъ на его скорость, говоритъ Бентамъ, какъ то, силу вѣтровъ, противодѣйствіе воды, строеніе судна, вѣсъ груза и т. д., такъ и въ законодательствѣ нельзя дѣйствовать съ увѣренностью, не принимая въ расчетъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ вліяніе на чувствительность» **). Между тѣмъ, онъ тутъ же сознается, что большая часть изъ нихъ совершенно ускользаетъ отъ всякаго измѣренія, такъ что въ отдѣльныхъ случаяхъ невозможно даже опредѣлить ихъ существованіе, не только что исчислить ихъ степень и силу. И это относится именно къ обстоятельствамъ важнѣйшимъ, къ тѣмъ, которыя онъ называетъ основными. Къ счастью, говоритъ онъ, законодатель можетъ не брать въ расчетъ этихъ метафизическихъ или нравственныхъ свойствъ; онъ можетъ ограничиться внѣшними, второстепенными условіями, которыя служатъ признаками внутренняго состоянія человѣка. Правда, эти расчеты не всегда будутъ вѣрны; но они вообще достаточны для того, чтобы избѣжать тираническихъ законовъ, и особенно чтобы пріобрѣсти законодателю похвалу общественнаго мнѣнія ***).

Итакъ, все сводится къ весьма проблематической похвалѣ общественнаго мнѣнія! Нечего говорить, что тутъ объ основательной теоріи не можетъ быть

*) Pr. de Lég., ch. 8, 9, sect. 1, 2; Intr. to the Pr. of Mor. and Lég., ch. 4, 6.

**) Pr. de Lég., ch. IX, sect. 3.

***) Princ. de Lég., ch. IX, sect. 3.

рѣчи. То, что составляетъ сущность прилагаемаго начала, исчезаетъ, а остаются только чисто второстепенныя точки зрѣнія. Прибавимъ, что когда Бентамъ говоритъ объ этихъ второстепенныхъ обстоятельствахъ, онъ и тутъ прямо заявляетъ, что большею частью невозможно исчислить ихъ вліяніе. Такъ, на счетъ возраста, «можно высказать только неопредѣленныя и общія мысли»; чинъ или общественное положеніе «до такой степени зависитъ въ своемъ дѣйствіи отъ политическаго устройства государствъ, что невозможно установить какое-либо общее правило»; вліяніе воспитанія «до такой степени видоизмѣняется, съ одной стороны, стеченіемъ внѣшнихъ причинъ, съ другой стороны, естественными свойствами лица, что дѣйствія его вовсе не подлежатъ исчисленію»; о климатѣ трудно сказать что-нибудь достовѣрное *). Спрашивается: что же остается для ариѳметической операціи, которая возможна только при совершенной точности данныхъ?

Посмотримъ теперь, какъ эти начала прилагаются къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, подлежащимъ опредѣленію закона. Первая задача правительства состоитъ въ наказаніи преступленій. Какъ же поступаетъ въ этомъ случаѣ законодатель? О правосудіи, конечно, тутъ не можетъ быть рѣчи. Бентамъ отвергаетъ самое это понятіе, объявляя нелѣпостью производить новое зло въ возмездіе за зло уже совершенное. Наказаніе можетъ имѣть въ виду только устраненіе будущаго зла; законодатель создаетъ мотивъ, воздерживающій человѣка отъ извѣстныхъ дѣйствій, вредныхъ для общества. По выраженію Бентама,

---

*) Тамъ же, sect. 2.

правосудіе ничто иное, какъ приложеніе начала необманутыхъ ожиданій (principle of non-disappointment); то есть, послѣдствіе его состоитъ въ томъ, что гражданинъ не обманывается въ ожиданіи обезпеченнаго состоянія личности и собственности *). Ариѳметическая операція, которую долженъ производить въ этомъ случаѣ законодатель, заключается въ слѣдующемъ: когда онъ хочетъ запретить извѣстное дѣйствіе и установить наказаніе за его совершеніе, онъ долженъ, съ одной стороны, принять въ соображеніе удовольствіе дѣйствующаго лица, а также и зло, проистекающее отъ самаго закона, который всегда является стѣсненіемъ свободы, а потому зломъ; съ другой стороны, онъ долженъ взвѣсить всѣ тѣ страданія, которыя составляютъ послѣдствія запрещаемаго поступка. Эти страданія могутъ быть разнаго рода: 1) страданія лицъ, потерпѣвшихъ отъ дѣйствія, а также людей имъ близкихъ; это — зло перваго разряда; 2) страхъ и опасность, проистекающіе изъ дѣйствія для остальныхъ членовъ общества; это — зло втораго разряда; 3) ослабленіе человѣческой дѣятельности вообще, вслѣдствіе постояннаго недостатка безопасности; это — зло третьяго разряда. Такимъ образомъ, когда человѣкъ изъ ненависти наноситъ оскорбленіе или увѣчье другому, то здѣсь надобно прежде всего взять во вниманіе, что ощущаемое имъ удовольствіе ничто въ сравненіи съ страданіями потерпѣвшаго лица, ибо послѣднее испытываетъ на себѣ всю сумму боли, между тѣмъ какъ удовольствіе перваго возбуждается только нѣкоторыми атомами страданія, дѣй-

---

*) Deontol. I, ch. VII, XVI; Princ. du Code Pénal, 2-ème Part, ch. 1.

ствующими на его воображеніе. Если же мы, кромѣ того, примемъ въ расчетъ страхъ и опасность, проистекающіе отъ подобныхъ дѣйствій для всѣхъ, кто имѣетъ враговъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что такое дѣйствіе приноситъ гораздо болѣе вреда, нежели пользы, а потому должно быть запрещено. Тѣже самыя соображенія прилагаются и къ другимъ преступленіямъ, совершаемымъ подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ страстей человѣческихъ, слѣдовательно, доставляющимъ всего болѣе удовольствія дѣйствующимъ лицамъ. Такъ напримѣръ, изнасилованіе женщины, независимо отъ причиненнаго ей страданія, должно возбуждать всеобщія опасенія. Тоже самое относится и къ похищенію собственности. Въ послѣднемъ случаѣ, удовольствіе, получаемое отъ поступка, можетъ иногда быть гораздо больше, нежели страданіе потерпѣвшаго лица, но проистекающее отсюда зло втораго разряда заставляетъ запрещать подобныя дѣйствія *).

Надобно замѣтить, что всѣ приведенные Бентамомъ примѣры относятся къ области преступленій, нарушающихъ безопасность. Этимъ только способомъ становится возможнымъ склонить вѣсы на сторону наказанія. Самый существенный элементъ преступленія, то, что Бентамъ называетъ зломъ перваго разряда, очевидно не можетъ служить здѣсь мѣриломъ, ибо часто нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить: что больше, удовольствіе преступника или страданіе жертвы? Сказать, что одинъ ощущаетъ въ себѣ всю сумму боли, тогда какъ до другаго долетаютъ только нѣкоторые атомы страданія, это —

---

*) Pr. de Lég. ch. X, XI; Intr. to the Pr. of Mor. and Leg., ch. XIV.

метафорическое выраженіе, не имѣющее смысла. Въ случаѣ убійства, страданіе бываетъ мгновенное, а удовольствіе продолжается; которое же изъ нихъ больше? Если убійство совершено, напримѣръ, для полученія наслѣдства, то польза этого дѣйствія можетъ иногда далеко перевѣшивать вредъ, а между тѣмъ самъ Бентамъ признаетъ, что въ этомъ случаѣ страхъ, возбуждаемый въ другихъ членахъ общества, вовсе не такъ великъ*). Становится ли оно отъ этого менѣе преступнымъ? Въ случаѣ похищенія собственности, Бентамъ также признаетъ, что удовольствіе виновнаго нерѣдко перевѣшиваетъ страданія потерпѣвшаго, и только опасенія постороннихъ лицъ заставляютъ законодателя считать эти дѣйствія преступными. Но если все сводится къ безопасности, то зачѣмъ вводить въ расчетъ такіе факторы, которые ни къ чему не служатъ и которыхъ опредѣлить нельзя? Достаточно одной безопасности; это — начало простое, которое вытекаетъ изъ существеннѣйшихъ потребностей общества и принимается во вниманіе всѣми законодательствами въ мірѣ, независимо отъ началъ утилитаризма. Послѣдній вноситъ сюда только ненужные элементы и затрудняетъ задачу, которая рѣшается очень просто.

Замѣтимъ притомъ, что производя свою ариѳметическую операцію, Бентамъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ то, что онъ могъ бы назвать удовольствіемъ втораго разряда, именно, надежду на безнаказанность, возбуждаемую во всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ поползновеніе совершить преступное дѣйствіе. Если мы примемъ въ соображеніе и этотъ

---

*) Pr. du Code Pénal, 1-ère part. ch. VII.

факторъ, то задача еще болѣе осложнится и подчасъ сдѣлается совершенно неразрѣшимою. Какъ сравнить, напримѣръ, страданіе, которое терпятъ одни вслѣдствіе опасенія потерять свое имущество, съ удовольствіемъ, возбуждаемымъ въ другихъ надеждою присвоить себѣ чужое имущество? Если мы возьмемъ количество ощущающихъ лицъ, то перевѣсъ окажется на сторонѣ послѣднихъ, ибо неимущихъ гораздо болѣе, нежели имущихъ. Чтобы склонить вѣсы на сторону наказанія, надобно прибѣгнуть къ злу третьяго разряда, то есть, принять въ расчетъ всеобщее уменьшеніе средствъ, которое должно произойти отъ непрочнаго состоянія собственности. Но это касается только тѣхъ преступленій, которыя дѣйствительно угрожаютъ опасностью всѣмъ. Между тѣмъ, есть много такихъ, которыя не имѣютъ этого характера. Самъ Бентамъ замѣчаетъ, что опасеніе тѣмъ меньше, чѣмъ специальнѣе положеніе преступника, и чѣмъ менѣе лицъ, находящихся въ томъ же положеніи. Такъ напримѣръ, кража, совершенная опекуномъ, возбуждаетъ гораздо менѣе опасеній, нежели простое воровство*). Спрашивается: какъ поступитъ тутъ законодатель съ своимъ ариѳметическимъ вычисленіемъ? Удовольствіе опекуна, присвоившаго себѣ чужое имущество, можетъ быть гораздо болѣе, нежели потеря обиженнаго. Если же мы возьмемъ въ разсчетъ страхъ, возбуждаемый подобнымъ поступкомъ во всѣхъ другихъ лицахъ, состоящихъ подъ опекою, то нельзя не обратить вниманія на удовольствіе, ощущаемое всѣми другими

---

*) Princip. du Code Pén. 1-ère part. ch. VII; Intr. to the Pr. of Mor. and Leg. ch. XIII, § 1. Works. I.

опекунами, которые могутъ при случаѣ присвоить себѣ чужое имущество. Гдѣ же будетъ перевѣсъ? Очевидно, что данныя, которыя допускаетъ утилитаризмъ, ускользаютъ здѣсь отъ всякаго опредѣленія. Чтобы разрѣшить задачу, мы должны сказать, что нарушеніе довѣрія вообще должно считаться преступленіемъ; но тогда къ чему служитъ вся эта ариѳметическая операція?

Бентамъ приводитъ и другой примѣръ, гдѣ невозможность оцѣнки выступаетъ еще ярче. Дѣтоубійство, совершаемое изъ желанія скрыть незаконную связь или по бѣдности, когда родители не въ состояніи содержать дѣтей, вовсе уже не угрожаетъ опасностью остальнымъ членамъ общества. Все ограничивается минутнымъ страданіемъ жертвы, которая, по выраженію Бентама, «перестала существовать прежде, нежели узнала жизнь», — страданіе, ускользающее отъ всякой оцѣнки. Съ другой стороны, этому противополагается чувство женщины, которая пожертвовала естественною любовью къ ребенку желанію избавить себя отъ страданій, причиняемыхъ стыдомъ. По теоріи Бентама, подобный поступокъ долженъ считаться добродѣтелью, ибо здѣсь меньшее удовольствіе приносится въ жертву большему. Съ точки зрѣнія утилитаризма, было бы въ высшей степени нелѣпо, если бы законъ требовалъ отъ матери, чтобы она подвергалась постояннымъ страданіямъ за то, что искала удовольствія, когда притомъ эти страданія устраняются такъ легко. Еще высшею добродѣтелью должно считаться убійство ребенка родителями, находящимися въ бѣдности. Тутъ они не только сами себя избавляютъ отъ обузы, но предупреждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ будущія страданія

новорожденнаго, для котораго лучше вовсе не существовать, нежели жить подъ постояннымъ гнетомъ нищеты. Однако Бентамъ не дѣлаетъ этихъ выводовъ. «Дѣтоубійство, говоритъ онъ, не можетъ быть наказано, какъ главное преступленіе, ибо оно не производитъ зла перваго и втораго разрядовъ; но оно должно быть наказано, *какъ шагъ къ другимъ преступленіямъ*, изъ котораго можно сдѣлать заключеніе противъ *характера дѣятеля*. Надобно какъ можно болѣе укрѣплять чувство уваженія къ человѣчеству и внушать отвращеніе ко всему, что ведетъ къ привычкамъ жестокости» *). Спрашивается: есть ли возможность установить болѣе тираническій мотивъ для законодательства? Если при опредѣленіи наказанія будетъ имѣться въ виду не дѣйствительно совершенный поступокъ, а только общій характеръ дѣятеля, если само по себѣ безвредное или даже полезное дѣйствіе будетъ наказываться, какъ шагъ къ дѣйствіямъ преступнымъ, то никто ни единой минуты не можетъ считать себя безопаснымъ. Не говоря о томъ, что подобный законъ противорѣчитъ собственному ученію Бентама, который не допускаетъ разсмотрѣнія внутреннихъ мотивовъ дѣйствія, а требуетъ, чтобы законодатель обращалъ вниманіе единственно на послѣдствія. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ надобно было или объявить дѣтоубійство добродѣтельнымъ поступкомъ или отступиться отъ своихъ началъ. Движимый человѣколюбіемъ, Бентамъ предпочелъ послѣднее; но такъ какъ настоящаго основанія у него все-таки не было, то

---

*) Pr. du Code Pénal. 1-ère part. ch. XII; Intr. to the Pr. of Mor. and Leg. ch. XIII, § 2: A case in which there is no alarm. Works, I.

онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ доводу, который превосходитъ все, что могъ бы изобрѣсти величайшій тиранъ.

Этихъ примѣровъ достаточно для доказательства, что теорія Бентама совершенно неприложима къ законодательству. Тутъ требуется ариѳметическая операція, которой данныя большею частью ускользаютъ отъ всякаго опредѣленія, и которая ведетъ единственно къ тому, что зло представляется добромъ, а добро зломъ. Въ дальнѣйшихъ выводахъ, эта система влечетъ за собою не меньшія несообразности. Такъ, напримѣръ, мы должны признать, что чѣмъ больше удовольствіе преступника, тѣмъ дѣйствіе менѣе преступно, ибо здѣсь меньшій избытокъ зла; между тѣмъ, именно эти дѣйствія должны подлежать самымъ строгимъ наказаніямъ, ибо для противовѣса сильнѣйшимъ соблазнамъ нужны сильнѣйшія средства, какъ признаетъ и самъ Бентамъ *). Однимъ словомъ, куда бы мы ни обратились, вездѣ мы встрѣчаемъ противорѣчіе или непослѣдовательность. И вся эта сложная и искусственная механика изобрѣтается для того, чтобы устранить самыя простыя и ясныя понятія, на которыхъ основаны всѣ законодательства въ мірѣ. И теорія и практика одинаково признаютъ за человѣкомъ извѣстную область свободы, которая называется правомъ, и нарушеніе которой воспрещается законодателемъ. Поэтому преступленіе есть преступленіе совершенно независимо отъ удовольствія и страданія, ощущаемыхъ лицами. Какъ бы велико ни было удовольствіе преступника, оно не принимается въ расчетъ, именно потому, что это удовольствіе неправомѣрное. Даже край-

*) Pr. du Code Pén. 3-ème part. ch. 2.

няя нужда, гдѣ дѣло идетъ уже не объ удовольствіи, а о спасеніи человѣка, допускается только какъ обстоятельство, уменьшающее вину. Но Бентамъ устраняетъ самое понятіе о правѣ, признавая въ человѣческихъ дѣйствіяхъ одну только практическую цѣль, которая сводится къ чисто субъективнымъ ощущеніямъ. Поэтому онъ долженъ былъ запутаться въ безвыходный лабиринтъ.

При такомъ взглядѣ не было, конечно, возможности провести опредѣленную границу между правомъ и нравственностью. По теоріи Бентама, эти два начала сливаются. Цѣль нравственности и законодательства одна и таже — счастіе человѣчества; лица, которыя имѣются въ виду, тѣже самыя. Различіе состоитъ въ томъ, что законодатель дѣйствуетъ преимущественно посредствомъ наказаній, тогда какъ нравственность опирается на другія санкціи. Поэтому область послѣдней шире: она простирается на всѣ человѣческія дѣйствія, между тѣмъ какъ законодатель не всегда полагаетъ наказаніе за проступки. Онъ останавливается тамъ, гдѣ происходящее отъ наказанія зло перевѣшиваетъ производимое имъ добро. Такимъ образомъ, граница между законодательствомъ и нравственностью опредѣляется тѣми случаями, гдѣ наказаніе было бы безполезно *). Но какъ опредѣлить эти случаи? Здѣсь открывается самый широкій просторъ разнообразнѣйшимъ практическимъ соображеніямъ. Самъ Бентамъ сознается, что часто расчетъ тутъ чисто гадательный **). По-

*) Intr. to the Pr. of Mor. and. Leg., ch. XIX, §§ 8—13; Pr. de Leg., ch. 12.

**) Intr. to the Pr. of. Mor. and. Leg., ch. X, § 13: it is evident however, that all this can be but guess-work.

этому мы встрѣчаемъ у него самыя противоположныя воззрѣнія насчетъ объема законодательной дѣятельности. Съ одной стороны, во имя пользы, онъ распространяетъ вліяніе правительства на всѣ сферы человѣческой жизни. «Правитель, говоритъ Бентамъ, можетъ разсматриваться, какъ народный воспитатель; можно сказать даже, что подъ предусмотрительнымъ и внимательнымъ правленіемъ, самый частный наставникъ наконецъ даже отецъ — ничто иное, какъ повѣренный или намѣстникъ правителя, съ тѣмъ только различіемъ, что власть перваго временная, тогда какъ власть послѣдняго простирается на всю жизнь. Вліяніе этой причины громадно: оно распространяется почти на все, или, лучше сказать, оно обнимаетъ собою все, кромѣ темперамента, расы и климата; ибо самое здоровье можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ него зависѣть, вслѣдствіе устройства полиціи, обилія жизненныхъ средствъ, заботы объ устраненіи вредныхъ вещей. Способъ направлять воспитаніе и распредѣлять должности, награды и наказанія опредѣляетъ физическія и нравственныя свойства народа» *). Съ этой точки зрѣнія, Бентамъ совѣтуетъ полагать наказанія даже за дѣйствія, совершенно выходящія изъ юридической области, напримѣръ, за опущеніе обязанностей благотворительности. Онъ находитъ, что постановленія современныхъ законодательствъ могутъ быть въ этомъ отношеніи значительно расширены **). Но рядомъ съ этимъ изображается картина совершенно другаго рода. Самый законъ

---

*) Pr. de. Lég., ch. IX, sect. 2; Introd. to the Pr. of. Mor., ch. VI. § 41.
**) Pr. de Lèg. ch. XII, 3; Intr. to the Pr. of Mor. ch. XIX, § 19.

есть зло, ибо, стѣсняя людей, онъ уничтожаетъ нѣкоторыя удовольствія; правительства, какъ медики, имѣютъ только выборъ золъ различнаго рода *). Поэтому надобно употреблять это средство только тамъ, гдѣ оно дѣйствительно оказывается необходимымъ. Вообще, людямъ слѣдуетъ предоставить самый широкій просторъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ наносить вредъ только себѣ, ибо они сами лучшіе судьи своихъ поступковъ. Законодательство должно только мѣшать имъ вредить другъ другу. Точно также и въ благотворительности, законъ долженъ опредѣлять лишь общія мѣры, предоставивъ подробности частной благотворительности, которая обязана своею энергіею частной волѣ лицъ **). Поэтому Бентамъ считаетъ, вообще, полезнымъ расширить по возможности область нравственности и ограничить сферу правительственной дѣятельности. Законодательство, говоритъ онъ, слишкомъ часто дѣлало вторженія на почву, которая ему не принадлежитъ ***).

Очевидно, что тутъ господствуетъ полнѣйшая неопредѣленность понятій. Правительству поставляется самая обширная задача: счастіе всѣхъ гражданъ, забота о наибольшей суммѣ удовольствій для всѣхъ; но за тѣмъ оказывается, что эта задача должна быть введена въ гораздо болѣе тѣсные предѣлы, и притомъ безъ какого бы то ни было руководящаго начала, на основаніи котораго можно было бы опредѣлить, что̀ входитъ и что̀ не входитъ въ кругъ дѣятельности государственной власти.

---

*) Pr. de Lég. ch. X.
**) Pr. de Lég. ch. I2.
***) Deontol. I, ch. 2.

Въ первоначальномъ изложеніи своей системы Бентамъ старался разграничить законодательство и нравственность еще другимъ способомъ. Цѣль ихъ одна и таже; но нравственность касается отдѣльнаго человѣка, а законъ имѣетъ въ виду цѣлое общество *). Очевидно, однако, что это различіе не имѣетъ значенія, ибо, по теоріи Бентама, общественное счастіе ничто иное, какъ сумма частныхъ удовольствій. Поэтому, впослѣдствіи Бентамъ самъ отказался отъ этихъ опредѣленій. Въ Деонтологіи цѣлью нравственности прямо поставляется *общественное счастіе* **). Такимъ образомъ, нравственность является необходимымъ восполненіемъ закона. Она должна дать общественному двигателю всю силу личнаго мотива, доказавши каждому, что личный его интересъ, который неизбѣжно составляетъ главное его побужденіе, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ общимъ, и что безнравственное дѣйствіе есть плохой расчетъ ***). Это тѣже начала, которыя проповѣдывалъ уже Гельвецій; новаго тутъ ничего нѣтъ. Такъ же какъ и его предшественникъ, Бентамъ утверждаетъ, что порокъ есть только невѣрная оцѣнка различныхъ удовольствій и страданій; добродѣтелью же называется предпочтеніе бо̀льшаго удовольствія меньшему ****).

Но опредѣляя такимъ образомъ основныя понятія нравственности, Бентамъ не совсѣмъ послѣдовательно ограничиваетъ добродѣтель тѣми дѣйствіями, въ которыхъ есть усиліе и жертва. Иначе, говоритъ онъ,

*) Intr. to the Pr. of. Mor. and Leg. ch. XIX, § 20.

**) Deontol. I, ch. 2.

***) Тамъ же.

****) Тамъ же, гл. 8, 10.

будетъ просто удовольствіе, а не добродѣтель. Послѣдняя должна бороться не только съ личными наклонностями человѣка, но иногда и съ наклонностями всего человѣческаго рода, и когда она торжествуетъ надъ тѣми и другими, она достигаетъ высшей степени своего совершенства *). Спрашивается: почему же жертва, которая сама по себѣ есть зло, считается необходимою принадлежностью нравственнаго добра? При этомъ Бентамъ тутъ же замѣчаетъ, что съ привычкою исчезаетъ самое чувство жертвы, и тогда добродѣтель становится совершенною **). Какимъ же образомъ одно вяжется съ другимъ? Очевидно, что Бентамъ ввелъ это ограниченіе единственно съ цѣлью устранить тѣ нелѣпыя послѣдствія, къ которымъ приводитъ понятіе о добродѣтели, если мы будемъ подводить подъ него всякое дѣйствіе, производящее удовольствіе или устраняющее страданіе. Такъ, въ примѣрѣ, приводимомъ самимъ Бентамомъ, мы должны будемъ считать добродѣтельнымъ человѣка, который уклонился въ сторону, потому что другой замахнулся на него палкою. Однако, это непослѣдовательное ограниченіе понятія не спасаетъ насъ отъ нелѣпостей. Принявши опредѣленіе Бентама, мы все-таки должны признать добродѣтельнымъ человѣка, который отказывается отъ завтрака, чтобы имѣть болѣе аппетита за обѣдомъ, или превозмогаетъ свою лѣнь, чтобы купить себѣ мягкій тюфякъ.

Дѣло въ томъ, что здѣсь, такъ же какъ у французскихъ матеріалистовъ, физическія удовольствія не

---

*) Тамъ же, гл. 10; тоже, II, Введ.

**) Тамъ же, гл. 10.

только цѣнятся наравнѣ съ нравственными, но ставятся выше послѣднихъ. Бентамъ считаетъ ихъ даже исключительнымъ предметомъ нравственности. «Источники счастія, говоритъ онъ, двоякаго рода: физическіе и умственные; моралисты занимаются преимущественно первыми. Развитіе ума, произведеніе удовольствія дѣйствіемъ чисто умственныхъ способностей принадлежатъ къ другой отрасли знанія» *). «Всѣ способности воображенія и мысли, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, приводятся къ тѣлеснымъ удовольствіямъ и подчиняются послѣднимъ... Наслажденія мысли не отличаются, слѣдовательно, по своей природѣ, отъ удовольствій тѣлесныхъ; напротивъ, первыя потому только имѣютъ цѣну, что они представляютъ неопредѣленный, а потому преувеличенный образъ наслажденій, ожидаемыхъ тѣломъ» **). «Говорить объ удовольствіяхъ, которыя не доставляются внѣшними чувствами, тоже, что говорить слѣпымъ о цвѣтахъ, глухимъ о музыкѣ и о движеніи лишеннымъ жизни» ***). Бентамъ опровергаетъ и обыкновенныя возраженія, которыя приводятся моралистами противъ физическихъ удовольствій, именно, что они низки, кратковременны и непрочны. Слово *низкій*, говоритъ онъ, не имѣетъ смысла: всякій человѣкъ, не лишенный разсудка, всегда будетъ предпочитать жизнь, исполненную такъ называемыхъ низкихъ удовольствій, безъ примѣси страданія, жизни украшенной благородными удовольствіями, перемѣшанными съ страданіями. Кратковременность же вознаграждается тѣмъ, что удовольствія повторяются.

*) Deontol. II, ch. 1.
**) Deontol. II, ch. 2.
***) Deontol. II, ch. 5.

Если ихъ много, то нѣтъ нужды, что каждое изъ нихъ непродолжительно. Что касается, наконецъ, до ихъ непрочности, то изъ того, что ихъ можно лишиться, не слѣдуетъ, что ихъ не нужно пріобрѣтать. Напротивъ, чѣмъ непріятнѣе лишеніе, тѣмъ выгоднѣе пріобрѣтеніе: надобно только стараться ихъ получить и удержать. Всѣ эти возраженія, по мнѣнію Бентама, ничто иное, какъ пустыя слова *).

Въ силу такого воззрѣнія, Бентамъ старается свести къ физическому ощущенію все, что обыкновенно цѣнится людьми. Даже цѣломудріе и скромность онъ причисляетъ къ добродѣтелямъ, потому что видитъ въ нихъ *утонченность сладострастія*, при чемъ онъ восклицаетъ: «такъ ничтожно различіе, такъ нелѣпо разграниченіе, такъ пагубенъ разрывъ, которые установляютъ между выгодою и долгомъ, между добродѣтельнымъ и пріятнымъ!» **) По теоріи Бентама, публичныя женщины должны считаться самыми добродѣтельными изъ всѣхъ, потому что онѣ доставляютъ удовольствіе наибольшему количеству людей, притомъ безъ всякихъ хлопотъ и страданій. Но, какъ мы не разъ уже могли замѣтить знаменитый юристъ не всегда послѣдователенъ въ своихъ взглядахъ. Мысль его не останавливается ни передъ чѣмъ, но естественное чувство воздерживаетъ иногда слишкомъ смѣлые выводы. Настоящая цѣль его заключается не въ томъ, чтобы каждый стремился единственно къ чувственнымъ наслажденіямъ, а въ томъ, чтобы доставить всѣмъ наибольшую сумму удовольствій, не лишая человѣка никакого пріятнаго

*) Deontol. I, ch. 3.
**) Deontol. II, ch. 2.

ощущенія, могущаго украсить жизнь. Но поверхностный взглядъ на удовольствіе заставляетъ его ставить всѣ ощущенія на одну доску, и чувственныя, какъ болѣе осязательныя, выше другихъ; поэтому онъ приходитъ къ положеніямъ, которыя уничтожаютъ всѣ нравственныя понятія.

Окончательно Бентамъ приводитъ всѣ добродѣтели къ двумъ: къ личному благоразумію и къ доброжелательству. Послѣднее опять сводится къ первому, ибо, въ сущности, дѣйствуя на пользу другихъ, человѣкъ всегда имѣетъ въ виду только себя. Поэтому доброжелательство подчиняется эгоизму*). Бентамъ старается оправдать это положеніе теоріею наибольшаго счастія. «Если бы каждый человѣкъ, говоритъ онъ, расположенъ былъ жертвовать своими наслажденіями наслажденіямъ другихъ, то ясно, что общая сумма удовольствій черезъ это уменьшилась бы, и даже совершенно бы уничтожилась. Результатомъ было бы не всеобщее счастіе, а всеобщее несчастіе»**). Казалось бы наоборотъ, что общая сумма удовольствій должна уменьшаться тамъ, гдѣ каждый думаетъ только о себѣ, жертвуя чужимъ счастіемъ своей собственной пользѣ. Пожертвованіе собою для другихъ ведетъ къ согласію, пожертвованіе другими для себя ведетъ къ борьбѣ, а борьба, очевидно, составляетъ главный источникъ страданій въ человѣчествѣ. Но эгоистическая теорія не допускаетъ безкорыстнаго самоотверженія; она заставляетъ видѣть въ другомъ только средство для личныхъ цѣлей, а это неизбѣжно ведетъ къ всеобщей борьбѣ, то есть, къ уменьшенію суммы счастія между людьми.

---

*) Deontol. I, ch. 13.

**) Deontol. I, ch. 15.

Говоря о личномъ благоразумiи, Бентамъ даетъ различныя правила, какъ слѣдуетъ избавлять себя отъ непрiятныхъ ощущенiй *). Но нравственнаго въ этихъ правилахъ нѣтъ ничего. Отношенiя человѣка къ самому себѣ тогда только получаютъ нравственный характеръ, когда онъ имѣетъ въ виду нравственный идеалъ, съ которымъ онъ старается сообразовать свое поведенiе. Но когда все ограничивается взвѣшиванiемъ удовольствiй, то въ результатѣ можетъ выдти только полнѣйшiй произволъ. Тогда все становится дѣломъ личнаго вкуса. Такъ какъ никто не можетъ судить о чужихъ удовольствiяхъ, то никто не можетъ сказать другому, что онъ дѣлаетъ плохой расчетъ. По выраженiю самого Бентама, всякiй лучшiй судья цѣны своихъ удовольствiй и страданiй **). Слѣдовательно, для нравственной науки тутъ нѣтъ мѣста. Такъ напримѣръ, Бентамъ говоритъ, что если взвѣсить, съ одной стороны, удовольствiе, съ другой стороны, непрiятныя послѣдствiя, проистекающiя отъ пьянства, то человѣкъ *вѣроятно* увидитъ, что онъ слишкомъ дорого покупаетъ свое наслажденiе; онъ увидитъ, что нравственность и собственное его счастiе совѣтуютъ ему избѣгать этого излишества ***). А если онъ находитъ, что удовольствiе выше непрiятныхъ послѣдствiй? Что можетъ сказать тутъ нравственность? Съ утилитарной точки зрѣнiя, добродѣтель состоитъ въ предпочтенiи бо̀льшаго удовольствiя меньшему; слѣдовательно, нравственность должна совѣтовать ему пить, какъ скоро въ этомъ состоитъ высшее его наслажде-

---

*) Deontol. I, ch. 11; II, ch. 2.

**) Deont. II, ch. 2.

***) Deont. I, 11.

ніе. И чѣмъ больше жертвы, которыя онъ приноситъ этой страсти, тѣмъ выше становится его добродѣтель, пока, наконецъ, вслѣдствіе привычки, самая жертва сдѣлается для него нечувствительною, и онъ дойдетъ до состоянія полнаго отупѣнія; тогда добродѣтель его достигнетъ высшей степени совершенства. Тоже относится, напримѣръ, и къ игрѣ. Человѣкъ чуждый этой страсти можетъ считать ее пагубною; но тотъ, кто одержимъ ею, ставитъ игру выше всего на свѣтѣ. Бентамъ увѣряетъ, что страданія, проистекающія отъ проигрыша тысячи рублей, превышаютъ удовольствіе отъ выигрыша той же суммы*); но страстные игроки находятъ, напротивъ, что чѣмъ больше проигрышъ, тѣмъ выше наслажденіе, тогда какъ къ выигрышу они остаются совершенно равнодушны. Что же можетъ возразить противъ этого нравственная наука? И тутъ, слѣдуя началамъ Бентама, она должна объявить эту жертву добродѣтелью.

Что касается до доброжелательства, положительнаго или отрицательнаго, то здѣсь часто еще менѣе возможно сдѣлать правильный расчетъ. Здѣсь выгоды и невыгоды болѣе далеки и менѣе вѣрны, а потому гораздо менѣе побужденій жертвовать личнымъ своимъ удовольствіемъ чужому. Такъ, напримѣръ, Бентамъ говоритъ о гордости, что она возбуждаетъ непріязнь и враждебныя дѣйствія со стороны другихъ, и при этомъ замѣчаетъ: «доставивъ себѣ это удовольствіе, выигралъ ли человѣкъ что-нибудь? *Это зависитъ отъ личнаго вкуса, а часто и отъ случая*»**). Тоже можно сказать и о всѣхъ расчетахъ такого рода. Поэтому Бентамъ признаетъ, что на-

*) Deont. II, ch. 2.

**) Deont. I, ch. 15.

стоящее равновѣсіе между личнымъ интересомъ и чужою пользою установляется отчасти правительственною, но еще болѣе общественною санкціею. Человѣкъ дѣлаетъ добро другимъ и воздерживается отъ зла, главнымъ образомъ, въ виду похвалы общества и репутаціи, которую онъ черезъ это пріобрѣтаетъ *). Но что дѣлать, когда эта санкція не довольно сильна или даже дѣйствуетъ неправильно, какъ большею частью бываетъ въ человѣческихъ обществахъ? Куда въ такомъ случаѣ дѣвается добродѣтель?

При такомъ взглядѣ исчезаетъ, конечно, различіе между безкорыстнымъ доброжелательствомъ и самымъ низкимъ расчетомъ. Мы видѣли уже, что Бентамъ совершенно отвергаетъ изслѣдованіе внутреннихъ мотивовъ дѣйствія, считая всѣ побужденія одинакими. Поэтому онъ ставитъ на одну доску корыстныя услуги и искреннюю дружбу, такъ какъ послѣдствія того и другаго совершенно одинаковы **). Съ этой точки зрѣнія, богачъ, окруженный льстецами и блюдолизами, которыхъ онъ кормитъ и поитъ, представляетъ картину полнѣйшей добродѣтели, ибо здѣсь происходитъ постоянный обмѣнъ удовольствій, безъ всякой примѣси страданій. Бентамъ прямо говоритъ, что личное благоразуміе предписываетъ намъ оказывать всевозможныя услуги высшимъ, насколько это совмѣстно съ собственною нашею пользою. Раболѣпство вовсе не противно нравственности; оно воздерживается только принятыми въ обществѣ обычаями. Тамъ, гдѣ разстояніе между классами больше, оно становится даже не-

*) Deont. I, ch. 12.

**) Deont. I, ch. 15.

обходимымъ условіемъ общежитія. На Востокѣ личное униженіе является средствомъ самосохраненія, и самое низкое раболѣпство требуется благоразуміемъ *). Такимъ образомъ, низкопоклонство возводится въ добродѣтель. Точно такъ же и тщеславіе, по теоріи Бентама, представляется добродѣтелью, ибо оно побуждаетъ насъ искать благосклонности другихъ, чтобы пріобрѣсти отъ нихъ похвалу **). Напротивъ, безкорыстное самоотверженіе, при которомъ мы даемъ болѣе, нежели получаемъ, признается чистымъ безуміемъ ***). Таланты и доблесть подчасъ становятся пороками: «на общественномъ поприцѣ, говоритъ Бентамъ, лучшій борецъ можетъ возбудить чувства ревности и зависти въ душѣ всѣхъ другихъ борцовъ, а между тѣмъ онъ не въ состояніи произвести никакого соотвѣтствующаго удовольствія» ****). Оказывается, слѣдовательно, что добродѣтель, за которую Аристидъ былъ изгнанъ своими согражданами, въ сущности должна считаться порокомъ.

Изъ этихъ примѣровъ можно убѣдиться, что нравственная теорія Бентама не въ состояніи выдержать сколько-нибудь серіозной критики. Гельвецій, отправляясь отъ односторонняго начала, пролагалъ дорогу и держался болѣе въ области общихъ соображеній. Бентамъ отвергъ метафизическія основанія ученія, которыя могли служить ему опорой, и принялъ одни лишь практическія послѣдствія; но эти послѣдствія онъ проводилъ во всѣхъ подробно-

*) Deontol. I, ch. 15.
**) Deontol. I, ch. 15.
***) Deontol. I, ch. 14.
****) Deontol. I, ch. 15.

стяхъ, не смущаясь никакими нелѣпостями, представлявшимися ему на пути. Противодѣйствіемъ этому направленію являлось только искреннее человѣколюбіе автора, которое заставляло его иногда принимать положенія, несогласныя съ его началами. Въ *Деонтологіи* болѣе, нежели въ *Началахъ Нравственности и Законодательства*, общее счастіе сводится къ личному; но проистекающая отсюда бо̀льшая ясность и послѣдовательность мысли отнюдь не могли служить въ пользу нравственности. Изъ этого все-таки не могло выдти ничего, кромѣ полнаго хаоса понятій. Можно только удивляться тому, что и въ новѣйшее время въ Англіи такіе люди, какъ, напримѣръ, Джонъ Стюартъ Милль, объявляютъ себя учениками и послѣдователями Бентама. Это служитъ явнымъ доказательствомъ того невысокаго уровня философскаго пониманія, который господствуетъ у Англичанъ. На материкѣ на этотъ счетъ едва ли существуетъ разногласіе между людьми, знакомыми съ дѣломъ.

Взглянемъ теперь на критическую дѣятельность Бентама, которая составляетъ одну изъ существенныхъ его заслугъ на юридическомъ поприщѣ. Если у него не было философскаго взгляда, если онъ, вообще, неспособенъ былъ понимать внутренній смыслъ какого бы то ни было начала, то у него нерѣдко является значительная тонкость въ усмотрѣніи слабыхъ сторонъ, преимущественно въ практическомъ приложеніи чужихъ системъ. Это относится въ особенности къ первому періоду его дѣятельности, когда онъ не увлекался еще односторонними демократическими тенденціями. Въ эту пору онъ былъ весьма далекъ отъ индивидуализма. Стоя

на средней, утилитарной почвѣ, онъ направлялъ свою критику, какъ противъ консервативныхъ мнѣній, такъ и противъ либеральныхъ, въ томъ видѣ, какъ они являлись у французскихъ мыслителей XVIII-го вѣка. Согласно съ требованіями своей теоріи, онъ самую свободу измѣрялъ пользою, ею приносимою, отвергая ее, какъ самостоятельное начало. «Мало словъ, которыя были бы такъ пагубны, какъ слово *свобода* и его производныя, говоритъ Бентамъ. Когда оно не синонимъ каприза и догматизма, оно представляетъ собою понятіе о хорошемъ правительствѣ, и если бы міръ былъ такъ счастливъ, что послѣднее понятіе заступило бы въ общественномъ мнѣніи то мѣсто, которое похитило въ немъ это созданіе умозрѣнія, называемое свободою, народы избѣгли бы тѣхъ безумствъ и преступленій, которыя осквернили и задержали ходъ политическихъ преобразованій. Обычное опредѣленіе свободы, что она состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не запрещено законами, показываетъ, съ какою небрежностью употребляются слова въ обыкновенныхъ рѣчахъ и сочиненіяхъ. Ибо если законы дурны, тогда что станется съ свободою? а если они хороши, то къ чему она служитъ? Выраженіе *хорошіе законы* имѣетъ опредѣленный и понятный смыслъ: они ведутъ къ явно полезной цѣли, съ помощью очевидно приличныхъ средствъ. Но когда госпожа Роланъ вздумала установить различіе между свободою и своеволіемъ, она могла ласкать ухо гармоническими словами, но она ничего не говорила разуму»*).

Мы видѣли, что Бентамъ отвергалъ и понятіе о правахъ, иначе какъ въ смыслѣ законныхъ поста-

*) Deontol. II, ch. 1.

новленій, ограждающихъ человѣческую дѣятельность. Слово *естественное* или *прирожденное право*, по его мнѣнію, есть чисто метафорическое. Естественны въ человѣкѣ свойства и способности; право же есть установленная закономъ гарантія, охраняющая дѣйствіе этихъ свойствъ и способностей. Поэтому нельзя не видѣть полнаго извращенія всѣхъ понятій въ поставленіи естественнаго права выше положительныхъ законовъ, какъ дѣлаютъ даже консервативные писатели. Это значитъ дать оружіе въ руки всѣмъ революціонерамъ. Нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, которое могло бы держаться одни сутки, если бы всякій, въ своей совѣсти, считалъ себя въ правѣ не повиноваться законамъ, которые, по его понятіямъ, несогласны съ естественнымъ правомъ. «Въ этомъ противозаконномъ смыслѣ, говоритъ Бентамъ, слово *право* является величайшимъ врагомъ разума и самымъ страшнымъ разрушителемъ правительствъ. Невозможно разсуждать съ фанатиками, вооруженными естественнымъ правомъ, которое каждый понимаетъ по своему и прилагаетъ, какъ ему заблагоразсудится, изъ котораго онъ не можетъ ничего уступить, ничего откинуть, которое столь же непреложно, какъ и непонятно, которое въ его глазахъ священно, какъ догматъ, и отъ котораго онъ не можетъ отклониться безъ преступленія. Вмѣсто того, чтобы обсуждать законы по ихъ послѣдствіямъ, вмѣсто того, чтобы опредѣлить, хороши они или дурны, эти фанатики разсматриваютъ ихъ въ отношеніи къ этому мнимому естественному праву: то есть, они замѣняютъ сужденія опыта всѣми химерами своего воображенія» *).

---

*) Princ. de Lég. ch. XIII, 10.

Съ этой точки зрѣнія Бентамъ, въ своихъ *Анархическихъ Софизмахъ,* подвергъ обстоятельному разбору *Объявленіе о правахъ человѣка и гражданина,* изданное французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ 1789 года. Онъ хотѣлъ доказать, «что эти *естественныя, неотчуждаемыя* и *священныя* права никогда не существовали, что эти права, которыя должны служить руководствомъ для законодательной и исполнительной власти, могутъ только сбить ихъ съ толку, что они несовмѣстны съ сохраненіемъ какой бы то ни было конституціи, и что граждане, требуя ихъ, просили бы только анархіи» **).

Послѣдуемъ за его критикою.

Статья 1. *Всѣ люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны единственно на общей пользѣ.* Все это ложно, говоритъ Бентамъ. Люди, напротивъ, рождаются и долго остаются въ состояніи полной зависимости. Ребенокъ можетъ жить только чужою помощью и долго нуждается въ руководствѣ. Даже о взрослыхъ нельзя утверждать, что они остаются свободными. Это можно говорить только о дикихъ, а не о тѣхъ, которые живутъ въ государственномъ порядкѣ и подчиняются законамъ. Несправедливо и то, будто всѣ люди остаются равными въ правахъ. Ученикъ не имѣетъ одинакихъ правъ съ хозяиномъ, сынъ съ отцомъ, жена съ мужемъ, солдатъ съ офицеромъ. Тутъ же говорится, что общественныя различія могутъ быть основаны единственно на общей пользѣ; но если есть различія, то равенство не существуетъ. Законодатели, въ од-

---

*) Soph. Anarch. Préamb. (изд. Дюмона).

номъ и томъ же параграфѣ, съ одной стороны, уничтожаютъ всякое различіе, съ другой стороны, возстановляютъ то, что они разрушили.

Статья 2. *Цѣль всякаго политическаго союза заключается въ охраненіи естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права суть свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе притѣсненію.* Здѣсь господствуетъ полнѣйшая путаница понятій. Естественныхъ правъ, въ смыслѣ правъ, предшествующихъ правительствамъ и законамъ, вовсе нѣтъ, ибо гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ нѣтъ ни правъ, ни обязанностей. Столь же невѣрно понятіе о правахъ неотчуждаемыхъ, то есть, ненарушимыхъ, ибо отъ законодательства зависитъ какъ установленіе, такъ и измѣненіе правъ. Считать какія бы то ни было права неотчуждаемыми — признакъ не только невѣжества, но и крайней самоувѣренности. Это значитъ провозгласить себя непогрѣшимымъ и связать волю потомства, придавши своимъ законамъ характеръ вѣчности. Всякій, кто посягаетъ на нихъ, объявляется врагомъ человѣчества. Столь же невѣрно предположеніе, что правительства произошли вслѣдствіе добровольнаго соединенія людей. Въ дѣйствительности, мы не видимъ ничего подобнаго. Всѣ правительства, которыхъ происхожденіе намъ извѣстно, установились силою и упрочились привычкою. Самая фикція договора ни къ чему не служитъ: она только вводитъ умы въ заблужденіе и отдаляетъ ихъ отъ настоящаго предмета изслѣдованія. Что за дѣло, какъ возникло правительство? Это самое пустое препирательство. Каково бы ни было его происхожденіе, существенный вопросъ состоитъ въ томъ: хорошо или дурно оно управляетъ? Нако-

нецъ, если мы возьмемъ права, исчисленныя въ статьѣ, то намъ представится слѣдующая дилемма: или они безграничны, и тогда это полнѣйшая анархія, или они ограничиваются законами, и тогда ихъ нельзя считать неотчуждаемыми.

Статья 3. *Источникъ верховной власти лежитъ въ народѣ. Никакое общественное тѣло, никакое лице не можетъ пользоваться властью, которая не проистекала бы положительно отъ народа.* Если это означаетъ, что власть можетъ существовать лишь тамъ, гдѣ народъ хочетъ повиноваться, то это пошлая и пустая истина. Но если это значитъ, что всякая власть должна быть основана на народномъ выборѣ, то этимъ отрицается правомѣрность всякаго другаго правительства, кромѣ демократическаго. Подобное положеніе ничто иное, какъ орудіе революціи.

Статья 4. *Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другимъ: поэтому, пользованіе естественными правами человѣка ограничивается только обезпеченіемъ тѣхъ же правъ другимъ членамъ общества. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ.* Здѣсь 1) невѣрно опредѣленіе свободы, ибо свобода дѣлать зло есть тоже свобода. Принявши это опредѣленіе, никогда нельзя знать, въ чемъ заключается свобода, ибо все можетъ быть вредно для другихъ. Въ силу этого начала, судья не въ правѣ наказать преступника, потому что наказаніе вредитъ послѣднему; положеніе крайне нелѣпое, но вытекающее изъ посылки. 2) Въ этой статьѣ выставляется, какъ безусловное правило, то, что можетъ составлять только конечную цѣль законодательства. 3) Тутъ говорится о границахъ права, тогда какъ въ пре-

дыдущихъ статьяхъ права были объявлены безграничными и неприкосновенными.

Статья 5. *Законъ можетъ запретить только дѣйствія вредныя обществу. Не дозволяется препятствовать тому, что не запрещено закономъ, и принуждать кого-нибудь дѣлать то, что закономъ не предписано.* Это — чисто анархическое правило, которое способно служить только орудіемъ возмущеній; ибо, если законъ не имѣетъ права запретить извѣстное дѣйствіе, а между тѣмъ его запрещаетъ, то подобный законъ недѣйствителенъ, и тогда сопротивленіе становится обязанностью, а повиновеніе — преступленіемъ противъ отечества. Слѣдовало сказать, что законъ *долженъ бы* воспретить только дѣйствія вредныя обществу; тогда правило имѣло бы смыслъ. Законодательство, которое держалось бы этого начала, можно считать совершеннымъ. Но неужели же надобно объявлять недѣйствительными всѣ существующія законодательства, потому что они несовершенны?

Статья 6. *Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право, лично или черезъ представителей, участвовать въ составленіи онаго. Онъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, и когда онъ защищаетъ, и когда онъ наказываетъ. Всѣ граждане, будучи равны въ его глазахъ, имѣютъ равный доступъ къ общественнымъ чинамъ, мѣстамъ и должностямъ, сообразно съ своею способностью, и безъ всякаго инаго различія, кромѣ добродѣтели и талантовъ.* Это статья представляетъ хаосъ предложеній, не имѣющихъ общей связи. Заимствованное у Руссо опредѣленіе закона, какъ выраженіе общей воли, явно ложно, ибо въ самыхъ демократическихъ государствахъ право голоса да-

леко не простирается не только на всѣхъ гражданъ безъ исключенія, но и на большинство ихъ. Этимъ правиломъ уничтожаются всѣ существующія правительства: во всѣхъ государствахъ въ мірѣ законы объявляются недѣйствительными, если всѣ граждане безъ исключенія не участвовали въ составленіи ихъ. Кромѣ того, здѣсь проповѣдуется всеобщее равенство, не допускающее изъятій, между тѣмъ какъ изъятія нерѣдко требуются общимъ благомъ. Вообще, можно полагать, что это увлекающее слово *равенство* несовмѣстно съ началомъ общей пользы.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы характеризовать критику Бентама и отношеніе его къ началамъ, выработаннымъ французскою философіею XVIII-го вѣка. Многое здѣсь, безъ сомнѣнія, чрезвычайно мѣтко. Нельзя не сказать, однако, во-первыхъ, что Бентамъ придалъ *Объявленію правъ* значеніе положительнаго законодательнаго памятника, тогда какъ Учредительное Собраніе имѣло въ виду высказать лишь руководящія начала законодательства. Можно согласиться лишь съ тѣмъ, что попытка превратить философскія начала въ законодательныя постановленія сама по себѣ основана на ложной мысли, а потому должна вести къ совершенно неисполнимымъ требованіямъ на практикѣ. Во-вторыхъ, сама критика, какъ и можно было ожидать, грѣшитъ односторонностью. Начало права отрицается во имя начала пользы. Между тѣмъ, въ этомъ отрицаніи лежитъ глубокое противорѣчіе, которое подрываетъ въ самомъ корнѣ выводы Бентама. Вниманіе къ пользѣ человѣка тогда только получаетъ истинное значеніе, когда человѣкъ разсматривается, какъ разумно-нравственное существо, одаренное свободою и имѣющее

права. Совершенно справедливо, что права человѣка не составляютъ неизмѣннаго и непреложнаго кодекса, который стоитъ выше положительныхъ законовъ, и съ которымъ должны сообразоваться всѣ законодательства въ мірѣ. Въ этомъ отношеніи критика Бентама вполнѣ основательна: практическія послѣдствія этого взгляда указаны имъ съ поразительною ясностью. Въ дѣйствительности, права подчиняются закону, а не законъ правамъ. Но несомнѣнно, съ другой стороны, что свобода составляетъ одно изъ существенныхъ опредѣленій самой природы человѣка. Поэтому она не создается, а *признается* закономъ. Ограниченное сначала тѣсною сферой привилегированныхъ лицъ, это признаніе, съ развитіемъ законодательства, получаетъ бо́льшую ширину до тѣхъ поръ, пока оно достигаетъ наконецъ предѣловъ, установляемыхъ требованіями человѣческой природы и общественнаго блага. А съ свободою связаны и права, изъ нея истекающія. Человѣкъ рождается не только со способностями, какъ говоритъ Бентамъ, но и съ *правоспособностью*, хотя послѣдняя опять же не является цѣльною системой готовыхъ отношеній, но получаетъ свое развитіе въ общественной жизни, въ зависимости отъ другихъ ея элементовъ. Съ отрицаніемъ начала права, какъ принадлежности человѣческаго естества, у человѣка отнимается высшее достоинство его природы, и онъ прямо приравнивается къ скоту. «Если животныя, которыхъ мы называемъ низшими, спрашиваетъ Бентамъ, не имѣютъ никакого права на наше сочувствіе, то на чемъ же основаны права нашей собственной породы?» *) Но если такъ, то

*) Deontol. I, ch. 1.

почему же не позволено убить человѣка, когда это для насъ и выгодно и безопасно, такъ же, какъ мы убиваемъ быка на жаркое? Недостатокъ философскаго смысла, которымъ вообще страдаетъ Бентамъ, и здѣсь выказывается вполнѣ. Несмотря на мѣткость критики въ практическомъ отношенiи, можно сказать, что самое существо вопроса вовсе имъ не затронуто.

Въ отрывкѣ, изданномъ съ его рукописи *), Бентамъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ и приложенiе равенства къ собственности. *Объявленiе правъ*, говоритъ Бентамъ, провозгласило всѣхъ людей равными въ правахъ. Изъ этого нѣкоторые выводятъ, что они должны быть равны и въ отношенiи къ имуществу, и что поэтому всѣ возникшiя въ этой области различiя должны быть уничтожены. Но подобная система привела бы къ уничтоженiю какъ безопасности, такъ и богатства. Ни одинъ человѣкъ, при такомъ порядкѣ, не можетъ быть ни единой минуты увѣренъ, что онъ будетъ пользоваться тѣмъ, что онъ прiобрѣлъ, а потому никто не дастъ себѣ труда улучшать свое состоянiе работою. Всѣ станутъ жить со дня на день. Вслѣдствiе этого, сумма народнаго богатства должна уменьшиться не только временно, но постоянно. Съ какой бы стороны мы ни стали разсматривать систему всеобщаго уравненiя, мы увидимъ, что она ведетъ къ этому неизбѣжно. При равномъ распредѣленiи имуществъ, средняя цифра, приходящаяся на каждаго, будетъ весьма невысока. Для Англiи, напримѣръ, можно опредѣлить ее въ 20 фунтовъ дохода

---

*) Princ. of the Civ. Code, Appendix: of the Levelling System, Works, I.

или въ 600 фунтовъ капитала. Слѣдовательно, всѣ вещи, которыя своею цѣнностью превосходятъ эту сумму, должны быть изъяты изъ обращенія; это чисто потерянное богатство. Сюда относятся, напримѣръ, большіе дома, дорогая мебель, лошади, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ рабочихъ, значительныя библіотеки и собранія; сюда же относятся всѣ капиталы, необходимые для улучшенія болѣе или менѣе обширныхъ производствъ, также запасныя деньги, которыя откладываются, напримѣръ, при бракѣ для поддержанія могущихъ родиться дѣтей, наконецъ, цѣна работы всѣхъ тѣхъ, которые трудятся для удовлетворенія потребностей роскоши. Съ этимъ вмѣстѣ уничтожаются и средства для народной защиты, ибо увеличеніе податей при такомъ положеніи немыслимо. Между тѣмъ, бѣдные ничего не выиграютъ отъ такого переворота. Правда, теперешніе рабочіе превратятся въ собственниковъ; но имъ надобно обстроиться, обзавестись хозяйствомъ; откуда же возьмутъ они для этого средства? и кто станетъ строить для другаго, когда у него есть своя земля? кто станетъ даже строить для себя, когда все, что онъ воздвигнетъ, можетъ снова быть пущено въ раздѣлъ? Притомъ, все это предполагаетъ рабочихъ преданныхъ труду, бережливыхъ и способныхъ противостоять всѣмъ искушеніямъ. Если и теперь это рѣдко встрѣчается, то что же будетъ, когда трудъ и бережливость сдѣлаются просто безуміемъ? Потеряютъ же не только богатые, но и всѣ тѣ, которые своими способностями и трудомъ въ состояніи заработать высшую противъ общаго уровня плату, не говоря о всеобщемъ уменьшеніи богатства въ странѣ.

Защитники означенной системы, продолжаетъ Бентамъ, скажутъ, что эти возраженія касаются только крайнихъ послѣдствій равенства, между тѣмъ какъ можно держаться благоразумной середины, уничтоживъ только излишки богатства и бѣдности. Но дѣло въ томъ, что здѣсь нѣтъ возможности остановиться, ибо самое начало не допускаетъ изъятія. Равенство въ прошедшемъ не удовлетворяетъ требованію; нужно равенство настоящее, слѣдовательно постоянно новые передѣлы. Произвольная остановка на полпути не увеличитъ безопасности для имущихъ и не уменьшитъ требованій неимущихъ. Всякій, кто не получилъ своей доли, будетъ недоволенъ и заявитъ, что онъ такой же гражданинъ, какъ и остальные. Результатомъ такихъ передѣловъ будетъ, въ сущности, уничтоженіе всякой собственности, всякой увѣренности въ будущемъ и всякаго побужденія къ труду; ибо зачѣмъ мнѣ трудиться и отказывать себѣ въ чемъ бы то ни было, если всякое уменьшеніе моего состоянія должно быть пополнено изъ чужаго? Все общество раздѣлится на два класса: съ одной стороны, работящихъ и бережливыхъ, которые будутъ рабами остальныхъ, съ другой стороны, лѣнивыхъ и расточительныхъ, которые будутъ наслаждаться сами для себя. Подобный законъ ничто иное, какъ разбой, но въ громадныхъ размѣрахъ.

Вообще, говоритъ Бентамъ, страсть къ равенству коренится не въ добродѣтели, а въ порокѣ. Она имѣетъ источникомъ не доброжелательство, а злорадство. Приверженцемъ равенства является тотъ, кому невыносимо зрѣлище чужаго благосостоянія. Между тѣмъ, даже при высшей степени совершенства,

до котораго оно можетъ дойти, равенство все-таки не достигаетъ цѣли. Всеобщее уравненіе имуществъ даетъ только *средства* для счастія; но что такое равныя средства при неравенствѣ потребностей? Какое мнѣ дѣло, что мой здоровый и сильный сосѣдъ въ состояніи поддержать свою жизнь, если я умираю отъ недостатка средствъ для излѣченія болѣзни? Истинное равенство должно быть пропорціонально потребностямъ. Можно сказать, что неравенство, также какъ и подчиненіе, составляетъ естественное состояніе человѣка. Это — то состояніе, въ которомъ онъ всегда былъ, есть и будетъ, пока онъ остается человѣкомъ. Безусловное равенство безусловно невозможно, также какъ и безусловная свобода. Дѣти неизбѣжно должны быть подчинены родителямъ; въ семействѣ необходимо подчиненіе или жены мужу или мужа женѣ. Слѣдовательно, для двухъ третей человѣческаго рода свобода и равенство не могутъ существовать. Если же всеобщая свобода немыслима, то всеобщее равенство возможно только при всеобщемъ подчиненіи. Всѣхъ нельзя сдѣлать равно свободными, но можно всѣхъ равно сдѣлать рабами, за исключеніемъ одного лица, которому должны подчиняться остальные. Въ приложеніи же къ собственности, система уравненія можетъ привести къ тому, что никто не будетъ имѣть *болѣе* извѣстнаго размѣра имущества; но она не въ состояніи достигнуть того, чтобы никто не имѣлъ *менѣе*. Эта система влечетъ за собою только всеобщее разореніе.

Противъ этой критики Бентама ничего нельзя сказать. Она вполнѣ основательна и дѣлаетъ честь его таланту.

Возставая противъ индивидуалистическихъ теорій, Бентамъ обличалъ, съ другой стороны, и софизмы консервативной партіи, которая была ему еще ненавистнѣе. Въ ней онъ встрѣчалъ постоянное противодѣйствіе всѣмъ своимъ планамъ для улучшенія законодательства. Консерваторы, характеризуя его ученіе, говорили, что его начало пользы просто вредно. Бентамъ отплачивалъ имъ обличеніемъ тѣхъ доводовъ, которыми упорные защитники существующаго порядка обыкновенно стараются задержать всякія преобразованія *). Софизмы этого рода онъ приводитъ къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) поклоненіе предкамъ, или доказательство на китайскій манеръ. Извѣстное преобразованіе отвергается потому, что надобно держаться того, что дѣлали отцы. Софизмъ состоитъ въ извращеніи признаннаго всѣми правила, что опытность есть мать мудрости. Здѣсь, напротивъ, мудрость приписывается неопытности, ибо тѣ, которые жили прежде насъ, очевидно, имѣли менѣе опытности, нежели мы. Въ человѣческомъ развитіи, прошедшія времена должны считаться не старѣйшими, а юнѣйшими. Это не значитъ однако, что мы должны ставить ни во что все, что дѣлалось предками. Напротивъ, ихъ примѣры должны служить намъ поученіемъ. Въ этомъ отношеніи, ошибки отцовъ для насъ еще назидательнѣе ихъ мудрости. Но это не болѣе, какъ матеріалы для соображеній, и мы никакъ не должны выводить отсюда, что, установляя для себя законы, наши отцы могли правильно судить о томъ, что пригодно для нашего времени. 2) Недостатокъ антецедента, или

*) Traité des Sophismes politiques; The book of Fallacies, Works, II.

примѣра. Это — видоизмѣненіе того же софизма: преобразованіе отвергается, потому что прежде не было ничего подобнаго. Этимъ способомъ можно отвергнуть все, что дѣлалось до сихъ поръ и что впредь будетъ дѣлаться, ибо всякая мѣра когда-нибудь является новою. При такомъ воззрѣніи, улучшенія становятся совершенно невозможными. 3) Страхъ нововведеній. Это опять повтореніе предыдущаго софизма, съ тѣмъ оттѣнкомъ, что новость считается опасною; почему? потому что она нова. Другой причины нѣтъ. 4) Софизмъ неизмѣнныхъ законовъ, связывающихъ потомство. Нѣкоторые основываютъ этотъ софизмъ на понятіи о договорѣ, обязательномъ для будущихъ поколѣній; другіе же, не довольствуясь этимъ, ставятъ законы подъ покровительство самого Божества и заставляютъ каждаго правителя присягать, что онъ будетъ хранить ихъ ненарушимо. Что касается до первыхъ, то имъ можно отвѣчать, что договоръ самъ по себѣ есть не цѣль, а средство. Цѣль его заключается въ пользѣ договаривающихся лицъ, а эта польза опредѣляется данными условіями и обстоятельствами, которыя бываютъ различны въ разныя времена. Слѣдовательно, приписать какому бы то ни было правительству право издавать законы, неизмѣнные для будущихъ поколѣній, значитъ предоставить сужденіе о пользѣ учрежденій тѣмъ, которые не знаютъ обстоятельствъ дѣла, и отнять это сужденіе у тѣхъ, которые имѣютъ всѣ нужныя для того данныя. Вѣчные и ненарушимые законы возможны будутъ только тогда, когда въ человѣческихъ обществахъ установится вѣчный и неизмѣнный порядокъ вещей. Что касается до вторыхъ, то ихъ теорія есть верхъ не-

лѣпости, ибо въ ней предполагается, что Богъ, который дѣйствуетъ по вѣчнымъ законамъ разума и правды, гарантируетъ даже безсмысленные, противорѣчащіе и вредные уставы, какъ скоро людямъ угодно поставить ихъ подъ защиту присяги. Божественное всемогущество связывается человѣческимъ произволомъ. На этотъ софизмъ нельзя смотрѣть иначе, какъ на преступленіе противъ религіи. 5) Авторитетъ числа. Преобразованіе отвергается, потому что оно осуждено общественнымъ мнѣніемъ. Софизмъ заключается въ томъ, что придается значеніе не разумнымъ доводамъ, а ни на чемъ не основанному сужденію, потому только, что оно распространено въ обществѣ. Если предлагаемая мѣра имѣетъ противъ себя большинство, то слѣдуетъ, конечно, пріостановиться и стараться вразумить людей, но это вовсе не причина отвергать безъ разбора полезное преобразованіе. Это — задержка для законодателя, а не доказательство для мыслителя.

Кромѣ предыдущихъ софизмовъ, которые пускаются въ ходъ съ цѣлью окончательно отвергнуть предлагаемыя нововведенія, есть и софизмы, направленные къ тому, чтобы отложить ихъ на неопредѣленное время. Когда нельзя дѣйствовать прямо, стараются идти косвенными путями. Такъ, утверждаютъ иногда: 1) что мѣра не нужна, потому что никто ея не требуетъ; это — софизмъ квіетиста. Подобный доводъ имѣлъ бы значеніе, если бы люди всегда громко кричали о томъ, что имъ нужно или непріятно; но есть тысячи причинъ, которыя заставляютъ ихъ молчать. Въ особенности, это доказательство теряетъ всякую силу въ государствахъ, которыя не пользуются свободою печати. 2) Мѣра

объявляется полезною, но преждевременною. Иногда это можетъ быть дѣйствительно справедливо; но когда это выставляется безъ приведенія причинъ, то подъ этимъ скрывается только пустой предлогъ. 3) Требуется постепенность хода, такъ какъ въ политикѣ все должно идти постепенно. И это ничто иное, какъ злоупотребленіе вѣрной мыслью, ибо постепенность вовсе не нужна тамъ, гдѣ дѣло можетъ быть сдѣлано разомъ. Одного магическаго слова *постепенный* недостаточно для убѣжденія; надобно привести причины. 4) Утверждаютъ, что жалобы напрасны, потому что народъ вообще счастливъ. Это — софизмъ ложныхъ утѣшеній. Если я страдаю отъ извѣстнаго зла, которое можетъ быть прекращено, то благосостояніе всего человѣческаго рода вовсе не причина воздерживаться отъ исправленія. 5) Внушается осторожность, потому что предлагаемая мѣра составляетъ только первый шагъ, за которымъ послѣдуютъ другіе. Это — софизмъ недовѣрія, который представляетъ только болѣе ловкій оборотъ ненависти къ нововведеніямъ.

Наконецъ, есть софизмы, посредствомъ которыхъ стараются спутать понятія. Сюда относится, напримѣръ, подозрѣніе, брошенное на всякую теорію вообще. Это — софизмъ противниковъ мысли. Теоріи, несомнѣнно, могутъ быть ложныя; ими можно злоупотреблять; но тотъ, кто хочетъ ихъ опровергать, долженъ всякій разъ указать на ихъ недостатки. Отвергать же теоріи вообще, потому только, что существуютъ ложныя теоріи, значитъ требовать, чтобы люди не думали, потому что они часто думаютъ неправильно. Теорія ничто иное, какъ сама мысль; это — знаніе, возведенное въ систему. Поэтому нѣтъ

ничего несправедливѣе весьма обыкновенной поговорки: «это хорошо въ теоріи, но дурно на практикѣ». Что дурно на практикѣ, то всегда основано на невѣрной теоріи. Къ тому же разряду софизмовъ относится выставленіе препятствія въ видѣ причины, то есть, когда извѣстное исправимое зло, которое, въ сущности, составляетъ препятствіе благоустройству, выдаютъ за причину благоустройства. Сюда принадлежитъ также весьма обыкновенная манера отвергать цѣлый проектъ на томъ основаніи, что въ немъ есть частные недостатки. Наконецъ, сюда же относится употребленіе двусмысленныхъ выраженій, которыя ведутъ только къ сбивчивости понятій, напримѣръ, общихъ терминовъ, которыхъ неопредѣленность даетъ ложный оттѣнокъ мысли. Такъ, иногда критику дурныхъ дѣйствій правительства или злоупотребленій религіи выставляютъ въ видѣ нападокъ на правительство и религію вообще. Или же выѣзжаютъ на громкихъ словахъ, подъ которыми скрывается только пустота содержанія, напримѣръ, на словѣ *порядокъ*. Или же дѣйствіе, достойное осужденія, прикрываютъ добрымъ именемъ; напримѣръ, вмѣсто *подкупъ* говорятъ: *вліяніе правительства*. Или же устанавливаютъ мнимыя различія, которыя невозможно провести на дѣлѣ, напримѣръ, между свободою и своеволіемъ печати, между умѣреннымъ и неумѣреннымъ преобразованіемъ, и т. д.

Бентамъ извлекъ этотъ остроумный анализъ политическихъ софизмовъ изъ наблюденій надъ англійскою парламентскою жизнью. Но признавая все значеніе этой тонкой критики, нельзя и здѣсь не замѣтить, что она обращена собственно противъ злоупотребленій мысли и рѣчи. Истинныхъ основа-

ній охранительной системы Бентамъ, въ сущности, вовсе не касался. На это у него не было и чутья. Въ его глазахъ, вся законодательная дѣятельность сводилась къ логической операціи, взвѣшивающей частныя выгоды и невыгоды предлагаемыхъ мѣръ. Болѣе общія соображенія были для него недоступны.

Вражда къ консервативному направленію побудила Бентама написать критику и на книгу Блакстона: *Комментаріи на законы Англіи*, пользовавшуюся громадною популярностью въ его отечествѣ. Онъ видѣлъ въ знаменитомъ юристѣ отъявленнаго врага всякихъ преобразованій, а потому полагалъ, что благосостояніе человѣчества неразрывно связано съ опроверженіемъ его взглядовъ. Но мелочной способъ критики увлекъ Бентама до того, что опроверженіе приняло слишкомъ значительные размѣры, а потому онъ рѣшился издать только отрывокъ, въ которомъ разбирается теорія Блакстона о государственномъ устройствѣ вообще и приложеніе этой теоріи, въ общихъ чертахъ, къ англійской конституціи *).

Надобно сказать, что этотъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ мало существеннаго. Блакстонъ, котораго вся репутація основывалась на томъ, что онъ былъ первымъ популярнымъ толкователемъ положительныхъ законовъ Англіи, далеко не былъ глубокимъ мыслителемъ. Бентамъ съ большимъ остроуміемъ разбираетъ каждую его фразу, указываетъ на неточность и неясность мыслей и выводитъ, что авторъ часто самъ не понимаетъ, что говоритъ. Для англійской публики того времени, которая благоговѣла передъ авторитетомъ Блакстона, это язвительное

---

*) A Fragment on Government. Preface to the first edition. Works, I.

нападеніе имѣло свое значеніе; для насъ оно потеряло почти весь свой интересъ. Однако, и тутъ есть пункты, которые важны для характеристики политическихъ взглядовъ Бентама.

Критика начинается съ теоріи первобытнаго договора, которую Блакстонъ отвергалъ, какъ фактъ, но признавалъ, какъ фикцію, необходимую для объясненія происхожденія государствъ. Не трудно было доказать, что объясненіе, признанное фактически немыслимымъ, способно вести только къ путаницѣ понятій. Фикція, говоритъ Бентамъ, въ сущности, ничто иное, какъ обманъ, который при низкой степени развитія можетъ имѣть свое значеніе, но при высшемъ образованіи служитъ только къ затемнѣнію истины. Всѣ эти мнимые договоры между князьями и народомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются совершенно несостоятельными. Если, какъ утверждаютъ нѣкоторые, король обязывается править для счастія народа, а послѣдній, въ замѣнъ того, обязывается повиноваться, то спрашивается: какъ опредѣлить, что ведетъ къ народному счастію, и какое дѣйствіе, противное этому счастію, можетъ оправдать неповиновеніе? Если же, какъ полагаютъ другіе, король обязывается править сообразно съ законами, то 1) можно издавать законы, противорѣчащіе народному благу; 2) можно править вопреки счастію народа, не нарушая ни единой буквы закона; 3) иногда сама общая польза требуетъ нарушенія закона; 4) остается неопредѣленнымъ, какого рода нарушеніе закона должно считаться достаточнымъ для того, чтобы отказать правительству въ повиновеніи, ибо, если каждый случай нарушенія влечетъ за собою уничтоженіе всего

договора, то ни одно правительство въ мірѣ не можетъ существовать сколько-нибудь продолжительное время. Наконецъ, если признать даже существованіе подобныхъ договоровъ, спрашивается: какую силу можетъ имѣть для меня обѣщаніе, данное пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ моимъ дѣдомъ, что онъ будетъ повиноваться, если имъ будутъ управлять сообразно съ законами? Слѣдуя Юму, Бентамъ доказываетъ, что вся сила обязательствъ заключается въ пользѣ, проистекающей отъ ихъ соблюденія. Поэтому начало пользы совершенно достаточно для объясненія происхожденія правительствъ, и не нужно прибѣгать ни къ какимъ вымышленнымъ договорамъ *).

На томъ же началѣ пользы Бентамъ основываетъ и взаимныя права правительства и подданныхъ. Блакстонъ, говоритъ онъ, съ одной стороны, приписываетъ правительству верховную, неотразимую, абсолютную и не подлежащую контролю власть надъ подданными; съ другой стороны, утверждаетъ, что если бы человѣческій законъ предписывалъ что-либо противное закону естественному, то подданные не только не обязаны повиноваться, но обязаны сопротивляться. Между тѣмъ, послѣднее положеніе уничтожаетъ первое и дѣлаетъ даже невозможною всякую власть, ибо естественный законъ понимается каждымъ по своему; слѣдовательно, въ силу этой теоріи, каждый получаетъ право возставать съ оружіемъ въ рукахъ противъ всякаго постановленія, которое ему не нравится. Это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено опять-таки однимъ началомъ пользы. Неповиновеніе дозволено тамъ, гдѣ *вѣроятное зло*,

---

*) A Frag. on Gov., ch. I.

проистекающее отъ сопротивленія, менѣе, нежели вѣроятное зло, происходящее отъ повиновенія. Но такъ какъ на это нѣтъ никакого признака, кромѣ внутренняго убѣжденія каждаго, то права власти надобно признать, если не *безграничными* (infinite), то *неопредѣленными* (indefinite), исключая случаевъ, гдѣ положено формальное ограниченіе. Свободныя правленія и деспотическія отличаются другъ отъ друга не объемомъ правъ, предоставленныхъ власти, а единственно способомъ установленія правительствъ и тѣми условіями, которыми они обставлены. И въ тѣхъ и въ другихъ власть, по самому существу предмета, не можетъ имѣть опредѣленныхъ границъ, кромѣ случая, гдѣ на этотъ счетъ есть формальный уговоръ; ибо нѣтъ необходимости, чтобы вся сумма власти непремѣнно сосредоточивалась въ одномъ лицѣ или тѣлѣ: она можетъ быть распредѣлена между различными органами, какъ въ федеративныхъ государствахъ, или же въ извѣстныхъ случаяхъ можно обращаться за рѣшеніемъ къ болѣе многочисленному тѣлу, отъ котораго власть получила свое полномочіе. Всѣ эти пренія, заключаетъ Бентамъ, ничто иное, какъ споры о словахъ. Одно начало пользы сводитъ ихъ на положительную почву, ибо здѣсь вопросъ идетъ не о словахъ, а о фактахъ. Мы судимъ о будущихъ фактахъ на основаніи прошедшихъ, а потому можемъ придти въ болѣе или менѣе достовѣрному заключенію *).

Очевидно, что этотъ выводъ весьма недостаточенъ. Если возраженія Бентама противъ положеній Блак-

*) A Frag. on Gov., ch. IV.

стона вполнѣ основательны, то собственное его ученіе нисколько не улучшаетъ дѣла. И здѣсь все сводится въ концѣ концовъ къ личному убѣжденію каждаго. Ссылка на факты ничего не рѣшаетъ, ибо, по собственному признанію Бентама, для оцѣнки фактовъ нѣтъ никакого опредѣленнаго мѣрила. Каждый можетъ по своему судить, гдѣ большее зло, на сторонѣ подчиненія или на сторонѣ возстанія. Поставленный такимъ образомъ вопросъ рѣшается только на основаніи чисто субъективнаго чувства: для одного свобода дороже всего на свѣтѣ, другой всему предпочитаетъ спокойствіе. Подобное политическое начало можетъ породить только анархію.

Что касается до устройства правительства, то Блакстонъ, усвоивая себѣ теорію Монтескьё о раздѣленіи властей, восполнялъ её собственными, весьма ненаучными соображеніями. Онъ говорилъ, что, такъ какъ по природѣ всѣ равны, то власть должна быть вручена тѣмъ лицамъ, у которыхъ всего скорѣе можно найти свойства, принадлежащія Верховному Существу, именно, силу, мудрость и благость. Эти свойства составляютъ истинное основаніе верховной власти. Изъ трехъ же чистыхъ образовъ правленія каждому принадлежитъ въ особенности одно изъ нихъ: монархіи сила, аристократіи мудрость, демократіи благость. Но вслѣдствіе отсутствія остальныхъ качествъ, каждая форма имѣетъ и присущіе ей недостатки. Смѣшанное же правленіе, соединяя въ себѣ качества всѣхъ трехъ, представляетъ высшій идеалъ государственнаго устройства. Такова именно англійская конституція. Бентамъ остроумно издѣвается надъ этими богословскими доказательствами и надъ распредѣленіемъ божественныхъ свойствъ по

различнымъ образамъ правленія. Доводъ же Блакстона въ пользу смѣшанной формы онъ опровергаетъ замѣчаніемъ, что совершенно такимъ же способомъ можно доказать, что она соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки чистыхъ формъ, и тогда выдетъ, что это правленіе самое слабое, самое глупое и самое лукавое *).

Бентамъ ограничивается этими отрицательными возраженіями. Собственнаго взгляда на образы правленія онъ не высказываетъ и признается даже, что мысли его въ этомъ отношеніи не совсѣмъ установились **). Въ другихъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ къ этому же періоду, онъ прямо нападаетъ на самую сущность теоріи раздѣленія властей въ томъ видѣ, какъ она установилась у публицистовъ XVIII-го вѣка. Бентамъ основательно указываетъ на невозможность полной независимости различныхъ органовъ, составляющихъ вмѣстѣ одно правительство, замѣчаніе, которое дѣлаетъ честь его проницательности, хотя и здѣсь критика идетъ иногда слишкомъ далеко, ибо, вмѣстѣ съ одностороннимъ приложеніемъ начала, отвергается и самое его основаніе. «Раздѣленіе властей, говоритъ онъ, есть смутная мысль, взятая изъ стараго политическаго правила: раздѣляй и властвуй. Еще болѣе старинное и вѣрное правило состоитъ въ томъ, что домъ, въ себѣ самомъ раздѣленный, не можетъ стоять. Раздѣльныя и независимыя другъ отъ друга власти не могли бы составить одного цѣлаго; устроенное такимъ образомъ прави-

---

*) A Frag. on Gov., ch. II, III.

**) A Frag. on Gov., ch. III, § 21: In truth this is more than I have quite yet settled.

тельство не въ состояніи держаться. Если необходима верховная власть, которой всѣ отрасли управленія должны быть подчинены, то распредѣленіе функцій между различными органами будетъ различіемъ должностей, но не раздѣленіемъ власти; ибо власть, которою подчиненный можетъ пользоваться только по правиламъ, установленнымъ высшимъ, не есть отдѣльная власть: это — отрасль власти, принадлежащей высшему; и такъ какъ послѣдній ее далъ, то онъ можетъ ее и отнять; такъ какъ онъ опредѣлилъ способы дѣйствія, то онъ можетъ и измѣнить ихъ по своему усмотрѣнію» *).

Не столь безусловны, а потому болѣе основательны тѣ возраженія, которыя Бентамъ дѣлаетъ въ другомъ мѣстѣ противъ теоріи англійской конституціи. Всѣ выгоды этой конституціи, говоритъ онъ, выводятся изъ независимости властей, начало, которое выдается за верхъ совершенства въ политикѣ. «Въ дѣйствительности такая независимость не существуетъ. Развѣ король и лорды не имѣютъ прямаго вліянія на выборы въ Палату Общинъ? Развѣ король не имѣетъ права распустить послѣднюю ежеминутно, и это право не составляетъ весьма дѣйствительнаго орудія въ его рукахъ? Развѣ король не пользуется значительнымъ вліяніемъ посредствомъ почетныхъ и доходныхъ должностей, которыя онъ даетъ и отнимаетъ по своему изволенію? Съ другой стороны, развѣ король не состоитъ въ зависимости отъ обѣихъ палатъ, и особенно отъ Палаты Общинъ, ибо онъ не могъ бы держаться безъ денегъ и войска, а эти два главные предмета нахо-

*) Sophis. Anarch., art. 16.

дятся совершенно въ рукахъ народныхъ представителей? Палата Перовъ можетъ ли считаться независимою, когда король имѣетъ право увеличить число ихъ по своему усмотрѣнію, обратить большинство въ свою пользу прибавленіемъ новыхъ членовъ и, сверхъ того, пользуется другаго рода вліяніемъ посредствомъ перспективы чиновъ и движенія въ рядахъ періи, а также повышеній на скамьѣ епископовъ? Вмѣсто того, чтобы разсуждать объ обманчивомъ словѣ, посмотримъ на послѣдствія этого порядка. Именно эта взаимная зависимость трехъ властей производитъ ихъ согласіе, подчиняетъ ихъ постояннымъ правиламъ и даетъ имъ систематическій и непрерывный ходъ. Отсюда необходимость уважать и наблюдать другъ друга, дѣлать взаимныя уступки, воздерживаться и приходить къ соглашенію. Если бы власти были безусловно независимы, между ними были бы постоянныя столкновенія. Приходилось бы часто прибѣгать къ силѣ, и тогда лучше уже было бы заразъ придти къ чистой демократіи, то есть, къ анархіи» *).

Мы видимъ, что въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Бентамъ, нападая на конституціонныя теоріи XVIII-го вѣка, далеко не благопріятствовалъ и демократіи. Въ этомъ отношеніи онъ высказывался весьма категорически. Если мы хотимъ основать политическую теорію на народномъ представительствѣ, говоритъ онъ, принимая послѣднее, какъ чисто отвлеченное начало и дѣлая изъ него всѣ необходимые логическіе выводы, мы скоро неизбѣжно дойдемъ до всеобщей подачи голосовъ и

---

*) Princ. de Leg., ch. VIII, 9.

должны будемъ признать, что представительство должно возобновляться какъ можно чаще, чтобы быть достойнымъ этого имени. Но если мы хотимъ обсуждать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія пользы, то надобно имѣть въ виду не слова, а послѣдствія самаго дѣла. Поэтому, когда нужно избирать законодательное собраніе, слѣдуетъ дать право голоса только тѣмъ, которые могутъ пользоваться довѣріемъ народа; иначе исчезнетъ довѣріе къ самому собранію. Довѣріе же народа не можетъ быть возложено на тѣхъ, у кого нельзя предположить ни достаточной политической честности, ни достаточныхъ свѣдѣній для такого дѣла. Нельзя предполагать политическую честность въ тѣхъ, кого нужда соблазняетъ продавать свой голосъ, равно и въ тѣхъ, кто не имѣетъ постояннаго мѣста жительства, наконецъ въ лицахъ, которыя были опозорены судомъ за преступныя дѣйствія. Невозможно предполагать достаточно свѣдѣній въ женщинахъ, которыхъ забота о домашнемъ хозяйствѣ отвлекаетъ отъ общественныхъ дѣлъ, а также въ людяхъ, не достигшихъ извѣстнаго возраста, въ тѣхъ, которые по бѣдности лишены первоначальныхъ элементовъ воспитанія, и проч. Изъ этихъ и тому подобныхъ соображеній можно вывести условія, необходимыя для избирателей. Точно также слѣдуетъ взвѣсить выгоды и невыгоды частаго возобновленія собраній, чтобы опредѣлить ихъ срокъ, оставляя въ сторонѣ всякіе доводы, почерпнутые изъ отвлеченныхъ началъ *).

Послѣдовательное проведеніе основной своей точки зрѣнія скоро, однако, увлекло Бентама къ инымъ

*) Princ. de Leg., ch. X., 9.

взглядамъ. Мы видѣли, что отъ общаго начала пользы онъ перешелъ къ чисто количественному опредѣленію и принялъ формулу: *наибольшее счастіе наибольшаго количества людей.* Съ другой стороны, онъ все сильнѣе утверждался въ мысли, что всякій заботится прежде всего о собственномъ своемъ счастіи, видя въ другихъ только средства для достиженія своихъ цѣлей. Отсюда былъ ясный выводъ, что пока правленіе будетъ находиться въ рукахъ меньшинства, послѣднее неизбѣжно будетъ дѣйствовать въ свою пользу. Собственный опытъ практически убѣждалъ въ этомъ Бентама. Всѣ его преобразовательные планы, хотя и были внушены искреннею любовью къ человѣчеству, встрѣчали въ Англіи постоянную неудачу. Отсюда онъ заключилъ, что польза большинства можетъ соблюдаться только тамъ, гдѣ само большинство имѣетъ силу въ рукахъ. Поэтому онъ во второй періодъ своей дѣятельности перешелъ къ чисто демократическимъ воззрѣніямъ. Онъ прямо выставляетъ числительныя отношенія, какъ главное руководящее начало въ начертанныхъ имъ законодательныхъ проектахъ. «Хотя я точно слѣдовалъ началамъ логики, говоритъ онъ, хотя я принималъ въ расчетъ и политическія, и нравственныя соображенія, однако я прежде всего руководился самою точною изъ всѣхъ наукъ, *ариѳметикою.* Числительный алфавитъ служилъ мнѣ путеводителемъ; имъ я измѣрялъ ту степень покровительства, которую мой кодексъ оказываетъ людямъ. Мнѣ показалось, что *два* человѣка имѣютъ *вдвое* болѣе правъ на это покровительство, нежели *одинъ,* три — втрое, четыре — вчетверо; отсюда я заключилъ, что главнымъ предметомъ моей заботы должна быть

масса гражданъ и безопасность цѣлаго народа Вслѣдствіе этого, я сдѣлалъ такъ, что народъ въ массѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ въ моемъ произведеніи, а потомъ уже я прошелъ черезъ всѣ ступени числительной лѣствицы» *). Это правило Бентамъ прилагаетъ ко всѣмъ частямъ политическаго устройства. «Съ точки зрѣнія логической и политической, говоритъ онъ далѣе, я не касаюсь вопроса. Съ точки зрѣнія числительной, онъ рѣшенъ. *Меньшее число должно ли имѣть преимущество передъ бо́льшимъ? интересъ нѣкоторыхъ передъ интересомъ всѣхъ?* Аббатъ Сіэсъ и докторъ Пристлей возымѣли простую и ясную мысль представить задачу въ этомъ видѣ; она рѣшалась сама собою» **).

Итакъ, Бентамъ окончательно возвратился къ тѣмъ отвлеченнымъ началамъ, противъ которыхъ онъ прежде ратовалъ съ такою силою. Всѣ преимущества, которыя представляло разностороннее, хотя и чисто практическое начало пользы въ сравненіи съ индивидуалистическими теоріями, были откинуты въ сторону. Одаренный точнымъ, хотя и весьма узкимъ умомъ, Бентамъ понималъ необходимость придать принятой имъ точкѣ зрѣнія какъ можно болѣе опредѣленности; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами, что подъ именемъ пользы можно приводить самыя разнообразныя соображенія безъ всякаго твердаго основанія, а потому онъ волею или неволею долженъ былъ возвратиться къ ученію мыслителей XVIII-го вѣка, несмотря на то, что онъ ясно видѣлъ ихъ

*) Пятое письмо къ графу Торено: Works, VIII.
**) Тамъ же.

недостатки. Послѣдніе имѣли однако передъ нимъ значительное преимущество: они отправлялись отъ положительнаго, хотя и односторонняго начала; для нихъ человѣческая личность съ прирожденною ей свободою и правами была исходною точкою всего общественнаго строя. Бентамъ же, отвергая основаніе, принималъ всѣ его послѣдствія. Поэтому, сдѣланный имъ попятный шагъ не могъ быть ничѣмъ теоретически оправданъ. Онъ показывалъ только всю поверхностность воззрѣній Бентама и всю недостаточность начала пользы.

Съ этой новой точки зрѣнія Бентамъ начерталъ свой *Конституціонный Кодексъ*, главныя основанія котораго были изложены имъ въ *Руководящихъ началахъ для конституціоннаго кодекса, приложимаго ко всякому государству*. Это — цѣлая политическая программа, въ которой разбираются какъ существенныя задачи государства, такъ и средства ихъ осуществленія. Первыя приводятся къ четыремъ главнымъ рубрикамъ, на которыя раздѣляется общая цѣль государства, то есть, наибольшее счастіе наибольшаго количества людей. Эти рубрики суть: попеченіе о средствахъ существованія, объ изобиліи, о безопасности и о равенствѣ. Въ этомъ исчисленіи мы не находимъ, впрочемъ, ничего новаго. Все это ничто иное, какъ повтореніе прежней теоріи Бентама, изложенной въ *Началахъ Гражданскаго Кодекса*, изданныхъ Дюмономъ *). Напрасно также стали бы мы искать здѣсь той точности и полноты, которыми обыкновенно отличаются раздѣленія Бентама. Онъ

*) Pric. du Code Civil, 1-ère Partie; въ англійскомъ изданіи Боуринга, сличенномъ съ рукописями: Principles of the Civil Code, Works, I.

самъ въ этомъ сознается *). Тутъ нѣтъ общаго принципа дѣленія; различныя цѣли поставлены рядомъ безъ всякой внутренней связи; наконецъ, нѣкоторые предметы, которые Бентамъ прямо возлагаетъ на обязанность государства, какъ то: поддержаніе богослуженія и поощреніе наукъ и искусствъ **), вовсе сюда не входятъ.

Попеченіе о средствахъ существованія отдѣляется отъ заботы объ изобиліи на томъ основаніи, что относительно первыхъ надобно принимать болѣе дѣйствительныя мѣры, нежели относительно послѣдняго ***). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи оказывается, что въ отношеніи къ тому и другому всякія мѣры безполезны, ибо собственный интересъ служитъ здѣсь гораздо болѣе сильнымъ побужденіемъ, нежели какія бы то ни было законодательныя постановленія. Притомъ, законъ долженъ употреблять насиліе, которое всегда есть зло, тогда какъ свобода и безъ того достаточна для удовлетворенія нуждъ. Поэтому законодательство должно ограничиваться косвенными мѣрами, именно, установленіемъ безопасности, которая составляетъ лучшее средство и для развитія народнаго богатства ****). Исключеніе изъ этого правила составляетъ только поддержаніе неимущихъ, которые не въ состояніи сами себя прокормить. Здѣсь частная благотворительность недостаточна; необходимо прибѣгнуть къ общественной помощи.

---

*) This division does not possess all the clearness and precision which could be desired. Pr. of the Civ., Code., Part. I, ch. 2.

**) Pr. du Code Civ., 1-ère part., ch. XIV, sect. 2, 3.

***) Pr. du Code Civ., 1-ère part., ch. II.

****) Pr. du Code Civ., 1-ère part., ch. IV, V; Constit. Code, Book I, ch. III, sect. 4.

Такимъ образомъ, эти двѣ рубрики сводятся къ благотворительности. И тутъ законодатель долженъ держаться въ весьма тѣсныхъ границахъ: надобно давать только строго необходимое, иначе это будетъ обложеніе труда въ пользу лѣни. Но въ этихъ предѣлахъ право нищаго на средства пропитанія перевѣшиваетъ право собственника на избытокъ, ибо страданіе перваго отъ недостатка средствъ сильнѣе, нежели страданіе послѣдняго отъ лишенія части имущества. Вообще, тутъ надобно держаться правила, что пока есть избытокъ въ чьихъ-либо рукахъ, требуется доказательство, почему слѣдуетъ отказать нищему въ средствахъ пропитанія *).

Съ подобнымъ правиломъ можно идти очень далеко. Бентамъ былъ ревностнымъ защитникомъ собственности; но изъ его посылокъ легко сдѣлать выводы въ духѣ чистаго соціализма. И здѣсь начало пользы, отрѣшенное отъ всякихъ юридическихъ основаній, является совершенно недостаточнымъ.

Безопасность Бентамъ считаетъ главною цѣлью государства, цѣлью, достиженіе которой вполнѣ зависитъ отъ закона. Этому отдѣлу онъ даетъ самое обширное значеніе. Сюда причисляется не только устраненіе физическихъ бѣдствій и защита отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, но и огражденіе лицъ отъ произвола власти, что составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ конституціи. Бентамъ прямо раздѣляетъ внутреннихъ враговъ на оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ. Послѣдніе суть преступники, которые караются закономъ; подъ именемъ же

---

*) Pr. du Code Civ., 1-ère Part., ch. XIV, Sect. I; Const. Cod., B. I, ch. III, Sect. 3.

первыхъ разумѣются должностныя лица, которыя еще опаснѣе тѣхъ, потому что труднѣе имъ сопротивляться. Такимъ образомъ, политическія гарантіи и уголовные законы подводятся подъ одну рубрику, пріемъ болѣе язвительный, нежели основательный *). Существеннѣйшимъ же предметомъ безопасности Бентамъ полагаетъ охраненіе собственности. Законъ и собственность, говоритъ онъ, неразрывны; они родились и умрутъ вмѣстѣ **). Требованіе безопасности состоитъ въ томъ, чтобы собственность охранялась въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ данное время; иначе не будетъ увѣренности ни въ чемъ. Это и разумѣется подъ именемъ правосудія, которое справедливо считается первою обязанностью государства ***). Но вслѣдствіе этого безопасность приходитъ въ столкновеніе съ равенствомъ. Послѣднее составляетъ также задачу государства, которое, имѣя въ виду возможно большее счастіе всѣхъ, должно стремиться къ уравнительному распредѣленію благъ; ибо страданія, проистекающія отъ лишеній, далеко перевѣшиваютъ удовольствія, доставляемыя избыткомъ. Способность человѣка къ счастію не растетъ соразмѣрно съ имуществомъ; поэтому богатство немногихъ не искупаетъ бѣдности массъ. Но съ другой стороны, равенство не есть начало абсолютное; полное равенство никогда нигдѣ не существовало и не можетъ существовать. Даже попытка введенія подобнаго порядка повела бы къ уничтоженію всей цѣнности, а большею частью и самаго

*) Pr. du Code Civ., 1-ère Part., ch. VII; Lead. Princ. of a Const. Cod., Sect. I, §§ 8—20.

**) Pr. du Code Civ., 1-ère Part., ch. VIII.

***) Pr. du Code Civ., 1-ère Part., ch. XI.

существа произведеній. Во всякомъ случаѣ, равенство, какъ второстепенная цѣль, должно подчиняться безопасности. Соглашеніе между этими двумя началами можетъ послѣдовать только постепенно, дѣйствіемъ времени, которое мало-по-малу распространяетъ жизненныя удобства по всѣмъ слоямъ общества *).

Очевидно, что у Бентама для равенства нѣтъ опредѣленнаго принципа; ибо какъ уловить границу, гдѣ оно угрожаетъ безопасности или гдѣ страданія отъ недостатка средствъ перевѣшиваются страданіями, происходящими отъ потери излишка? Самое поставленіе этой рубрики на ряду съ безопасностью и продовольствіемъ противорѣчитъ логикѣ. Послѣднія суть матеріальныя блага, составляющія прямую цѣль государства; первое же есть общее начало, которое можетъ прилагаться и къ правамъ и къ благамъ всякаго рода. Мы видѣли уже, что въ приложеніи къ имуществу оно ведетъ къ совершенно невозможнымъ требованіямъ и превратнымъ выводамъ. Въ своей критикѣ Бентамъ ясно указывалъ на недостатки этихъ теорій; но при построеніи собственной системы, онъ самъ не умѣлъ справиться съ этимъ началомъ, такъ какъ принятая имъ точка зрѣнія не представляетъ для этого никакихъ твердыхъ основаній.

Какія же средства должно употреблять государство для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей? Они могутъ быть выражены одною формулою: *максимація надлежащей способности въ правителяхъ*. Способность

---

*) Pr. du Cod. Civ., 1-ère Part., ch. VI, XI, XII; Lead. Pr. of a Const. Cod., Sect. I, §§ 21—47; Const. Cod., Book. I, ch. III, Sect. 5.

эта трехъ родовъ: умственная, нравственная и дѣятельная. Важнѣйшая — вторая, которая состоитъ въ желаніи всегда содѣйствовать наибольшему счастію наибольшаго количества людей. Безъ нея всѣ другія становятся только источникомъ зла. Средства же для обезпеченія нравственной способности правителей, главнымъ образомъ, слѣдующія: 1) предоставленіе выбора правителей тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ счастіе составляетъ всеобщее счастіе, то есть, массѣ народа; 2) уменьшеніе до крайности въ рукахъ каждаго должностнаго лица власти дѣлать зло, съ оставленіемъ, по возможности, въ полномъ объемѣ власти дѣлать добро; 3) уменьшеніе до крайности количества денегъ, которымъ располагаетъ каждое должностное лице, а также и времени, въ теченіи котораго онѣ остаются въ его рукахъ; 4) увеличеніе до крайности отвѣтственности должностныхъ лицъ, что достигается частою ихъ смѣною, а при случаѣ и наказаніемъ. Этими различными способами общественный бытъ получаетъ такое устройство, что требованія личнаго интереса всегда совпадаютъ съ предписаніями долга. Въ доказательство, что все это вполнѣ примѣнимо на практикѣ, Бентамъ ссылается на Соединенные Штаты, утверждая, что тамъ народъ наслаждается бо̀льшимъ счастіемъ, нежели въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ древняго или новаго міра *).

Такимъ образомъ, единственный образъ правленія, который имѣетъ и можетъ имѣть предметомъ всеобщее счастіе, по мнѣнію Бентама, есть демократія. Всѣ остальные, по существу своему, заботятся

*) Lead. Princ. of a Const. Cod., Sect. II.

только объ интересахъ меньшинства, оставляя народъ совершенно беззащитнымъ противъ злоупотребленій власти. Всякій правитель, кто бы онъ ни былъ, по самому свойству человѣческой природы, какъ скоро онъ облеченъ безотвѣтственною властью, будетъ имѣть въ виду только себя, а не другихъ. Слѣдовательно, счастіе всѣхъ можетъ быть обезпечено единственно такимъ устройствомъ, которое полагаетъ власть въ руки всѣхъ, такъ чтобы каждое должностное лице, вполнѣ завися отъ народа, по необходимости, для собственной выгоды, должно было дѣйствовать на общую пользу. Съ этой точки зрѣнія, Бентамъ полагаетъ главную задачу всякой конституціи въ установленіи гарантій противъ частныхъ, или, какъ онъ выражался, *злокачественныхъ* (sinister) интересовъ правителей. Эта задача формулируется такъ: *уменьшить довѣріе до крайнихъ предѣловъ* (minimize confidence), съ тѣмъ однако, чтобы не умалять власти, нужной для добра. Единственное же средство для достиженія этой двоякой цѣли заключается въ постоянной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Каждый исполнитель долженъ всегда состоять въ полной зависимости отъ верховной законодательной власти, а послѣдняя, въ свою очередь, отъ верховной учредительной. При такомъ порядкѣ, каждый, слѣдуя своей природѣ, продолжаетъ предпочитать себя всѣмъ другимъ; но такъ какъ сила находится въ рукахъ всѣхъ, то это предпочтеніе ведетъ къ пользѣ всѣхъ. Во всякомъ же другомъ образѣ правленія частные интересы правителей естественно и необходимо преобладаютъ надъ общественными. А для того, чтобы увѣрить народъ въ противномъ и держать его въ повиновеніи, прибѣгаютъ къ наси

лію и къ обману. Какъ монархія, такъ и аристократія могутъ существовать единственно этими средствами *).

Монархія, по мнѣнію Бентама, всего болѣе удаляется отъ истинной цѣли государства. Здѣсь, въ силу общаго всѣмъ людямъ начала самопредпочтенія, цѣлью правительства можетъ быть только наибольшее счастіе единаго лица. Эту цѣль монархъ, даже самый лучшій, будетъ преслѣдовать постоянно, жертвуя ей счастіемъ подданныхъ. Дѣйствовать такимъ образомъ тѣмъ легче, что онъ не подлежитъ контролю и отвѣтственности и не встрѣчаетъ препятствій своей власти. Неограниченный монархъ можетъ смотрѣть на подданныхъ только такими глазами, какими хозяинъ смотритъ на рабочій скотъ. Положеніе подданныхъ, при самомъ лучшемъ государѣ, даже хуже, чѣмъ положеніе скота, ибо скотъ у хорошаго хозяина всегда на виду, тогда какъ государь никогда не видитъ именно тѣхъ подданныхъ, которые подвержены наибольшимъ страданіямъ. Притомъ, такъ какъ монархъ получаетъ свои выгоды въ ущербъ интересамъ подданныхъ, то онъ въ послѣднихъ естественно долженъ видѣть своихъ враговъ, а это, въ свою очередь, возбуждаетъ въ немъ вражду къ нимъ. Слѣдовательно, самый лучшій монархъ является естественнымъ врагомъ своихъ подданныхъ; каковъ же долженъ быть дурной? Бентамъ утверждаетъ даже, что по своему высокому положенію, монархъ неизбѣжно занимаетъ низшее мѣсто на нравственной лѣстницѣ, ибо онъ не нуждается ни въ комъ, а такъ какъ человѣкъ всегда дѣйствуетъ

---

*) Const. Cod., Book I, ch. IX.

въ виду личнаго интереса, то у него нѣтъ никакого побужденія быть доброжелательнымъ къ другимъ. Можно считать общимъ правиломъ, что чѣмъ выше стоитъ человѣкъ, тѣмъ ниже его нравственныя свойства, ибо тѣмъ менѣе способенъ онъ понимать страданія другихъ и сочувствовать имъ. Если сравнить злодѣевъ, называемыхъ преступниками, говоритъ Бентамъ, противъ которыхъ есть защита и которые подлежатъ наказанію, съ тѣми, которые неотразимы и не подлежатъ наказанію, и которыхъ величаютъ правителями, то худшіе изъ первыхъ, во всякомъ удобопонятномъ смыслѣ этого слова, будутъ образцами добродѣтели въ сравненіи со вторыми, которымъ обильно расточаются похвалы *).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бентама, монархъ ничто иное, какъ рабовладѣлецъ въ широкихъ размѣрахъ. Народъ же при этомъ образѣ правленія состоитъ изъ оскорбляющихъ и оскорбляемыхъ, изъ развращающихъ и развращаемыхъ, изъ обманщиковъ и обманутыхъ, изъ наглецовъ и трусовъ, изъ лицемѣровъ и глупцовъ. Монархъ, единственно въ силу своего положенія, является архинасилователемъ, архитеррористомъ, архиразвратителемъ и архиобманщикомъ; каждое же изъ его орудій есть виценасилователь, вицетеррористъ, вицеразвратитель и вицеобманщикъ. Эти орудія суть солдаты, юристы и попы. Первые употребляютъ насиліе, послѣдніе обманъ. Утверждаютъ, что выгоды монарха совпадаютъ съ интересами подданныхъ. Да, такъ же, какъ выгоды почтаря совпадаютъ съ интересами почтовыхъ лошадей. Между всякимъ хищнымъ животнымъ

---

*) Const. Cod., Book I, ch. XV, Sect. 8; ch. XVII, Sect. 2—4.

и его жертвами есть нѣкотораго рода общность интересовъ. Всѣ разбойники имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы путешественники были многочисленны, и чтобы ихъ карманы были хорошо набиты. Такого же рода общность интересовъ существуетъ между монархомъ и подданными. Не смотря на эту мнимую общность, монархъ неизбѣжно всегда имѣетъ наклонность производить наибольшее несчастіе наибольшаго количества людей. Такова всегда была и будетъ монархія, пока она существуетъ на землѣ. Говорить о хорошемъ государѣ все равно, что толковать о бѣлыхъ чернилахъ или о черномъ снѣгѣ *).

Въ ограниченной монархіи положеніе нисколько не улучшается. Такъ какъ воля монарха встрѣчаетъ здѣсь преграды, то тутъ еще болѣе поводовъ къ враждѣ. Монархъ не можетъ не считать своими врагами тѣхъ людей, которые препятствуютъ его желаніямъ. Но такъ какъ онъ явно дѣйствовать не смѣетъ, то онъ постоянно принужденъ прибѣгать къ подкупу и обману. Главнымъ средствомъ для этого служитъ раздача должностей, которыми онъ располагаетъ, и которыхъ домогаются члены представительнаго собранія. Народъ держится въ повиновеніи силою и страхомъ; немногіе же избранные, стоящіе на вершинѣ, становятся орудіями короля и раздѣляютъ съ нимъ его выгоды. Таково именно положеніе Англіи **). Тутъ не поможетъ никакая реформа. Пока существуютъ королевская власть и палата перовъ, въ государствѣ необходимо должна господствовать самая пагубная система безнрав-

---

*) Const. Cod., Book I, ch. XVII, Sect. 2—4; ch. XV, Sect. 6.

**) Const. Cod., Book. I, ch. XVII, Sect. 6, 7.

ственности и самая грубая система нелѣпости, какую когда-либо изобрѣталъ человѣческій умъ *). «Вездѣ, говоритъ Бентамъ, за исключеніемъ хорошо устроенной представительной демократіи, вездѣ немногіе правящіе и имѣющіе вліяніе — враги многихъ, состоящихъ въ подчиненіи, враги въ мысляхъ, также какъ и въ дѣйствіи; и по самой природѣ человѣка, пока правительство, каково бы оно ни было, не уступитъ мѣста представительной демократіи, они останутся вѣчными и непримиримыми врагами» **).

Нечего распространяться о томъ, что въ этой критикѣ нѣтъ и тѣни основательности. Всѣ доводы здѣсь чисто отвлеченные; о фактахъ, о многостороннемъ наблюденіи надъ человѣческою жизнью, о политическихъ взглядахъ и соображеніяхъ тутъ нѣтъ и помину. Все исходитъ изъ того положенія, что человѣкъ всегда имѣетъ въ виду единственно себя самого и на всѣхъ другихъ смотритъ только какъ на орудія личнаго интереса. И это одностороннее начало проводится въ самой рѣзкой и грубой формѣ. Напрасно стали бы мы искать прежнихъ критическихъ качествъ Бентама въ этихъ злобныхъ нападкахъ, въ которыхъ проявляется все раздраженіе неудовлетвореннаго самолюбія. Всѣ прежніе доводы противъ демократіи забыты; всякая способность къ безпристрастной оцѣнкѣ явленій исчезла. Можно только удивляться, какимъ образомъ, при такомъ взглядѣ на людей, остается еще мѣсто для желанія добра. Изъ доводовъ Бентама прямо слѣдуетъ, что начало всеобщаго счастія несовмѣстно съ человѣческою природою.

*) Const. Cod., Book. I, ch. XVII, Sect. 11.
**) Const. Cod., Book. I, ch. XVII, Sect. 10.

Идя этимъ путемъ, Бентамъ естественно довелъ самыя демократическія начала до крайнихъ предѣловъ. Конституціонная теорія его очень проста. Всякія преграды и задержки народной воли устраняются, какъ помѣхи народному счастію. Даже тѣ учрежденія, которыя выработала въ этомъ смыслѣ практика демократическихъ государствъ, объявляются излишними и вредными. Отвлеченное начало всемогущества большинства проводится съ величайшею послѣдовательностью черезъ все государственное устройство.

Учредительная власть, которую Бентамъ считаетъ верховною, оставляется въ рукахъ массы. Тутъ народъ дѣйствуетъ самъ, въ остальныхъ отрасляхъ черезъ повѣренныхъ; ибо, если бы онъ хотѣлъ самъ исполнять всѣ должности, то это произвело бы анархію. Способность народа къ учредительной власти выводится изъ того, что здѣсь важнѣйшее условіе есть нравственная способность, то есть, желаніе всеобщаго счастія, а она всегда въ высшей своей степени находится въ народѣ. Остальныя же способности, умственная и дѣятельная, совершенствуются вслѣдствіе опыта, и это опять ведетъ къ общему благу, тогда какъ во всѣхъ другихъ образахъ правленія опытъ даетъ правителямъ только большее умѣніе соблюдать свои интересы въ ущербъ подчиненнымъ.

Народъ всего болѣе способенъ и къ назначенію и смѣнѣ правителей. Это явно изъ того неоспоримаго положенія, что дѣла всякаго человѣка лучше ведутся повѣренными, которыхъ онъ самъ назначаетъ, нежели такими, которые отъ него независимы. Это правило прилагается и къ цѣлому обществу.

Съ выборнымъ началомъ неразлучно связана и всеобщая смѣняемость правителей, ибо этимъ только способомъ можно предупредить дѣйствіе частныхъ интересовъ и сдѣлать безвредною власть, предоставленную должностнымъ лицамъ. Впрочемъ, лучше достигать этой цѣли косвенно, установленіемъ короткихъ сроковъ для выборовъ.

Что касается до выборной системы, то она должна опредѣляться четырьмя главными началами. Подача голосовъ должна быть всеобщая, тайная, равная и ежегодная. Всеобщность права голоса прямо вытекаетъ изъ того, что счастіе послѣдняго нищаго составляетъ такую же часть общаго счастія, какъ и счастіе самаго богатаго и вліятельнаго гражданина. Съ точки зрѣнія всеобщаго счастія, нѣтъ причины исключать и женскій полъ. Напротивъ, по своей слабости онъ нуждается въ бо́льшихъ гарантіяхъ, а потому и въ бо́льшихъ правахъ, нежели мужчины. Исключеніе женщинъ изъ политическихъ правъ объясняется только господствующимъ предразсудкомъ *).

Доведя право голоса до крайнихъ предѣловъ, Бентамъ возстаетъ и противъ учрежденія двухъ палатъ. Вторая палата, говоритъ онъ, будетъ имѣть или отдѣльные отъ народа интересы или тѣже самые. Въ первомъ случаѣ, подобное учрежденіе прямо противорѣчитъ началу общаго блага. Для народа не можетъ быть полезно имѣть правителей, которыхъ выгоды противоположны его собственнымъ. Аристократическая палата, какая существуетъ въ Англіи, служитъ только пользѣ монарха. Для большинства

*) Const. Cod., Book. I, ch. XV, Sect. 1—7.

же гражданъ было бы несравненно выгоднѣе, если бы одинакое или даже большее количество волковъ было ввезено въ Англію и выпущено на волю. Волковъ бы, по крайней мѣрѣ, со временемъ перебили и отъ нихъ остались бы шкуры, которыя могли бы быть на что-нибудь годны, тогда какъ лорды, хотя бы каждый изъ нихъ надѣлалъ болѣе зла, нежели волки, остаются живы, а если бы они и были перебиты, то ихъ шкуры не годились бы ни на что. Если же выгоды второй палаты совпадаютъ съ пользою народа, то подобное учрежденіе ведетъ лишь къ потерѣ времени, къ преобладанію воли меньшинства надъ волею большинства, наконецъ, къ образованію особаго интереса во второй палатѣ, которая будетъ стараться мѣшать ходу дѣлъ, чтобы придать себѣ какое-нибудь значеніе. На этихъ основаніяхъ Бентамъ безусловно отвергаетъ американскую систему двухъ палатъ, утверждая, что тутъ образуется аристократія, на которую народъ не можетъ имѣть никакого вліянія *).

Сущность всѣхъ этихъ доводовъ Бентамъ выразилъ въ сжатой формѣ въ письмѣ къ Испанскому народу насчетъ установленія верхней палаты. Онъ пишетъ: «слѣдуетъ ли прибавить къ верховному собранію, выбранному *большинствомъ подданныхъ* и всегда подлежащему смѣнѣ со стороны этого большинства, другое собраніе, котораго никто смѣнить не можетъ и которое не будетъ выбрано *большинствомъ подданныхъ?* Таковъ вопросъ, на который я долженъ отвѣчать. Испанцы, отвѣтъ лежитъ въ самой постановкѣ вопроса. Какъ! интересы *меньшаго числа управляю-*

*) Const. Cod., Book. I, ch. XVI, Sect. I.

щихъ будутъ противополагаться, какъ препятствіе, интересамъ *бóльшаго числа управляемыхъ?* Какое преобразованіе, какое улучшеніе, какой законъ въ пользу народа не встрѣтятъ помѣхи отъ оппозиціи *привилегированнаго меньшинства?* Что это за запретъ, который заранѣе налагается на все, что можетъ дать гарантіи народу?» *)

Выбранной на такихъ чисто демократическихъ основаніяхъ законодательной палатѣ Бентамъ даетъ право распоряжаться всѣми дѣлами. По его мнѣнію, только этимъ способомъ могутъ исполняться верховныя велѣнія учредительной власти и приниматься всѣ мѣры, нужныя для народнаго счастія. Что же касается до раздѣленія властей, которое проповѣдуетъ Монтескьё, то это начало должно быть совершенно отвергнуто, ибо оно не имѣетъ никакого отношенія къ наибольшему счастію наибольшаго количества людей. Для счастія народа нужно одно: народное верховенство; все остальное ведетъ только къ ограниченію этого начала, а потому вредно. Авторитетъ Монтескьё, говоритъ Бентамъ, не имѣетъ никакого права на уваженіе. Его книга, въ сущности, не заслуживаетъ даже упоминанія **). Сообразно съ этими началами, исполнительная власть ставится въ постоянную зависимость отъ народа, ибо иначе носители ея всегда будутъ его врагами ***).

Исходя изъ этихъ взглядовъ, Бентамъ начерталъ весьма подробный конституціонный кодексъ, пригодный, по его мнѣнію, для всѣхъ народовъ въ мірѣ. Для насъ онъ имѣетъ мало интереса. Основныя по-

*) Three tracts relative to Spanish and Portugeese affairs. Works, VIII.
**) Const. Cod., B. I. ch. XVI, Sect. 6.
***) Const. Cod., B. I. ch. XVII, Sect. 1.

ложенія достаточно показываютъ цѣль и направленіе системы. Мы не находимъ здѣсь ничего, кромѣ чисто логическаго развитія демократическаго принципа. Можно сказать, что все это конституціонное зданіе ничто иное, какъ построеніе государства на началахъ частнаго хозяйства, въ сочетаніи съ ученіемъ о безусловномъ перевѣсѣ бóльшаго числа надъ меньшимъ. Бентамъ послѣдовательно проводитъ и то и другое, не заботясь даже объ устраненіи тѣхъ возраженій, которыя сами собою представляются противъ этихъ началъ. О томъ, что рѣшеніе политическихъ вопросовъ и политическіе выборы требуютъ совершенно иныхъ способностей и взглядовъ, нежели покупка провизіи или ручная работа на фабрикѣ; что связь между частнымъ интересомъ и общественнымъ чувствуется далеко не всѣми; что, наконецъ, воля, не знающая границъ, склонна злоупотреблять своимъ правомъ, часто даже въ ущербъ самой себѣ, обо всемъ этомъ нѣтъ и помину. Всего менѣе принимается въ расчетъ, что отъ невѣжества и неспособности частнаго лица въ веденіи своихъ дѣлъ страдаетъ только самъ виновный, тогда какъ отъ невѣжественнаго рѣшенія общественныхъ дѣлъ неспособною массою страдаютъ и тѣ, которые, обладая болѣе правильными взглядами, всѣми силами противились этимъ постановленіямъ.

Если же мы послѣ всего этого спросимъ: на какомъ основаніи меньшее количество приносится въ жертву большему? для кого и во имя чего можно требовать подобной жертвы? то на этотъ вопросъ мы не получимъ отвѣта. Въ предѣлахъ утилитаризма для этого нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Всѣ удовольствія всѣхъ людей поставлены здѣсь на одну

доску. Меньшее количество имѣетъ совершенно одинакое право на счастіе, какъ и большее, а потому вся политика Бентама представляется чистымъ актомъ насилія. Большинству дается власть въ руки, дабы оно могло безпрепятственно проводить свои частныя цѣли. Тамъ же, гдѣ меньшинство, какъ способнѣйшее, успѣетъ захватить правленіе, тамъ оно, точно съ такимъ же правомъ и на томъ же основаніи, должно вытягивать соки изъ большинства, и утилитаризмъ ничего не можетъ возразить противъ такого образа дѣйствія: онъ представляетъ только приложеніе собственныхъ его началъ. Индивидуализмъ, въ этомъ отношеніи, стоялъ значительно выше. Отправляясь отъ личнаго начала, онъ требовалъ для каждаго человѣка огражденія его свободы и правъ. Утилитаризмъ же, отрицая право, какъ метафизическій вымыселъ, приноситъ все въ жертву удовольствію массы. При отсутствіи общаго принципа, его ариѳметика сводится къ голому праву силы.

Мы видѣли однако, что подъ конецъ жизни Бентамъ догадался, что пожертвованіе интересами меньшинства интересамъ большинства противорѣчитъ началу всеобщаго счастія. Но эта мелькнувшая у него мысль осталась безъ послѣдствій. Между тѣмъ, она очевидно должна была повести къ отрицанію чисто демократической точки зрѣнія, на которой онъ окончательно остановился. Ибо, если справедлива теорія Бентама, что всякій человѣкъ, по самой своей природѣ, преслѣдуетъ исключительно свои личные интересы, особенно когда его воля не знаетъ сдержекъ, то всего болѣе это прилагается къ демократическому правленію, самому безграничному изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Всякое другое, имѣя въ рукахъ

силу закона, сдерживается опасеніемъ противодѣйствія со стороны общества. Демократіи же опасаться нечего: здѣсь санкція законная и общественная, юридическая и нравственная, совпадаютъ. Поэтому большинство, всегда состоящее изъ людей неимущихъ и несвѣдущихъ, на основаніи теоріи Бентама, неизбѣжно будетъ стараться обратить въ свою пользу, по меньшей мѣрѣ, матеріальныя блага меньшинства. Отсюда ясно, что если начало пользы означаетъ счастіе всѣхъ, а не исключительно большинства, то держась этого начала, необходимо дать меньшинству гарантіи, въ видѣ особаго участія въ правленіи, съ правомъ останавливать вредныя для него постановленія большинства.

Это прямое, логическое послѣдствіе начала пользы само собою ведетъ къ выдѣленію общей пользы изъ личной или частной; ибо, такъ какъ частные интересы лицъ и общественныхъ группъ другъ другу противорѣчатъ, то для примиренія ихъ необходимо выдѣлить то, что существенно для всѣхъ, изъ того, что составляетъ только частную выгоду отдѣльныхъ членовъ или частей. Но для этого надобно имѣть совершенно иное мѣрило, нежели удовольствіе и страданіе. Необходимо всесторонне изслѣдовать и человѣческую природу, и существо государства, и на основаніи этого анализа опредѣлить, какимъ общественнымъ потребностямъ послѣднее призвано удовлетворять. Въ такомъ только видѣ начало общей пользы можетъ сдѣлаться цѣлью государственной дѣятельности. Но какъ скоро оно смѣшивается съ личнымъ удовольствіемъ, такъ исчезаетъ всякая твердая точка опоры, и мы принуждены ограничиться чисто количественнымъ разрѣшеніемъ задачи, при-

нося въ жертву личныя ощущенія меньшинства личнымъ же ощущеніямъ большинства.

Такое раздѣленіе общаго элемента и личнаго, въ сущности, выходитъ уже изъ предѣловъ начала пользы. Послѣднее необходимо къ нему приводитъ, но какъ чисто практическій принципъ, оно не представляетъ для него никакихъ данныхъ и никакого мѣрила. Мы могли убѣдиться въ этомъ изъ разбора утилитарныхъ ученій. Начало пользы, въ той формѣ, въ какой оно было принято Юмомъ, оставалось совершенно неопредѣленнымъ. Неизвѣстно было, какая польза должна имѣться въ виду: общая или частная. Отсюда, при большей широтѣ взглядовъ въ сравненіи съ индивидуалистическими теоріями, постоянное смѣшеніе понятій и возможность противоположныхъ выводовъ. Бентамъ хотѣлъ выйти изъ этой неопредѣленности: у него личная польза становится краеугольнымъ камнемъ всей системы. Но такъ какъ въ дѣйствительности изъ одной личной пользы невозможно составить никакой системы, то и здѣсь происходитъ постоянная подтасовка понятій: съ одной стороны, утверждается, что каждый человѣкъ неизбѣжно преслѣдуетъ только личныя свои цѣли, съ другой стороны, мѣриломъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ и всей государственной дѣятельности полагается все-таки общее счастіе. А такъ какъ въ удовольствіи и страданіи, собственно говоря, общаго ничего нѣтъ, ибо они представляютъ только безконечное разнообразіе субъективныхъ ощущеній, то приходится принимать чисто ариѳметическое рѣшеніе и приносить въ жертву меньшее количество большему, то есть, въ концѣ концовъ взывать къ праву силы.

Въ ученіи Бентама практическое начало пользы было доведено до крайнихъ послѣдствій; оно обнаружило все, что въ немъ заключается. Въ результатѣ оказалось, что оно ведетъ къ отрицанію права, къ отрицанію нравственности и къ крайне односторонней политикѣ, источникомъ которой является грубая сила массы. Иначе и быть не могло, ибо тамъ, гдѣ въ основаніе системы полагается безконечное разнообразіе субъективныхъ ощущеній, тамъ необходимо исчезаетъ всякое общее мѣрило. Все становится безразличнымъ; всѣ чувства ставятся на одну доску, а такъ какъ эти чувства другъ другу противорѣчатъ и безпрерывно приходятъ въ столкновеніе, то все дѣло окончательно рѣшается силою количества. Инаго исхода быть не можетъ.

Источникъ заблужденія утилитаризма лежитъ въ скептическомъ взглядѣ на мысль. Мысль одна даетъ общій элементъ человѣческой жизни; въ ней одной заключается мѣрило, которое прилагается къ явленіямъ, опредѣляетъ относительную ихъ цѣну и назначаетъ каждому подобающее ему мѣсто въ общей системѣ. Поэтому, она одна способна создать въ человѣческихъ обществахъ нѣчто цѣльное и единое. Ни въ природѣ, ни въ человѣческой жизни безъ общаго элемента никакая система не мыслима. Въ человѣкѣ этотъ общій элементъ есть именно разумъ. Какъ скоро отвергается все, что называется умозрѣніемъ, такъ остается только безконечное разнообразіе частныхъ явленій, которыя безпрерывно сталкиваются другъ съ другомъ и никогда не могутъ составить общаго порядка. Единое создается изъ общаго и частнаго, а не изъ одного частнаго: это коренное положеніе философіи дѣлаетъ тщетными всѣ по-

пытки основать какую бы то ни было твердую систему безъ умозрительныхъ началъ.

Отвергая метафизику, утилитаристы ссылаются на опытъ; но, какъ водится, это — опытъ односторонній, выбранный по произволу изслѣдователя. Когда говорятъ, что человѣкъ часто дѣйствуетъ для полученія удовольствія или для избѣжанія страданія, то это, безъ сомнѣнія, справедливо; противъ этого нечего возражать. Но неправда, что въ этомъ заключается *единственная* цѣль человѣческихъ поступковъ. Нерѣдко человѣкъ дѣйствуетъ и *по обязанности*, и если онъ отъ исполненія обязанности чувствуетъ удовольствіе, то это удовольствіе составляетъ для него не цѣль, а послѣдствіе дѣйствія. Онъ удовлетворяется именно тѣмъ, что не имѣлъ въ виду никакихъ личныхъ побужденій. Иначе самаго понятія обязанности для него бы не существовало. При этомъ человѣкъ не взвѣшиваетъ, какое удовольствіе больше и какое меньше; онъ часто жертвуетъ именно тѣми наслажденіями, которыя для него всего дороже, даже самою жизнью, сознавая, что въ этомъ состоитъ долгъ разумно-нравственнаго существа, которое живетъ не для себя только, а для служенія высшимъ, то есть, общимъ началамъ и цѣлямъ. Несправедливо также, что человѣкъ, когда онъ жертвуетъ личнымъ удовольствіемъ для общей цѣли, имѣетъ въ виду награду, заключающуюся во мнѣніи другихъ. Человѣкъ, движимый нравственными побужденіями, безъ сомнѣнія дорожитъ чужимъ мнѣніемъ, но не всѣхъ и каждаго, а единственно тѣхъ людей, кого онъ уважаетъ во имя тѣхъ же разумно-нравственныхъ началъ, которыя служатъ для него высшимъ мѣриломъ человѣческихъ дѣйствій и сужденій.

Такимъ образомъ, всесторонній и безпристрастный опытъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ не только личныхъ цѣлей, но и общихъ началъ и понятій. Чтобы опровергнуть утилитаризмъ, надобно было изслѣдовать то понятіе долга, которое Бентамъ хотѣлъ изгнать изъ лексикона нравственности; надобно было строго отдѣлить его отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей и показать въ немъ единственный источникъ нравственныхъ сужденій человѣка. Это и сдѣлалъ Кантъ, который своимъ глубокимъ анализомъ различныхъ элементовъ человѣческой природы сталъ основателемъ новаго направленія философіи, направленія, стремящагося къ сочетанію противоположныхъ началъ въ высшемъ единствѣ.

10. КАНТЪ.

Указанное выше двоякое направленіе мысли, отправлявшееся, съ одной стороны, отъ внѣшнихъ чувствъ и личной воли, съ другой стороны, отъ требованій разума, породило и скептицизмъ двоякаго рода. Въ ученіи Юма, сенсуализмъ доводился до отрицанія всякой связи между познаваемыми явленіями; одна привычка побуждаетъ насъ сочетать одно представленіе съ другимъ. Это было, въ сущности, отрицаніе всякой разумной дѣятельности мысли и всякихъ разумныхъ законовъ. Съ своей стороны, теоріи, все производившія изъ разума, нашли крайнее свое выраженіе въ скептицизмѣ Беркелея, который утверждалъ, что все наше познаніе ограничивается одними внутренними представленіями, и подвергалъ сомнѣнію самое существованіе

внѣшняго міра. И въ томъ и въ другомъ случаѣ скептицизмъ послѣдовательно вытекалъ изъ односторонней точки зрѣнія. Чтобы побѣдить его, надобно было указать на внутреннюю, неразрывную связь обоихъ противоположныхъ элементовъ познанія и жизни. А для этого необходимо было тщательно изслѣдовать самое естество человѣка и въ немъ показать присутствіе восполняющихъ другъ друга началъ, изъ сочетанія которыхъ образуется все наше міросозерцаніе. Эту критику предпринялъ Кантъ.

Первоначально Кантъ былъ послѣдователемъ Вольфа. Чтеніе Юма навело его на сомнѣнія. Онъ понялъ невозможность идти догматическимъ путемъ, безъ предварительной оцѣнки самыхъ источниковъ познанія. Этому изслѣдованію онъ посвятилъ много лѣтъ, и только подъ конецъ жизни, на 56-мъ году отъ рожденія, онъ выступилъ съ готовою системою, которой суждено было сдѣлаться поворотною точкою въ исторіи человѣческой мысли. Въ 1781 году вышла его *Критика чистаго разума* (Kritik der reinen Vernunft), гдѣ изслѣдовались познавательныя способности человѣка. Затѣмъ, въ 1788 году, появилась *Критика практическаго разума* (Kritik der praktischen Vernunft), которой въ 1785 году предшествовало изложенное въ болѣе популярной формѣ *Основаніе метафизики нравовъ* (Grundlegung zur Metaphysik der Sitten). Впослѣдствіи Кантъ подробнѣе развилъ высказанныя здѣсь начала въ *Метафизикѣ нравовъ* (Metaphysik der Sitten), вышедшей въ 1797 году. Это сочиненіе раздѣляется на двѣ части: на *Метафизическія начала правовѣдѣнія* (Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre) и *Метафизическія начала ученія*

о добродѣтели (Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre). Наконецъ, въ политическомъ отношеніи любопытна статья *О вѣчномъ мирѣ* (Zum ewigen Frieden).

Въ критикѣ человѣческаго познанія, Кантъ хотѣлъ показать, что̀ именно мы получаемъ изъ опыта и что̀ мы почерпаемъ изъ чистаго разума. Опытъ даетъ намъ познаніе явленій. Но явленія представляютъ собою только послѣдовательный рядъ ощущеній, возникающихъ въ нашей душѣ вслѣдствіе дѣйствія внѣшнихъ предметовъ; въ нихъ нѣтъ ничего общаго и необходимаго. Всякое обобщеніе, въ предѣлахъ опытнаго знанія, имѣетъ характеръ частный и случайный; это ничто иное, какъ выдѣленіе сходныхъ признаковъ въ предметахъ, подлежащихъ нашимъ чувствамъ. Мы не найдемъ здѣсь ничего безусловно общаго, то есть, такого, что бы мы въ правѣ были распространять и на предметы доселѣ не изслѣдованные. Поэтому всѣ положенія, которыя представляются намъ безусловно общими, каковы математическія и логическія истины, должны вытекать изъ другаго источника, именно, изъ разума. Еще менѣе можетъ опытъ дать намъ какое-либо понятіе о необходимости. Въ нашихъ впечатлѣніяхъ сопоставляются разнообразныя явленія, но чувства не раскрываютъ намъ ихъ внутренней связи. Всякая необходимая связь можетъ опять-таки проистекать единственно изъ разума. Однимъ словомъ, опытъ даетъ намъ безконечное разнообразіе разрозненныхъ явленій, составляющихъ матеріалъ познанія; связь же и единство въ этотъ матеріалъ вноситъ разумъ, на основаніи своихъ собственныхъ законовъ. Иными словами: человѣческое познаніе получаетъ свое содержаніе изъ опыта, свою форму отъ разума.

Какимъ же образомъ связываетъ разумъ разрозненныя явленія? На основаніи чего вноситъ онъ единство въ многообразіе? Способъ дѣйствія разума можетъ быть двоякій: анализъ и синтезъ. Объясненіе перваго не представляетъ затрудненій. Анализируя данное понятіе, разумъ выводитъ изъ него то, что въ немъ заключается: это — простое разложеніе, для котораго достаточенъ законъ тожества. Но какъ возможно связать различное и на этомъ основаніи произнести синтетическое сужденіе? Въ этомъ состоитъ главный вопросъ, который предстоитъ рѣшить. Изслѣдуя дѣйствіе различныхъ познавательныхъ способностей человѣка: воображенія, ума и разума въ тѣсномъ смыслѣ, которыя рождаютъ представленія, понятія и идеи, мы видимъ, что вездѣ познаніе исходитъ отъ извѣстныхъ, присущихъ мышленію формъ, подъ которыя подводится разнообразіе внѣшнихъ явленій. Такъ, въ области воображенія, человѣкъ не иначе можетъ представить себѣ предметы, какъ подъ формами пространства и времени. И то и другое представляется намъ не только какъ случайный способъ сочетанія явленій, а какъ необходимое условіе самаго ихъ существованія; и то и другое мы понимаемъ, какъ безконечное, что совершенно выходитъ изъ предѣловъ опытнаго знанія. Очевидно, слѣдовательно, что тутъ мы находимъ безусловно общія и необходимыя формы, которыя, по этому самому, могутъ имѣть источникомъ единственно разумъ. Отсюда возможность математическихъ выводовъ, имѣющихъ характеръ безусловныхъ истинъ, чего не даетъ намъ никакой опытъ. Имѣютъ ли пространство и время что-нибудь соотвѣтствующее имъ въ самихъ предметахъ, объ этомъ, гово-

ритъ Кантъ, мы не можемъ имѣть никакого понятія. Для насъ, это необходимыя формы, подъ которыми мы получаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ; но мы не въ правѣ сказать, что другой, высшій разумъ, который видѣлъ бы не одни явленія, но вникалъ бы въ самую сущность вещей, не могъ бы познавать ихъ подъ другими формами.

Подобныя же начала мы находимъ и въ дѣятельности ума. Представленіе даетъ намъ сопоставленіе предметовъ въ пространствѣ и времени; но это сочетаніе — чисто внѣшнее. Для того, чтобы связать явленія внутреннею связью, нужны новыя формы и новый умозрительный синтезъ. Здѣсь дѣйствуетъ умъ посредствомъ присущихъ ему категорій, подъ которыя онъ подводитъ разнообразіе представленій. Эти категоріи четырехъ родовъ: категоріи количества — единое, многое, все; категоріи качества — бытіе, отрицаніе, ограниченіе; категоріи отношенія — субстанція и признаки, причина и слѣдствіе, взаимодѣйствіе; наконецъ, категоріи способовъ существованія предметовъ — возможность, дѣйствительность и необходимость. Эти различныя понятія соотвѣтствуютъ логическимъ формамъ сужденій, изъ чего видно, что категоріи суть ничто иное, какъ приложеніе основныхъ законовъ разума къ познанію вещей. Посредствомъ ихъ умъ связываетъ разрозненныя явленія и создаетъ себѣ понятіе о *предметѣ*, соотвѣтствующемъ полученному впечатлѣнію. И здѣсь эти логическія формы имѣютъ значеніе безусловно общее и необходимое. Мы не можемъ понять никакого предмета, не подведя его подъ ту или другую категорію. Разумъ не черпаетъ ихъ изъ опыта, ибо они составляютъ необходимое условіе всякаго опыта;

они только и дѣлаютъ для насъ опытъ возможнымъ. Такимъ образомъ, связь вещей дается намъ не самими вещами; это — актъ самодѣятельности разума, актъ, предполагающій единство связующаго начала. Источникъ этого единства лежитъ въ самосознаніи, которое, какъ общая среда, заключаетъ въ себѣ все разнообразіе впечатлѣній. Сознавая свое внутреннее тожество и относя къ нему всѣ свои представленія, разумъ старается свести послѣднія въ одну систему. Это онъ и дѣлаетъ посредствомъ категорій, которыя суть ничто иное, какъ основанные на законахъ разума способы сочетанія представленій. Отсюда ихъ общность и необходимость; отсюда также возможносль синтетическихъ сужденій о предметахъ.

Этимъ, однако, ограничивается все значеніе категорій: мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на логическія формы, которыя служатъ намъ для приведенія разнообразія впечатлѣній къ единству самосознанія. Объективнаго значенія онѣ не имѣютъ; сущности вещей онѣ намъ не раскрываютъ. Мы все-таки познаемъ одни явленія, то есть, дѣйствія предметовъ на наши чувства; что такое предметы сами по себѣ, остается для насъ вѣчною и непроницаемою тайною. Наконецъ, категоріи приложимы единственно къ предметамъ, подлежащимъ чувствамъ; онѣ связываютъ только то, что уже сопоставлено въ представленіи. Переносить же ихъ на предполагаемые предметы, не подлежащіе чувствамъ, мы не имѣемъ никакого права.

Между тѣмъ, разумъ не довольствуется этою скромною областью возможнаго опыта, которою ограничивается познавательная дѣятельность ума. Исходя отъ внѣшнихъ чувствъ, опытъ даетъ намъ только

ограниченное и условное; разумъ же ищетъ безусловнаго. Онъ хочетъ свести все безконечное разнообразіе міровыхъ явленій не только къ субъективному единству самосознанія, но и къ абсолютному, объективному единству бытія. Для этого онъ создаетъ себѣ извѣстныя идеи, которыя онъ представляетъ себѣ дѣйствительными предметами, хотя не подлежащими чувствамъ, но доступными внутреннему взору. Такова идея абсолютнаго единства мыслящаго субъекта, то есть, безсмертной души, идея абсолютнаго единства всѣхъ условій мірозданія, то есть, причины всѣхъ причинъ, наконецъ, идея абсолютнаго начала всего сущаго, то есть, Бога. Но полагая себѣ подобныя задачи, разумъ выходитъ изъ предѣловъ доступнаго ему пониманія. Какъ скоро онъ выступаетъ изъ области возможнаго опыта, какъ скоро онъ пускается въ безбрежный океанъ сверхчувственнаго міра, такъ онъ неизбѣжно вовлекается въ неразрѣшимую сѣть ложныхъ умозаключеній, противорѣчащихъ выводовъ и фантастическихъ идеаловъ. Такъ, относительно души, изъ мыслимаго единства субъекта никакъ нельзя сдѣлать заключеніе о реальномъ единствѣ лежащей въ основаніи его субстанціи. Относительно мірозданія, можно съ одинакою достовѣрностью доказывать, что оно имѣетъ начало и границы, и что оно ихъ не имѣетъ; что въ немъ существуетъ только необходимость, выражающаяся въ связи причинъ и слѣдствій, и что необходимость первоначально проистекаетъ изъ свободы; наконецъ, что въ основаніи случайнаго лежитъ безусловно необходимое, и что безусловно необходимаго вовсе нѣтъ въ дѣйствительности. Относительно же Бога мы можемъ сказать, что разумъ имѣетъ понятіе о

совершеннѣйшемъ существѣ, но мы никакъ не въ правѣ сдѣлать отсюда заключеніе о дѣйствительномъ бытіи подобнаго существа. Если же мы бытіе Божіе хотимъ вывести изъ разсмотрѣнія міра, восходя отъ причины къ причинѣ, или отъ наблюдаемой нами гармоніи къ разуму, полагающему себѣ цѣль, то мы можемъ только сказать, что извѣстныя намъ явленія должны имѣть достаточную причину, но утверждать, что этою причиною можетъ быть только единое, совершеннѣйшее существо, мы опять не въ правѣ. Съ другой стороны, однако, столь же невозможно доказать, что всѣ эти идеи не существуютъ въ дѣйствительности; возражатели точно также не имѣютъ почвы подъ ногами. Вращаясь въ этой области, разумъ выходитъ изъ предѣловъ того, что ему доступно, а потому всѣ доказательства за и противъ равно лишены основанія. Единственное значеніе этихъ идей въ теоретической области заключается въ томъ, что онѣ могутъ быть для человѣка руководящими началами въ опытномъ познаніи вещей. Познавая условное, разумъ долженъ постоянно стремиться къ безусловному и для этого искать большей и большей полноты и систематичности знанія, при чемъ, однако, онъ остается увѣреннымъ, что эта цѣль никогда не можетъ быть имъ достигнута, ибо связь между условнымъ и безусловнымъ недоступна нашему пониманію. Условное есть видимое, чувственное, міръ явленій; безусловное же есть мыслимое, міръ сущностей, о которомъ мы съ нашими орудіями познанія, съ нашими категоріями, обращенными единственно на чувственные предметы, не можемъ составить себѣ никакого понятія.

Таковъ результатъ, къ которому приходитъ Кантъ

въ своемъ изслѣдованіи, результатъ, очевидно, чисто скептическій. Съ одной стороны, опытъ даетъ намъ только познаніе разрозненныхъ, безсвязныхъ явленій, не открывая ни малѣйшаго проблеска въ самую сущность вещей; съ другой стороны, разумъ вноситъ въ это разнообразіе только чисто формальное единство; когда же онъ хочетъ идти далѣе и создаетъ свои собственные, сверхчувственные идеалы, онъ приходитъ къ полному сознанію своего безсилія и своей несостоятельности. Кантъ отвергъ односторонность предыдущихъ системъ; своимъ глубокимъ анализомъ онъ раскрылъ въ человѣкѣ двоякій источникъ познанія; онъ поставилъ эти источники рядомъ, но связь между ними онъ объявилъ непостижимою для разума. Между областью чувственнаго и областью сверхчувственнаго, говоритъ онъ, лежитъ необозримая бездна, черезъ которую нѣтъ перехода, какъ будто это два различные міра, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ имѣть вліянія на другой *). Если въ этомъ воззрѣніи кроются зачатки идеализма, то почва, на которой оно воздвигается, все еще чисто скептическая. Потому система Канта носитъ названіе субъективнаго, или скептическаго идеализма; ее точно также можно назвать идеальнымъ скептицизмомъ. Тѣмъ не менѣе, результатъ его критики былъ громадный. Тутъ важны были не столько отрицательные выводы, сколько положительное сопоставленіе обоихъ элементовъ въ человѣческомъ разумѣніи. Оставалось искать взаимной ихъ связи; это было дѣломъ послѣдующаго развитія философіи, которому Кантъ положилъ твердое основаніе.

---

*) Kritik der Urtheilskraft, Einleitung, 2.

Самъ Кантъ сдѣлалъ уже этотъ шагъ въ практической области. Всѣ тѣ скептическіе выводы, къ которымъ приводитъ насъ анализъ познавательныхъ способностей человѣка, исчезаютъ при разсмотрѣніи началъ практической дѣятельности. Тѣ абсолютныя идеи, которыя теоретическій разумъ оставлялъ недоказанными, получаютъ сильнѣйшее подтвержденіе отъ нравственнаго закона. Въ познаніи человѣкъ раздвоялся на два противоположныхъ міра, между которыми нѣтъ перехода; въ практической области онъ самъ совершаетъ этотъ переходъ, принимая требованія чистаго разума за руководящія начала своей дѣятельности и внося такимъ образомъ умозрительныя идеи въ чувственный міръ. Это очевидно изъ того, что человѣкъ дѣйствуетъ не только подъ вліяніемъ внѣшнихъ побужденій, но и по внутреннимъ мотивамъ, вытекающимъ изъ чистаго разума, именно, по представленію закона, или *по обязанности*. Кантъ подвергъ обстоятельному анализу это понятіе объ обязанности, составляющее центръ всѣхъ нравственныхъ воззрѣній человѣка; онъ тщательно отдѣлилъ его отъ всѣхъ смежныхъ понятій, показалъ его условія и источникъ и тѣмъ положилъ непоколебимое основаніе нравственной системѣ, воздвигнутой на чисто раціональныхъ началахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ, что человѣкъ дѣйствуетъ по обязанности? Обязанность есть необходимость дѣйствія, вытекающая изъ уваженія къ закону *); слѣдовательно, побужденіемъ служитъ здѣсь чистое представленіе закона, независимое отъ ка-

*) Grud. zur Metaph. der Sitten. 1 Absch., стр. 18. Цитую полное собраніе сочиненій Канта, изд. 1838 г.

кихъ бы то ни было другихъ видовъ. Законъ же есть нѣчто безусловно необходимое, слѣдовательно, исходящее изъ чистаго разума. Только законъ и можетъ наложить на меня обязанность, ибо ему, какъ высшему началу, я долженъ подчинять свои желанія и наклонности. Напротивъ, всякій разъ, какъ я дѣйствую по какому бы то ни было внѣшнему побужденію, всякій разъ, какъ я ищу удовлетворенія своихъ наклонностей, я дѣйствую не по обязанности. Въ удовлетвореніи наклонностей нѣтъ ничего обязательнаго. Всякому существу, одаренному чувствомъ, свойственно искать своего счастія; но каждое понимаетъ это счастіе по-своему и ищетъ его по-своему. Изъ практическихъ правилъ, имѣющихъ въ виду удовлетвореніе наклонностей, могутъ выйти только совѣты благоразумія, не имѣющіе никакой обязательной силы, совѣты, которыхъ все значеніе заключается въ добровольно полагаемой себѣ цѣли. Поэтому, на эгоизмѣ нѣтъ возможности основать нравственную систему. Тутъ законъ подчиняется наклонностямъ, а не наклонности закону. Въ этомъ ученіи побужденія къ добродѣтели и къ пороку ставятся на одну доску, и выборъ между ними опредѣляется единственно расчетомъ вѣроятныхъ выгодъ Этимъ уничтожаются самыя основанія нравственности *).

Тѣже возраженія относятся и къ теоріямъ, которыя отправляются отъ нравственнаго чувства. Хотя онѣ выше эгоистическихъ системъ тѣмъ, что не такъ нагло полагаютъ всю цѣну добродѣтели въ прино-

---

*) Grundl. zur Met. der Sitt. 2 Abschn., стр. 39, 68; Krit. der prakt. Ver., I Th., I B., I. Hptst. § 3, Anm. 2; § 8, стр. 135, 141.

симой ею выгодѣ, но, въ сущности, онѣ страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. И здѣсь все въ концѣ концовъ сводится на личное удовлетвореніе, то есть, на счастіе; и здѣсь нѣтъ возможности установить какое бы то ни было общее мѣрило, ибо между чувствами нѣтъ ничего, что бы давало одному преимущество передъ другими. Все тутъ зависитъ отъ личнаго, безконечно разнообразнаго ощущенія, которое не можетъ быть обязательнымъ для кого бы то ни было. Притомъ, самое это нравственное чувство, на которомъ думаютъ основать нравственность, предполагаетъ уже уваженіе къ закону и можетъ быть только произведеніемъ послѣдняго; иначе мы должны будемъ сказать, что понятіе о законѣ дается намъ не разумомъ, а чувствомъ, что́ нелѣпо. Всѣ эти теоріи, опирающіяся на чувство, замѣчаетъ Кантъ, основаны только на неспособности къ мышленію *).

Съ другой стороны, тѣ раціональныя начала, которыя принимаются Вольфомъ и его школою какъ источникъ нравственности, точно также неудовлетворительны. Здѣсь умозрительные выводы перемѣшиваются съ опытными данными, а потому нѣтъ возможности придти къ какой-либо твердой системѣ. Совершенство, которое признается Вольфомъ за верховное мѣрило человѣческихъ поступковъ, въ теоріи означаетъ полноту всякой вещи вообще; подобное начало, очевидно, не можетъ служить руководствомъ для дѣятельности. Если же мы не ограничимся совершенствомъ отдѣльнаго предмета, но положимъ себѣ цѣлью совокупность всего реальнаго міра, то

---

*) Grund. zur Met. der Sitt. 2 Abschn., стр. 69; Krit. der pr. Ver., I Th., I B., I Hptst. § 8, стр. 135—141.

на этомъ необозримомъ полѣ нѣтъ возможности достигнуть полноты. Въ практическомъ же отношенiи, совершенство означаетъ пригодность ко всякимъ цѣлямъ; слѣдовательно, все здѣсь окончательно зависитъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя полагаетъ себѣ человѣкъ. Такимъ образомъ, и тутъ мы приходимъ къ эмпирическимъ началамъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего обязательнаго. И тутъ основанiемъ обязанности является не *причина*, а *послѣдствiе* дѣйствiя, между тѣмъ какъ источникомъ обязанности можетъ быть единственно такое начало, которое является непосредственною причиною дѣйствiя безъ всякаго отношенiя къ цѣли и слѣдствiямъ *).

Что касается, наконецъ, до тѣхъ теорiй, которыя основываютъ обязанность на предполагаемой волѣ Божьей, то онѣ впадаютъ въ логическiй кругъ, ибо нравственныя совершенства Божества сами выводятся изъ присущихъ разуму нравственныхъ понятiй; за исключенiемъ же нравственныхъ свойствъ, остаются въ Богѣ понятiя о силѣ и власти, которыя никогда не могутъ быть основанiемъ нравственности **).

Изъ всего этого ясно, что истиннымъ источникомъ обязанности можетъ быть единственно чистое представленiе закона, налагающаго необходимость на человѣческую волю; это оказывается изъ простаго разложенiя этого понятiя ***). Всякiя внѣшнiя цѣли и побужденiя могутъ дать только совѣты, практическiя правила, но не предписанiя. Спрашивается: что̀

*) Gr. zur Met. der Sitt. 2 Absch., стр. 69; Kr. der. prak. Ver., 1 Th., 1 Hptst. § 8, стр. 141.

**) Gr. zur Met. der Sitt. 2 Absch., стр. 69.

***) Kr. der Vpr. ern., I Th., 1 B., 1 Hptst. § 7; стр. 132.

же есть такого въ законѣ, что можетъ быть обязательнымъ для человѣка?

Во всякомъ законѣ можно различать двѣ стороны: матерію и форму. Матерія, или содержаніе, заключаетъ въ себѣ тѣ разнообразныя цѣли, которыя человѣкъ полагаетъ себѣ въ своей дѣятельности. А такъ какъ всѣ эти цѣли имѣютъ эмпирическій характеръ, то очевидно, что онѣ не могутъ быть обязательны для человѣка. Остается, слѣдовательно, чистая форма закона; она одна происходитъ отъ чистаго разума, а потому одна можетъ быть источникомъ обязанности. Вытекающее отсюда правило можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: «дѣйствуй такъ, чтобы правило твоихъ дѣйствій могло быть общимъ закономъ для всякаго разумнаго существа» *).

Итакъ, законъ нравственности есть законъ чисто формальный. Чтобы приложить его къ человѣческимъ дѣйствіямъ, нужно испытать, насколько эти дѣйствія способны сдѣлаться общимъ закономъ для всѣхъ. Такъ напримѣръ, если бы мнѣ представлялась возможность солгать или нарушить обязательство для полученія выгодъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, съ точки зрѣнія удовлетворенія личныхъ наклонностей, подобный поступокъ могъ бы быть оправданъ. Но если мы возведемъ этотъ поступокъ въ общій законъ и скажемъ, что вообще ложь и нарушеніе обязательствъ дозволительны изъ личныхъ выгодъ, то увидимъ, что подобный законъ немыслимъ, ибо онъ уничтожаетъ самую возможность взаимнаго довѣрія и обяза-

---

*) Grund. zur Met. der Sitt. 2 Absch., стр. 38—41; Krit. der. prakt. Ver., 1 Th., 1 B., 1 Hptst. § 4, 6, 7.

тельствъ. Или, если я отказываю другому въ помощи и возвожу это въ общій законъ, то я увижу, что воля, которая желаетъ, чтобы ни одинъ нуждающійся никогда не получалъ помощи, сама себѣ противорѣчитъ *). Къ этому формальному закону сводится и обыкновенное правило: «не дѣлай другимъ того, что ты не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали», хотя это послѣднее менѣе широко, а потому недостаточно **).

Если бы человѣкъ всегда дѣйствовалъ по этому правилу, если бы онъ не могъ отъ него отклоняться, то оно было бы для него внутреннимъ закономъ, а не предписаніемъ. Такая воля могла бы быть названа святою. Но у человѣка есть наклонности, которыя противятся исполненію закона; относительно этой стороны человѣческаго естества законъ является принужденіемъ; онъ налагаетъ *обязанность* и самъ становится предписаніемъ, или *императивомъ*. Предписанія разума, вообще, бываютъ двоякаго рода: *гипотетическія* и *категорическія*, то есть, условныя и безусловныя. Гипотетическія предписанія имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ предполагается достигнуть какой-нибудь внѣшней цѣли: «если ты хочешь достигнуть такой-то цѣли, дѣйствуй такъ и такъ». Подобныя предписанія, въ сущности, ничто иное, какъ совѣты; это не настоящіе законы. Категорическія же предписанія имѣютъ значеніе при всякихъ условіяхъ; человѣкъ долженъ слѣдовать нравственному закону при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Поэтому формула: «дѣйствуй такъ, чтобы правило твоихъ

*) Grund. zur Met. der Sitt. 2 Absch., стр. 44—47.

**) Тамъ же, стр. 54, примѣч.

дѣйствій могло быть общимъ закономъ для всякаго разумнаго существа», есть *категорическій императивъ практическаго разума* *).

Въ выводѣ этого закона устраняются всякія эмпирическія данныя, всякія практическія цѣли, но въ самомъ этомъ законѣ заключается высшая, абсолютная цѣль, которая служитъ мѣриломъ всѣхъ другихъ. Эта цѣль есть само разумное существо, которое носитъ въ себѣ законъ и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть субъектъ всѣхъ возможныхъ практическихъ цѣлей. Разумное существо не служитъ средствомъ для чего-либо другаго: оно само по себѣ цѣль; какъ носитель общаго и безусловнаго закона, оно имѣетъ общее и безусловное значеніе. Поэтому, категорическій императивъ, какъ правило дѣйствій (Maxime der Handlung), можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: «дѣйствуй такъ, чтобы разумное существо всегда было для тебя цѣлью, а не средствомъ» **).

Это начало, также какъ и первое, не выводится изъ опыта, ибо оно имѣетъ общее и необходимое значеніе для всякаго разумнаго существа. Оно прямо вытекаетъ изъ того, что разумная воля есть вмѣстѣ съ тѣмъ общій, абсолютный законъ, которому подчиняются всѣ частныя цѣли; поэтому она сама не можетъ быть средствомъ. А изъ этого вытекаетъ далѣе третье начало нравственнаго закона, которое, въ сущности, ничто иное, какъ видоизмѣненіе двухъ первыхъ, — а именно, идея разумной воли, какъ общей законодательной воли: «дѣйствуй такъ, чтобы ты самъ для себя былъ общимъ закономъ». Разумная воля не

*) Grund. zur Met. der Sitt. 2 Abschn., стр. 35—43; Krit. der prakt. Ver., I Th., 1 B., 1 Hptst. § 7.

**) Grund. zur Met. der Sitt. 2 Abschn., стр. 51—53.

только подчиняется закону, но она сама себѣ даетъ законъ. Въ этомъ состоитъ ея *автономія,* составляющая единственное возможное основаніе нравственности. Отсюда только можно вывести безусловно обязательныя правила, тогда какъ всѣ другія начала, основанныя на чуждыхъ волѣ элементахъ, или на *гетерономіи* воли, даютъ лишь относительныя правила *).

Въ этой идеѣ разумной воли, какъ общей законодательной воли, заключается *достоинство* человѣка, то есть, не относительная только, а безусловная, внутренняя его цѣна. Разумное существо возвышается надъ другими тварями именно своею способностью быть участникомъ общаго законодательства, Достоинство же внушаетъ къ себѣ *уваженіе,* чувство. которое имѣетъ мѣсто единственно въ приложеніи къ нравственному порядку; все остальное можетъ возбуждать сочувствіе, любовь, но не уваженіе. Это общее законодательное значеніе воли, вмѣстѣ съ тѣмъ, связываетъ между собою всѣ разумныя существа. Каждое изъ нихъ можетъ быть для другихъ только цѣлью, а не средствомъ; каждое даетъ законъ всѣмъ другимъ. Отсюда возникаетъ *царство цѣлей,* котораго всѣ разумныя существа являются членами **).

Таковъ нравственный міръ человѣка. Основаніе его лежитъ не въ какихъ-либо особенныхъ свойствахъ человѣческой природы, а въ чисто раціональныхъ началахъ, имѣющихъ безусловное значеніе для всякаго разумнаго существа. Если обязанность не есть пустое слово, если она означаетъ необходимыя

*) Тамъ же, стр. 55—57, 70, 71.

*) Тамъ же, стр. 58—61.

правила, которымъ человѣкъ долженъ слѣдовать помимо всякихъ внѣшнихъ цѣлей, то она можетъ проистекать единственно изъ закона, даннаго чистымъ разумомъ. И наоборотъ, всякое разумное существо, имѣющее волю, то есть, способность опредѣлять свои дѣйствія по представленію закона, должно опредѣляться не иначе, какъ на основаніи изложенныхъ началъ: разумное побужденіе есть именно то, которое можетъ быть общимъ закономъ для всѣхъ *).

Спрашивается, однако: какъ возможно подобное самоопредѣленіе воли? Какъ можетъ человѣкъ, существо чувственное, движимое желаніями и наклонностями, находящееся въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру и само подчиняющееся общему и необходимому закону сцѣпленія причинъ и слѣдствій, отрѣшиться отъ всѣхъ этихъ условій и опредѣлять свои дѣйствія на основаніи требованій чистаго разума? Отвѣтъ состоитъ въ томъ, что нравственный законъ возможенъ единственно подъ условіемъ *свободы*. Разумное существо, для котораго нравственныя требованія обязательны, должно имѣть абсолютную способность отрѣшаться отъ всякихъ внѣшнихъ побужденій. Это — свобода отрицательная. Но съ этимъ отрицательнымъ значеніемъ связано другое, положительное, гораздо болѣе плодотворное: свобода разумнаго существа состоитъ въ возможности самому быть причиною своихъ дѣйствій. Это и есть автономія воли, которая проявляется въ нравственномъ законѣ. Изъ этого видно, что нравственный законъ и свобода связаны неразрывно: нравственныя тре-

*) Gr. zur Met. der Sitt. 2 Absch., стр. 48; Kr. der. pr. Ver., I Th. 1 B., 1 Hptst., стр. 132.

бованія могутъ проистекать единственно изъ свободы, и наоборотъ, свобода можетъ проявляться единственно въ нравственныхъ требованіяхъ, опредѣляющихъ дѣйствія разумнаго существа *).

Такимъ образомъ, идея свободы, которая теоретически оставалась недоказанною, здѣсь является необходимою, ибо она составляетъ непремѣнное условіе нравственнаго закона. Человѣкъ не иначе можетъ дѣйствовать нравственно, какъ сознавая себя внутренно свободнымъ. И этого вполнѣ достаточно для доказательства дѣйствительнаго существованія свободы, которое не подлежитъ никакимъ опытнымъ изслѣдованіямъ: существо, которое можетъ дѣйствовать не иначе, какъ исходя отъ идеи свободы, тѣмъ самымъ является дѣйствительно свободнымъ. Отсюда понятно, почему это составляетъ всеобщее убѣжденіе человѣчества **).

Но какъ возможна подобная свобода? Какъ можетъ простая идея сдѣлаться причиною чувственныхъ явленій? Это, говоритъ Кантъ, такая загадка, которой человѣческій умъ не въ состояніи разрѣшить; здѣсь граница, которой намъ не дано переступить. Дѣло въ томъ, что представляя себѣ человѣка, съ одной стороны, какъ существо чувственное, съ другой стороны, какъ существо разумно-свободное, мы разсматриваемъ его въ двухъ совершенно различныхъ отношеніяхъ. Какъ чувственное существо, онъ ничто иное, какъ *явленіе* (phaenomenon), которое входитъ, какъ звено, въ общую цѣпь причинъ и слѣдствій, связывающую весь внѣшній міръ; напро-

---

*) Grund. zur Met. der Sitt. 3 Abschn., стр. 73; Kr. der prakt. Ver., I Th., 1 B., 1 Hptst. §§ 5—8.

**) Grund. zur Met. der Sitt. 3 Abschn., стр. 75.

тивъ, какъ разумно-свободное существо, онъ принадлежитъ къ міру *мыслимому* (noumenon), къ міру сущностей, недоступному теоретическому пониманію, но проявляющемуся, какъ фактъ, въ практической дѣятельности человѣка. Теоретическій разумъ можетъ только сказать, что между тѣмъ и другимъ воззрѣніемъ нѣтъ противорѣчія, ибо мы сущности вещей не знаемъ, а потому не въ правѣ переносить на нее тѣ законы и формы, которые приложимы только къ явленіямъ. Онъ говоритъ намъ также, что міръ явленій долженъ подчиняться міру сущностей, который содержитъ въ себѣ высшій его законъ; поэтому человѣкъ и считаетъ нравственный законъ безусловно для себя обязательнымъ, подчиняя ему всѣ свои чувственныя побужденія. Но постигнуть возможность перехода изъ одного міра въ другой человѣческій умъ не въ состояніи. Онъ можетъ признать его только какъ необходимое требованіе для практической дѣятельности человѣка *).

Идея свободы, внесенная изъ умственнаго міра въ область дѣйствительности, влечетъ за собою признаніе и остальныхъ трансцендентальныхъ идей. Разумъ вообще стремится привести безконечное разнообразіе внѣшнихъ условій къ полнотѣ безусловнаго начала. Въ сферѣ теоретическаго познанія это требованіе являлось только регулятивнымъ правиломъ, которое указывало путь безъ возможности достиженія цѣли, ибо дѣйствительное существованіе руководящихъ идей оставалось сомнительнымъ. Въ практической сферѣ, напротивъ, оно примыкаетъ къ необходимому закону, который долженъ быть осу-

*) Grundl. zur Met. der Sitt. 3 Abschn., стр. 76—92; Kr. der prakt. Ver., I Th., 1 B., 1 Hptst. Deduction der Grundsätze etc.

ществленъ, и къ умозрительной идеѣ, которой дѣйствительность составляетъ непремѣнное условіе этого закона. Здѣсь, поэтому, означенное стремленіе разума ведетъ къ *постулатамъ*, которые должны быть признаны достовѣрными, ибо они неразрывно связаны съ нравственнымъ сознаніемъ человѣка *).

Первый постулатъ исходитъ изъ необходимости полнаго осуществленія нравственнаго закона въ самой душѣ человѣка. Это — цѣль, къ которой мы обязаны стремиться. Между тѣмъ, этому требованію противорѣчитъ свойство чувственной стороны нашей природы. Какъ существо, стоящее въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ міру явленій и подчиняющееся господствующимъ въ немъ законамъ необходимости, человѣкъ не можетъ вполнѣ осуществить въ себѣ идеала нравственности. Какъ же согласить эти противоположныя начала? Какимъ образомъ связать законы двухъ различныхъ міровъ? Это возможно только путемъ постепеннаго приближенія къ идеалу, — задача, полное осуществленіе которой лежитъ въ безконечности. А это, въ свою очередь, предполагаетъ, что сама душа человѣка существуетъ безконечно долгое время. *Безсмертіе души* есть, слѣдовательно, необходимый постулатъ, вытекающій изъ нравственнаго закона **).

Но этого мало: какъ существо чувственное, человѣкъ ищетъ личнаго удовлетворенія, или счастія. Это стремленіе составляетъ необходимое условіе его чувственнаго бытія. И это начало должно быть связано съ нравственными требованіями. *Высшее благо*, которое разумъ поставляетъ верховною цѣлью человѣ-

*) Krit der prakt. Ver., I Th., 2 B., 1 Hptst., 2 Hptst. I—VI.

**) Kr. der prakt. Ver., 1 Th., 2 B., 2 Hptst. IV.

ческой дѣятельности, состоитъ не въ одномъ исполненіи нравственнаго закона, какъ думали Стоики, и не въ достиженіи счастія, какъ полагали Эпикурейцы, а въ сочетаніи того и другаго, ибо сообразность внѣшнихъ условій съ безусловнымъ началомъ одна даетъ удовлетвореніе разуму. Въ этомъ сочетаніи нравственный законъ занимаетъ высшее мѣсто: онъ не является только средствомъ для полученія счастія; напротивъ, онъ самъ по себѣ составляетъ абсолютную цѣль человѣка. Но исполненіе нравственнаго закона дѣлаетъ человѣка *достойнымъ* счастія; внѣшнія блага должны быть *послѣдствіемъ* внутренней правоты. Таково требованіе разума, предписывающаго человѣку исполненіе закона. Между тѣмъ, въ дѣйствительности такого соотвѣтствія нѣтъ, или оно можетъ быть только случайное. Внѣшнія условія не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы подчиняло ихъ нравственнымъ требованіямъ. И здѣсь опять возникаетъ вопросъ: какъ согласить эти противоположныя начала? И тутъ является необходимость постулата, связующаго разнородные элементы. Если нравственный законъ долженъ быть осуществленъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ чтобы послѣдній вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ перваго, то надобно предположить существованіе всемогущаго и разумнаго Существа, которое, сознавая нравственный законъ, было бы вмѣстѣ съ тѣмъ полновластнымъ надъ природою и такимъ образомъ приводило бы оба противоположные міра къ гармоническому единству. *Бытіе Бога* есть, слѣдовательно, также необходимый постулатъ нравственнаго закона *).

---

*) Kr. der pr. Ver., 1 Th., 2 B., 2 Hptst. V.

Такимъ образомъ, практическій разумъ восполняетъ недостаточность теоретическаго. Тѣ умозрительныя идеи, которыя для послѣдняго оставались недоказанными, являются здѣсь подкрѣпленными полновѣснымъ авторитетомъ нравственнаго закона, безусловно обязательнаго для всякаго разумнаго существа. Черезъ это область познанія не расширяется; сущность вещей все-таки остается намъ недоступною. Мы не въ состояніи постигнуть возможности свободы и безсмертія; мы не можемъ имѣть никакого представленія о Богѣ. Но нравственный законъ, для насъ обязательный, удостовѣряетъ насъ, что все это необходимо существуетъ, и этого намъ достаточно для руководства въ жизни *).

Таково практическое ученіе Канта. Оно представляетъ нравственное начало во всей его чистотѣ и возвышенности. Кантъ безусловно отвергъ всѣ индивидуалистическія теоріи, отправлявшіяся отъ личныхъ чувствъ и стремленій. Если нравственный законъ заключаетъ въ себѣ общее и необходимое начало, если онъ имѣетъ обязательную силу для человѣческой воли, то источникомъ его можетъ быть единственно разумъ. Всѣ остальныя точки зрѣнія подрываютъ нравственность въ самыхъ ея основахъ; изъ нихъ никогда не можетъ выйти ничего обязательнаго. Съ другой стороны, Кантъ очистилъ нравственную теорію нѣмецкой школы отъ всякой чуждой ей примѣси. Исходя изъ односторонняго начала, подводя и матеріальный и духовный міръ подъ одну точку зрѣнія, Вольфъ смѣшивалъ нравственныя побужденія съ чисто личными мотивами;

*) Kr. d. pr. Ver., 1 Th., 2 B., 2 Hptst. VI—IX.

вслѣдствіе этого нравственная его теорія получила эклектическій характеръ. Кантъ раздѣлилъ оба элемента, противопоставилъ ихъ другъ другу и отнесъ къ области нравственнаго закона единственно то, что истекаетъ изъ чистаго разума. А такъ какъ разумъ даетъ намъ одну форму познанія, то основной нравственный законъ будетъ чисто формальнымъ. Онъ сводится къ тому простому правилу, что разумное существо, какъ таковое, должно руководствоваться въ своимъ дѣйствіяхъ не частными побужденіями, а общимъ закономъ; это и есть основное требованіе разума, налагаемое на волю. Съ этимъ требованіемъ, которое сознается даже самыми простыми умами и на основаніи котораго произносятся всѣ нравственныя сужденія въ мірѣ, связано все нравственное существо человѣка.

Очистивши нравственное начало отъ всякихъ постороннихъ побужденій, Кантъ показалъ и всѣ необходимыя его условія, признаніе которыхъ требуется самымъ существованіемъ этого начала въ душѣ человѣка. Первое условіе есть внутренняя свобода. Для того, чтобы дѣйствовать нравственно, человѣкъ долженъ имѣть возможность отрѣшиться отъ всякихъ частныхъ побужденій и внѣшнихъ вліяній; онъ долженъ обладать способностью вырываться изъ общей цѣпи причинъ и слѣдствій, которой онъ состоитъ членомъ, какъ чувственное существо, и опредѣляться на основаніи началъ безусловно общихъ, а потому подчиняющихъ себѣ всякія частныя цѣли. У Канта начало внутренней свободы въ первый разъ получило настоящее свое значеніе въ области философской мысли. Предыдущія системы послѣдовательно приходили къ полному его отрица-

нію. Натурализмъ все сводилъ въ концѣ концовъ къ дѣйствію божественной силы, присущей вещамъ; матеріализмъ подчинялъ всѣ явленія необходимому сцѣпленію причинъ и слѣдствій; у Лейбница, хотя и признавалось внутреннее самоопредѣленіе, отрицающее даже возможность внѣшнихъ вліяній, но самое это внутреннее развитіе происходило въ силу предуставленнаго закона, связующаго монады въ одинъ неизмѣнный порядокъ, вслѣдствіе чего человѣкъ, по выраженію Канта, превращался въ духовнаго автомата, и его свобода оказывалась ничѣмъ не лучше свободы вертела, который, будучи разъ заведенъ, самъ совершаетъ свои движенія *). У Канта, напротивъ, человѣкъ не подчиняется всецѣло одному началу: онъ стоитъ на границѣ двухъ міровъ, совмѣщая въ себѣ оба, съ возможностью отрѣшиться отъ всего условнаго и брать за точку отправленія безусловныя истины, раскрываемыя разумомъ. При такой только системѣ можно было понять его, какъ существо внутренно свободное. Другаго основанія внутренней свободы, а вмѣстѣ съ нею и нравственности, нѣтъ и быть не можетъ.

Кромѣ сознанія внутренней свободы, нравственный законъ влечетъ за собою и сознаніе общей связи разумныхъ существъ. Каждое изъ нихъ обязано руководиться правилами, общими для всѣхъ; каждое въ другомъ уважаетъ носителя высшаго закона, члена умственнаго міра, въ которомъ господствуютъ безусловныя начала и которому должно подчиняться все ограниченное и условное. Наконецъ, высшая задача человѣка, осуществленіе нравствен-

*) Kr. der pr. Ver., стр. 213.

наго закона во внѣшнемъ мірѣ, предполагаетъ безсмертіе разумной души и бытіе верховнаго Существа, согласующаго противоположные міры и все приводящаго къ единству конечной цѣли.

Всѣ эти понятія тѣсно связаны другъ съ другомъ, всѣ они вытекаютъ изъ одного начала; всѣ они, притомъ, совершенно выходятъ изъ предѣловъ опыта. Кантъ особенно настаивалъ на томъ, что вся сила нравственнаго закона проистекаетъ единственно изъ умозрѣнія; онъ съ особеннымъ тщаніемъ старался выдѣлить отсюда всякіе эмпирическіе элементы и представить нравственный законъ во всей его чистотѣ. Черезъ это его теорія сама страдаетъ нѣкоторою односторонностью. Всякая связь между разумнымъ естествомъ человѣка и остальными его свойствами была порвана; это — два міра, не имѣющіе между собою ничего общаго. Для Канта все сосредоточивается въ понятіи обязанности; нравственныя наклонности человѣка, любовь, состраданіе не имѣютъ для него никакой цѣны. Все, что дѣлается по влеченію, а не по обязанности, не имѣетъ нравственнаго значенія. Кантъ утверждалъ даже, что разумное существо должно желать уничтоженія въ себѣ всякихъ наклонностей и влеченій *). Съ другой стороны, однако, нельзя не признать, что самое это очищеніе нравственнаго закона отъ всякихъ личныхъ побужденій давало ему особенную крѣпость и возвышенность. Говоря объ обязанности, Кантъ, несмотря на свой тяжеловѣсный языкъ, возвышается до поэзіи: «Обязанность! восклицаетъ онъ, высокое и великое имя, ты, которая не заключаешь въ себѣ

---

*) Kr. der pr. Ver., I Th., I B., 3 Hptst.; 2 B. 2 Hptst., стр. 238.

ничего любимаго, что̀ бы льстило нашему чувству, но требуешь повиновенія, хотя и не угрожаешь ничѣмъ такимъ, что̀ бы возбуждало въ душѣ естественное отвращеніе и страхъ, чтобы дѣйствовать на волю, а установляешь законъ, который самъ собою находитъ доступъ въ человѣческую душу и самъ противъ воли пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе, если не всегда покорность, передъ которымъ умолкаютъ всѣ наклонности, хотя онѣ втайнѣ ему противодѣйствуютъ; гдѣ достойный тебя источникъ и гдѣ найдемъ мы корень твоего благороднаго происхожденія, гордо отрицающаго всякое сродство съ человѣческими наклонностями, происхожденія, составляющаго непремѣнное условіе той цѣны, которую одни люди могутъ сами за собою признать? Такимъ источникомъ не можетъ быть ничто менѣе великое, чѣмъ то, что возвышаетъ человѣка надъ самимъ собою, какъ частью чувственнаго міра, что̀ связываетъ его съ порядкомъ вещей, который онъ одинъ способенъ сознавать, и который вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ себѣ весь чувственный міръ со всѣмъ эмпирическимъ существованіемъ человѣка во времени и со всею совокупностью его цѣлей. Это — ничто иное, какъ *личность*, то есть, свобода и независимость отъ механизма цѣлой природы; но вмѣстѣ съ тѣмъ это — способность существа, слѣдующаго особеннымъ, собственнымъ его разумомъ даннымъ, чистымъ практическимъ законамъ, такъ что лица, принадлежащія къ чувственному міру, подчиняются собственной своей личности, насколько она принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ умственному міру; почему и не удивительно, что человѣкъ, состоя членомъ обоихъ міровъ, не можетъ смотрѣть на свою собственную

сущность, въ отношеніи ко второму и высшему ея назначенію, иначе, какъ съ почтеніемъ, и на ея законы иначе, какъ съ высшимъ благоговѣніемъ» *).

Понятно, какой возвышенный строй мыслей, какую крѣпость нравственныхъ убѣжденій должно было сообщить это ученіе своимъ послѣдователямъ. Это былъ источникъ, въ которомъ лучшіе люди Германіи черпали свои духовныя силы. Отсюда тотъ высшій полетъ германскаго духа, которымъ ознаменовалось начало нынѣшняго столѣтія, и который привелъ къ пробужденію народности, къ изгнанію иноплеменниковъ и къ всестороннему, могучему движенію въ области науки и искусства. И донынѣ, и впредь нравственное ученіе Канта должно оставаться прибѣжищемъ возвышенныхъ умовъ, которые не иначе, какъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, могутъ смотрѣть на всѣ попытки вывести нравственныя требованія изъ человѣческихъ наклонностей и опытныхъ цѣлей, попытки, имѣющія источникомъ полнѣйшую путаницу понятій и жалкіе софизмы, а результатомъ житейскую пошлость и нравственное паденіе человѣка.

Существенный недостатокъ этого ученія состоитъ въ разрывѣ между внутреннимъ и внѣшнимъ человѣкомъ. Отвергнувъ одностороннія точки зрѣнія, которыя развивались его предшественниками, Кантъ указалъ на присутствіе двухъ элементовъ въ человѣческой душѣ; но стоя на скептической почвѣ, онъ объявилъ связь ихъ непостижимою для разума. Между тѣмъ, осуществленіе нравственнаго закона во внѣшнемъ мірѣ указываетъ на эту связь и тре-

---

*) Kr. der pr. Ver., 1 Th., 1 B., 3 Hptst., стр. 200.

буетъ согласія обѣихъ сторонъ человѣческаго естества. Это признаетъ самъ Кантъ, когда онъ бытіе Бога выводитъ изъ начала верховнаго блага, требующаго, чтобы счастіе соотвѣтствовало нравственному достоинству человѣка. Такой выводъ былъ уже отступленіемъ отъ чисто формальнаго закона и переходомъ къ воззрѣнію, связывающему противоположныя начала единствомъ конечной цѣли. Еще болѣе значительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Кантъ въ подробномъ развитіи своей нравственной теоріи. *Метафизическія основанія ученія о добродѣтели* (Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre), появившіяся въ 1797 году, содержатъ въ себѣ существенныя уклоненія отъ чистыхъ требованій категорическаго императива, и уклоненія, надобно сказать, далеко не въ пользу систематической связи мыслей. Кантъ искалъ содержанія для своего формальнаго закона, но такъ какъ скептическая точка зрѣнія не допускала внутренней связи противоположныхъ элементовъ, то онъ просто взялъ отвергнутыя имъ начала счастія и совершенства, стараясь эклектически приладить ихъ къ собственнымъ своимъ выводамъ.

Въ этомъ позднѣйшемъ сочиненіи Кантъ полагаетъ отличіе нравственности отъ права именно въ томъ, что послѣднее ограничивается чисто формальнымъ закономъ, предоставляя содержаніе дѣйствій человѣческому произволу, тогда какъ первая, напротивъ, опредѣляетъ самыя цѣли, которыя долженъ ставить себѣ человѣкъ *). Эти цѣли должны вытекать изъ чистаго нравственнаго закона, или изъ понятія объ обязанности; иначе это будетъ гетерономія разума **).

---

*) Tugendlehre, Einleit. I.

**) Tugendlehre, Einl. II.

Ясно, что съ этой точки зрѣнія цѣлью человѣка можетъ быть только осуществленіе самого нравственнаго закона въ себѣ и въ другихъ, то есть, нравственное совершенство. Между тѣмъ, Кантъ не ограничивается этимъ началомъ. Онъ полагаетъ человѣку двоякую цѣль: собственное совершенство и чужое счастіе. Собственное счастіе, говоритъ онъ, не можетъ считаться обязанностью, ибо обязанность есть извѣстнаго рода принужденіе, а къ исканію счастія человѣкъ побуждается естественнымъ влеченіемъ, безъ всякаго принужденія со стороны разума. Чужое же совершенство потому не можетъ быть для насъ цѣлью, что совершенство является только плодомъ свободной самодѣятельности человѣка, не допускающей чужаго вмѣшательства *).

Слабость этихъ доводовъ очевидна. Принужденіе вовсе не составляетъ непремѣннаго условія обязанности для всякаго разумнаго существа; оно неприложимо къ волѣ, которую Кантъ называетъ святою. Съ этой точки зрѣнія, исканіе собственнаго счастія не могло бы быть устранено изъ области нравственности. Если подобная цѣль не принадлежитъ къ числу нравственныхъ требованій, то это происходитъ отъ иной причины, гораздо ближе подходящей къ ученію Канта. Стремленіе къ личному счастію вытекаетъ не изъ разума, а изъ влеченій; это именно то содержаніе дѣятельности, которое предоставляется произволу. Каждый понимаетъ и ищетъ счастія по-своему; разумъ ограничиваетъ это стремленіе только требованіемъ, чтобы человѣкъ не нарушалъ нравственныхъ правилъ. Но если исканіе счастія есть

* Tugendlehre, Einl. IV.

чуждое разуму опредѣленіе, то на какомъ основаніи можетъ чужое счастіе сдѣлаться для насъ цѣлью? Кантъ выводитъ обязанность дѣлать добро другимъ изъ того, что мы безъ этого, по общему закону, не могли бы ожидать отъ нихъ добра для себя *). Но въ такомъ случаѣ самолюбіе становится основаніемъ доброжелательства, и чужое счастіе дѣлается для насъ обязанностью совершенно на ряду съ нашимъ собственнымъ. Изъ этого не видно, почему чужое счастіе можетъ быть для насъ нравственною цѣлью, а собственное нѣтъ. Между тѣмъ, и на это есть причина, которая тѣсно связана съ ученіемъ Канта, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ это ученіе за предѣлы чисто формальнаго закона и указываетъ на связь противоположныхъ элементовъ человѣческаго естества. Въ исканіи своего счастія нѣтъ ничего, кромѣ чисто личныхъ побужденій, которыя нравственнаго значенія не имѣютъ; въ дѣйствіяхъ же, которыя совершаются въ виду чужаго счастія, является *общій* элементъ: я чужую цѣль дѣлаю своею. Этотъ общій элементъ одинъ имѣетъ нравственный характеръ, ибо нравственность состоитъ именно въ подчиненіи личныхъ побужденій общимъ началамъ. Тотъ же самый результатъ, достигнутый другимъ путемъ, собственною дѣятельностью лица, не имѣлъ бы этого значенія: если я жертвую собою, чтобы выручить ближняго изъ бѣды, я поступаю нравственно; но если другой дѣлаетъ тоже самое для самого себя, тутъ нравственнаго нѣтъ ничего. Слѣдовательно, нравственное значеніе имѣютъ не послѣдствія дѣйствія, а побужденіе, связывающее лю-

---

*) Tugendlehre, Einl. VIII, 2, a.

дей во имя общаго начала. Такимъ образомъ, личная цѣль, становясь общею, пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Это и есть то начало, которое приводитъ противоположные элементы человѣческой природы къ высшему единству. Въ союзахъ, къ которымъ принадлежитъ человѣкъ, полагается *общая цѣль,* въ достиженіи которой каждый членъ союза находитъ и личное свое удовлетвореніе. Черезъ это право и нравственность, внѣшній человѣкъ и внутренній связываются въ высшемъ порядкѣ. Этотъ выводъ былъ впослѣдствіи сдѣланъ Гегелемъ; но Кантъ, признавая полный разрывъ между противоположными сторонами человѣческаго естества, не могъ еще стать на эту точку зрѣнія.

Что касается до начала совершенства, которое Кантъ ставитъ цѣлью человѣку только въ собственномъ лицѣ, то и здѣсь прежде всего не видать, почему мы не можемъ имѣть въ виду и чужаго совершенства. Зависимость нравственнаго достоинства человѣка отъ свободы побуждаетъ насъ только не нарушать послѣдней; но это не мѣшаетъ намъ, въ этихъ предѣлахъ, содѣйствовать первому всѣми средствами. Это даже прямая обязанность человѣка, вытекающая изъ основнаго предписанія нравственнаго закона. Самъ Кантъ признаетъ чужое нравственное благосостояніе цѣлью человѣческой дѣятельности *); но, съ одной стороны, онъ непослѣдовательно относитъ это начало къ чужому счастію, съ другой стороны, онъ столь же непослѣдовательно ограничиваетъ его чисто отрицательною обязанностью не производить соблазна. Между тѣмъ, тутъ, очевидно, можетъ

*) Tugendlehre, Einl. VIII, 2, 6.

быть и положительное содѣйствіе, въ видѣ совѣтовъ, помощи и воспитанія. Наоборотъ, попеченіе о собственномъ совершенствѣ Кантъ выводитъ далеко за предѣлы нравственнаго закона, полагая совершенство въ способности къ достиженію *всевозможныхъ* цѣлей *). Это — чистое возвращеніе къ теоріи Вольфа, то есть, смѣшеніе эмпирическихъ началъ съ умозрительными. Кантъ основываетъ свой выводъ на томъ, что человѣкъ обязанъ развивать въ себѣ человѣчность, а характеристическое свойство человѣчности, въ отличіе отъ природы животныхъ, состоитъ въ поставленіи себѣ цѣлей. Ясно однако, что подобное основаніе не имѣетъ силы для *всякаго* разумнаго существа, слѣдовательно, не можетъ имѣть притязанія на характеръ безусловной обязанности. Столь же недостаточно и другое основаніе, что различныя способности человѣка могутъ сдѣлаться орудіями разума, а потому должны быть развиваемы **). Съ точки зрѣнія Канта, нравственныя требованія разума ограничиваются чисто формальнымъ закономъ, а потому и обязанность совершенствовать свои способности можетъ простираться только на подчиненіе внѣшней стороны человѣка внутренней. Идти далѣе значитъ опять смѣшивать нравственное и просто полезное.

Итакъ, въ дальнѣйшемъ развитіи своей нравственной теоріи Кантъ удалился отъ положенныхъ имъ самимъ основаній. Въ первоначальной точкѣ исхода отвергалось всякое вниманіе къ эмпирическимъ цѣлямъ и признавался одинъ формальный законъ, какъ плодъ чистаго умозрѣнія; въ позднѣйшей же обработкѣ системы къ умозрительнымъ началамъ

*) Tugendlehre, Einl. VIII, 1, a.

**) Tugendlehre, Elementarl., 1 B., II Abth., 2 Abschn. § 19.

присоединяются опытныя, изъ чего составилось смѣшанное ученіе, лишенное единства и послѣдовательности. Кантъ чувствовалъ потребность восполнить недостатокъ содержанія, который оказывался при чисто формальной точкѣ зрѣнія; но такъ какъ связь между внутреннимъ и внѣшнимъ человѣкомъ казалась ему непроницаемою тайною, то оставалось брать содержаніе извнѣ, чисто эклектическимъ образомъ. Отсюда недостатки позднѣйшаго ученія и несогласіе его съ первоначальною, строго логическою точкою отправленія.

Господствующій въ системѣ Канта разрывъ между противоположными сторонами человѣческаго естества невыгодно отразился и на его юридическомъ ученіи, хотя въ этой области, вслѣдствіе самаго характера юридическихъ отношеній, приложеніе формальнаго закона было вполнѣ умѣстно. Мы видѣли, что Кантъ полагаетъ различіе между юридическимъ закономъ и нравственнымъ въ томъ, что первый остается чисто формальнымъ, не касаясь содержанія дѣйствій, второй же указываетъ человѣку и цѣли, вытекающія изъ нравственныхъ требованій. Другое различіе, связанное съ первымъ, заключается въ томъ, что юридическій законъ опредѣляетъ одни внѣшнія дѣйствія, помимо побужденій, нравственный же законъ имѣетъ дѣло не съ дѣйствіями, а съ побужденіями. А такъ какъ послѣднія, по существу своему, свободны, то нравственное законодательство можетъ быть только внутреннее, свободное, тогда какъ юридическое имѣетъ характеръ внѣшній, принудительный *). Корень обоихъ этихъ различій ле-

---

*) Einl. in die Metaph. der Sitt., III.

жить въ томъ, что юридическій законъ опредѣляетъ *свободу внѣшнюю,* законъ нравственный — *свободу внутреннюю.* Поэтому понятіе о внѣшней свободѣ есть основное для философіи права. Какъ же смотритъ на нее Кантъ?

Разрывъ между внутреннимъ человѣкомъ и внѣшнимъ не позволяетъ ему придти къ точному опредѣленію этого начала. Внѣшняя свобода, также какъ и внутренняя, имѣетъ двѣ стороны: отрицательную, состоящую въ независимости отъ чужой воли, и положительную, или самоопредѣленіе во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Если первая понимается не какъ случайное только явленіе, а какъ извѣстное требованіе, то она можетъ имѣть своимъ основаніемъ единственно послѣднюю: человѣкъ потому долженъ быть независимъ отъ чужой воли, что онъ имѣетъ свою собственную волю, которой принадлежитъ рѣшеніе. Самоопредѣленіе же во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, или поставленіе себѣ внѣшнихъ цѣлей, съ одной стороны, находится въ тѣсной связи съ самоопредѣленіемъ внутреннимъ, или нравственнымъ, съ другой стороны, содержитъ въ себѣ элементъ отличный отъ послѣдняго. Если я обладаю способностью отрѣшаться отъ всякаго частнаго побужденія и опредѣляться чисто на основаніи общаго начала, то я долженъ быть властенъ надъ своими побужденіями; я долженъ имѣть способность возвышаться надъ ними, сравнивать одно съ другимъ, подчинять ихъ общему закону; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя свободу выбора, я могу и уклоняться отъ закона, предпочитая частное побужденіе общему. Какъ свойство существа не только нравственнаго, но и чувственнаго, внѣшняя свобода заключаетъ въ себѣ возможность зла. Со-

впаденіе ея съ внутреннею свободою есть требованіе разума; но исходя изъ разныхъ точекъ, онѣ могутъ и расходиться. Человѣкъ соединяетъ въ себѣ два міра: какъ нравственное существо, онъ слѣдуетъ общему закону; какъ существо чувственное, онъ преслѣдуетъ частныя свои цѣли и ищетъ личнаго удовлетворенія. Соглашеніе обѣихъ сторонъ составляетъ высшую его задачу, конечную цѣль всего его существованія.

Ясно, что въ ученіи Канта понятіе о внѣшней свободѣ не могло получить надлежащаго развитія. У него человѣкъ является свободнымъ, только какъ существо мыслимое, отрѣшенное отъ внѣшняго міра; какъ существо чувственное, онъ подлежитъ закону необходимости и является звеномъ въ общей цѣпи причинъ и слѣдствій. Связь между этими двумя сторонами человѣческаго естества остается непостижимою для разума. Поэтому Кантъ сводитъ понятіе о внѣшней свободѣ къ свободѣ внутренней. Способность опредѣляться къ дѣйствію на основаніи собственныхъ цѣлей онъ называетъ *произволомъ,* въ отличіе отъ *воли,* которая есть внутреннее самоопредѣленіе чистаго разума. Побужденіемъ произвола можетъ быть или разумъ или чувственное влеченіе; въ первомъ случаѣ произволъ является *свободнымъ,* во второмъ — чувственнымъ, или скотскимъ. Такимъ образомъ, по этой теоріи, свобода произвола состоитъ въ независимости отъ чувственныхъ наклонностей, — понятіе чисто отрицательное. Положительное же начало заключается въ самоопредѣленіи чистаго разума, то есть, въ приложеніи къ произволу категорическаго императива *).

*) Rechtslehre, Einl. in. die Metaph. der Sitt., I.

Недостаточность этихъ опредѣленій очевидна. Если я свободенъ, только когда я дѣйствую независимо отъ чувственныхъ влеченій, то всякая внѣшняя цѣль выходитъ изъ предѣловъ моей свободы, слѣдовательно и моего права. Внутреннее самоопредѣленіе чистаго разума составляетъ вполнѣ достаточное основаніе для нравственныхъ требованій, но для вывода юридическихъ началъ нужно, чтобы къ этому присоединился другой элементъ, а именно, выборъ внѣшнихъ цѣлей, или свобода внѣшняя. Правомъ называется внѣшняя свобода, опредѣляемая общимъ закономъ.

Если, не смотря на такое недостаточное опредѣленіе внѣшней свободы, Кантъ приходитъ къ истинному понятію о правѣ, то это можно приписать лишь не совсѣмъ послѣдовательному проведенію началъ, лежащихъ въ его системѣ. Что есть право? спрашиваетъ онъ. Чтобы опредѣлить это понятіе, надобно отрѣшиться отъ всякихъ эмпирическихъ данныхъ, которыя представляютъ намъ только факты, а не мѣрило, изъ которыхъ мы можемъ узнать, что́ считалось законнымъ въ то или другое время или въ томъ или другомъ мѣстѣ, а никакъ не то, что само по себѣ справедливо или несправедливо. Послѣднее можетъ быть выведено только изъ чистаго разума. Въ этомъ выводѣ надобно руководствоваться слѣдующими началами: 1) понятіе о правѣ и соотвѣтствующей ему обязанности простирается только на внѣшнія, практическія отношенія людей другъ къ другу; 2) эти отношенія касаются единственно произвола; 3) при этомъ совершенно устраняется содержаніе дѣйствій, а берется лишь чисто формальная сторона отношенія: спрашивается, насколько

свободный произволъ одного совмѣстенъ съ свободою другихъ? Отсюда слѣдуетъ, что право есть совокупность условій, при которыхъ произволъ одного можетъ сочетатся съ произволомъ другихъ подъ общимъ закономъ свободы. Дѣйствіе называется правомѣрнымъ, когда оно совершается по правилу, въ силу котораго свобода каждаго совмѣстна съ свободою всѣхъ подъ общимъ закономъ *). Нарушеніе этого правила есть насиліе, которое, по этому самому, неправомѣрно; отрицаніе же этого насилія, посредствомъ насилія противоположнаго, есть защита свободы и возстановленіе закона, а потому правомѣрно. Отсюда ясно, что съ правомъ непосредственно связана возможность принужденія, что́ не имѣетъ мѣста относительно нравственныхъ обязанностей, по существу своему не подлежащихъ принужденію. Поэтому строгое, то есть, чисто внѣшнее, право можетъ быть выражено, какъ взаимное принужденіе, охраняющее всеобщую свободу **).

Очевидно, что всѣхъ этихъ выводовъ нельзя сдѣлать, если принять свободный произволъ въ смыслѣ независимости отъ чувственныхъ влеченій, или какъ чистое самоопредѣленіе разума. Внутренняя свобода не подлежитъ принужденію и не нуждается во внѣшнемъ законѣ; она сама себѣ законъ. Внѣшняя же свобода сама въ себѣ не носитъ закона, но должна подчиняться внѣшнему закону. Она представляетъ область, предоставленную произволу человѣка, каковы бы ни были его побужденія; но такъ какъ произволъ одного приходитъ въ столкновеніе съ произволомъ другихъ, то законъ полагаетъ границы, гдѣ для каждаго кон-

*) Rechtslehre, Einl. in die Rechtsl., §§ B, C.

**) Тамъ же, §§ D, E.

чается свое право и начинается чужое. Слѣдовательно, право есть совмѣстность внѣшней свободы подъ внѣшнимъ же закономъ. Дѣлая это опредѣленіе, Кантъ, незамѣтно для него самого, подставляетъ сюда иное понятіе о внѣшней свободѣ, нежели то, которое онъ самъ принималъ и которое вытекало изъ его ученія. Онъ самъ опредѣляетъ далѣе внѣшнюю свободу, какъ независимость отъ чужаго произвола, насколько это совмѣстно съ свободою другихъ *),— понятіе опять-таки недостаточное: кромѣ отрицательнаго признака независимости необходимъ и положительный признакъ самоопредѣленія, ибо только изъ послѣдняго вытекаетъ присвоеніе внѣшнихъ предметовъ.

Съ шаткостью понятій о внѣшней свободѣ связано и неточное понятіе о правѣ въ субъективномъ смыслѣ. Кантъ опредѣляетъ право, какъ нравственную способность обязывать другихъ **); между тѣмъ, юридическая обязанность есть только послѣдствіе права. Она заключается въ уваженіи къ чужому праву; слѣдовательно, послѣднее понятіе уже предполагается. Человѣку сперва отводится извѣстная область свободы, а затѣмъ отъ другихъ требуется, чтобы они не преступали границъ этой области.

Слѣдуя общепринятой схемѣ, Кантъ раздѣляетъ право въ субъективномъ смыслѣ на *прирожденное*, вытекающее изъ самой природы человѣка, независимо отъ какого бы то ни было юридическаго дѣйствія, и *пріобрѣтенное*, предполагающее извѣстное

---

*) Rechtsl., Einl., Eintheil. der Rechtsl., § B; «Freiheit (Unabhängigkeit von eines Anderen nöthigender Willkühr), sofern sie mit jedes Anderen Freiheit nach einem allgemeinen Gesetz zusammen bestehen kann».

**) Тамъ же: «der Rechte, als (moralicher) Vermögen Andere zu verpflichten».

юридическое дѣйствіе, въ силу котораго пріобрѣтается предметъ. Изъ перваго вытекаетъ распоряженіе своими личными силами, изъ втораго присвоеніе внѣшнихъ предметовъ. Единственнымъ прирожденнымъ правомъ человѣка Кантъ признаетъ внѣшнюю свободу, или независимость отъ чужой воли, насколько она совмѣстна съ свободою другихъ; всѣ остальныя права пріобрѣтенныя. Съ внѣшнею свободою онъ связываетъ однако и нѣкоторыя другія права, какъ-то: равенство, или право не обязываться относительно другихъ къ большему противъ того, къ чему ихъ можно обязать взаимно; далѣе, самостоятельность, право на честное имя, право дѣлать относительно другихъ то, что не нарушаетъ ихъ правъ, право сообщать имъ свои мысли и давать имъ даже обѣщанія, истинныя или ложныя, ибо отъ нихъ зависитъ вѣрить или не вѣрить обѣщаніямъ. Все это, говоритъ Кантъ, заключается уже въ началѣ прирожденной свободы и въ дѣйствительности отъ нея не отличается *).

Это ученіе о правахъ человѣка сходнѣ съ тѣмъ, которое развивали писатели индивидуальной школы, и страдаетъ тѣми же недостатками. Это ничто иное, какъ отвлеченная схема, вытекающая изъ приложенія формальнаго закона къ внѣшней свободѣ. Всѣ частныя условія, видоизмѣняющія эти отношенія въ дѣйствительности, здѣсь опускаются. Менѣе всего это ученіе приложимо къ политическому союзу, гдѣ личное право подчиняется общественному началу и ограничивается требованіями послѣдняго. Мы увидимъ далѣе, что Кантъ и въ построеніи государства

*) Rechtsl., Einl., Einth. der Rechtsl. § B.

держится чисто юридической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего политическое его ученіе въ значительной степени носитъ индивидуалистическій характеръ.

Пріобрѣтенное право состоитъ въ присвоеніи внѣшнихъ предметовъ. Это составляетъ область частнаго права, въ противоположность публичному, или государственному праву, которое имѣетъ цѣлью обезпеченіе присвоеннаго посредствомъ гражданскихъ законовъ *). Очевидно, что присвоеніе внѣшнихъ предметовъ можетъ быть выведено изъ понятія о внѣшней свободѣ, только принимая послѣднюю въ смыслѣ внѣшняго самоопредѣленія: человѣкъ полагаетъ себѣ внѣшнія цѣли, которымъ онъ подчиняетъ окружающую его природу. Если же мы примемъ свободу въ смыслѣ независимости отъ чувственныхъ влеченій или даже отъ чужой воли, то присвоеніе останется чисто чувственнымъ дѣйствіемъ, не имѣющимъ никакой связи съ свободою, а потому и съ правомъ. А такъ какъ Кантъ понимаетъ свободу именно въ этомъ смыслѣ, то онъ принужденъ вывести присвоеніе предметовъ отрицательнымъ путемъ, изъ дозволенія. Практическій разумъ, говоритъ онъ, полагаетъ чисто формальныя границы человѣческой свободѣ; содержаніе же дѣйствій онъ предоставляетъ произволу. Изъ этого слѣдуетъ, что я могу присвоить себѣ всякій предметъ, лишь бы этимъ не нарушалась свобода другихъ. Предметовъ, изъятыхъ изъ употребленія, юридически не существуетъ; для этого нужно всеобщее соглашеніе. Этотъ постулатъ практическаго разума можетъ быть названъ закономъ дозволяющимъ; онъ налагаетъ на другихъ обязан-

*) Rechtslehre, Einl., Einth. der Rechtsl., стр. 44.

ность, которой нельзя вывести изъ чистыхъ понятій о правѣ, обязанность воздерживаться отъ употребленія предметовъ, которые находятся уже въ нашемъ владѣніи *).

Кантъ отличаетъ при этомъ фактическое владѣніе отъ юридическаго. Первое есть чисто физическое отношеніе къ предмету: я владѣю мѣстомъ, на которомъ стою, или вещью, которую держу въ рукахъ. Второе же есть отношеніе умственное: я считаю своимъ предметъ, которымъ я фактически не владѣю, и который можетъ даже находиться въ чужихъ рукахъ. Когда нарушается отношеніе перваго рода, тутъ является прямое посягательство на мою личную свободу; поэтому, неправомѣрность подобнаго дѣйствія аналитически выводится изъ понятія о неприкосновенности лица. Но тутъ нѣтъ еще настоящаго понятія о присвоеніи предметовъ. Оно является только тамъ, гдѣ физическая связь замѣняется умственною. Тутъ только возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ я могу считать своею вещь, которая не находится въ непосредственномъ моемъ владѣніи? Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ умозрительно, ибо всѣ юридическіе законы, какъ требованія разума, проистекаютъ изъ умозрѣнія. Но аналитическаго вывода невозможно сдѣлать, ибо связываются два понятія, которыя не заключаются одно въ другомъ; слѣдовательно, надобно раскрыть a priori синтетическую связь между человѣческою свободою и внѣшними предметами. Эта связь открывается изъ выведеннаго выше постулата практическаго разума, дозволяющаго употребленіе всѣхъ предметовъ, на-

*) Rechtslt., 1 Th., 1 Hptst., § 2.

сколько это совмѣстно съ свободою другихъ. Но такъ какъ умозрительный законъ устраняетъ всякія эмпирическія данныя, то и здѣсь устраняются условія времени и мѣста; затѣмъ остается чисто умственное отношеніе, которое одно соотвѣтствуетъ умозрительному требованію и можетъ быть источникомъ юридическихъ опредѣленій *).

Въ этомъ выводѣ присвоенія внѣшнихъ предметовъ изъ закона дозволяющаго оказывается вся недостаточность установленнаго Кантомъ понятія о внѣшней свободѣ. Всякое синтетическое положеніе a priori, какъ требованіе разума, должно заключать въ себѣ отношеніе необходимое, а не только возможное; дозволяющій же законъ не идетъ далѣе возможности. Онъ говоритъ только, что присвоеніе предметовъ, не нарушающее чужой свободы, не противорѣчитъ юридическому закону; слѣдовательно, тутъ все предоставляется чисто эмпирическимъ соображеніямъ, что противорѣчитъ требованію Канта. Съ устраненіемъ послѣднихъ, остается лишь формальное запрещеніе нарушать свободу другихъ, изъ котораго никакъ нельзя вывести умозрительнаго отношенія къ внѣшнимъ предметамъ. Необходимая связь, какая требуется для умозрительнаго положенія, можетъ быть выведена только изъ понятія о внѣшней свободѣ, какъ о самоопредѣленіи. Человѣкъ полагаетъ себѣ цѣли, которыя онъ осуществляетъ во внѣшнемъ мірѣ. Для этого требуется подчиненіе внѣшняго міра человѣческой волѣ, то есть, присвоеніе вещей, которое такимъ образомъ является необходимымъ условіемъ человѣческой жизни, а пото-

*) Rechtslehre, 1 Th., 1 Hptst. §§ 1, 5, 6, 7.

му и освящается юридическимъ закономъ. Такъ какъ эти цѣли постоянны, то и присвоеніе должно быть постоянное. Такъ какъ это — отношеніе къ волѣ, а не къ тѣлу, то оно должно быть умственное, а не физическое. Но съ другой стороны, такъ какъ здѣсь воля проявляется въ физическомъ мірѣ, то умственное отношеніе необходимо связано съ физическимъ. Кантъ совершенно правъ, настаивая на томъ, что основаніе юридическаго присвоенія составляетъ чисто умозрительный элементъ; но если мы устранимъ всякія эмпирическія данныя, какъ онъ требуетъ, то умственное отношеніе окажется не дѣйствительнымъ, а воображаемымъ. Я могу объявить себя обладателемъ безконечнаго пространства земель, никому не присвоенныхъ; изъ этого ни для кого не рождается обязанности уважать мое право. Нуженъ физическій актъ завладѣнія и матеріальные признаки, по которымъ можно распознать присутствіе моей воли на внѣшнемъ предметѣ. Юридическій законъ опредѣляетъ проявленія воли во внѣшнемъ мірѣ; поэтому здѣсь необходимо сочетаніе двухъ элементовъ: умозрительнаго, имѣющаго источникъ въ человѣкѣ и опредѣляющаго разумное отношеніе воль, и эмпирическаго, составляющаго необходимое условіе для проявленія перваго. При разрывѣ между внутреннимъ и внѣшнимъ человѣкомъ, который господствуетъ въ системѣ Канта, связь обоихъ элементовъ не могла быть понята надлежащимъ образомъ, а потому и выводъ юридическаго закона въ приложеніи къ внѣшнему міру остался недостаточнымъ. Это было, въ сущности, возвращеніе къ ученію философовъ нравственной школы. Требовалось содержаніе, которое не дается формальнымъ закономъ, а потому

надобно было ограничиться чисто отрицательнымъ признакомъ — дозволеніемъ. У ближайшихъ последователей Канта это начало было положено въ основаніе всей философіи права.

Такой чисто отрицательный характеръ внѣшняго права дѣлаетъ дѣйствительное владѣніе чисто случайнымъ актомъ, который, по этому самому, не можетъ имѣть притязанія на признаніе со стороны другихъ. Кантъ прямо говоритъ, что одностороннее объявленіе владѣнія не можетъ связать чужую волю. Для того, чтобы право получило дѣйствительную силу, нужно взаимное соглашеніе, обезпечивающее каждому его часть; только совокупная воля всѣхъ можетъ быть обязательна для отдѣльныхъ лицъ. Состояніе, въ которомъ господствуетъ общая, обязательная для всѣхъ воля, есть гражданскій порядокъ. Отсюда слѣдуетъ, что гражданскій порядокъ составляетъ необходимое требованіе права. Если мнѣ дозволено присвоеніе внѣшнихъ предметовъ, а существенное для этого условіе есть вступленіе въ гражданское состояніе, то я имѣю право принудить всякаго другаго, съ кѣмъ у меня можетъ быть столкновеніе, подчиниться вмѣстѣ со мною общему гражданскому закону. Естественное состояніе, не доставляя надлежащаго обезпеченія лицамъ, само по себѣ неправомѣрно. Всякій, кто въ немъ обрѣтается, тѣмъ самымъ нарушаетъ права другаго, а потому выходъ изъ него обязателенъ для всѣхъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что внѣ гражданскаго состоянія вовсе невозможно присвоеніе предметовъ. Обезпеченіе права предполагаетъ уже его существованіе; но безъ гражданскаго закона оно всегда остается спорнымъ. Поэтому, присвоеніе предметовъ въ естественномъ

состоянiи можно назвать *предварительнымъ* (provisorisch); въ гражданскомъ же состоянiи оно становится *окончательнымъ* (peremtorisch) *).

Изъ этого можно, повидимому, заключить, что совокупная воля нужна собственно для обезпеченiя права; но Кантъ на этомъ не останавливается: онъ выводитъ изъ нея самое присвоенiе внѣшнихъ предметовъ. Онъ раздѣляетъ частное право вообще на вещное, личное и вещно-личное **). Первое касается обладанiя вещами; но какъ право, оно относится не къ вещамъ, въ приложенiи къ которымъ юридическiя отношенiя немыслимы, а къ лицамъ, которыя исключаются изъ употребленiя принадлежащихъ другимъ вещей ***). Это исключенiе совершается въ силу первоначальнаго завладѣнiя; законное же основанiе завладѣнiя заключается въ первоначальной принадлежности вещей всѣмъ людямъ вообще; ибо только изъ идеи совокупной воли и совокупнаго владѣнiя можно вывести право каждаго отдѣльнаго лица на прiобрѣтенiе вещей, съ наложенiемъ на другихъ обязанности уважать это право ****). Это начало прилагается прежде всего къ поземельной собственности, составляющей основанiе всѣхъ другихъ видовъ владѣнiя. Земля есть субстанцiя, къ которой движимыя вещи относятся, какъ принадлежности; а принадлежность не можетъ быть присвоена кому бы то ни было, если субстанцiя, на которой она находится, не принадлежитъ никому, слѣдовательно остается откры-

*) Rechtsl. 1 Th. I Hptst. §§ 8, 9.
**) Rechtsl. 1 Th. 2 Hptst. § 10.
***) Тамъ же, § 11.
****) Тамъ же.

тою для завладѣнія *). Законное основаніе поземельной собственности заключается въ томъ, что земля первоначально принадлежитъ всѣмъ людямъ, которые, будучи населены на опредѣленномъ, шарообразномъ пространствѣ, неизбѣжно должны владѣть имъ совокупно. Но это первоначальное совокупное владѣніе (communio possessionis originaria) не должно смѣшивать съ первобытнымъ общеніемъ имуществъ (communio primaeva), какое предполагаютъ нѣкоторые. Подъ именемъ послѣдняго разумѣютъ дѣйствительное, фактическое установленіе, которое на дѣлѣ можетъ произойти не иначе, какъ изъ договора отдѣльныхъ владѣльцевъ, отказывающихся отъ своего частнаго права и слагающихъ свое имущество въ общую массу. Такое состояніе не болѣе, какъ мечта. Первое же есть только идея подчиненія земли всѣмъ людямъ вообще, въ силу чего каждый имѣетъ право присвоивать себѣ тѣ или другіе участки, а остальные обязаны уважать это право **).

Въ этихъ выводахъ оказывается опять вся недостаточность юридической теоріи Канта. Право частной собственности непосредственно вытекаетъ изъ понятія о внѣшней свободѣ, какъ о самоопредѣленіи воли, и нѣтъ никакой нужды прибѣгать для этого къ идеѣ совокупнаго владѣнія, которое вноситъ сюда совершенно излишнія начала, а потому спутываетъ мысль. Какъ свободное существо, человѣкъ полагаетъ себѣ цѣли, которыя онъ осуществляетъ во внѣшнемъ мірѣ; отсюда право на завладѣніе физическими предметами, которые, какъ низшіе, должны подчиняться

---

*) Rechtsl. I Th. 2 Hptst. § 12.

**) Rechtsl. 1 Th. I Hptst. § 6; 2 Hptst. §§ 13, 17.

человѣку и становиться орудіями свободной его воли. Это право простирается на все, что не находится въ чужомъ владѣніи; но какъ скоро я встрѣчаю предметы, съ которыми связана уже воля другаго, такъ я долженъ остановиться, ибо я обязанъ уважать чужую свободу. Односторонній актъ воли, пока онъ не нарушаетъ чужой свободы, всегда правомѣренъ, а потому обязателенъ для другихъ. Вопросъ заключается единственно въ томъ, по какимъ признакамъ можно судить о дѣйствительномъ завладѣніи вещами. Такъ какъ это внѣшній актъ, который можетъ подлежать спору, то на это требуется соглашеніе; но это вопросъ, касающійся подробностей, а не самаго существа права. Изъ идеи же совокупнаго владѣнія невозможно непосредственно вывести частную собственность; скорѣе изъ нея слѣдовало бы запрещеніе кому бы то ни было завладѣвать вещами съ исключеніемъ всѣхъ другихъ. Если же принять общую волю единственно въ смыслѣ требованія подчиненія внѣшней природы человѣку, то не зачѣмъ называть этотъ общій законъ совокупнымъ *владѣніемъ*. Всякое владѣніе предполагаетъ фактическое отношеніе къ предмету, внѣ котораго остается только формальный законъ уваженія къ чужой волѣ.

Относительно личнаго права, или обязательствъ, Кантъ точно также старается выдѣлить чисто умозрительную связь изъ эмпирической. Для заключенія обязательства непремѣнно требуется *соединенная* воля лицъ, посредствомъ которой владѣніе переносится съ одного лица на другое. Въ дѣйствительности же, такъ какъ дѣйствіе происходитъ во времени, то одна воля всегда *слѣдуетъ* за другою, при чемъ являет-

ся возможность перемѣны намѣренія; совокупнаго дѣйствія никогда быть не можетъ. Это затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что съ фактическимъ отношеніемъ связано отношеніе мыслимое, по законамъ свободы, устраняющимъ всякія эмпирическія данныя. Въ силу этого начала, слѣдующія другъ за другомъ дѣйствія сливаются въ единый актъ, проистекающій изъ постоянной и соединенной воли лицъ. Этимъ только способомъ, говоритъ Кантъ, можно вывести пріобрѣтеніе вещей посредствомъ договора; иначе нѣтъ возможности доказать, почему я долженъ исполнять данныя обѣщанія *).

Въ этомъ ученіи совершенно справедливо, что эмпирическое отношеніе служитъ только внѣшнимъ выраженіемъ отношенія умственнаго. Эмпирическая воля измѣнчива, и если она считаетъ себя связанною, то это происходитъ во имя умозрительнаго начала. Но обязанность исполнять обѣщанія прямо вытекаетъ изъ закона, требующаго уваженія къ чужой свободѣ. Какъ скоро я дѣйствіемъ собственной воли связалъ чужую волю съ предметомъ, находящимся въ моемъ владѣніи, будь это вещь или дѣйствіе, такъ я не могу уже распоряжаться этимъ предметомъ, не нарушая чужой свободы и чужихъ цѣлей. Распространеніе чужой свободы на область моего права въ силу моего согласія совершилось правомѣрно, а потому нарушеніе этого отношенія становится неправомѣрнымъ.

Наконецъ, подъ именемъ вещно-личнаго права Кантъ разумѣетъ такое право, въ которомъ лице, всецѣло, на подобіе вещи, находится во владѣніи другаго, причемъ, однако, оно разсматривается и

*) Rechtslehre. 1 Th. 2 Hptst. § 19.

употребляется не какъ вещь, а какъ лице, ибо употребленіе лица, какъ вещи, было бы нарушеніемъ свободы и оскорбленіемъ человѣческаго достоинства. Къ этой категоріи онъ относитъ всѣ семейныя отношенія. Первое изъ нихъ есть бракъ. Основаніе его есть половое влеченіе; но юридически этотъ союзъ возможенъ только подъ условіемъ всецѣлаго и притомъ взаимнаго обладанія одного лица другимъ. Здѣсь должно господствовать равенство лицъ, а потому допускается только единоженство. Послѣдствіе брака составляетъ рожденіе дѣтей, которыя, какъ свободныя лица, поставленныя въ свѣтъ безъ своего согласія, имѣютъ прирожденное право требовать отъ родителей пропитанія и воспитанія до полнаго развитія своихъ способностей; родители же, съ своей стороны, соотвѣтственно лежащей на нихъ обязанности, получаютъ дѣтей въ полное свое обладаніе. По достиженіи совершеннолѣтія, дѣти становятся свободными; но они могутъ, въ силу договора, остаться членами дома, вступивши къ родителямъ въ отношеніе слугъ къ господину. За недостаткомъ дѣтей, такого рода отношеніе можетъ быть распространено и на постороннихъ лицъ. И здѣсь является, съ одной стороны, обладаніе слугою, на подобіе вещи, съ другой стороны, употребленіе слуги, какъ лица, пользующагося самостоятельною волей. Поэтому служебная связь не должна вести къ уничтоженію всякой самостоятельности подчиненнаго. Она не можетъ быть ни пожизненною, ни потомственною *).

Едва ли нужно замѣтить, что всѣ эти опредѣленія весьма недостаточны. Кантъ слѣдовалъ здѣсь обыкновенному юридическому дѣленію, относящему се-

*) Rechtslehre. I Th. I Hptst. 3 Abschn. §§ 22—30.

мейное право къ частному. На этомъ основаніи онъ хотѣлъ вывести всѣ семейныя отношенія изъ чистыхъ началъ частнаго права. Но установленная имъ съ этою цѣлью рубрика вещно-личнаго права представляетъ только смѣшеніе разнородныхъ началъ и не даетъ никакихъ основаній для вывода семейныхъ отношеній. Семейство есть органическій союзъ, въ которомъ соединяются разнообразные элементы жизни. Для постиженія связи этого рода нужно выйти изъ области чисто формальныхъ опредѣленій. Ученіе Канта, не идущее далѣе формальнаго закона, не представляло для этого данныхъ.

Тою же односторонностью страдаетъ и его политическое ученіе. И здѣсь онъ становится на чисто юридическую почву, не доходя до понятія о высшемъ, органическомъ значеніи союза. Вслѣдствіе этого мы находимъ у него развитіе индивидуалистическихъ теорій, заимствованныхъ у французскихъ философовъ XVIII-го вѣка. Но такъ какъ его система содержитъ въ себѣ и совершенно иныя начала, то вмѣстѣ съ этимъ являются и положенія, идущія прямо наперекоръ индивидуалистическимъ взглядамъ. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ противоположные элементы стоятъ рядомъ, безъ всякой возможности постигнуть переходъ отъ одного къ другому, такъ и въ ученіи о государствѣ, оба элемента, юридическій и нравственный, сопоставляются въ теоріи, но безъ приведенія ихъ къ высшему единству органическаго союза.

Кантъ опредѣляетъ государство, какъ соединеніе извѣстнаго количества людей подъ юридическими законами*). Это опредѣленіе, съ одной стороны,

*) «Ein Staat ist, die Vereinigung einer Menge von Menschen unter Rechtsgesetzen». Rechtsl. II Th. 1 Absch. § 45.

слишкомъ обширно, ибо всякій юридическій союзъ становится государствомъ, съ другой стороны, слишкомъ тѣсно, ибо вся задача государства ограничивается охраненіемъ права между людьми. Въ этомъ, по ученію Канта, заключается существенная цѣль, для которой люди вступаютъ въ политическій союзъ. Необходимость его проистекаетъ не изъ указаній опыта, который доказываетъ намъ невозможность сохранить миръ безъ принудительной власти, а изъ чистаго умозрѣнія, которое требуетъ выхода изъ безправнаго состоянія, гдѣ каждый дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію. Во имя безусловныхъ нравственныхъ началъ, человѣкъ обязанъ подчиняться такому порядку, въ которомъ господствуетъ общій законъ, опредѣляющій права каждаго, и установлена власть, охраняющая эти права. Такъ какъ юридическій законъ, въ существѣ своемъ, проистекаетъ изъ чистаго разума, то и государство, какъ идея, есть произведеніе умозрѣнія, и эта умозрительная идея должна служить нормою для всякаго существующаго въ дѣйствительности политическаго союза *).

Общая, соединенная воля членовъ заключаетъ въ себѣ троякую власть: законодательную, исполнительную и судебную. Эти три власти представляютъ собою три элемента практическаго умозаключенія: верхнюю посылку въ законѣ, нижнюю посылку въ повелѣніи, подчиняющемъ частные случаи общему правилу, наконецъ, заключеніе въ приговорѣ, опредѣляющемъ право въ отдѣльномъ случаѣ **).

Законодательная власть, по идеѣ, можетъ принад-

---

*) Rechtsl. II Th. 1 Abschn. §§ 44, 45.

**) Тамъ же, § 45.

лежать только соединенной волѣ всѣхъ, ибо всякая частная воля можетъ быть несправедлива относительно другихъ. Только согласная воля совокупности лицъ, составляющихъ союзъ, изъ которыхъ каждое участвуетъ своимъ голосомъ въ общемъ рѣшеніи и само ему подчиняется, можетъ быть настоящимъ источникомъ закона *). Въ этомъ состоитъ истинное существо гражданской *свободы*. Свобода не есть право дѣлать все, что хочешь, не нарушая чужаго права, какъ опредѣляютъ нѣкоторые, ибо что такое право? опять же возможность дѣйствовать, не нарушая чужой свободы. Слѣдовательно, это опредѣленіе вращается въ чистой тавтологіи. Свобода въ государствѣ должна быть опредѣлена, какъ право лица подчиняться только тому закону, на который оно дало свое согласіе. Эта свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность гражданина или члена государства **). Съ этимъ связано и гражданское *равенство*, которое состоитъ въ правѣ признавать надъ собою только такого высшаго, котораго можно взаимно обязать къ тому же, къ чему тотъ насъ обязываетъ. Наконецъ, изъ того же источника вытекаетъ и гражданская *самостоятельность*, то есть независимость отъ чужаго произвола относительно своего существованія и содержанія, а потому и право не быть представляемымъ кѣмъ бы то ни было въ своихъ юридическихъ дѣйствіяхъ ***).

Этотъ послѣдній признакъ самостоятельности служитъ Канту основаніемъ для различенія гражданъ

---

*) Rechtsl. II Th. 1 Abschn. § 46.

**) Rechtsl. II Th. 1 Abschn. § 46; Zum ew. Fried. II Abschn. 1 Art. примѣч.

***) Rechtsl. II Th. 1 Abschn. § 46.

дѣятельныхъ и страдательныхъ, — различіе, которое было признано даже самыми революціонными конституціями. Самостоятельное право голоса въ законодательныхъ вопросахъ можетъ быть предоставлено только гражданину независимому отъ чужой воли; поэтому всѣ тѣ, которые по своему положенію подчинены другимъ, хотя и пользуются выгодами союза, но не могутъ участвовать въ общихъ рѣшеніяхъ. Таковы женщины, дѣти, подмастерья, слуги и вообще всѣ тѣ, которые получаютъ свое содержаніе отъ другихъ, ибо ихъ существованіе есть какъ бы принадлежность другаго. Эта зависимость отъ чужой воли и проистекающее отсюда неравенство, замѣчаетъ Кантъ, нисколько не противорѣчатъ свободѣ и равенству тѣхъ же лицъ, какъ *людей*. Они могутъ требовать только, чтобы съ ними обходились на основаніи началъ свободы и равенства, то есть, чтобы издаваемые для нихъ законы не нарушали этихъ естественно принадлежащихъ имъ правъ. Такимъ образомъ, каждому нельзя предоставить право наравнѣ съ другими участвовать въ общихъ рѣшеніяхъ; но каждый долженъ имѣть возможность изъ страдательнаго гражданина сдѣлаться дѣятельнымъ *).

Эти оговорки, очевидно, не спасаютъ основнаго начала. Если гражданская свобода состоитъ въ подчиненіи только тому закону, на который подчиняющійся далъ свое согласіе, то всѣ лица, не участвующія въ общихъ рѣшеніяхъ, лишены свободы. За ними не остается даже и естественная свобода, ибо, какъ замѣчаетъ самъ Кантъ, человѣкъ, вступая въ

---

*) Rechtsl. II Th. 1 Abschn. § 46.

государство, не ограничивается тѣмъ, что онъ отказывается отъ части прирожденной ему внѣшней свободы для пріобрѣтенія бо̀льшихъ благъ: онъ цѣликомъ оставляетъ дикую и беззаконную свободу, чтобы получить ее снова въ законномъ подчиненіи, истекающемъ изъ собственной его воли. Точно также ничего не остается и отъ естественнаго равенства, ибо равенство, какъ естественное, такъ и гражданское, по опредѣленію Канта, состоитъ въ правѣ обязываться лишь настолько, насколько, въ свою очередь, мы можемъ обязать другаго. Наконецъ, самая возможность выйти изъ страдательнаго положенія и сдѣлаться дѣйствительнымъ гражданиномъ не для всѣхъ доступна. Для многихъ фактически эта дверь остается вѣчно закрытою. Женщины, по своему полу, обречены на политическую зависимость. Такимъ образомъ, между началомъ самостоятельности и началами свободы и равенства оказывается неразрѣшимое противорѣчіе. Отправляясь отъ чисто юридической точки зрѣнія, отъ совмѣстной свободы отдѣльныхъ лицъ, Кантъ, волею или неволею, принужденъ былъ усвоить себѣ индивидуалистическія теоріи государства, а вмѣстѣ и всѣ неразлучныя съ ними противорѣчія.

Принятыя имъ начала свободы и равенства последовательно приводятъ Канта къ отрицанію всякихъ наслѣдственныхъ преимуществъ. Наслѣдственное дворянство, говоритъ онъ, есть чинъ, предшествующій заслугамъ и вовсе ихъ не предполагающій; слѣдовательно, это мечта безъ дѣйствительности. Ибо заслуги предковъ не переходятъ на потомковъ, природа не сдѣлала таланты и волю наслѣдственными. А такъ какъ никто добровольно не отказывается

отъ своей свободы, то невозможно предполагать, что соединенная воля народа захотѣла установить у себя такое безсмысленное преимущество для нѣкоторыхъ членовъ. Поэтому, никакой государь не въ правѣ сдѣлать подобнаго установленія. Всѣ существующія привилегіи этого рода должны мало-помалу уничтожиться, и тройственное раздѣленіе на государя, дворянство и народъ должно замѣниться единственнымъ естественнымъ раздѣленіемъ на государя и народъ*).

Отъ законодательной власти Кантъ отличаетъ правительственную, которой поручается исполненіе законовъ, назначеніе чиновниковъ и администрація. Правитель, который вмѣстѣ былъ бы законодателемъ, сдѣлался бы деспотомъ. Законодатель же потому уже не можетъ быть правителемъ, что послѣдній подчиненъ закону и повинуется высшему. Какъ верховный самодержецъ, законодатель можетъ смѣнить правителя, отнять у него власть и исправить недостатки управленія, но онъ не въ правѣ наказать правителя, ибо всякое наказаніе есть дѣйствіе исполнительной власти, а не законодательной. Одному правителю принадлежитъ верховное право принуждать сообразно съ закономъ, а потому онъ самъ не подлежитъ принужденію**).

Что касается до судебной власти, то она, въ свою очередь, не можетъ принадлежать ни законодателю, ни правителю, ибо въ приложеніи закона къ отдѣльному случаю власть всегда можетъ оказать несправедливость подданному. Поэтому, рѣшеніе должно

---

*) Rechtsl. II Th. Allg. Anm. D.
**) Rechtsl. II. Th. I Abschn. § 49.

быть предоставлено безпристрастнымъ лицамъ, взятымъ изъ среды народа, то есть присяжнымъ; судебному же мѣсту принадлежитъ только приложеніе закона къ произнесенному ими приговору *).

Таковы три власти, черезъ которыя государство получаетъ свою автономію, то есть, устраивается и сохраняется по законамъ свободы. Съ одной стороны, онѣ стоятъ рядомъ, ибо восполняютъ другъ друга; съ другой стороны, онѣ подчиняются одна другой, ибо каждая, сохраняя свое собственное начало и свой опредѣленный кругъ дѣйствія, сообразуется однако съ волею высшаго. Совокупность ихъ представляетъ отношеніе главы государства, которымъ, по законамъ свободы, можетъ быть только самъ народъ, къ массѣ того же народа, какъ подданныхъ. Въ соединеніи властей заключается народное благо, подъ которымъ однако не слѣдуетъ разумѣть счастія, ибо послѣднее можетъ иногда быть лучше достигнуто въ состояніи природы или подъ деспотическимъ правленіемъ, а сообразность государственнаго устройства съ законами права, къ чему разумъ, посредствомъ категорическаго императива, обязываетъ насъ стремиться. Актъ, въ силу котораго народъ образуетъ государство, или, лучше сказать, идея, которая служитъ мѣриломъ правомѣрности политическаго порядка, есть *первобытный договоръ*, по которому всѣ лица въ народѣ отказываются отъ своей внѣшней свободы, съ тѣмъ, чтобы получить ее обратно, въ качествѣ членовъ государства **).

Таково политическое устройство, которое, по тео-

*) Rechtsl. II Th. I Abschn. § 49.

**) Rechtsl. II Th. 1 Abschn. §§ 47, 49.

ріи Канта, представляется въ идеѣ единственнымъ правомѣрнымъ. Очевидно, что оно цѣликомъ заимствовано у Руссо. Самая теорія раздѣленія властей подходитъ къ взглядамъ женевскаго философа, а никакъ не къ ученію Монтескьё. Кантъ прямо объявляетъ немыслимою систему взаимнаго воздержанія властей. Тотъ, кто воздерживаетъ другаго, говоритъ онъ, долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одинакую съ нимъ власть; онъ долженъ имѣть право, какъ законный повелитель, предписать народу неповиновеніе. Но тогда онъ, а не тотъ, является настоящимъ самодержцемъ. Народное же представительство, которому присвоивается право ограничивать волю монарха, ничто иное, какъ призракъ, прикрывающій деспотизмъ. Депутаты всегда готовы дѣлать все угодное правительству, лишь бы только получить хорошія мѣста для себя и для своей родни. Поэтому, такъ называемая умѣренная монархія есть не болѣе, какъ мечта, которая, подъ видомъ права, служитъ лишь къ тому, чтобы не затруднить, а замаскировать произволъ власти *). На этомъ основаніи, Кантъ считаетъ республиканское устройство единственнымъ правомѣрнымъ, то есть, согласнымъ съ требованіями свободы. Но въ отличіе отъ Руссо, онъ стоитъ за представительную республику, не объясняя, впрочемъ, какимъ образомъ представительство можетъ быть совмѣстно съ принадлежащимъ каждому гражданину правомъ участія въ общихъ рѣшеніяхъ, которое онъ самъ объявляетъ неотчуждаемымъ и самымъ личнымъ изъ всѣхъ правъ **). Вообще, Руссо,

---

*) Rechtsl. II Th. I Abschn. Allg. Anm. A.

**) Rechtsl. II Th. I Abschn. § 52.

стараясь развить свои начала въ подробности, послѣдовательно приходилъ къ положеніямъ, которыя явно обличали ихъ несостоятельность; Кантъ же ограничивался самыми общими чертами, вслѣдствіе чего теорія его представляется гораздо болѣе блѣдною, но зато скрываются противорѣчія, присущія принятымъ имъ началамъ.

Въ статьѣ *О вѣчномъ мірѣ*, которая писана нѣсколькими годами ранѣе *Ученія о правѣ*, Кантъ болѣе склоняется къ взглядамъ Монтескьё. Здѣсь онъ, видоизмѣняя теорію послѣдняго, раздѣляетъ всѣ образы правленія на *республиканскій* и *деспотическій*. Первый основанъ на отдѣленіи исполнительной власти отъ законодательной, второй на ихъ сліяніи. Изъ всѣхъ политическихъ формъ, говоритъ онъ, демократія болѣе всѣхъ клонится къ деспотизму, ибо здѣсь всѣ рѣшаютъ противъ одного, а подобное рѣшеніе является противорѣчіемъ общей воли, какъ съ ея собственными началами, такъ и съ свободою гражданъ. Въ монархіи, напротивъ, всего легче отдѣлить исполнительную власть отъ законодательной и такимъ образомъ приблизиться къ республиканскому устройству *). Эти мысли, въ которыхъ взгляды Монтескьё сочетаются съ воззрѣніями Руссо, не имѣютъ существеннаго значенія, и самъ Кантъ отступился отъ нихъ въ окончательной обработкѣ своей теоріи.

У Канта есть однако весьма существенное отличіе отъ Руссо, которое даетъ его системѣ совершенно иной оттѣнокъ. Съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма, между требованіями разума и явленіями жизни признается глубокій разрывъ. Поэтому правомѣрное

---

*) Zum ew. Fried. I Art.

государственное устройство, основанное на умозрительныхъ началахъ, представляется Канту не болѣе, какъ *идеею,* которой нельзя указать никакого соотвѣтственнаго явленія въ дѣйствительности *). Но такъ какъ эта идея имѣетъ практическое значеніе, то требуется все-таки большее или меньшее ея осуществленіе въ жизни. Это совершается посредствомъ физическихъ лицъ, облеченныхъ властью. Таковыми могутъ быть одно лице, нѣсколько или всѣ. Отсюда раздѣленіе образовъ правленія на монархію, аристократію и демократію. Первая форма простѣйшая, а потому лучшая для исполненія закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая опасная для свободы гражданъ **). Каково бы впрочемъ ни было устройство и происхожденіе государственной власти, она, во всякомъ случаѣ, имѣетъ право требовать полнаго повиновенія подданныхъ. Кантъ безусловно отвергаетъ право подданныхъ сопротивляться существующему правительству. Дѣйствительность, говоритъ онъ, никогда не соотвѣтствуетъ вполнѣ идеалу; всякое эмпирическое устройство содержитъ въ себѣ недостатки. Но всякое государство осуществляетъ въ себѣ гражданскій порядокъ, а потому, во имя обязательнаго для людей закона, требуетъ себѣ повиновенія. Признать за подданными право сопротивленія значитъ признать, что верховная власть не есть верховная, а это — явное противорѣчіе. Поэтому, сопротивленіе никогда не можетъ быть правомѣрнымъ; оно всегда является нарушеніемъ права, слѣдовательно, отрицаніемъ самыхъ основъ гражданственности и пре-

---

*) Rechtsl. I Th. Anhang. Beschluss.

**) Rechtsl. II Th. I Abschn. § 51.

ступленіемъ противъ высшаго закона. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, что власть происходитъ отъ Бога, ибо она независима отъ людей. Для подданныхъ она священна и неприкосновенна. Поэтому, одному правительству принадлежитъ право измѣнять законы и государственное устройство; подданные могутъ только приносить жалобы и прошенія *).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ два противорѣчащихъ другъ другу положенія: съ одной стороны, въ идеѣ, единственнымъ правомѣрнымъ государственнымъ устройствомъ объявляется то, которое основано на началахъ всеобщей свободы и равенства; съ другой стороны, въ дѣйствительности, требуется безусловное повиновеніе всякой установленной власти. Чѣмъ же разрѣшается это противорѣчіе? Тѣмъ, что идея правомѣрнаго государства является конечною цѣлью историческаго движенія народовъ, постепенное приближеніе къ которой возлагается, какъ обязанность, на существующія правительства. Поэтому всякое устройство, отклоняющееся отъ истинныхъ началъ, можетъ имѣть притязаніе лишь на *временное* значеніе; *окончательную* или безусловную силу можетъ имѣть только порядокъ, основанный на чистыхъ требованіяхъ юридическаго закона **).

Таковъ окончательный выводъ Канта относительно государственнаго устройства. Нѣтъ сомнѣнія, что начало историческаго развитія представляетъ единственную возможность согласить идеалъ съ дѣйствительностью; но если мы въ идеалѣ видимъ непремѣн-

---

*) Rechtsl. II Th. Allg. Anm. A; I Th. Anhang, Beschluss.

**) Rechtsl. II Th. I Abschn. § 52.

ное требованіе разума и единственное правомѣрное устройство общественной жизни, то мы должны требовать и отъ дѣйствительности, чтобы она заключала въ себѣ, по крайней мѣрѣ, условія, необходимыя для приближенія къ этому порядку. Здѣсь же мы находимъ два начала, прямо противоположныя другъ другу: съ одной стороны, безусловное требованіе свободы, съ другой, столь же безусловное требованіе подчиненія. Если, какъ утверждаетъ Кантъ, гражданскій порядокъ установляется собственно для обезпеченія свободы, а свобода состоитъ въ подчиненіи только тому закону, на который я далъ свое согласіе, то невозможно требовать отъ меня подчиненія всякому закону и всякой власти; если же, наоборотъ, я обязанъ подчиняться всякой установленной власти и отъ ея усмотрѣнія долженъ ожидать улучшенія существующаго порядка, то свобода можетъ никогда не осуществиться на дѣлѣ. И здѣсь, какъ и во всемъ ученіи Канта, два противоположныя начала, исходящія изъ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, ставятся рядомъ, безъ всякаго посредствующаго звена; соглашеніе же ихъ потому только представляется возможнымъ, что оно отдаляется въ неопредѣленное будущее. Въ своемъ политическомъ идеалѣ, основанномъ на умозрительныхъ требованіяхъ свободы, Кантъ стоитъ на почвѣ чистаго индивидуализма; напротивъ, въ требованіи безусловнаго повиновенія властямъ во имя высшаго закона, онъ становится на точку зрѣнія послѣдователей нравственной школы. До понятія о государствѣ, какъ органическомъ союзѣ, въ которомъ сочетаются оба противоположныя начала, юридическое и нравственное, онъ не доходитъ.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ теоріи государственнаго права, Кантъ нѣсколько уклоняется и отъ чисто юридическаго построенія государства. Въ силу основнаго начала, изъ котораго выводится все ученіе, единственною задачей политическаго союза должно быть охраненіе права. Между тѣмъ, Кантъ полагаетъ ему и другія цѣли. Приписавши самодержцу верховную собственность на землю, на томъ основаніи, что отъ общей воли зависитъ законъ распредѣленія собственности, онъ выводитъ отсюда право завѣдывать государственнымъ хозяйствомъ, финансами и полиціею; къ послѣдней же онъ относитъ не только охраненіе безопасности, но и попеченіе объ удобствѣ и приличіи *). Мало того: онъ признаетъ за самодержцемъ, какъ представителемъ народа, право облагать гражданъ податями для собственнаго ихъ поддержанія, какъ-то: для пособія бѣднымъ, для воспитательныхъ домовъ, наконецъ, для церковныхъ установленій. Это выводится изъ того, что народъ соединился въ союзъ, который долженъ сохраняться постоянно, а потому члены этого союза, которые не въ состояніи сами себя содержать, должны содержаться на общественный счетъ. Что касается до церковнаго устройства, которое, по мнѣнію Канта, слѣдуетъ строго отличать отъ вѣры, какъ внутренняго настроенія, вовсе не подлежащаго дѣйствію государства, то и оно относится къ числу государственныхъ потребностей, ибо народъ, исповѣдующій извѣстную религію, признаетъ себя подданнымъ высшей, невидимой власти, которая можетъ придти въ столкновеніе съ властью гражданской. Однако государству не принадлежитъ здѣсь

---

*) Rechtl. II Th. All. Anm. B.

право внутренняго законодательства, которое должно быть предоставлено учителямъ церкви; оно имѣетъ единственно отрицательное право устранять вредныя влiянiя церковныхъ установленiй на гражданскiй бытъ. Поэтому оно въ правѣ прекращать внутреннiе раздоры, угрожающiе общественной безопасности, не вмѣшиваясь однако въ распри сектъ и въ вопросы внутреннихъ преобразованiй, что было бы несогласно съ его достоинствомъ. Самое содержанiе церкви должно лежать не на государствѣ, а на общинѣ вѣрующихъ *).

Всѣ эти положенiя Канта весьма неопредѣленны и неудовлетворительны. Вообще, онъ оказывается слабымъ въ обсужденiи политическихъ вопросовъ. Мы увидимъ у другихъ писателей той же школы гораздо болѣе послѣдовательное проведенiе началъ юридическаго государства.

Наконецъ, Кантъ полагаетъ свою политическую теорiю въ основанiе своихъ воззрѣнiй на международное право. Категорическiй императивъ предписываетъ людямъ непремѣнное вступленiе въ гражданскiй порядокъ. Естественное состоянiе само по себѣ есть безправiе. Если даже человѣкъ, въ немъ находящiйся, не нарушаетъ непосредственно чужаго права, то самое его положенiе есть уже нарушенiе права, ибо это — состоянiе беззаконiя, которое не представляетъ никакихъ гарантiй для мирнаго сожительства **). Тоже самое относится и къ народамъ. Всѣ они живутъ на одномъ земномъ шарѣ, который, по идеѣ, составляетъ общее достоянiе всѣхъ; слѣдо-

---

*) Rechtslehre, II Th. Allg. Anm. C.

**) Rechtsl. II Th. 2 Abschn. § 54; Zum ew. Fried. 2 Abschn. примѣч.

вательно, для опредѣленія правъ каждаго, необходимо соединеніе ихъ въ одно государство (civitas gentium) и подчиненіе ихъ общей власти. Но подобное требованіе встрѣчаетъ неодолимыя препятствія на практикѣ. Съ одной стороны, управленіе столь разнообразными племенами, разсѣянными по всему земному пространству, слишкомъ затруднительно, съ другой стороны, державныя правительства не согласятся подчиниться высшей власти. Поэтому можно ограничиться формою свободнаго союза, единственно возможною въ международныхъ отношеніяхъ *). Установленіе всемірнаго союза государствъ есть непремѣнное требованіе права. Оно одно можетъ дать окончательную правомѣрность человѣческимъ учрежденіямъ, которыя безъ того всегда сохраняютъ временный характеръ. Этимъ только путемъ можно достигнуть и высшей цѣли всего политическаго порядка — вѣчнаго мира; и хотя эта идея, при настоящемъ состояніи обществъ, представляется только мечтою, но стремленіе къ ней и употребленіе всѣхъ средствъ для ея достиженія есть непремѣнный долгъ всякаго человѣка. Это — категорическій императивъ практическаго разума, который гласитъ, что между людьми не должно быть войны. Поэтому тутъ нѣтъ мѣста для сомнѣній **).

Кантъ въ особой статьѣ изложилъ и самыя условія вѣчнаго мира. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣютъ характеръ предварительный, другія окончательный. Къ первымъ относятся: 1) запрещеніе пріобрѣтать государства частными способами, какъ-то: наслѣд-

---

*) Rechtsl. II Th. 2 Abschn. § 61; Zum ew. Fried. 2 Abschn. II Art.
**) Rechtsl. II Th. 2 Abschn. § 61; II Th. Beschluss.

ствомъ, куплею, мѣною; ибо государство не есть частное имущество, которымъ правительство можетъ располагать по усмотрѣнію. Подобныя сдѣлки прямо противорѣчатъ идеѣ первобытнаго договора, въ силу котораго существуетъ самое государство. 2) Уничтоженіе, по мѣрѣ возможности, постоянныхъ войскъ, которыя грозятъ вѣчною опасностью сосѣдямъ. 3) Запрещеніе заключать займы для внѣшнихъ войнъ. 4) Запрещеніе одному государству вмѣшиваться во внутреннія дѣла другаго. На это нѣтъ никакого основанія, ибо дурной примѣръ, подаваемый подданными сосѣдняго государства, не есть нарушеніе права; скорѣе, это можетъ служить предостереженіемъ для другихъ. 5) Запрещеніе употреблять на войнѣ средства, уничтожающія взаимное довѣріе при будущихъ отношеніяхъ, какъ-то: убійства, отравы, нарушенія капитуляцій, возбужденіе измѣны и т. п. *). Что касается до окончательныхъ условій, то первое заключается въ томъ, что во всѣхъ государствахъ должно быть введено республиканское устройство, не только потому, что оно единственное правомѣрное, но и потому, что оно одно можетъ ручаться за сохраненіе вѣчнаго мира; ибо народъ, который долженъ самъ нести всѣ тяжести войны, всего менѣе можетъ быть склоненъ начинать ее по легкомысленному поводу. Подъ именемъ республиканскаго устройства Кантъ разумѣетъ, однако, какъ уже было сказано выше, не демократію, а отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной. Вторая статья вѣчнаго мира состоитъ въ томъ, что международное право должно быть основано на союзѣ свободныхъ государствъ.

---

*) Zum ew. Fried. 1 Abschn.

Наконецъ, третья статья ограничиваетъ право всемiрнаго гражданства условiями взаимнаго гостепрiимства: каждый человѣкъ, обладая первоначально одинакимъ со всѣми другими правомъ на всякое мѣсто на земномъ пространствѣ, долженъ имѣть право требовать, чтобы вездѣ, куда бы онъ ни прибылъ, съ нимъ не обходились непрiязненно, а вступали бы съ нимъ въ правомѣрныя отношенiя *).

Какое же ручательство, спрашиваетъ Кантъ, имѣемъ мы въ возможности достиженiя этой идеи вѣчнаго мира, составляющей для насъ нравственную обязанность? Это ручательство даетъ намъ сама природа, которая въ своихъ механическихъ дѣйствiяхъ руководится внутренними цѣлями. Она, прежде всего, дала людямъ возможность жить въ самыхъ пустынныхъ краяхъ и, такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, разсѣяла ихъ по всему земному шару. Она же, побужденiемъ собственнаго ихъ интереса, заставила ихъ болѣе или менѣе повсюду вступить въ гражданское состоянiе. Гдѣ къ этому не привели внутреннiя неурядицы, тамъ необходимость соединенiя была вызвана внѣшнею войной. Не только нравственное совершенствованiе человѣка, но самый механизмъ природы, борьба самолюбивыхъ наклонностей, требуетъ водворенiя правомѣрныхъ отношенiй между людьми; единственное же устройство, вполнѣ соотвѣтствующее требованiямъ права, есть устройство республиканское. Затѣмъ, въ видахъ установленiя свободнаго союза государствъ, природа раздѣлила народы различiемъ языка и религiи, что, правда, иногда ведетъ къ взаимной ненависти и войнѣ,

---

*) Zum ew. Fried. 2 Abschn.

но при развитіи просвѣщенія должно привести къ установленію свободнаго согласія въ основныхъ началахъ человѣческой жизни. Наконецъ, раздѣливши народы такъ, что они не могутъ сплотиться въ одно государство, природа, съ другой стороны, связала ихъ духомъ торговли, который, будучи основанъ на взаимной пользѣ, сильнѣйшимъ образомъ скрѣпляетъ связь самыхъ отдаленныхъ племенъ *).

Въ заключеніе Кантъ, подобно Платону, присоединяетъ къ условіямъ вѣчнаго мира тайную статью, въ силу которой ученія философовъ относительно возможности общественнаго мира должны быть предметомъ совѣщаній въ государствахъ, готовящихся къ войнѣ. Кантъ считаетъ, впрочемъ, достаточнымъ дозволить философамъ свободно проповѣдывать свои мысли, не обязывая правительства непремѣнно имъ слѣдовать **).

Такимъ образомъ, соглашеніе противоположностей, идеала и дѣйствительности, предоставляется исторіи. Въ *Критикѣ практическаго разума*, въ приложеніи къ отдѣльному человѣку, эта задача разрѣшалась постулатомъ Божественнаго Разума, направляющаго природу къ своимъ цѣлямъ. Здѣсь, вмѣсто того является понятіе о природѣ, дѣйствующей по внутреннимъ, присущимъ ей цѣлямъ. Это была та точка зрѣнія, которую Кантъ развивалъ въ *Критикѣ разсудка* (Kritik des Urtheilskraft), гдѣ онъ собственно вышелъ уже изъ предѣловъ скептическаго идеализма и старался сочетать противоположныя начала въ одно гармоническое цѣлое. Въ этомъ послѣднемъ

*) Zum ew. Fried. 2 Abschn. 1 Zusatz.
*) Zum ew. Fried. 2 Abschn. 2 Zusatz.

произведеніи понятіе о внутренней цѣли прилагалось только къ началамъ изящнаго и къ познанію органическихъ произведеній природы; въ статьѣ *О вѣчномъ мирѣ* оно прилагается и къ исторіи. Все здѣсь ограничивается, однако, лишь слабыми указаніями. Тѣ ручательства, на которыя ссылается Кантъ въ пользу осуществленія идеи вѣчнаго мира, далеко не достаточны. Необходимость мирнаго сожительства въ отдѣльныхъ обществахъ не влечетъ еще за собою водворенія правомѣрнаго порядка въ цѣломъ человѣчествѣ, ибо здѣсь условія совершенно иныя. Установленное самою природою раздѣленіе народовъ препятствуетъ не только сліянію ихъ въ одно государство, но и союзному устройству; торговыя же сношенія, связывая людей общими интересами, не устраняютъ возможности столкновеній.

Съ большею подробностью Кантъ развиваетъ туже мысль въ другой небольшой статьѣ, вышедшей еще въ 1784 году, за шесть лѣтъ до появленія *Критики разсудка*, именно, въ *Идеѣ всеобщей исторіи во всемірно-гражданскомъ отношеніи* (Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht). Онъ исходитъ здѣсь изъ той мысли, что каково бы ни было понятіе о человѣческой свободѣ, *явленія* этой свободы, какъ всѣ явленія міра, должны подлежать общимъ законамъ. Даже то, что, повидимому, всего болѣе зависитъ отъ произвола, на дѣлѣ оказывается подчиненнымъ извѣстнымъ, постояннымъ правиламъ. Такъ, напримѣръ, статистика доказываетъ, что браки, рожденія и смерти повторяются ежегодно въ такомъ же правильномъ порядкѣ, какъ и явленія погоды, которыя, при всемъ своемъ кажущемся непостоянствѣ, слѣдуютъ опредѣленнымъ физическимъ зако-

намъ и поддерживаютъ неизмѣнное движеніе естественныхъ силъ. Отдѣльные люди и даже цѣлые народы въ своихъ дѣйствіяхъ направляются частными своими побужденіями; но они безсознательно служатъ общимъ цѣлямъ природы, которыя достигаются въ преемственномъ движеніи поколѣній. Такимъ образомъ, хотя дѣйствія людей въ исторіи, повидимому, представляютъ только случайную игру безумства и страстей, отъ которой изслѣдователь готовъ отвернуться съ негодованіемъ, однако, подъ этимъ безсмысленнымъ движеніемъ, лишеннымъ всякой предначертанной цѣли, философъ можетъ открыть *общую цѣль природы*, связывающую исторію въ одно опредѣленное цѣлое.

Не пытаясь самъ написать философію исторіи по этому плану, Кантъ ограничивается нѣкоторыми положеніями, которыя должны служить ей основаніемъ. Первый законъ, который заимствуется изъ телеологическаго ученія о природѣ, состоитъ въ томъ, что всѣ естественныя способности извѣстнаго существа предназначены къ тому, чтобы когда-нибудь достигнуть полнаго и цѣлесообразнаго развитія. Этотъ законъ подтверждается наблюденіями надъ всѣми органическими существами. Органъ, не имѣющій назначенія, или порядокъ безъ цѣли являются противорѣчіемъ въ системѣ естественныхъ опредѣленій. Устранивши телеологическое начало, мы, вмѣсто природы, дѣйствующей по опредѣленнымъ законамъ, получимъ только безсмысленную игру случая *). Въ приложеніи къ человѣку, развитіе разумныхъ его способностей возможно только въ цѣломъ

*) Idee zu ein. allg. Gesch. 1 Satz.

родѣ, а не въ отдѣльныхъ особяхъ. Ибо разумъ есть способность, простирающаяся далеко за предѣлы отдѣльной человѣческой жизни. Нужно безчисленное множество слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, чтобы довести его до полноты развитія. И эта задача должна, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, быть цѣлью всѣхъ человѣческихъ стремленій, ибо иначе надобно признать, что разумныя способности даны намъ напрасно, и что природа, которой мудрость открывается во всемъ остальномъ, относительно одного человѣка повинна въ дѣтской игрѣ безсмысленными призраками *). Одаривши человѣка разумомъ и неразлучною съ нимъ свободною волей, природа хотѣла, чтобы онъ самъ изъ себя произвелъ все то, что возвышаетъ его надъ механическимъ порядкомъ животной жизни. Для этого она дала ему самыя скудныя физическія средства и поставила величайшія препятствія его развитію, какъ будто бы цѣль ея состояла не въ томъ, чтобы онъ жилъ счастливо, а въ томъ, чтобы онъ своимъ трудомъ сдѣлался достойнымъ счастія. При этомъ оказывается, что раннія поколѣнія какъ будто бы существуютъ единственно для того, чтобы приготовить путь позднѣйшимъ, которыя одни призваны наслаждаться плодами трудовъ своихъ предшественниковъ. Это столь загадочное явленіе представляется, однако, необходимымъ, какъ скоро мы признаемъ, что извѣстный родъ животныхъ, котораго всѣ особи смертны, но который, какъ родъ, безсмертенъ, долженъ быть одаренъ разумомъ и предназначенъ къ достиженію полнаго развитія своихъ способностей **).

*) Idee zu ein allg. Gesch. 2 Satz.

**) Тамъ же.

Средство, употребленное природою для развитія человѣческихъ силъ, состоитъ въ ихъ *противоборствѣ,* которое, въ концѣ концовъ, становится причиною законнаго порядка въ обществѣ. Въ естествѣ человѣка лежатъ противоположныя другъ другу влеченія: съ одной стороны, къ общежитію, потому что здѣсь только развиваются его способности, съ другой стороны, къ обособленію, потому что каждый все хочетъ дѣлать по-своему и для себя, вслѣдствіе чего онъ встрѣчаетъ въ другихъ противодѣйствіе и самъ противодѣйствуетъ всѣмъ другимъ. Но это противодѣйствіе именно и возбуждаетъ силы человѣка; оно служитъ главною пружиною развитія. Такимъ образомъ, человѣкъ хочетъ согласія, а природа, лучше зная, что ему нужно, хочетъ раздора. Человѣкъ хочетъ жить счастливо, а природа поставляетъ ему безчисленныя преграды, чтобы заставить его изыскивать средства ихъ преодолѣвать *).

Какова же конечная цѣль, къ которой природа ведетъ человѣка? Эта цѣль есть установленіе вполнѣ правомѣрнаго гражданскаго общества, ибо высшее развитіе человѣческихъ способностей возможно только при такомъ устройствѣ, гдѣ полнѣйшая свобода сочетается съ точнымъ законнымъ опредѣленіемъ ея границъ. Вступить въ гражданское состояніе заставляетъ человѣка нужда, притомъ сильнѣйшая изъ всѣхъ нуждъ, та, которая возникаетъ изъ противоборства человѣческихъ наклонностей. Тоже противоборство и въ гражданскомъ состояніи служитъ главнымъ орудіемъ совершенствованія, ибо противообщественныя влеченія сами собою принуждены

---

*) Тамъ же, 4 Satz.

подчиняться дисциплинѣ и служить высшему порядку *). Однако, эта задача есть вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшая, какая только предстоитъ человѣку, а потому она можетъ быть разрѣшена позднѣе всѣхъ другихъ. Трудность заключается въ томъ, что человѣкъ есть животное, которое, при общенiи съ себѣ подобными, нуждается въ господинѣ. Хотя разумъ и говоритъ ему, что онъ долженъ подчинять свою свободу общему закону, но самолюбивыя наклонности побуждаютъ его безпрерывно нарушать законъ и злоупотреблять своею свободою въ отношенiи къ другимъ. Поэтому ему нуженъ господинъ, который бы его сдерживалъ. Но этотъ владыка самъ можетъ быть только человѣкомъ, а потому самъ, въ свою очередь, нуждается въ господинѣ. Такимъ образомъ, здѣсь оказывается неразрѣшимое противорѣчiе: облеченный верховною властью долженъ быть безусловно справедливъ, а между тѣмъ онъ долженъ оставаться человѣкомъ. Изъ этого ясно, что полное разрѣшенiе задачи немыслимо; возможно только постепенное къ ней приближенiе **).

Установленiе правомѣрнаго государственнаго порядка зависитъ, впрочемъ, не отъ одного устройства власти, но и отъ правомѣрныхъ внѣшнихъ отношенiй; ибо къ чему служитъ обезпеченiе законной свободы въ отдѣльномъ государствѣ, когда въ отношенiяхъ государствъ между собою господствуетъ полнѣйшее беззаконiе? И здѣсь природа употребляетъ неизбѣжное противоборство силъ и стремленiй, чтобы окончательно достигнуть мира и порядка.

---

*) Idee zu ein. allg. Gesch. 5 Satz.

**) Тамъ же, 6 Satz.

Путемъ безчисленныхъ войнъ, страданій и опустошеній она приводитъ человѣка къ той простой истинѣ, что въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ, надобно отказаться отъ необузданной и беззаконной свободы дикихъ племенъ и искать обезпеченія права въ общемъ союзѣ народовъ. Эта мысль, которая кажется мечтательною, когда ее проповѣдуютъ въ близкомъ будущемъ, представляетъ неизбѣжный исходъ, къ которому человѣчество должно окончательно придти въ силу обстоятельствъ и по свойствамъ собственной его природы. Всѣ войны и завоеванія, въ сущности, ничто иное, какъ попытки установить между государствами новыя отношенія силъ, которыя въ концѣ концовъ должны привести ко всеобщему ихъ равновѣсію *).

Должны ли мы считать это движеніе исторіи случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ или усматривать въ немъ общій планъ природы, ведущей человѣка на высшую ступень развитія? Этотъ вопросъ сводится къ тому: разумно ли признавать цѣлесообразность природы въ частностяхъ и отрицать эту цѣлесообразность въ цѣломъ? Какъ безпорядочное состояніе дикихъ само собою, вслѣдствіе противоборства силъ, принуждено было превратиться въ законный и гражданскій бытъ, такъ и варварская свобода народовъ должна, наконецъ, въ силу того же начала дѣйствія и противодѣйствія силъ, привести къ ихъ равновѣсію. Но прежде, нежели это совершится, человѣчество должно пройти черезъ величайшія страданія, и Руссо не такъ былъ неправъ, когда онъ нынѣшнему просвѣщенію предпочиталъ

*) Idee zu eiñ. allg. Gesch. 7 Satz.

состояніе дикихъ. Современной цивилизаціи недостаетъ еще нравственнаго элемента, безъ котораго все кажущееся добро есть ничто иное, какъ пустой призракъ и блестящее бѣдствіе. Достигнуть же высшаго развитія нравственности невозможно при томъ хаотическомъ состояніи международныхъ отношеній, которое существуетъ въ настоящее время *).

Такимъ образомъ, заключаетъ Кантъ, можно разсматривать всемірную исторію, какъ исполненіе скрытаго плана природы, ведущаго насъ къ осуществленію совершеннаго государственнаго устройства, какъ единственнаго состоянія, въ которомъ всѣ способности человѣка могутъ получить полное развитіе. Спрашивается: подтверждаетъ ли опытъ этотъ взглядъ на конечныя цѣли природы? Можно отвѣчать: отчасти; ибо пройденный путь даетъ намъ слишкомъ еще мало данныхъ для того, чтобы судить о цѣломъ круговращеніи, подобно тому, какъ изъ сдѣланныхъ доселѣ наблюденій надъ движеніемъ всей солнечной системы невозможно еще вывести точнаго опредѣленія ея орбиты. Но того, что мы знаемъ, въ связи съ общимъ, систематическимъ воззрѣніемъ на порядокъ мірозданія, достаточно, чтобы убѣдить насъ въ дѣйствительности этого хода. И теперь уже отношенія государствъ таковы, что каждое, волею или неволею, принуждено не отставать отъ другихъ въ просвѣщеніи; войны дѣлаются менѣе суровыми и болѣе затруднительными; гражданская свобода расширяется болѣе и болѣе. Между тѣмъ, человѣку свойственно питать глубокій интересъ даже къ отдаленнымъ цѣлямъ своего рода,

---

*) Idee zu ein. allg. Gesch. 7 Satz.

особенно когда съ этимъ связано и усовершенствованіе настоящаго его состоянія. Поэтому философская попытка написать всемірную исторію съ этой точки зрѣнія имѣетъ для насъ существенную важность. То, что съ перваго взгляда кажется только случайнымъ сцѣпленіемъ человѣческихъ дѣйствій, должно быть связано въ общую систему. Это можетъ служить и лучшимъ оправданіемъ природы, или Провидѣнія; ибо какая польза въ прославленіи мудрости творенія въ неразумной природѣ, когда поприще человѣческой дѣятельности представляетъ только безсмысленную игру произвола? *)

Въ этихъ мысляхъ Канта заключаются истинныя начала философіи исторіи. Онъ понялъ всемірную исторію, какъ разумное движеніе, направляемое внутреннею цѣлью, стремленіемъ къ полному и согласному развитію всѣхъ способностей человѣка, посредствомъ борьбы противоположныхъ началъ. Кантъ ограничился, впрочемъ, этими положеніями, предоставляя подробное ихъ развитіе своимъ преемникамъ.

Ученіе Канта открываетъ собою новую эпоху въ исторіи человѣческой мысли. Два параллельныя русла, по которымъ шло философское движеніе идей, сводятся въ единое широкое теченіе. Вмѣсто одностороннихъ взглядовъ является полнота пониманія. Кантъ неопровержимымъ образомъ доказалъ присутствіе въ человѣкѣ двухъ противоположныхъ элементовъ, общаго и частнаго, разумнаго и чувственнаго, изъ которыхъ слагается вся жизнь человѣка. Послѣ него эта истина не подлежитъ уже

---

*) Тамъ же, 8 und 9 Satz.

сомнѣнію для всякаго философски образованнаго ума. Въ области познанія, сенсуалистическимъ теоріямъ, все производившимъ изъ опыта, онъ противопоставилъ ту простую мысль, что познающій разумъ связываетъ получаемыя имъ впечатлѣнія не иначе, какъ на основаніи собственныхъ своихъ законовъ; въ практической сферѣ, онъ опровергъ эгоистическія ученія указаніемъ на столь же простую истину, что разумъ, какъ общее начало, требуетъ отъ всякаго разумнаго существа, чтобы оно руководствовалось въ своихъ дѣйствіяхъ не личными побужденіями, а общимъ закономъ. Это и есть источникъ всякой нравственности. Такимъ образомъ, познаніе получается изъ двухъ противоположныхъ источниковъ, изъ разума и чувствъ, воля слагается изъ двухъ противоположныхъ началъ, изъ разума и влеченій. Одинъ элементъ даетъ намъ матеріалъ познанія и дѣятельности, другой сообщаетъ этому матеріалу форму, то есть, связываетъ его въ одно систематическое цѣлое, и руководящія имъ при этомъ идеи переноситъ въ самую жизнь.

Но показавши, посредствомъ глубокаго и тонкаго анализа человѣческихъ способностей, присутствіе двухъ противоположныхъ элементовъ въ душѣ человѣка, Кантъ не дошелъ до пониманія взаимнаго ихъ отношенія. Стоя на скептической точкѣ зрѣнія, онъ даже объявилъ связь ихъ непостижимою для разума. Отсюда главные недостатки его ученія, недостатки, которые оказываются въ особенности при изслѣдованіи практическихъ сторонъ человѣческой жизни. И здѣсь, однако, у него являются зачатки болѣе полнаго пониманія вещей. Въ изслѣдованіи эстетическихъ понятій, въ телеологическомъ ученіи

о естественныхъ организмахъ, наконецъ, въ воззрѣніяхъ на исторію человѣчества, онъ возвышается надъ чисто субъективною точкою зрѣнія и указываетъ на начало внутренней цѣли, сводящей противоположные элементы къ конечному единству. Но эти проблески остались у него свѣтлыми точками, которыя имѣли мало вліянія на совокупность системы. Дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей было дѣломъ послѣдующихъ философовъ, которые, исходя изъ началъ, положенныхъ Кантомъ, выработали изъ нихъ цѣльное, объективное міросозерцаніе, основанное на сочетаніи противоположностей.

11. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГУМБОЛЬДТЪ.

Воззрѣніе Канта на государство, какъ на чисто юридическое установленіе, имѣющее единственною цѣлью охраненіе права, породило цѣлую школу писателей. Но нигдѣ оно не выразилось съ такою ясностью и послѣдовательностью, какъ въ небольшомъ сочиненіи, написанномъ въ молодости однимъ изъ знаменитыхъ людей Германіи, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ. Это сочиненіе носитъ заглавіе: *Идеи для опыта опредѣленія границъ дѣятельности государства* (Ideen zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen). Оно было писано въ началѣ 1792-го года, вслѣдствіе разговоровъ Гумбольдта съ Майнцскимъ коадъюторомъ Дальбергомъ, который побуждалъ его изложить свои мысли на бумагѣ. Но при жизни автора былъ напечатанъ только отрывокъ въ журналѣ Шиллера *Талія*. Гумбольдтъ сначала былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ

произведеніемъ и хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя поправки, а потому откладывалъ изданіе. Впослѣдствіи же онъ совершенно измѣнилъ свои убѣжденія и предался другимъ занятіямъ. Поэтому означенное сочиненіе осталось въ его портфелѣ. Только въ позднѣйшее время, въ 1851-мъ году, оно появилось въ печати и обратило на себя общее вниманіе, не только какъ произведеніе знаменитаго ученаго и государственнаго человѣка, но и потому, что здѣсь обстоятельно обсуждается вопросъ, который составляетъ предметъ преній даже и въ настоящее время. Это побуждаетъ и насъ посвятить этой книгѣ болѣе подробный разборъ, нежели она заслуживаетъ по своему значенію въ исторіи политической мысли.

Задача, которую полагаетъ себѣ Гумбольдтъ, состоитъ въ опредѣленіи истинной цѣли государства и границъ его дѣятельности. Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, доселѣ мало обращалъ на себя вниманіе писателей и государственныхъ людей. Почти всѣ занимались исключительно изученіемъ политическихъ формъ, отношенія властей, степени участія гражданъ въ дѣйствіяхъ правительства. Между тѣмъ, устройство власти, очевидно, служитъ только средствомъ для достиженія государственныхъ цѣлей. Изслѣдованіе послѣднихъ и опредѣленіе границъ государственной дѣятельности поэтому важнѣе всѣхъ другихъ политическихъ вопросовъ. Оно плодотворнѣе и въ приложеніи къ практикѣ. Перемѣны образовъ правленія зависятъ отъ переворотовъ, которыхъ успѣхъ опредѣляется, большею частью, случайными обстоятельствами. Ввести же дѣятельность государства въ истинныя границы можетъ всякій правитель, какова бы ни была его власть. Тутъ все зависитъ отъ

медленнаго развитія просвѣщенія, а не отъ разрушительныхъ катастрофъ. И если видъ народа, который, въ сознаніи своихъ правъ, разрываетъ свои оковы, способенъ возвысить человѣческую душу, то еще привлекательнѣе видъ князя, который, въ сознаніи своего долга, самъ даруетъ свободу своимъ подданнымъ, тѣмъ болѣе, что свобода, которая получается этимъ путемъ, относится къ политической свободѣ, пріобрѣтаемой революціями, какъ созрѣвшій плодъ къ первому зачатку *).

Писатели по государственному праву не разъ уже, впрочемъ, ставили вопросъ: должно ли государство положить себѣ цѣлью одну безопасность или вообще физическое и нравственное благосостояніе народа? Опасенія за свободу побуждали ихъ иногда рѣшать этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, но вообще можно сказать, что воззрѣніе послѣдняго рода господствуетъ какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Однако, эта задача далеко еще не можетъ считаться рѣшенною; она требуетъ еще тщательнаго изслѣдованія. Чтобы дойти здѣсь до сколько-нибудь твердыхъ результатовъ, надобно начать съ отдѣльнаго человѣка и высшихъ цѣлей его существованія.

Истинная цѣль человѣка, не та, которая указывается ему измѣнчивыми наклонностями, а та, которая предписывается ему вѣчнымъ и неизмѣннымъ разумомъ, состоитъ въ высшемъ и гармоническомъ развитіи его силъ. Первое условіе для этого есть свобода. Другое условіе, тѣсно связанное съ свободою, заключается въ разнообразіи положеній, которымъ вызывается развитіе различныхъ сторонъ че-

*) Ideen etc. Einleit.

ловѣческаго духа. Сюда принадлежитъ, въ особенности, разнообразіе людскихъ связей и отношеній, вслѣдствіе котораго каждый, на основаніи собственнаго развитія, усвоиваетъ себѣ чужое. Изъ этого самобытнаго усвоенія окружающаго многообразія рождается оригинальность, или особенность силы и образованія — высшее, къ чему можетъ стремиться человѣкъ, главный залогъ его величія; ибо въ этомъ проявляется полное и гармоническое сочетаніе двухъ основныхъ элементовъ человѣческой жизни, матеріи и формы, чувственности и идеи. Чѣмъ разнообразнѣе и тоньше матерія, тѣмъ больше внутренняя сила и тѣмъ крѣпче связь; чѣмъ болѣе чувства и идеи проникаютъ другъ друга, тѣмъ выше становится человѣкъ. На этомъ вѣчномъ сочетаніи матеріи и формы, разнообразія и единства, основано сліяніе двухъ соединяющихся въ человѣкѣ естествъ, а на этомъ сліяніи, въ свою очередь, зиждется его величіе. Поэтому высшимъ идеаломъ человѣческаго сожительства представляется такой порядокъ, въ которомъ каждый развивается единственно изъ себя и для себя, самобытно усвоивая себѣ все чужое. А изъ этого слѣдуетъ далѣе, что разумъ можетъ ставить цѣлью человѣку лишь такое состояніе, гдѣ не только каждое отдѣльное лице пользуется неограниченною свободою развиваться изъ себя въ своей самобытности, но и самая физическая природа получаетъ отъ рукъ человѣческихъ ту печать, которую самовольно налагаетъ на нее каждое лице по мѣрѣ своихъ потребностей и своихъ наклонностей, ограничиваясь единственно предѣлами своей силы и своего права. Таково коренное правило, отъ котораго разумъ никогда не долженъ отсту-

пать и котораго всегда должна держаться политика *).

Исходная точка Гумбольдта, какъ видно, чисто индивидуалистическая, хотя индивидуализмъ получаетъ здѣсь совершенно иной характеръ, нежели у писателей англо-французской школы. Тутъ нѣтъ рѣчи о правахъ человѣка, о личномъ удовлетвореніи, о стремленіи къ счастію. Сообразно съ началами идеализма, высшею задачею человѣка полагается гармоническое сочетаніе двухъ противоположныхъ элементовъ, составляющихъ его природу. Но эта цѣль не выходитъ еще изъ предѣловъ личности. Тутъ не разбирается даже вопросъ: возможно ли человѣку достигнуть полнаго развитія своихъ силъ и способностей иначе, какъ въ служеніи высшимъ, объективнымъ цѣлямъ, которыя осуществляются совокупными силами людей въ общественныхъ союзахъ, гдѣ отдѣльное лице является подчиненнымъ членомъ? Идея сочетанія противоположныхъ элементовъ во имя высшей гармоніи бытія неизбѣжно должна была привести философскую мысль къ общимъ, объективнымъ началамъ, а потому и къ подчиненію личныхъ цѣлей общественнымъ; но это было дѣломъ дальнѣйшаго движенія науки. Гумбольдтъ же стоитъ на чисто субъективной точкѣ зрѣнія Канта.

Это основное положеніе, нисколько, впрочемъ, не доказанное, но прямо заимствованное изъ господствующаго направленія мысли, опредѣляетъ и весь взглядъ Гумбольдта на дѣятельность государства. Съ этой точки зрѣнія онъ рѣшаетъ вопросъ, составляющій предметъ его изслѣдованія. Цѣль государства,

*) Ideen etc. II.

говоритъ онъ, можетъ быть двоякая: отрицательная, состоящая въ устраненіи зла или въ установленіи безопасности, и положительная, заключающаяся въ содѣйствіи благосостоянію гражданъ. Всѣ мѣры послѣдняго рода, какъ-то: заботы о народонаселеніи, о продовольствіи, о промышленности, призрѣніе бѣдныхъ, устраненіе вреда, наносимаго природою, однимъ словомъ, всѣ мѣры, имѣющія въ виду физическое благосостояніе гражданъ, которое обыкновенно составляетъ главный предметъ попеченія правительствъ, по увѣренію Гумбольдта, вредны, а потому не соотвѣтствуютъ истиннымъ цѣлямъ политики.

Доказательства приводятся слѣдующія: 1) вмѣшательство государства налагаетъ на всѣ отрасли жизни печать однообразія, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ первое условіе развитія человѣческихъ способностей — многосторонность отношеній. Всемогущее вліяніе правительства уничтожаетъ свободную игру силъ. Вмѣсто разнообразія и дѣятельности, которыя долженъ имѣть въ виду человѣкъ, государство стремится водворить благосостояніе и покой. Черезъ это граждане пріобрѣтаютъ наслажденіе благами въ ущербъ внутреннему развитію.

Отсюда слѣдуетъ, 2) что подобная политика ведетъ къ упадку народныхъ силъ. Матерія тогда только достигаетъ высшей красоты и полноты, когда она связывается формою, вырабатывающеюся изъ нея самой; напротивъ, она умаляется, когда форма налагается на нее извнѣ. Точно также и въ человѣкѣ преуспѣваетъ только то, что посѣяно и выросло въ немъ самомъ. Разумъ, какъ и всѣ другія способности, изощряется собственною дѣятельностью и изобрѣтательностью. Между тѣмъ, распоряженія пра-

вительства всегда влекутъ за собою принужденіе и пріучаютъ людей болѣе надѣяться на чужую помощь и на чужое руководство, нежели на собственный трудъ. Еще болѣе страдаютъ отъ этого практическая энергія и нравственный характеръ гражданъ. Кого часто водятъ на помочахъ, тотъ охотно жертвуетъ и остаткомъ самостоятельности. Онъ избавляетъ себя отъ заботы, которую принимаютъ на себя другіе, и слѣпо слѣдуетъ чужому внушенію. Черезъ это извращаются всѣ его понятія о заслугѣ и винѣ; все это скидывается на чужія плечи. Если притомъ, какъ обыкновенно случается, онъ не совсѣмъ вѣритъ въ чистоту намѣреній правительства, то умаляется не только сила, но и нравственныя качества характера. Гражданинъ считаетъ себя свободнымъ отъ всякой обязанности, которая не прямо возлагается на него государствомъ. Онъ старается обойти самый законъ и цѣнитъ, какъ пріобрѣтеніе, всякую удачную попытку ускользнуть отъ его предписаній. Наконецъ, этимъ ослабляется и то участіе, которое граждане принимаютъ другъ въ другѣ. Всякій возлагаетъ на правительство попеченіе о чужой судьбѣ и избавляетъ себя отъ обязанности помогать ближнему. Черезъ это ослабѣваютъ не только гражданскія, но и семейныя связи. Правда, человѣкъ, предоставленный самому себѣ, безъ заботливаго попеченія правительства, можетъ подвергнуться бѣдѣ; но именно это изощряетъ человѣческія способности. Счастіе, предназначенное человѣку, есть то, которое онъ можетъ получить собственными усиліями. Люди не уходятъ отъ бѣдствій и при попеченіи правительства; но разница въ томъ, что, не привыкши къ самодѣятельности, они, при наступленіи несчастій, нахо-

дятся въ гораздо худшемъ положеніи. Даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, государства, въ своихъ заботахъ о благосостояніи подданныхъ, похожи на врачей, которые поддерживаютъ болѣзнь, отдаляя смерть.

3) Всякое занятіе человѣка, даже физическое, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ внутренними чувствами. Послѣднія имѣютъ для него гораздо высшее значеніе, нежели всѣ тѣ внѣшнія цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ. Поэтому человѣкъ дѣлаетъ хорошо только то, къ чему онъ чувствуетъ влеченіе, и самъ онъ возвышается безмѣрно, когда внутренняя его сущность становится первымъ источникомъ и конечною цѣлью всей его дѣятельности. Но необходимое для этого условіе есть свобода. Все вынужденное всегда остается человѣку чуждымъ. Между тѣмъ, когда государство беретъ на себя попеченіе о благосостояніи гражданъ, оно можетъ имѣть въ виду одни результаты; человѣческія же силы являются для него только средствомъ; лице превращается въ орудіе. Особенно вредною оказывается эта ограниченная точка зрѣнія тамъ, гдѣ цѣль дѣятельности чисто умственная или нравственная, напримѣръ, въ научныхъ изслѣдованіяхъ, въ религіи, въ семейныхъ отношеніяхъ. Поэтому, вмѣшательство закона въ брачныя дѣла должно бы быть совершенно устранено. Бракъ есть союзъ, вполнѣ основанный на взаимной наклонности; внѣшнее принужденіе тутъ совершенно неумѣстно. Нечего при этомъ опасаться разрушенія семейнаго быта; опытъ показываетъ, что нравы связываютъ тамъ, гдѣ законъ разрѣшаетъ. Можно положительно сказать, что свободныя влеченія людей могутъ служить здѣсь совершенно доста-

точнымъ побужденіемъ какъ для устройства, такъ и для поддержанія союза.

4) Попеченіе государства всегда относится къ разнородной массѣ, а потому принятіе общихъ мѣръ всегда сопровождается значительными ошибками *).

5) Этимъ поставляется преграда развитію индивидуальности и особенностей человѣка, которое, какъ сказано, составляетъ высшую его задачу. Общежитіе должно вести къ тому, чтобы особенности одного восполнялись особенностями другихъ, а не къ тому, чтобы всѣ подводились подъ одинъ уровень. Между тѣмъ, дѣятельность государства влечетъ за собою именно послѣднее.

6) Вслѣдствіе такого расширенія цѣли, самое управленіе государствомъ становится несравненно сложнѣе. Нужно больше средствъ и больше людей. Умственныя силы народа отвлекаются отъ полезныхъ занятій для государственной службы. Создается обширная бюрократія, отдѣленная отъ народа, имѣющая свои особые интересы и заботящаяся болѣе о формѣ, нежели о сущности дѣла. При такомъ сложномъ управленіи необходимъ и самый бдительный контроль; поэтому стараются проводить дѣла черезъ возможно большее число рукъ. Вслѣдствіе этого дѣлопроизводство усложняется и обращается въ чистый механизмъ, гдѣ люди играютъ роль машинъ. Канцелярскій порядокъ преобладаетъ надъ всѣмъ, а свобода гражданъ уменьшается все болѣе и болѣе.

Въ результатѣ выходитъ 7) полное извращеніе человѣческихъ воззрѣній на жизнь. Люди становятся

*) Въ этомъ мѣстѣ въ найденной рукописи оказывается большой пропускъ, а потому эта мысль Гумбольдта осталась недостаточно развитою.

средствомъ для достиженія вещественныхъ цѣлей. Въ самомъ человѣкѣ имѣется въ виду не развитіе способностей, а счастіе и наслажденіе. Но не говоря уже о томъ, что подобная цѣль недостижима, ибо счастіе зависитъ въ концѣ концовъ отъ личнаго ощущенія каждаго, оно въ существѣ своемъ не соотвѣтствуетъ достоинству человѣка. Мало того, эта система устраняетъ высшее возможное для человѣка счастіе, которое состоитъ въ сознаніи высшаго напряженія силъ. Руководящимъ началомъ служитъ здѣсь единственно безплодное стремленіе избѣжать страданія *).

Таковы основанія, почему государство должно воздерживаться отъ всякой заботы о положительномъ благосостояніи гражданъ, ограничиваясь единственно установленіемъ безопасности внутренней и внѣшней. Можетъ быть, возразятъ, говоритъ Гумбольдтъ, что вся эта картина преувеличена. Но для того, чтобы представить вредныя послѣдствія государственной дѣятельности въ настоящемъ видѣ, надобно изобразить ихъ во всей ихъ полнотѣ, не взирая на дѣйствительность, гдѣ встрѣчаются только разсѣянныя и отрывочныя черты этой дѣятельности. Съ другой стороны, въ подтвержденіе этой теоріи можно изобразить картину того безмѣрнаго благосостоянія, которое должно быть удѣломъ народа, предоставленнаго полной свободѣ, среди котораго каждый можетъ безпрепятственно развиваться изнутри себя. Если уже древность, при гораздо меньшемъ развитіи, заключаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть, то каковы же могли бы быть новые наро-

*) Ideen etc. III.

ды, у которыхъ высшее образованіе и несравненно большее разнообразіе отношеній должны порождать бо̀льшую тонкость и богатство характеровъ?

Можно, однако, спросить, продолжаетъ Гумбольдтъ, достижимы ли тѣ цѣли, которыя полагаетъ себѣ государство, безъ непосредственнаго его вмѣшательства, единственно свободными силами гражданъ? Для рѣшенія этого вопроса слѣдовало бы перебрать всѣ отдѣльныя отрасли промышленности и вообще народной дѣятельности, и на каждой изъ нихъ показать, каковы выгоды или невыгоды полной свободы. Гумбольдтъ сознается, что недостаточное знаніе дѣла не позволяетъ ему предпринять подобнаго изслѣдованія. Поэтому онъ довольствуется нѣкоторыми общими замѣчаніями. Всякое занятіе, говоритъ онъ, каково бы оно ни было, идетъ успѣшнѣе, когда побужденіемъ служитъ любовь къ дѣлу. Даже то, что сначала предпринимается въ виду пользы, впослѣдствіи получаетъ свою собственную привлекательность. Это происходитъ оттого, что человѣкъ любитъ болѣе дѣятельность, нежели обладаніе, но дѣятельность свободную, а не вынужденную. Самый неутомимый труженикъ предпочитаетъ бездѣліе вынужденной работѣ. Даже собственность получаетъ главную свою прелесть отъ свободы. Правда, что достиженіе всякой значительной цѣли требуетъ единства дѣйствія; но это единство можетъ быть достигнуто свободными товариществами, которыя могутъ обнимать собою даже цѣлый народъ. Такой способъ имѣетъ значительныя преимущества передъ вмѣшательствомъ государства. Правительство, охраняющее безопасность, должно всегда быть вооружено неограниченною властью; когда же эта власть распространяется на

все остальное, то свобода гражданъ стѣсняется чрезмѣрно, чего нѣтъ при свободномъ соединеніи силъ даже цѣлаго народа. Въ послѣднемъ случаѣ совокупное дѣйствіе установляется добровольнымъ согласіемъ всѣхъ; несогласнымъ же предоставляется право выйти изъ общества, что въ государственномъ союзѣ почти невозможно или сопряжено съ весьма значительными жертвами. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что обширныя добровольныя соединенія людей образуются съ большимъ трудомъ. Но это не бѣда, ибо они гораздо менѣе плодотворны, нежели мелкіе союзы. Тамъ человѣкъ слишкомъ легко становится простымъ орудіемъ и поглощается массою. Въ итогѣ можно сказать, что безъ вмѣшательства государства, которое дѣйствуетъ совокупными силами гражданъ, успѣхи просвѣщенія были бы, можетъ быть, медленнѣе, но они были несравненно богаче результатами *).

Таковы доводы Гумбольдта противъ попеченія государства о благосостояніи гражданъ. Не смотря на чисто теоретическое построеніе мыслей, не смотря на недостатокъ фактическаго изслѣдованія, можно сказать, что этимъ, въ сущности, исчерпывается все то, что говорится и въ наше время противъ излишней регламентаціи государства. Практическое изученіе вопроса обличаетъ, однако, односторонность этого взгляда. Даже въ странахъ, гдѣ общество всего ревнивѣе смотритъ на вмѣшательство государства въ общественныя дѣла, напримѣръ въ Англіи, практика сама собою привела къ значительному расширенію правительственной дѣятельности. Нигдѣ

*) Ideen etc., III.

она не ограничивается однимъ охраненіемъ безопасности. Дѣло въ томъ, что теорія Гумбольдта прежде всего предполагаетъ общество, состоящее изъ людей образованныхъ, свободныхъ, равныхъ и обладающихъ достаточными средствами, чтобы съ помощью нѣкоторыхъ усилій выйти изъ всякаго стѣснительнаго положенія. Тутъ совершенно упускается изъ виду, что огромное большинство человѣчества, лишенное средствъ и образованія, находится подъ гнетомъ внѣшнихъ условій, которыя оно само собою не въ силахъ устранить. Масса пролетаріевъ нуждается въ помощи и покровительствѣ государства. Исторія Англіи доказала это неопровержимымъ образомъ. Не только пособія бѣднымъ, но и самыя необходимыя мѣры относительно народнаго здравія не обходятся безъ предписаній закона. На свободную дѣятельность гражданъ потому невозможно положиться въ этомъ случаѣ, что именно тѣ, которые всего болѣе нуждаются въ подобныхъ мѣрахъ, не въ состояніи сами привести ихъ въ дѣйствіе.

Мало того, даже люди, принадлежащіе къ высшимъ классамъ, образованные и имущіе, не могутъ сами все дѣлать и провѣрять. При разнообразіи человѣческихъ потребностей, въ обществѣ установляется раздѣленіе труда; образуются спеціальности, при чемъ неспеціалисты неизбѣжно должны полагаться на спеціалистовъ, сами не имѣя никакой возможности удостовѣриться въ степени ихъ свѣдѣній и умѣнія. Больной часто не въ состояніи отличить медика отъ шарлатана; пассажиръ не въ состояніи провѣрить, крѣпко ли построенъ пароходъ, на которомъ онъ отправляется въ путь. Поэтому, во многихъ слу-

чаяхъ полезно установленіе правительственнаго контроля, доставляющаго публикѣ извѣстныя гарантіи, которыхъ она не можетъ получить инымъ путемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что излишняя регламентація со стороны государства можетъ быть въ высшей степени вредна и стѣснительна; но совершенное невмѣшательство составляетъ другую крайность, которая можетъ быть не менѣе вредна. Многообразіе дѣятельности, къ которому ведетъ полная свобода, вовсе не служитъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія человѣческихъ силъ, какъ утверждаетъ Гумбольдтъ; напротивъ, высокое развитіе силъ требуетъ ихъ сосредоточенности. Когда человѣкъ принужденъ разбрасываться на множество мелкихъ занятій, особенно по предметамъ обыденной жизни, онъ неизбѣжно отвлекается отъ высшихъ сферъ дѣятельности. Практическая сторона человѣка развивается въ ущербъ идеальной, низшія способности въ ущербъ высшимъ. Если мы удивляемся высокому развитію личности у древнихъ народовъ, то причины этого явленія мы должны искать, съ одной стороны, въ большей простотѣ отношеній, съ другой стороны, въ рабствѣ, которое, избавляя гражданъ отъ мелочныхъ заботъ и физическаго труда, давало имъ возможность всецѣло посвящать себя умственнымъ занятіямъ и политической жизни. У новыхъ народовъ, бо̀льшая сложность отношеній и всеобщая свобода неизбѣжно влекутъ за собою расширеніе государственной дѣятельности.

Еще болѣе необходимымъ представляется участіе государства въ дѣлахъ благоустройства, когда мы взглянемъ на тѣ громадныя предпріятія, которыя порождены промышленнымъ духомъ новаго време-

ніи. Свободныя товарищества или компаніи на акціяхъ далеко не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Они сами нуждаются въ контролѣ, который гораздо дѣйствительнѣе со стороны государства, нежели со стороны общества. Безъ вмѣшательства закона и правительства, публика предается на жертву спекулянтамъ. Особенно оно необходимо тамъ, гдѣ образуются монополіи, какъ, напримѣръ, въ желѣзныхъ дорогахъ. Что касается до компаній, обнимающихъ цѣлый народъ, какія предполагаетъ Гумбольдтъ, то это совершенно немыслимое дѣло. Во всякомъ случаѣ, всеобщее согласіе тутъ недостижимо; меньшинство должно все-таки подчиняться рѣшеніямъ большинства. Но чѣмъ шире компанія, тѣмъ эти рѣшенія будутъ приняты съ меньшимъ знаніемъ дѣла, тѣмъ контроль будетъ менѣе дѣйствителенъ. Весь результатъ столь обширныхъ предпріятій можетъ состоять только въ безмѣрномъ обогащеніи немногихъ крупныхъ капиталистовъ на счетъ массы публики, какъ доказываетъ опытъ новѣйшаго времени.

Наконецъ, несправедливо, что попеченіе государства о народномъ благосостояніи влечетъ за собою извращеніе истинныхъ воззрѣній на человѣческую дѣятельность. Напротивъ, извращаются взгляды тамъ, гдѣ отдѣльное лице видитъ въ себѣ начало и конецъ всего человѣческаго развитія, гдѣ оно не чувствуетъ себя членомъ высшаго организма, которому оно обязано служить и въ которомъ оно находитъ удовлетвореніе лучшихъ своихъ стремленій и потребностей. Государство, ограничивающееся однимъ охраненіемъ безопасности, представляетъ собою только внѣшній, полицейскій порядокъ, къ которому гражданинъ не

можетъ чувствовать ни любви, ни уваженія. Между тѣмъ, истинное его значеніе состоитъ въ томъ, что оно является органическимъ союзомъ народа, въ которомъ осуществляются всѣ высшія задачи народной жизни. Въ такомъ только видѣ оно становится воплощеніемъ идеи отечества и можетъ быть предметомъ самоотверженной дѣятельности гражданъ. А въ такой только дѣятельности развиваются высшія практическія силы человѣческаго духа, которыя въ области личнаго развитія всегда остаются на низшей степени. Субъективный идеализмъ Гумбольдта объясняетъ его взглядъ: онъ не шелъ далѣе развитія личности; объективныя созданія духа оставались ему чужды.

Съ устраненіемъ заботы о благосостояніи народа, остается для государства охраненіе безопасности. По мнѣнію Гумбольдта, это и есть истинная его цѣль, ибо это единственное, чего не въ состояніи доставить себѣ отдѣльный человѣкъ собственными силами. Взаимная вражда людей не можетъ быть устранена личною предусмотрительностью и изобрѣтательностью, какъ бѣдствія, проистекающія отъ физической природы. Месть въ свою очередь вызываетъ месть; поэтому здѣсь необходимъ высшій судья, котораго рѣшенія не должны подлежать спору. Изъ всѣхъ общественныхъ потребностей, одно охраненіе безопасности нуждается въ неограниченной власти, которая составляетъ существо государства. Однако, и въ этой области необходимо точно опредѣлить границы государственной дѣятельности, ибо иначе опять-таки можно придти къ полному уничтоженію свободы гражданъ *).

*) Ideen etc., IV.

Безопасность заключаетъ въ себѣ защиту какъ отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и отъ внутреннихъ. Въ первомъ отношеніи важно вліяніе, которое имѣетъ война на духъ народный. Война, говоритъ Гумбольдтъ, есть одно изъ благодѣтельнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества, ибо ею вызываются въ людяхъ тѣ мужественныя качества, которыя составляютъ самую твердую основу общественной жизни. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что надобно браться за оружіе безъ серьёзныхъ причинъ; война тогда благотворна, когда она ведется во имя высокихъ цѣлей. Но не слѣдуетъ также малодушно ея избѣгать, а надобно стремиться къ тому, чтобы крѣпкій военный духъ сдѣлался достояніемъ всего народа. Поэтому, всего желательнѣе народныя ополченія, а не постоянныя арміи. Въ первыхъ военное мужество соединяется съ чувствомъ свободы, и образуются настоящіе граждане; въ послѣднихъ военное ремесло становится достояніемъ немногихъ, нерѣдко въ ущербъ остальнымъ, и человѣкъ превращается въ машину, безусловно покорную повелѣніямъ вождей **).

Что касается до охраненія внутренней безопасности, то здѣсь необходимо тщательно изслѣдовать, какія средства должно употреблять государство для достиженія этой цѣли. Оно можетъ 1) довольствоваться просто пресѣченіемъ преступленій; въ этомъ случаѣ дѣятельность его вводится въ самыя тѣсныя границы. 2) Оно можетъ стремиться къ предупрежденію зла и принимать для этого всѣ нужныя мѣры. 3) Наконецъ, оно можетъ дѣйствовать на самый характеръ гражданъ, стараясь дать ему направленіе,

---

**) Ideen etc., V.

соотвѣтствующее той цѣли, которую оно имѣетъ въ виду. Это дѣлается посредствомъ воспитанія, религіи и попеченія о нравахъ. Тутъ свобода стѣсняется всего болѣе, а потому здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ: должно ли государство употреблять подобныя нравственныя средства?

Относительно общественнаго воспитанія ссылаются на примѣръ древнихъ государствъ. Но съ одной стороны, происходившія отсюда стѣсненія уравновѣшивались тою значительною политическою свободою, какою пользовались древніе граждане, свободою, неизвѣстною въ государствахъ новаго времени; съ другой стороны, законъ обыкновенно только освящалъ то, что уже было установлено нравами. Къ этому надобно прибавить, что характеръ развитія новаго времени, преимущественно передъ древнимъ, требуетъ выработки личностей. Между тѣмъ, общественное воспитаніе имѣетъ въ себѣ тотъ существенный недостатокъ, что оно даетъ образованію юношества однообразную форму, слѣдовательно мѣшаетъ многостороннему развитію характеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всего желательнѣе гармоническое сочетаніе свойствъ человѣка и гражданина; но здѣсь человѣкъ жертвуется гражданину, тогда какъ первый долженъ составлять истинную цѣль воспитанія. Государство всегда стремится создать гражданъ покорныхъ существующему порядку, а черезъ это подавляется въ людяхъ энергія и уничтожается разнообразіе стремленій. Отъ этого страдаетъ и самое политическое устройство: оно лишается тѣхъ побужденій къ усовершенствованію, которыя вытекаютъ изъ многосторонняго развитія человѣка. Если же государство не имѣетъ въ виду дать гражданамъ извѣстное направ-

леніе, а хочетъ только содѣйствовать развитію силъ, то общественное воспитаніе менѣе всего достигаетъ этой цѣли. Однообразіе устройства всегда производитъ однообразіе дѣйствія. Гдѣ нужно образовать человѣка, тамъ свободное соревнованіе частныхъ лицъ всегда имѣетъ преимущество. Воспитатели, вырабатывающіеся подъ вліяніемъ общественныхъ потребностей, лучше тѣхъ, которые зависятъ отъ милости правительства. Наконецъ, если государство должно ограничиваться охраненіемъ безопасности, то общественное воспитаніе представляется средствомъ, несоразмѣрнымъ съ цѣлью: оно идетъ слишкомъ далеко. По всѣмъ этимъ причинамъ, попеченіе о народномъ образованіи должно быть совершенно изъято изъ круга вѣдомства государства *).

Еще вреднѣе вмѣшательство государства въ дѣла вѣры. Хотя въ новѣйшее время правительства рѣдко преслѣдуютъ чисто религіозныя цѣли и ограничиваются поддержкою религіи въ видахъ охраненія нравственности и безопасности, однако всякое попеченіе о религіи непремѣнно влечетъ за собою покровительство извѣстнымъ мнѣніямъ и догматамъ предпочтительно передъ другими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсненіе свободы совѣсти. Вѣра основывается на внутреннихъ потребностяхъ человѣка и тогда только дѣйствуетъ плодотворно, когда она истекаетъ изъ духовной свободы. Только связь ея съ самыми завѣтными чувствами людей дѣлаетъ ее сильнѣйшимъ побужденіемъ человѣческихъ дѣйствій. Но эта связь не установляется внѣшними средствами и поклоненіемъ извѣстному авторитету; она является

*) Ideen etc., VI.

только плодомъ свободнаго внутренняго развитія. Поэтому, свобода составляетъ единственное средство содѣйствовать успѣхамъ религіи и ея вліянію на нравы. Внѣшнія же цѣли, которыя преслѣдуются въ религіозныхъ вопросахъ, ведутъ только къ искаженію вѣры и къ паденію нравственности. Государство напрасно полагаетъ, что представленіе будущихъ наградъ и наказаній воздерживаетъ народъ отъ преступленій. Такія отдаленныя ожиданія имѣютъ гораздо менѣе вліянія на людей, нежели виды на земныя блага и страхъ физическихъ наказаній. Въ сущности, они дѣйствуютъ только на тѣхъ, у кого уже вкоренились нравственныя стремленія. Несправедливо также, что нравственность не существуетъ безъ поддержки религіи. Нравственность имѣетъ свои собственныя начала, независимыя отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій. Нравственный человѣкъ исполняетъ долгъ во имя долга. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣра даетъ этимъ началамъ высшее освященіе, но опять же это зависитъ вполнѣ отъ убѣжденій человѣка, то есть, отъ свободнаго развитія его духа. Съ другой стороны, стѣсненіе свободы совѣсти и мысли производитъ безчисленныя вредныя послѣдствія. Оно не только искажаетъ и суживаетъ взгляды, но имѣетъ печальное вліяніе и на самый характеръ людей. Человѣкъ, привыкшій свободно обсуждать истину и ложь, пріобрѣтаетъ гораздо болѣе твердости и самостоятельности, нежели тотъ, кто всегда долженъ соображаться съ внѣшними обстоятельствами. Только духовная свобода способна развить въ народѣ ту крѣпость духа и ту энергію, которыя составляютъ первыя условія совершенствованія. И это не ограничивается одними мыслящими

классами. Свобода мысли и совѣсти тысячами путей распространяетъ свое благотворное дѣйствіе на всѣхъ. Поэтому, невмѣшательство въ дѣла вѣры должно быть первымъ закономъ всякаго благоустроеннаго государства. Правительство должно воздерживаться отъ всякаго вліянія какъ на назначеніе пастырей, такъ и на богослуженіе. Все это должно быть предоставлено религіозной общинѣ *).

Что касается до исправленія нравовъ, то законъ не можетъ вліять здѣсь иначе, какъ запрещеніемъ отдѣльныхъ дѣйствій, съ цѣлью ограничить проявленіе чувственныхъ наклонностей въ гражданахъ. Таковы, напримѣръ, законы о роскоши. Но и въ этомъ случаѣ вмѣшательство власти приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Чувственность сама по себѣ не есть зло. Напротивъ, изъ нея исходятъ всѣ сильнѣйшія стремленія человѣка; она составляетъ источникъ его энергіи и того огня, который оживляетъ его дѣятельность. Чувственный міръ таинственными нитями связанъ съ міромъ сверхчувственнымъ; видимое служитъ проявленіемъ невидимаго. Отсюда чувство красоты, которое даетъ высшую цѣну и значеніе всѣмъ дѣйствіямъ и стремленіямъ человѣка, даже научнымъ изслѣдованіямъ и нравственнымъ побужденіямъ. Гармоническое сочетаніе двухъ міровъ составляетъ высшую цѣль человѣческой жизни. Поэтому, чувственность сама по себѣ заслуживаетъ уваженія. Правда, что избытокъ ея ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ; но истинное развитіе должно состоять въ усиленіи недостающаго, а не въ ослабленіи существующаго. Принудительный же законъ, подавляя чувственныя

---

*) Ideen etc., VII.

стремленія человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ въ немъ энергію, первую его добродѣтель. Нравы исправляются и равновѣсіе человѣческихъ стремленій возстановляется только свободою; принужденіе же превращаетъ народъ въ толпу рабовъ, получающихъ кормъ отъ господина. Даже крайнее развитіе безправственности не можетъ быть столь вредно, ибо крайности нерѣдко составляютъ путь, через который человѣкъ идетъ къ высшему совершенству. Но крайняя порча нравовъ, вообще, рѣдкое явленіе. Человѣкъ болѣе склоненъ къ доброжелательству, нежели къ эгоизму. Свобода же, возвышая его силы, даетъ его чувствамъ извѣстную широту, тогда какъ запрещенія заставляютъ его прибѣгать къ низкимъ уловкамъ слабости. И если, предоставленный самъ себѣ, онъ медленнѣе приходитъ къ истиннымъ правиламъ жизни, зато эти правила вкореняются въ немъ гораздо тверже и глубже. Къ этому надобно прибавить тѣ многообразныя столкновенія, которыя порождаетъ вмѣшательство государства въ частную жизнь гражданъ, и тѣ безчисленные проступки, которые возникаютъ отсюда. Изъ всего этого ясно, что государство должно воздерживаться отъ всякаго стремленія направлять по-своему нравы и характеръ народа. Всѣ мѣры, касающіяся воспитанія, религіи, нравовъ, выходятъ изъ предѣловъ его вѣдомства *).

Съ устраненіемъ всѣхъ этихъ предметовъ дѣятельности, за государствомъ остается попеченіе собственно о безопасности. И здѣсь, однако, необходимо точное опредѣленіе границъ этого понятія,

---

*) Ideen etc., VIII.

ибо излишнее его расширеніе опять-таки ведетъ къ значительному стѣсненію свободы. Подъ именемъ безопасности надобно разумѣть *крѣпость законной свободы.* Поэтому она нарушается не всякими дѣйствіями, приносящими вредъ, а только дѣйствіями противозаконными. Относительно поступковъ этого рода государство можетъ принимать различныя мѣры. Оно можетъ 1) предупреждать ихъ полицейскими законами; 2) устранять проистекающій изъ нихъ вредъ посредствомъ вознагражденія убытковъ, что̀ составляетъ предметъ законовъ гражданскихъ; 3) наказывать ихъ въ виду предупрежденія подобныхъ поступковъ на будущее время, что̀ совершается законами уголовными *).

Согласно съ означеннымъ правиломъ, запрещенія, издаваемыя полицейскими законами, должны касаться единственно тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ имѣть послѣдствіемъ нарушеніе правъ, принадлежащихъ какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому обществу. Поэтому, не должны быть запрещаемы поступки, просто возбуждающіе соблазнъ. Тутъ не нарушается ничье право. Каждый можетъ добровольно отъ нихъ удаляться или противостоять подобнымъ впечатлѣніямъ. Отъ этого выигрываетъ, съ одной стороны, сила характера, съ другой терпимость и широта воззрѣній. При этомъ Гумбольдтъ дѣлаетъ однако оговорку, что большее стѣсненіе свободы можетъ быть допущено въ предѣлахъ общей собственности, напримѣръ, на дорогахъ, улицахъ, площадяхъ, ибо каждый совмѣстный владѣлецъ имѣетъ здѣсь право запрета. Такъ какъ на практикѣ за-

---

*) Ideen etc., IX.

прещеніе дѣйствій, производящихъ соблазнъ, обыкновенно простирается только на публичныя мѣста, то при подобномъ ограниченіи, значеніе означеннаго правила теряетъ всю свою силу *).

Гумбольдтъ не совсѣмъ послѣдовательно допускаетъ вмѣшательство государства и въ такія дѣйствія, гдѣ требуются спеціальныя знанія, недоступныя массѣ публики; но здѣсь онъ предоставляетъ ему только право давать совѣты, а не употреблять принужденіе. Такъ, напримѣръ, оно можетъ установить экзамены для желающихъ получить дипломъ врача или адвоката, не запрещая практику остальнымъ. Въ этомъ случаѣ, выданный правительствомъ дипломъ служитъ только рекомендаціею, не стѣсняя ничьей свободы **). Очевидно, однако, что подобная мѣра выходитъ изъ предѣловъ охраненія безопасности, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это Гумбольдтъ. Дурное лѣченіе не нарушаетъ чужихъ правъ, а наноситъ только вредъ; слѣдовательно, тутъ дѣло касается благосостоянія, а не безопасности.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какого рода дѣйствія, угрожающія безопасности, должны быть запрещаемы: тѣ ли, при которыхъ является возможность, или тѣ только, при которыхъ усматривается необходимость вреднаго послѣдствія? Въ первомъ случаѣ можетъ пострадать свобода, во второмъ безопасность. Для рѣшенія этого вопроса, говоритъ Гумбольдтъ, не существуетъ опредѣленнаго мѣрила. Вообще, надобно держаться средняго пути, но въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ можно руководствоваться только вѣроятностями. По естественному праву, за-

*) Ideen etc., X, стр. 108. 116.

**) Тамъ же, стр. 109

прещаются только тѣ дѣйствія, которыми наносится вредъ другому по винѣ дѣятеля; но государство не можетъ ограничиться этими предѣлами, предоставляя гражданамъ самимъ пріобрѣтать достаточно опытности и осторожности, чтобы ограждать себя отъ опасности. Общимъ правиломъ можно выставить слѣдующее положеніе: «въ видахъ охраненія безопасности, государство должно запрещать или ограничивать тѣ дѣйствія, которыхъ послѣдствія нарушаютъ права другихъ, то есть, безъ ихъ согласія умаляютъ ихъ свободу и собственность, или отъ которыхъ этого можно съ вѣроятностью ожидать, при чемъ всегда слѣдуетъ принимать въ соображеніе, съ одной стороны, величину грозящаго вреда, съ другой стороны, важность проистекающаго изъ закона стѣсненія свободы. Всякое другое ограниченіе частной свободы гражданъ лежитъ внѣ предѣловъ дѣятельности государства» *).

Оказывается, слѣдовательно, что тутъ опредѣленной границы положить нельзя; все предоставляется усмотрѣнію. Какъ скоро дѣло идетъ не только о пресѣченіи преступленій, но и о предупрежденіи вредныхъ дѣйствій, согласно съ требованіями безопасности, такъ къ точному и опредѣленному началу права присоединяется совершенно неопредѣленное начало пользы, въ силу котораго дѣятельность государства можетъ получить самые широкіе и стѣснительные размѣры. Очевидно, что тутъ вопросъ идетъ уже не только о нарушеніи правъ, но и о благосостояніи гражданъ; послѣднее, такимъ образомъ, волею или неволею, становится предметомъ попеченія

---

*) Ideen etc., X, стр. 111—113.

государства. Безопасность заключаетъ въ себѣ оба элемента: право и благосостояніе. На практикѣ они связаны неразрывно; а потому всѣ попытки построить государство на чисто юридическихъ началахъ должны оставаться тщетными.

Менѣе затрудненій представляетъ опредѣленіе государственной дѣятельности въ области гражданскаго права. Однако и здѣсь возникаетъ вопросъ: насколько государство обязано поддерживать принудительною силою выраженія частной воли? Это касается, прежде всего, обязательствъ. Государство, говоритъ Гумбольдтъ, очевидно, не можетъ признать силу договоровъ, которыхъ условія нарушаютъ права постороннихъ лицъ или противорѣчатъ общимъ законамъ. Но этого мало: охраняя личную свободу, оно не можетъ допустить, чтобы человѣкъ, вслѣдствіе минутной необдуманности, наложилъ на себя оковы на цѣлую жизнь. Поэтому, не только договоры, которыми человѣкъ отдаетъ себя въ рабство другому, должны быть признаны незаконными, но и всякія обязательства касательно личныхъ услугъ должны быть ограничены извѣстнымъ числомъ лѣтъ. Съ тою же цѣлью государство должно облегчать по возможности расторженіе подобныхъ обязательствъ. Въ особенности тамъ, гдѣ личныя отношенія основаны на внутреннихъ чувствахъ и обнимаютъ всю жизнь человѣка, какъ въ бракѣ, расторженіе должно быть допущено во всякое время и безъ всякаго приведенія причинъ *).

Тѣже соображенія должны имѣть мѣсто и въ вопросѣ о законной силѣ завѣщаній. Хотя, строго говоря,

---

*) Ideen etc., XI, стр. 117–122.

человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться своимъ имуществомъ въ то время, когда онъ уже пересталъ самъ существовать, однако, съ одной стороны, личной волѣ человѣка всегда слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ постановленіями государства, съ другой стороны, было бы слишкомъ жестоко лишать человѣка возможности оказать благодѣяніе и послѣ смерти, тѣмъ болѣе, что этимъ установляются крѣпчайшія связи между людьми. Поэтому, за исключеніемъ опредѣленной части, обезпечивающей законныхъ наслѣдниковъ, слѣдуетъ признать свободу завѣщаній. Но это право должно простираться единственно на назначеніе наслѣдниковъ, нисколько не стѣсняя свободы послѣднихъ. Всякія распоряженія, ограничивающія волю другихъ поколѣній, слѣдуетъ признать незаконными. Государство, съ своей стороны, при опредѣленіи законнаго порядка наслѣдованія, должно воздерживаться отъ всякихъ политическихъ видовъ, не ставя себѣ задачею ни сохраненія блеска семействъ, ни раздробленія имуществъ, а ограничиваясь строгою почвою права*).

Съ той же точки зрѣнія предоставленія возможнаго простора личной свободѣ слѣдуетъ обсуждать и вопросъ о правахъ корпорацій, въ которыхъ одно поколѣніе смѣняется другимъ. Подобные мелкіе союзы въ высшей степени полезны для развитія личности, но только тогда, когда они не втѣсняютъ ее въ узкія рамки, изъ которыхъ нѣтъ возможности выйти. Одно поколѣніе не имѣетъ права налагать свою волю на другое. Поэтому всякая корпорація должна быть признана, только какъ соединеніе на-

*) Ideen etc. XI, стр. 122—127.

личныхъ членовъ, большинству которыхъ должно быть предоставлено право распоряжаться по усмотрѣнію всѣми ея силами и имуществомъ *).

Нельзя не замѣтить, что этимъ уничтожается самая сущность корпоративнаго права, которое состоитъ въ независимости общественнаго учрежденія отъ частной воли лицъ. Корпорація становится временнымъ товариществомъ, и большинству дается возможность обратить общественное достояніе въ свою частную пользу. Вообще, забота о личной свободѣ вовлекла Гумбольдта въ крайне одностороннія и противорѣчащія другъ другу положенія. Съ одной стороны, во имя свободы, человѣкъ ограждается отъ послѣдствій собственной необдуманности: ему запрещается добровольно налагать на себя излишнія стѣсненія; съ другой стороны, той же минутной необдуманности дается полнѣйшій просторъ въ гораздо болѣе важныхъ дѣлахъ, напримѣръ, при расторженіи такого союза, который, по существу своему, долженъ быть заключаемъ на всю жизнь, каковъ бракъ. Точно также и въ вопросѣ о наслѣдствѣ, государству запрещается имѣть въ виду какія бы то ни было политическія цѣли; но въ сущности, все клонится къ полной свободѣ лица, съ уничтоженіемъ всякихъ преемственныхъ учрежденій, а это есть уже извѣстная политическая цѣль, ибо государственный порядокъ въ значительной степени зиждется на гражданскомъ.

Что касается до возстановленія нарушеннаго права гражданскимъ судопроизводствомъ, то Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ, что государство, становясь

---

*) Тамъ же, стр. 129—130.

высшимъ судьею между сторонами, должно, съ одной стороны, дѣйствовать не иначе, какъ по ихъ волѣ, то есть, держаться состязательнаго порядка, а не слѣдственнаго; съ другой стороны, оно не должно предоставлять сторонамъ излишняго простора, чтò ведетъ къ крючкотворству и къ нескончаемымъ тяжбамъ. Точно также и въ требованіи формальныхъ актовъ, имѣющихъ силу, какъ судебныя доказательства, надобно, съ одной стороны, обезпечить твердость сдѣлокъ, съ другой стороны, избѣгнуть излишнихъ затрудненій и многосложныхъ порядковъ *).

Наконецъ, послѣднее и важнѣйшее средство охранять безопасность состоитъ въ наказаніи преступленій. На основаніи вышепринятыхъ началъ, наказанію могутъ подвергаться только дѣйствія, нарушающія чужое право. Оскорбленія нравственности и вообще всякія дѣйствія, касающіяся только самого дѣятеля или совершенныя съ согласія потерпѣвшихъ, не могутъ считаться преступленіями. Цѣль наказанія состоитъ въ предупрежденіи на будущее время дѣйствій подобнаго рода, посредствомъ устрашенія. Но такъ какъ дѣйствительность этого средства зависитъ отъ разнообразныхъ обстоятельствъ, отъ характера преступника и отъ свойствъ окружающей среды, то здѣсь невозможно установить опредѣленной мѣры, годной для всякаго времени и мѣста. Вообще, надо стремиться къ уменьшенію строгости наказаній; ибо жестокія казни возбуждаютъ жалость и притупляютъ чувства народа; мягкія же наказанія, менѣе поражая тѣло, дѣйствуютъ болѣе нравственнымъ путемъ и могутъ быть употребляемы чаще. Многое

*) Ideen etc., XII.

зависитъ и отъ состоянія гражданъ: чѣмъ оно лучше, тѣмъ всякое стѣсненіе для нихъ чувствительнѣе. Поэтому, въ свободныхъ государствахъ, гдѣ благосостояніе народа выше, наказанія могутъ быть менѣе строги. Общимъ правиломъ можно положить, что высшая мѣра наказанія должна быть по возможности низка. Въ этихъ предѣлахъ наказаніе должно быть соразмѣрно съ преступленіемъ: чѣмъ больше нарушеніе чужаго права, тѣмъ сильнѣе должно быть наказаніе. Это и есть то соотвѣтствіе, которое требуется справедливостью, и которое преступникъ обязанъ терпѣть. Ибо, хотя нѣтъ нужды выводить эту обязанность изъ согласія, даннаго при вступленіи въ общество, однако преступникъ, какъ свободное лице, долженъ признать правомѣрность постигающей его кары, а эта правомѣрность состоитъ въ томъ, что право его стѣсняется настолько, насколько онъ нарушилъ чужое. Бо̀льшаго онъ не обязанъ терпѣть. Поэтому всякія постороннія соображенія, какъ то, потребность усилить наказаніе въ видахъ безопасности, не могутъ быть признаны справедливыми. Подобныя мѣры, хотя бы онѣ придавали бо̀льшую силу отдѣльнымъ законамъ, подрываютъ именно то, что составляетъ крѣпчайшую опору всѣхъ законовъ, нравственныя понятія гражданъ. Только требуемая справедливостью соразмѣрность наказаній съ преступленіями способна установить гармонію между нравственнымъ развитіемъ народа и государственными учрежденіями *).

Очевидно, что при обсужденіи этого вопроса у Гумбольдта смѣшиваются два разнородныя начала.

---

*) Ideen etc., XIII, стр. 138—147.

Отправляясь отъ системы устрашенія, признанной прежними криминалистами, онъ въ концѣ концовъ приходитъ къ системѣ воздаянія, установленной Кантомъ. Относительно преслѣдованія преступленій, Гумбольдтъ, сообразно съ своею теоріею, принимаетъ, разумѣется, самыя либеральныя начала. Судья не долженъ употреблять никакихъ средствъ, выходящихъ изъ строгихъ предѣловъ права. Поэтому, съ подозрѣваемымъ нельзя обращаться, какъ съ уличеннымъ преступникомъ. Не только пытка, но и обманъ безусловно воспрещаются; все должно производиться прямо и явно. Даже осужденнаго преступника не позволено оскорблять въ его человѣческихъ и гражданскихъ правахъ, ибо первыя могутъ быть отняты у него только съ жизнью, а вторыхъ онъ можетъ быть лишенъ только въ силу формальнаго приговора суда *).

Наконецъ, Гумбольдтъ разсматриваетъ вопросъ о предупрежденіи преступленій. Этотъ вопросъ отличается отъ обсужденнаго выше вопроса о предупрежденіи опасныхъ дѣйствій тѣмъ, что въ послѣднихъ вредъ непосредственно проистекаетъ изъ дѣйствія, тогда какъ въ первыхъ нужно особенное рѣшеніе преступной воли. Поэтому здѣсь предупрежденіе касается не столько внѣшнихъ дѣйствій, сколько самой воли лица. А такъ какъ большая часть преступленій проистекаетъ изъ несоразмѣрности между желаніями и средствами, то предупредительныя мѣры могутъ клониться или къ улучшенію положенія лицъ, или къ подавленію наклонностей, побуждающихъ людей къ нарушенію законовъ, или,

---

*) Ideen etc., XIII, стр. 138—147.

наконецъ, къ уменьшенію случаевъ совершать преступленія. Всѣ эти мѣры, по мнѣнію Гумбольдта, должны быть признаны несоотвѣтствующими цѣли. Попеченіе государства о положеніи лицъ, могущихъ быть вовлеченными въ преступленія, кромѣ того, что оно имѣетъ вредныя послѣдствія для характера получающихъ помощь, потому уже неумѣстно, что здѣсь пособіе основано на чисто индивидуальныхъ соображеніяхъ, а потому требуется вмѣшательство власти въ совершенно частныя дѣла. Можно полагать притомъ, что съ предоставленіемъ гражданамъ широкой свободы подобныя положенія сдѣлаются гораздо рѣже и найдутъ врачеваніе въ частной благотворительности, безъ участія государства. Еще вреднѣе стремленіе государства дѣйствовать на нравы подавленіемъ преступныхъ наклонностей. И тутъ къ общимъ невыгодамъ присоединяется ненавистное вторженіе въ чисто личную область. Государство не можетъ дѣйствовать здѣсь иначе, какъ поручивъ извѣстнымъ лицамъ надзоръ за поведеніемъ гражданъ, а изъ этого проистекаетъ самый невыносимый гнётъ и безчисленныя злоупотребленія. Даже слабый надзоръ, безъ употребленія какихъ бы то ни было принудительныхъ мѣръ, не только безполезенъ, но и вреденъ. Пока гражданинъ не нарушаетъ закона, онъ долженъ имѣть право дѣйствовать совершенно свободно, не давая никому отчета въ своемъ поведеніи и не подвергаясь унизительному надзору, который ведетъ только къ лицемѣрію. Даже лицъ, состоящихъ въ сильномъ подозрѣніи, лучше отдавать на поруки, нежели оставлять подъ надзоромъ правительственныхъ агентовъ. Что касается до уменьшенія числа случаевъ совершать

преступленія, то и здѣсь государство должно ограничиться наблюденіемъ за самымъ ходомъ преступнаго дѣйствія, когда преступникъ готовится уже привести его въ исполненіе. Все, что выходитъ изъ этихъ границъ, слишкомъ стѣснительно для свободы гражданъ. А такъ какъ подобное наблюденіе не можетъ быть названо въ строгомъ смыслѣ предупрежденіемъ, то можноп остановить общимъ правиломъ, что предупрежденіе преступленій не входитъ въ предѣлы вѣдомства государства *).

Устранивши изъ области государственной дѣятельности все, что не касается собственно безопасности, Гумбольдтъ дѣлаетъ однако исключеніе для тѣхъ разрядовъ гражданъ, которые не въ состояніи сами смотрѣть за собою, именно, для дѣтей и умалишенныхъ. Первые находятся подъ властью родителей, которые обязаны заботиться о ихъ благосостояніи и воспитаніи. Но государство должно охранять ихъ права отъ злоупотребленій родительской власти, не вмѣшиваясь однако въ воспитаніе и не требуя отъ родителей постояннаго отчета. Относительно же опекуновъ, замѣняющихъ родителей, права государства шире. Самый способъ и условія ихъ назначенія должны быть опредѣлены закономъ; отъ нихъ слѣдуетъ требовать и постояннаго отчета въ управленіи, ибо здѣсь связь менѣе тѣсна, а злоупотребленій можетъ быть больше. Ближайшее наблюденіе всего удобнѣе предоставить общинѣ; верховный же надзоръ долженъ принадлежать государству. Что касается до слабоумныхъ и умалишенныхъ, то и на нихъ распространяются тѣже правила, съ тѣми

*) Ideen etc., XIII.

различіями, которыя вытекаютъ изъ самаго ихъ положенія. Здѣсь, кромѣ того, необходимо и освидѣтельствованіе со стороны врачей *).

Таковы, заключаетъ Гумбольдтъ, указанныя теоріею границы государственной дѣятельности. При подобномъ порядкѣ лице можетъ безпрепятственно развивать всѣ свои силы и способности; а съ другой стороны, между гражданами сами собою установляются тѣснѣйшія связи. Эта двоякая задача можетъ быть разрѣшена только самою широкою свободою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ установляется истинное отношеніе между государствомъ и обществомъ. Только союзъ народа, то есть, свободныя отношенія гражданъ, въ состояніи доставить человѣку всѣ тѣ блага, для которыхъ онъ вступаетъ въ общество. Государство же составляетъ только средство для достиженія этой цѣли; оно всегда является не болѣе, какъ необходимымъ зломъ. Поэтому, политическое устройство никогда не должно препятствовать свободному развитію общества. Можно сказать, что то устройство наилучшее, которое даетъ государству наименѣе вліянія на характеръ гражданъ и внушаетъ имъ только уваженіе къ чужому праву въ соединеніи съ пламенною любовью къ собственной свободѣ. Впрочемъ, говоритъ Гумбольдтъ, этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго изслѣдованія **).

Гумбольдтъ признаетъ однако, что описанный имъ порядокъ представляетъ не болѣе, какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, но котораго достиженіе едва ли когда-нибудь возможно. Въ приложеніи же къ дѣйствительности всегда надобно

---

*) Ideen etc., XIV.

**) Ideen etc., XV.

соображаться съ существующими условіями. Каждая установившаяся форма жизни зависитъ отъ предшествующей и въ свою очередь опредѣляетъ послѣдующую. Въ этомъ выражается историческое развитіе человѣчества. Періодическіе перевороты въ исторіи представляютъ перевороты самого человѣческаго духа. Въ данную эпоху силы человѣчества устремляются на одну задачу и принимаютъ одностороннее направленіе; только въ совокупномъ движеніи мы можемъ усмотрѣть изумительное разнообразіе цѣлей и стремленій. Поэтому, надобно дать господствующему направленію выразиться и изжиться до конца, а не идти ему прямо наперекоръ. Надобно дѣйствовать на мысли, на убѣжденія; этимъ путемъ новыя начала медленно и постепенно проникнутъ въ жизнь и разорвутъ, наконецъ, опутывающія ее сѣти. Главная задача государственнаго человѣка, согласно съ изложенными взглядами, состоитъ въ постепенномъ расширеніи свободы. Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ снять съ людей висящія на нихъ оковы; повидимому, это можно сдѣлать во всякое время. Но когда граждане привыкли видѣть въ себѣ членовъ единаго цѣлаго, обнимающаго многія поколѣнія, невозможно внезапно лишить ихъ этого воззрѣнія, не ослабивъ ихъ энергіи и не повергнувъ ихъ въ бездѣйствіе. Только высшее образованіе можетъ убѣдить ихъ, что они гораздо плодотворнѣе дѣйствуютъ для будущаго, когда они направляютъ всѣ свои стремленія на ближайшую къ нимъ сферу и находятъ болѣе наслажденія въ самой дѣятельности и въ развитіи силъ, нежели въ непосредственныхъ результатахъ. При такихъ только убѣжденіяхъ, люди дѣлаются воспріимчивыми къ свободѣ, которая

безъ того не приноситъ надлежащаго плода. Съ другой стороны, однако, государственный человѣкъ долженъ пользоваться всѣми случаями, чтобы приготовлять людей къ свободѣ. А такъ какъ это приготовленіе состоитъ въ развитіи способности къ самодѣятельности, а эта способность развивается только свободою, то очевидно, что лучшимъ приготовленіемъ къ свободѣ служитъ сама свобода. Поэтому надобно снимать оковы по мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ чувствовать ихъ тягость. Всякій шагъ по этому пути служитъ приготовленіемъ къ слѣдующему. Общимъ правиломъ должно быть сохраненіе единственно тѣхъ стѣсненій, которыя необходимо требуются жизнью. Необходимость, а не польза должна служить руководящимъ началомъ государственной дѣятельности, ибо необходимость даетъ намъ твердыя точки опоры и для всѣхъ вразумительна, тогда какъ польза — начало неопредѣленное, измѣнчивое, которое каждый можетъ толковать по-своему и которое, въ сущности, ни для кого не убѣдительно.

Таковы результаты изслѣдованія Гумбольдта. Оно замѣчательно, какъ послѣдовательная попытка построить государство единственно на началахъ права. Очевидно, что все это воззрѣніе коренится въ системѣ Канта и здѣсь только имѣетъ свое значеніе. Какъ скоро человѣческая мысль вышла изъ предѣловъ чисто субъективной цѣли, какъ скоро она поняла государство, какъ органическій союзъ народа, такъ оно должно было рушиться само собою. Мы увидимъ дальнѣйшую судьбу этой теоріи.

12. РОТТЕКЪ.

Главнымъ представителемъ нѣмецкаго либерализма въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ Карлъ Роттекъ. Онъ откинулъ всякія сдержки, проистекающія изъ историческаго развитія обществъ. Индивидуалистическія начала выставляются у него какъ безусловныя требованія разума. Главное его, сочиненіе, *Учебникъ раціональнаго права и политическихъ наукъ* (Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaften), вышедшее въ 1829 году, писано именно съ цѣлью противопоставить идеальныя требованія права историческому его развитію. Фактическое существованіе извѣстной юридической нормы, говоритъ Роттекъ, не означаетъ еще, что она справедлива. Невѣжество, насиліе, случайность, закоренѣлыя привычки нерѣдко установляютъ такія юридическія отношенія, которыя отнюдь не соотвѣтствуютъ истиннымъ требованіямъ права. Въ дѣйствительности мы встрѣчаемъ противорѣчащіе другъ другу законы; надобно знать, которые изъ нихъ хороши и которые дурны, а для этого необходимо возвыситься надъ фактическими данными. Для обсужденія существующаго нужно высшее мѣрило, которое мы можемъ найти только въ разумѣ. Онъ одинъ даетъ намъ начала права въ ихъ чистотѣ; изъ него только мы можемъ узнать, чтò въ существующихъ учрежденіяхъ правомѣрно и чтò неправомѣрно. Право есть разумная идея, а не произведеніе физическихъ силъ. Правомѣрнымъ должно считаться не то, что совершается по законамъ природы, а то, что должно

совершаться по законамъ разума. Притѣсненіе, какъ бы оно ни объяснялось естественными условіями, никогда не можетъ быть правомѣрнымъ и всегда возмущаетъ человѣческую душу. Уваженіе можно оказывать только тому, что само по себѣ достойно уваженія, а не случайному сбору человѣческихъ постановленій. Поэтому, равно слѣдуетъ отвергнуть какъ ученіе исторической школы, которая слѣпо придерживается существующаго, такъ и фантастическія построенія натуръ-философовъ, которые въ правѣ и государствѣ видятъ органическія проявленія природы, а не произведенія свободы и разума *).

Для вывода началъ права Роттекъ не считаетъ нужнымъ отправляться отъ какой-нибудь готовой философской системы. Если бы, говоритъ онъ, для опредѣленія тѣхъ правилъ, которыми долженъ руководствоваться человѣкъ, требовалось предварительное рѣшеніе высшихъ вопросовъ, касающихся Бога и міра, то пришлось бы отказаться отъ задачи, ибо объ этихъ вопросахъ до сихъ поръ происходятъ между философами безконечные споры. Къ счастью, этого вовсе не нужно. Начала права сами по себѣ ясны для всякаго непредубѣжденнаго ума; изслѣдованіе ихъ требуетъ только приложенія здраваго человѣческаго смысла **). Не смотря однако на эти увѣренія, Роттекъ прямо черпаетъ свои воззрѣнія изъ системы Канта. Онъ упрекаетъ великаго мыслителя единственно въ томъ, что какъ у него, такъ и у его послѣдователей, юридическія начала недостаточно отдѣлены отъ нравственныхъ. Въ этомъ отношеніи Роттекъ ближе подходитъ къ первоначальной

*) Lehrb. des Vernuftr. I, Allg. Einl. §§ 1, 19, 20, 30.

**) Тамъ же, Vorrede.

теоріи Фихте *); но у Фихте, по его мнѣнію, все искажено неудобоваримою метафизикою, отъ которой надобно очистить философію права для того, чтобы сдѣлать ее вразумительною для всѣхъ **).

Право, говоритъ Роттекъ, вытекаетъ изъ свободы. Человѣческая свобода двоякая: внутренняя и внѣшняя. Первая состоитъ не въ самоопредѣленіи на основаніи нравственнаго закона, какъ думалъ Кантъ, а въ возможности выбора между нравственными побужденіями и безнравственными, между добромъ и зломъ. Существо, которое не могло бы опредѣляться иначе, какъ по нравственному закону, дѣйствовало бы не свободно, а по необходимости. Нравственный законъ составляетъ ограниченіе свободы. Онъ данъ разумно-свободному существу именно для того, чтобы оно добровольно согласовало свою свободу съ вѣчнымъ порядкомъ вселенной. Но возможность этого внутренняго выбора остается для человѣка непостижимою тайною. Внутренняя свобода не можетъ быть доказана; въ нее можно только вѣрить, какъ въ необходимое условіе нравственнаго существованія ***).

Совершенно иное дѣло свобода внѣшняя, то есть, возможность безпрепятственно дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ. Это — начало опытное, доступное всѣмъ. Въ человѣкѣ есть стремленіе къ возможно большему ея расширенію, ибо въ ней онъ находитъ свое счастіе. Но на пути своемъ онъ встрѣчаетъ различныя преграды, какъ со стороны внѣшней природы, такъ и со стороны другихъ людей. Первыя устраняются силою, по мѣрѣ возможности. Въ этой области равно-

*) См. Исторію Политическихъ Ученій, ч. III, стр. 397 сл

**) Тамъ же, Allg. Einl., § 30.

***) Lehrb. des Vernunftr., Allg. Einl. § 3.

вѣсіе возстановляется естественными законами. Для устраненія же препятствій со стороны людей, естественные законы недостаточны. Стремленія человѣка безграничны, а между тѣмъ у него нѣтъ, какъ у другихъ животныхъ, инстинкта, воздерживающаго его отъ уничтоженія себѣ подобныхъ. Напротивъ, будучи одаренъ разумомъ, онъ изощряетъ свои силы и изобрѣтаетъ всѣ возможныя средства, чтобы одолѣть ихъ въ борьбѣ. Тутъ всеобщее взаимное истребленіе можетъ быть предотвращено только высшимъ закономъ, закономъ разума. Какъ разумное существо, человѣкъ, признавая свободу въ себѣ, долженъ признать ее и въ другихъ. А такъ какъ внѣшняя свобода одного лица часто противорѣчитъ свободѣ другаго, то необходимъ общій законъ, ограничивающій обѣ и опредѣляющій условія совмѣстнаго ихъ существованія. Этотъ законъ и есть право *).

Такимъ образомъ, право — начало чисто формальное; оно состоитъ въ устраненіи противорѣчія. Содержанія дѣйствій оно не опредѣляетъ, а установляетъ только равную для всѣхъ формальную свободу. Поэтому, свобода и равенство не выводятся изъ права; они составляютъ самую его сущность. Правомѣрно то, что согласно съ возможно большею свободою всѣхъ; неправомѣрно то, что противорѣчитъ этому началу. Основное начало права заключается въ томъ, что каждый можетъ дѣлать все, что ему угодно, лишь бы этимъ не нарушалась свобода другихъ. Отсюда ясно, что существо права заключается въ дозволеніи. Оно ничего не предписываетъ, не налагаетъ никакихъ обязанностей, а запрещаетъ

---

*) Тамъ же, § 4.

только мѣшать дозволенному. Юридическая обязанность (Schuldigkeit) составляетъ только послѣдствіе дозволенія и имѣетъ характеръ чисто отрицательный *). Этими чертами право существенно отличается отъ нравственности. Главные отличительные ихъ признаки слѣдующіе: 1) правомѣрность поступка совершенно не касается нравственныхъ его свойствъ; она означаетъ только, что другой не долженъ мнѣ въ этомъ мѣшать. 2) Право дозволяетъ, нравственность предписываетъ или запрещаетъ; первое выражаетъ возможность, вторая необходимость. Если иногда, въ приложеніи къ тому и другому, употребляются обратныя формулы, то это можно приписать лишь неточности выраженій. 3) Юридическіе законы въ существѣ своемъ отрицательные; нравственные, напротивъ, въ существѣ своемъ всегда положительные, ибо они требуютъ прежде всего добраго намѣренія. 4) Право обращается главнымъ образомъ къ лицу, облеченному правомъ, а къ другимъ настолько, насколько они могутъ касаться перваго; нравственность, напротивъ, обращается къ тому лицу, на которое налагается обязанность. 5) Право имѣетъ въ виду только внѣшнее дѣйствіе, нравственность преимущественно внутреннее настроеніе. 6) Вслѣдствіе этого, нравственность вся покоится на внутреннемъ убѣжденіи дѣйствующаго; обязанности каждаго опредѣляются его совѣстью. Праву, напротивъ, нѣтъ дѣла до совѣсти; оно требуетъ, чтобы никто не вторгался въ чужую свободу, каково бы ни было его внутреннее убѣжденіе. Поэтому, 7) право сопровождается принужденіемъ,

---

*) Lehrb. des Vernunftr., §§ 5, 6.

тогда какъ нравственная обязанность никогда не можетъ быть вынуждена. Этотъ признакъ считается иногда самымъ главнымъ, но, въ сущности, принужденіе составляетъ только необходимое внѣшнее послѣдствіе права, а не выражаетъ внутренняго его существа; послѣднее заключается въ совмѣстномъ существованіи внѣшней свободы разумныхъ лицъ*).

Такимъ образомъ, законъ внѣшней свободы совершенно независимъ отъ свободы внутренней. Для того, чтобы приписать человѣку правоспособность, нѣтъ нужды признавать его нравственнымъ существомъ; достаточно признать его существомъ разумнымъ, то есть, способнымъ сознавать законы разума и слѣдовать имъ**). А такъ какъ предписаніе практическаго разума состоитъ именно въ нравственномъ законѣ, то ясно, что юридическій законъ нельзя считать выраженіемъ практическаго разума. Право есть сознаваемая разумомъ теоретическая истина, также какъ математика; оно опредѣляетъ единственный разумный способъ совмѣстнаго существованія свободныхъ лицъ. Для того, чтобы эта истина сдѣлалась обязательною для человѣка, необходимы еще и другія условія. Отчасти она получаетъ обязательную силу отъ нравственнаго закона, который предписываетъ соблюденіе правомѣрнаго порядка. Но такъ какъ исполненіе нравственнаго закона зависитъ исключительно отъ совѣсти каждаго, то подобная гарантія всегда недостаточна. Она имѣетъ силу только для добрыхъ, да и для тѣхъ единственно подъ условіемъ взаимности. Для злыхъ же, насколько они разумны, требуется нѣчто дру-

*) Тамъ же, All. Einl. § 11.

**) Тамъ же, § 6, стр. 27.

гое: собственный интересъ побуждаетъ ихъ установить между собою такой порядокъ, въ силу котораго юридическій законъ прилагался бы принудительно, въ видахъ всеобщаго охраненія свободы. Черезъ это право получаетъ внѣшній авторитетъ и становится положительнымъ. Но это искусственное учрежденіе не слѣдуетъ смѣшивать съ правомъ въ собственномъ смыслѣ. Послѣднее остается чисто разумнымъ началомъ, независимымъ отъ какого бы то ни было внѣшняго авторитета *).

Этими выводами опредѣляется отношеніе чисто раціональнаго права къ положительному. Раціональное право одно для всѣхъ; въ немъ заключается все, что согласно съ общею свободою, а изъ него исключается все, что ей противорѣчитъ **). Если бы всѣ люди были разумны и справедливы, этихъ началъ было бы достаточно для разрѣшенія всѣхъ возможныхъ столкновеній. Но судья, избранный для рѣшенія спора, можетъ заблуждаться или быть пристрастнымъ. Отсюда необходимость болѣе точныхъ опредѣленій, которыя даютъ правила для отдѣльныхъ случаевъ. Кромѣ того, человѣческія соглашенія и законныя власти могутъ установлять такого рода стѣсненія свободы, которыя не полагаются раціональнымъ правомъ, и эти постановленія имѣютъ силу, если они правомѣрны по формѣ и не противорѣчатъ раціональному праву по своему содержанію ***). Наконецъ, нерѣдко издаются и такіе законы, которые прямо противорѣчатъ требованіямъ чистаго

---

*) Lehrb. des Vernunft., Allg. Einl. § 13.

**) Тамъ же, § 20.

***) Lehrb. des Vernunftr., Allg. Einl. § 18; § 21, стр. 71.

права. Но подобныя постановленія не имѣютъ обязательной силы, ибо они, по существу своему, выражаютъ не право, а неправду. Никакое положительное или историческое право не можетъ уничтожить даннаго мнѣ природою права. Я всегда имѣю право протестовать и требовать возстановленія правомѣрнаго состоянія *). Раціональное право составляетъ, слѣдовательно, высшее мѣрило всякаго положительнаго права. Послѣднее имѣетъ силу единственно настолько, насколько оно согласуется съ первымъ; иначе оно остается простымъ фактомъ **).

Таковы основныя положенія Роттека. Не трудно видѣть ихъ недостаточность. Съ одной стороны, право слишкомъ безусловно отдѣляется отъ нравственности. Какъ признаетъ и самъ Роттекъ, весь юридическій законъ зиждется на признаніи другаго лица разумнымъ существомъ; но почему же область внѣшней свободы разумнаго существа должна оставаться неприкосновенною? Если только для устраненія противорѣчія между моею внѣшнею свободою и чужою, то это противорѣчіе можетъ быть уничтожено и другими способами: удаленіемъ одного изъ двухъ или подчиненіемъ одного другому. Но право не допускаетъ такого рѣшенія, именно потому, что это не согласно съ уваженіемъ, которое должно быть оказано лицу, а этого уваженія лице требуетъ не потому только, что оно есть существо разумное, то есть, способное разсуждать, а потому, что оно есть существо разумно-нравственное, носящее въ себѣ сознаніе высшихъ началъ и способное свободно опре-

*) Тамъ же, § 19; § 21, стр. 71.

**) Тамъ же, § 22.

дѣляться на основаніи этихъ началъ. Вслѣдствіе этого, оно не можетъ быть низведено на степень простаго средства, но всегда должно быть признано само себѣ цѣлью. Нравственное достоинство лица, присущее природѣ человѣка, дѣлаетъ его прирожденнымъ субъектомъ права. Внутренняя свобода составляетъ, слѣдовательно, необходимое условіе для признанія свободы внѣшней, хотя послѣдняя образуетъ самостоятельную область, имѣющую свои особенные законы. Отрѣзывая совершенно право отъ нравственности, Роттекъ уничтожаетъ связь права съ цѣльнымъ существомъ человѣка и, съ тѣмъ вмѣстѣ, лишаетъ его того основанія, на которомъ оно зиждется.

Послѣдствіемъ этого взгляда является то, что право получаетъ чисто теоретическій характеръ. Роттекъ утверждаетъ, что практическій разумъ не идетъ далѣе нравственности. Право же пріобрѣтаетъ обязательную силу, съ одной стороны, отъ нравственнаго начала, съ другой стороны, отъ личнаго интереса. Но и то и другое слишкомъ недостаточно. Первое зависитъ отъ внутренняго, свободнаго убѣжденія каждаго; второе же не имѣетъ никакого отношенія къ праву и можетъ даже вести къ совершенному его отрицанію. Въ дѣйствительности, право потому только и есть право, что оно является практическимъ требованіемъ; отъ этого оно и сопровождается принужденіемъ, что было бы немыслимо, еслибы оно было только теоретическою системою. Право, также какъ и нравственность, составляетъ, слѣдовательно, проявленіе практическаго разума, хотя эти двѣ области противоположны другъ другу. Нравственно свободное лице, съ одной стороны, развиваетъ міръ

внутренней своей свободы, а съ другой стороны, требуетъ для внѣшней своей свободы признанія другихъ.

Самъ Роттекъ до такой степени считаетъ право практическимъ требованіемъ, что оно всѣмъ несправедливо притѣсняемымъ даетъ неотъемлемо право всегда требовать отмѣны несправедливыхъ законовъ, въ случаѣ нужды даже силою. Если я не всегда могу силою провести свое прирожденное право, говоритъ онъ, то препятствіе происходитъ отнюдь не отъ недѣйствительности права, а отъ другихъ постороннихъ обстоятельствъ, которыя временно мѣшаютъ его осуществленію *). Отсюда то безусловное преимущество, которое онъ даетъ раціональному праву передъ положительнымъ: послѣднее получаетъ силу только отъ перваго. Ясно, что эти положенія противорѣчатъ чисто теоретическому характеру права. Съ другой стороны, они противорѣчатъ и самому его существу, ибо раціональному праву придается безусловное практическое значеніе, котораго оно имѣть не можетъ. Самъ Роттекъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что осуществленіе истиннаго права составляетъ только цѣль, къ которой стремятся всѣ положительныя законодательства, но которая никогда не достигается вполнѣ. Въ дѣйствительности же, по его собственному признанію, нѣтъ апелляціи отъ положительнаго права къ раціональному, ибо, какъ бы я ни былъ внутренно убѣжденъ въ своей правотѣ, я не въ правѣ ставить личное свое мнѣніе выше общественнаго приговора; напротивъ, я по совѣсти обязанъ подчиняться даже несправедливому закону

*) Lehrb. des Vernunftr., Allg. Einl. § 21, стр. 71—72.

или рѣшенію *). Дѣло въ томъ, что право, не смотря на свой обязательный характеръ, не можетъ имѣть притязанія на безусловное значеніе въ жизни. Личное начало подчиняется общественному; послѣднее, возводя къ высшему единству различныя стороны человѣческаго естества, имѣетъ въ практической области рѣшающій голосъ. Отсюда перевѣсъ положительнаго права, выражающаго общественное сознаніе, надъ раціональнымъ правомъ, въ которомъ выражается только сознаніе личное. Лице можетъ предъявлять свои требованія, но оно должно оказывать повиновеніе положительному закону.

Итакъ, мы замѣчаемъ у Роттека двоякую односторонность: онъ слишкомъ рѣзко отдѣляетъ право отъ нравственности, черезъ что первое лишается внутренней своей основы, а съ другой стороны, онъ приписываетъ праву слишкомъ безусловное значеніе, вслѣдствіе чего личное начало становится краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія.

Послѣдній недостатокъ ведетъ къ тому, что у него частное право полагается въ основаніе государственнаго. Все право дѣлится у него на четыре разряда: 1) частное право, опредѣляющее отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою; 2) общественное право, опредѣляющее отношенія частныхъ обществъ къ ихъ членамъ и занимающее середину между частнымъ правомъ и государственнымъ; 3) государственное право и, наконецъ, 4) международное. Эти четыре разряда онъ сводитъ однако къ двумъ главнымъ рубрикамъ: къ частному праву и государственному; первое опредѣляетъ отношенія внѣшней свободы от-

*) Lehrb. des Vernunftr., Allg. Einl. § 12, стр. 44.

дѣльныхъ лицъ, второе — отношенія государства, какъ цѣлаго, къ своимъ членамъ *). Частное право предшествуетъ государственному; оно вытекаетъ изъ естественнаго права и ввѣряется государству единственно для защиты. Государство, возникая изъ договора, само зиждется на частномъ правѣ и составляетъ собственно только отрасль послѣдняго. Поэтому, оно призвано служить ему, а никакъ не господствовать надъ нимъ. Частныя права лицъ составляютъ неприкосновенное ихъ достояніе, которое не можетъ быть у нихъ отнято безъ ихъ согласія. Слѣдовательно, говоритъ Роттекъ, они могутъ быть отмѣнены только въ силу общаго закона, на который облеченное правомъ лице дало свое согласіе или, по крайней мѣрѣ, *должно было* дать его по разуму **).

Эта послѣдняя оговорка весьма знаменательна. Она, въ сущности, уничтожаетъ всѣ предыдущія положенія, ибо этимъ признается, что частное право можетъ быть отмѣнено и безъ согласія лица, лишь бы это требовалось высшимъ закономъ разума, то есть, общественнымъ началомъ. Публичное право, съ своей стороны, выражая общественную волю, всегда можетъ быть отмѣнено рѣшеніемъ общественной власти; однако, прибавляетъ Роттекъ, не иначе, какъ во имя общественной цѣли и въ предѣлахъ общественнаго договора, ибо только на это простираются права, дарованныя власти ***).

Мы возвратимся ниже къ ученію объ общественномъ договорѣ, на которомъ строится государство. Что касается до частнаго права, которое государ-

*) Lehrb. des Vernunftr., Allg. Einl. § 25.
**) Тамъ же, § 27, стр. 103—105.
***) Тамъ же, § 27, стр. 105.

ство, по этой теоріи, призвано только охранять, то Роттекъ раздѣляетъ его на два вида: на абсолютное и гипотетическое, или, что тоже самое, на прирожденное и пріобрѣтенное. Первое имѣетъ силу само по себѣ, второе подъ условіемъ извѣстнаго дѣйствія, расширяющаго внѣшнюю свободу лица *).

Абсолютное право человѣка простирается на собственное его лице и на его дѣйствія. Оно заключаетъ въ себѣ право на собственное тѣло, на всякія выраженія физической и духовной жизни, которыми не нарушаются чужія права, на присвоеніе никому не принадлежащихъ вещей, на добровольный отказъ отъ своихъ правъ, наконецъ, право сопротивляться насилію **). Такъ называемое право на безопасность содержится уже въ этихъ правахъ, ибо всякій обязанъ ихъ уважать. Но такъ какъ эта обязанность — отрицательная, то положительнаго обезпеченія права я не могу требовать отъ другаго. Во имя взаимности, я могу только предложить ему вступить въ гражданское состояніе въ видахъ безпристрастнаго разрѣшенія столкновеній, и если онъ мнѣ въ этомъ отказываетъ, онъ поступаетъ со мною несправедливо, и я въ правѣ его къ этому принудить ***).

Всѣ эти прирожденныя права могутъ быть уничтожены не иначе, какъ преступленіемъ; ограничены же они могутъ быть какъ преступленіемъ, такъ и неполноправіемъ, происходящимъ отъ возраста, отъ состоянія умственныхъ способностей и т. п., наконецъ, добровольнымъ отказомъ отъ своихъ правъ. Но всѣ эти стѣсненія имѣютъ силу только для са-

*) Тамъ же, § 25; I Hptth., 1 Abschn. § 2.
**) Тамъ же, I Hptth., 1 Abschn. § 3.
***) Тамъ же, I Hptth., 1 Abschn. § 5.

мого лица, а никакъ не простираются на его потомство. Если личное рабство можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдано, то потомственное всегда составляетъ нарушеніе права *). Поэтому, справедливо провозглашенное французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ правило, что всѣ люди рождаются свободными и равными другъ другу. Но несправедливо, что они остаются таковыми, ибо они могутъ въ большей или меньшей степени терять свою свободу, черезъ неполноправіе, преступленіе или добровольный отказъ отъ своего права, и если они сохраняютъ формальное равенство, то матеріальное равенство быстро исчезаетъ. Неравенство въ пріобрѣтеніи имуществъ естественно ведетъ къ раздѣленію людей на богатыхъ и бѣдныхъ, на заимодавцевъ и должниковъ, на господъ и слугъ. Къ этому присоединяется неравенство, происходящее отъ общественныхъ установленій, изъ которыхъ образуются различія между правителями и подданными, знатными и незнатными, привилегированными и непривилегированными. Послѣдняго рода неравенство, неравенство политическое, имѣетъ однако характеръ, существенно отличный отъ перваго. Матеріальное неравенство непремѣнно должно признаваться положительнымъ закономъ, ибо оно вытекаетъ изъ естественнаго права, съ которымъ положительное должно сообразоваться. Политическое же неравенство можетъ быть введено лишь во имя общаго блага и всегда можетъ быть отмѣнено въ силу того же начала; слѣдовательно, оно правомѣрно лишь настоль-

---

*) Тамъ же, §§ 7—9.

ко, насколько можно разумнымъ образомъ предполагать согласіе всѣхъ участниковъ *).

Ясно, что эти начала значительно измѣняютъ ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка. Когда Роттекъ утверждаетъ, что прирожденныя права передаются государству только для охраненія, а потому всякое ихъ стѣсненіе составляетъ нарушеніе права, но при этомъ оговаривается: «насколько изъ общественнаго договора не можетъ быть выведенъ отказъ отъ этихъ правъ» **), то подобная оговорка, при всей своей неопредѣленности и неосновательности, совершенно измѣняетъ существо дѣла, ибо ею уничтожается абсолютный характеръ прирожденныхъ правъ. Въ развитіи своей теоріи Роттекъ постоянно колеблется между требованіями личности и требованіями общества, будучи не въ состояніи ихъ примирить. Въ основаніе полагается личное право, но затѣмъ являются разныя непослѣдовательныя и неопредѣленныя ограниченія, вызванныя общественнымъ началомъ.

Что касается до гипотетическаго права, то оно вытекаетъ изъ факта, связывающаго извѣстный предметъ съ кореннымъ правомъ лица, то есть, съ его свободою. Вслѣдствіе этого, посягательство на предметъ становится посягательствомъ на свободу лица. Эта область заключаетъ въ себѣ собственность, договоръ и принудительное право, возникающее изъ правонарушенія ***).

Основанія собственности, говоритъ Роттекъ, слѣдуетъ искать не въ воображаемомъ договорѣ, кото-

---

*) Lehrb. des Vernunftr., I Hptth., 1 Abschn. § 10.

**) Тамъ же, § 3, стр. 131.

***) Тамъ же, 2 Abschn. § 12.

рый, еслибы даже и существовалъ, то не могъ бы быть обязателенъ для постороннихъ лицъ и для новыхъ поколѣній, а въ правѣ человѣка присвоивать себѣ вещи, никому не принадлежащія. Такое присвоеніе правомѣрно, ибо этимъ не нарушается ничье право; посягательство же на присвоенную вещь составляетъ нарушеніе права. Но занятіе или присвоеніе можетъ породить только временную связь: вещь — моя, пока она находится въ моемъ владѣніи. Собственность же имѣетъ основаніемъ трудъ: какъ скоро въ вещь положена часть моего труда, такъ она прочно связывается съ моимъ лицемъ*). Признавая полное право собственника распоряжаться своимъ имуществомъ по усмотрѣнію, истреблять его и передавать, кому хочетъ, Роттекъ ограничиваетъ однако это право жизнью лица: наслѣдственность онъ считаетъ установленіемъ положительнаго, а не естественнаго права**). Это ограниченіе нельзя признать правильнымъ: воля лица, выраженная при жизни, должна быть уважаема и послѣ его смерти, если она не нарушаетъ чужаго права и не противорѣчитъ общественнымъ требованіямъ. Точно также нельзя согласиться съ Роттекомъ, когда онъ всякія частныя повинности, лежащія на землѣ, объявляетъ несовмѣстными съ правомъ собственности***). Если возможны другаго рода ограниченія и дѣленія собственности, то почему же не эти? Тутъ является вопросъ о цѣлесообразности, а не о правѣ. Неприязнь къ феодальнымъ учрежденіямъ побудила Роттека отнести къ естественному праву то, что со-

*) Lehrb. des Vernunftr., I Hptth., 2 Abschn. § 15.
**) Тамъ же, § 16.
***) Тамъ же, §§ 21—26.

ставляетъ только постановленіе положительнаго закона.

Обязательную силу договоровъ Роттекъ точно также выводитъ изъ кореннаго начала права. Область свободы каждаго лица замкнута для другихъ, но добровольно каждый можетъ открыть въ нее доступъ другому, и какъ скоро это совершилось, какъ скоро дано и принято обѣщаніе, такъ измѣненіе воли является уже нарушеніемъ чужаго права. Я обязанъ исполнить обѣщаніе, потому что, давши его, я связалъ извѣстное свое дѣйствіе съ свободою другаго *). Это основаніе совершенно вѣрно; но оно выводитъ уже право за предѣлы чисто отрицательнаго отношенія лицъ: обязываясь къ извѣстному дѣйствію я не только допускаю другаго въ область своей свободы, но даю ему право на извѣстное положительное требованіе, которое я долженъ исполнить. Тутъ является уже положительная связь лицъ, порождаемая самою свободою, или самоопредѣленіемъ.

Наконецъ, нарушеніе права вызываетъ принужденіе, охраняющее правомѣрный порядокъ. Кто выступилъ изъ предѣловъ своего права, тотъ находится внѣ права, а потому подлежитъ принужденію, и притомъ въ той самой мѣрѣ, въ какой онъ нарушилъ право. Степени принужденія могутъ быть, впрочемъ, различны. Невольное нарушеніе права устраняется сопротивленіемъ, а въ случаѣ нужды и вознагражденіемъ убытковъ; сознательное, но добросовѣстное нарушеніе порождаетъ споръ; наконецъ, недобросовѣстное посягательство на чужое право вызываетъ возмездіе, возстановляющее нарушенное

---

*) Тамъ же, §§ 27, 28.

равновѣсіе. Тутъ отрицаніе должно простираться не только на внѣшнее дѣйствіе, но и на самую волю, породившую дѣйствіе. На этомъ основаніи Роттекъ относительно наказанія держится системы воздаянія. Предупрежденіе преступленій, устрашеніе и исправленіе преступниковъ, все это — второстепенныя точки зрѣнія, которыя могутъ видоизмѣнять способы приложенія наказанія, но не касаются самой его сущности. Точно также онъ отвергаетъ и выводъ наказанія изъ государственнаго порядка: наказаніе вытекаетъ изъ естественнаго права; оно прилагается и къ частному быту, государство же даетъ ему только высшую санкцію, устраняя произволъ, неизбѣжно сопряженный съ частною местью *).

Всѣ эти выведенныя Роттекомъ основанія частнаго права можно признать въ существѣ своемъ совершенно вѣрными. Индивидуалистическое начало здѣсь вполнѣ приложимо. Гораздо болѣе шаткою является его теорія общественнаго союза. Подъ именемъ общества (Gesellschaft) онъ разумѣетъ сліяніе живыхъ воль въ одну совокупную волю, во имя совокупной цѣли, вслѣдствіе чего изъ нихъ составляется единое юридическое лице, живущее общею жизнью. Держась строго этого опредѣленія, онъ исключаетъ изъ понятія объ обществѣ, съ одной стороны, всѣ тѣ союзы, въ которыхъ цѣль — личная или субъективная, напримѣръ церковь, основанную на религіозномъ чувствѣ, съ другой стороны, тѣ союзы, въ которыхъ совокупная воля составляется не сліяніемъ свободныхъ воль, а подчиненіемъ однихъ другимъ. Поэтому, онъ отъ обществъ отличаетъ корпораціи,

---

*) Lehrb. des Vernunftr., I Hauptth., 2 Abschn., 4 Кар. §§ 50–55.

которыя также представляютъ собою юридическія лица, но могутъ быть основаны и на иныхъ началахъ. Общество, по его теоріи, немыслимо иначе, какъ между свободными и равными лицами, участвующими въ совокупномъ рѣшеніи *).

Не трудно замѣтить, что это раздѣленіе — чисто искусственное; оно придумано для того, чтобы начало свободы сдѣлать неотъемлемою принадлежностью общественнаго устройства. Роттекъ не показалъ ни основаній своего опредѣленія, ни существеннаго отличія того, что онъ называетъ обществомъ, отъ корпораціи. И здѣсь и тамъ соединенныя особи образуютъ единое юридическое лице; устройство же союза составляетъ, въ сущности, дѣло второстепенное, которое можетъ дать матеріалъ развѣ только для подраздѣленія. Вліяніе Руссо на это воззрѣніе очевидно. Вмѣстѣ съ французскимъ философомъ, Роттекъ отличаетъ общую волю, выражающую совокупное рѣшеніе, отъ воли всѣхъ, выражающей только частныя мнѣнія членовъ. Первая простирается единственно на то, что требуется общественною цѣлью, и на средства, сообразныя съ этою цѣлью. Поэтому, несправедливое рѣшеніе никогда не можетъ быть выраженіемъ общей воли. Всякое нарушеніе правъ членовъ выходитъ изъ предѣловъ общественнаго договора. Отъ Руссо Роттекъ отличается тѣмъ, что онъ не требуетъ полной передачи личныхъ правъ общественному союзу, а признаетъ за членами общества не только права, неотъемлемо принадлежащія имъ въ силу общественнаго договора, но и личныя права, независимыя отъ

*) Тамъ же, 3 Abschn. §§ 57—59.

союза. Съ другой стороны, онъ не ограничиваетъ совокупной воли изданіемъ однихъ общихъ законовъ въ предѣлахъ общественнаго договора; онъ допускаетъ и рѣшенія по частнымъ дѣламъ. Наконецъ, изъ числа лицъ, участвующихъ въ рѣшеніи, онъ исключаетъ какъ неполноправныхъ, такъ и лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ, первыхъ по недостаточному знанію дѣлъ, вторыхъ вслѣдствіе преобладанія въ нихъ личнаго интереса надъ общимъ *). За этими исключеніями, говоритъ Роттекъ, совокупная воля общества выражается въ большинствѣ голосовъ. Это прямо вытекаетъ изъ того, что голоса всѣхъ членовъ равны, слѣдовательно, преобладающимъ мнѣніемъ должно считаться то, которое имѣетъ за себя большинство, а преобладающее мнѣніе и есть выраженіе общей воли. Инаго средства придти къ рѣшенію нѣтъ. Единогласіе требуется только для составленія общества; оно представляетъ собою рѣшеніе еще не соединенной толпы; но какъ скоро лица образовали одно цѣлое, имѣющее одну волю, такъ выраженіемъ этой воли необходимо становится преобладающее мнѣніе. Этимъ не уничтожается свобода меньшинства, ибо 1) къ большинству можетъ принадлежать всякій; а 2) такъ какъ рѣшеніе большинствомъ голосовъ составляетъ необходимое условіе общественнаго союза, то, вступая въ союзъ, каждый тѣмъ самымъ добровольно подчинился этому закону **). Поэтому и государственное устройство, какъ позднѣйшее учрежденіе, является произведеніемъ закона, установляемаго большинствомъ, а не договора, для котораго требуется единогласіе. На

*) Lehrb. des Vernunftr., I Hptth., 3 Abschn. § 60.

**) Тамъ же, § 61.

договорѣ зиждется только образованіе общества посредствомъ добровольнаго соединенія лицъ *).

Роттекъ идетъ еще далѣе въ своихъ отступленіяхъ отъ теоріи Руссо. Онъ допускаетъ даже перенесеніе общественной власти на искусственный органъ, облеченный самостоятельнымъ правомъ. Общество, говоритъ онъ, можетъ наложить на себя такое самоограниченіе, какъ необходимое средство для общественной цѣли, въ виду недостатковъ естественнаго органа, то есть, большинства голосовъ, или же изъ опасенія внутреннихъ раздоровъ и даже распаденія общества. Мало того; иногда общество подчиняется искусственному органу даже безъ формальнаго перенесенія власти, просто въ силу фактическаго признанія. При этомъ Роттекъ дѣлаетъ оговорку, что перенесеніе власти всегда должно быть сообразно съ первоначальнымъ общественнымъ договоромъ; фактическое состояніе можетъ временно устранить, но оно никогда не уничтожаетъ идеальнаго права **). Очевидно, однако, что съ созданіемъ искусственнаго органа уничтожается различіе между обществомъ и корпораціею; слѣдовательно, тѣ основанія, на которыхъ Роттекъ строилъ свою теорію, имъ же самимъ отвергаются въ ихъ послѣдствіяхъ.

Роттекъ не показываетъ приложенія своихъ началъ къ тѣмъ мелкимъ союзамъ, которые стоятъ посрединѣ между отдѣльными лицами и государствомъ. Онъ считаетъ излишнимъ говорить о нихъ, хотя здѣсь онъ всего болѣе затруднился бы провести свое искусственное раздѣленіе между обществомъ и корпораціею. Исключеніе онъ дѣлаетъ

*) Тамъ же, § 62.

**) Тамъ же, § 63.

только для семейства, которое, по своей важности, требуетъ особаго разсмотрѣнія; но тутъ-то именно принятыя имъ начала общественнаго устройства оказываются всего менѣе приложимыми.

Прежде всего, семейство зиждется не на одномъ правѣ; сюда присоединяются, съ одной стороны, простыя договорныя отношенія, съ другой стороны, нравственныя требованія, а наконецъ, и чисто естественныя опредѣленія, которыя даютъ своеобразный характеръ всему союзу *). Мало того; Роттекъ прямо признаетъ, что здѣсь, въ противоположность другимъ юридическимъ сферамъ, нравственный законъ предписываетъ, а право даетъ только юридическое основаніе вытекающимъ изъ него требованіямъ **).

Это обнаруживается въ самомъ коренномъ установленіи, на которомъ зиждется семейство, — въ бракѣ. Нравственность требуетъ облагороженія чисто животной связи. Это совершается посредствомъ нравственнаго чувства любви, которое превращаетъ половое влеченіе въ постоянное единеніе душъ. Затѣмъ рождается нравственная обязанность дать человѣческое воспитаніе дѣтямъ. Отсюда требованіе исключительности и неразрывности брака, требованіе, которое можетъ впрочемъ видоизмѣняться вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Далѣе, хотя бракъ основывается на свободномъ договорѣ, однако равенства между членами въ немъ нѣтъ. Сама природа дала мужчинѣ превосходство, признаніе котораго требуется нравственнымъ закономъ и освящается

---

*) Lehrb. des Vernunftr., I Hptth., 4 Abschn. § 64.

**) Тамъ же, § 66.

правомъ. Жена не исключается изъ участія въ рѣшеніи, но голосъ мужа имѣетъ перевѣсъ *).

Въ противоположность браку, отношенія родителей къ дѣтямъ основаны не на договорѣ, а на чисто естественномъ началѣ. Дѣти являются произведеніемъ родителей и связаны съ ними, какъ часть ихъ естества. Поэтому Роттекъ отвергаетъ теоріи, которыя стараются вывести этотъ союзъ изъ предполагаемаго договора. Онъ прямо признаетъ, что между родителями и дѣтьми нѣтъ общества въ точномъ смыслѣ слова. Но онъ считаетъ возможнымъ распространить на эти отношенія понятіе о собственности, съ тѣми только ограниченіями, которыя требуются положеніемъ ребенка, какъ зрѣющаго лица. Изъ этого лично-вещнаго права онъ выводитъ власть родителей, которая прекращается однако съ совершеннолѣтіемъ дѣтей; тутъ она превращается уже въ чисто договорное отношеніе. Роттекъ признаетъ, что голое право собственности даетъ мало утѣшенія дѣтямъ; но любовь и нравственныя обязанности родителей, говоритъ онъ, даютъ этой связи совершенно иной характеръ **). Ясно, однако, что понятіе о собственности тутъ совершенно непримѣнимо. Роттекъ принужденъ былъ къ нему прибѣгнуть, потому что, исходя отъ частнаго права и полнаго разъединенія лицъ, онъ не могъ вывести иныхъ отношеній, кромѣ основанныхъ на собственности и договорѣ.

По той же причинѣ онъ старается подвести подъ понятіе о лично-вещномъ правѣ и третье входящее въ составъ семейнаго союза отношеніе, именно, отношеніе господъ и слугъ. Здѣсь основаніе уже чисто

*) Lehrb. des Vernunftr., I Hptth., 4 Abschn. §§ 67—70.
**) Тамъ же, §§ 71—75.

договорное; но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ общественному началу присоединяется постоянное подчиненіе, которое, по мнѣнію Роттека, можетъ быть объяснено единственно лично-вещнымъ правомъ, то есть, аналогіею съ собственностью *).

Такимъ образомъ, семейство составляется изъ трехъ отношеній, которыя приводятся къ единству главою семейства, соединяющимъ въ себѣ власть супружескую, родительскую и домашнюю. Черезъ него семейство становится единымъ лицемъ **). Едва ли нужно объяснять, что тутъ объ общественныхъ началахъ, принятыхъ Роттекомъ, нѣтъ уже рѣчи.

Разложеніе семейныхъ отношеній ведетъ къ образованію государства. Съ разростаніемъ рода, въ теченіе нѣкотораго времени сохраняется еще родственная связь. Въ силу договора, вмѣсто дѣйствительнаго отца установляется фиктивный отецъ, который считается главою рода. Но съ ослабленіемъ родственнаго чувства, исчезаетъ тотъ элементъ, который смягчаетъ суровость власти, и тогда рождается потребность въ ограниченіи этой власти семейнымъ совѣтомъ, или же развивается чистый деспотизмъ. Тяжесть деспотизма, въ свою очередь, ведетъ къ потребности замѣнить семейныя отношенія гражданскими, въ которыя каждое лице вступаетъ уже въ силу свободнаго договора. Черезъ это, частное право переходитъ въ публичное, семейство въ государство.

Роттекъ признаетъ, что государство, также какъ и семейство, заключаетъ въ себѣ не одно право.

---

*) Тамъ же, § 76.

**) Тамъ же, § 77.

Кромѣ государственнаго права, въ составъ политической науки входитъ и политика, то есть, ученіе о практическихъ средствахъ къ достиженію государственной цѣли. Но право составляетъ здѣсь основное начало; оно даетъ законъ и указываетъ цѣль. Политика ему подчиняется, исполняя только то, что предписывается правомъ. Само же государственное право зиждется на естественномъ частномъ правѣ, а послѣднее, въ свою очередь, вытекаетъ изъ чисто раціональнаго права. Такимъ образомъ, все государственное право держится правомъ, истекающимъ изъ разума, и изъ котораго оно черпаетъ свою силу *).

Это ученіе, замѣчаетъ Роттекъ, нерѣдко клеймится названіемъ революціоннаго, потому что оно требуетъ отмѣны существующихъ учрежденій во имя раціональныхъ началъ. Но разумные послѣдователи этой теоріи не отвергаютъ историческаго права, пока оно не противорѣчитъ естественному. Во имя политической необходимости, они допускаютъ и благоразумное вниманіе къ существующимъ условіямъ жизни и даже временный отказъ отъ требованій, сопряженныхъ съ слишкомъ большими жертвами. Но они всегда признаютъ существованіе этихъ требованій и право общества осуществлять ихъ, какъ скоро оно находитъ это возможнымъ. Противоположная имъ реакціонная школа, напротивъ, высшимъ представителемъ которой является Галлеръ, стоя за неподвижное сохраненіе установленнаго порядка, въ сущности, отвергаетъ всякое раціональное право; да и самое историческое право приверженцы этого направленія постоянно толкуютъ въ пользу привиле-

---

*) Lehrb. des Vernunftr, II, Allg. Staatsl., Einleit., §§ 1, 17.

гированныхъ сословій, всегда готовые отдать права низшихъ классовъ на жертву власти. Между тѣми и другими стоятъ защитники постепенныхъ реформъ, каковы Ансильонъ и Пёлицъ. Лучшіе изъ нихъ въ основаніи держатся началъ революціонной школы, но они стараются придать своимъ требованіямъ болѣе мягкое выраженіе и считаютъ возможнымъ только медленное ихъ осуществленіе. Такое колеблющееся положеніе не можетъ быть признано правильнымъ, тѣмъ болѣе что оно служитъ лишь предлогомъ для безконечной отсрочки всякихъ преобразованій. Если извѣстное учрежденіе признано несогласнымъ съ требованіями права, отчего не отмѣнить его тотчасъ? Къ чему промедленіе, когда самое это сознаніе служитъ уже признакомъ того, что оно отжило свой вѣкъ? И кто, наконецъ, опредѣлитъ мѣру промедленія? Привилегированныя лица всегда считаютъ преобразованія недостаточно созрѣвшими. Такимъ образомъ, система постепенныхъ реформъ не представляетъ твердой почвы для государственной жизни *).

Слѣдуя этимъ началамъ, Роттекъ въ основаніе политическаго союза полагаетъ чисто раціональный договоръ. Вопросъ о происхожденіи государства, говоритъ онъ, не историческій, а философскій. Дѣло не въ томъ, какъ возникли существующія государства, а въ томъ, каково ихъ юридическое основаніе? во имя чего они могутъ повелѣвать подданнымъ? Физическая сила можетъ породить только фактическое, а не юридическое состояніе; патріархальныя же и частныя отношенія, для того чтобы превратиться въ политическій союзъ, нуждаются въ новомъ

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Allg. Staatsl., Einl. § 18.

юридическомъ началѣ, измѣняющемъ ихъ сущность. Такимъ началомъ можетъ быть только договоръ; ибо положительныя обязанности могутъ быть наложены на лице единственно въ силу добровольнаго его согласія. А такъ какъ государство представляетъ собою соединеніе воль, то для правомѣрнаго его существованія требуется общественный договоръ всѣхъ со всѣми. Роттекъ утверждаетъ, что такой договоръ — не простой вымыселъ, а фактъ. Если онъ не заключается явно, то онъ выражается молчаливымъ согласіемъ, посредствомъ требованія и исполненія юридическихъ обязанностей *). Ясно, однако, что для оправданія теоріи договора этого недостаточно, ибо требованіе и исполненіе юридическихъ обязанностей существуютъ и тамъ, гдѣ Роттекъ признаетъ чисто фактическое состояніе. Молчаливымъ согласіемъ можно все объяснить. Самъ Роттекъ говоритъ далѣе, что грамота, на основаніи которой учреждено государство, не лежитъ передъ нами; содержаніе ея можетъ быть почерпнуто единственно изъ разума **). Слѣдовательно, когда онъ отвергаетъ вымышленные и подразумѣваемые договоры, какъ несовмѣстные съ правомъ разума, онъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ основанія собственной своей политической теоріи.

Туже непослѣдовательность мы находимъ и въ ученіи о государственной цѣли. Роттекъ выводитъ ее изъ чисто раціональнаго содержанія государственнаго договора, то есть, изъ того, что̀ необходимо и одинаково должно быть предметомъ желанія всѣхъ въ немъ участвующихъ. Необходимость можетъ быть двоякая: естественная и юридическая. По

---

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapolitik, § 2.

**) Тамъ же, § 4, стр. 56.

естественному закону, каждый необходимо стремится къ счастію. Но каждый понимаетъ счастіе по-своему; слѣдовательно, предметомъ общаго стремленія могутъ быть только общія условія счастія, именно, внѣшняя свобода и безопасность. Юридически же необходимо исполненіе юридическаго закона. Насколько эти цѣли могутъ быть осуществлены совокупными усиліями всѣхъ, посредствомъ принудительныхъ обязанностей, настолько онѣ становятся цѣлью государства. Внѣ этихъ предѣловъ, государственный договоръ не имѣетъ силы. Поэтому, изъ вѣдомства государства изъемлется все, что составляетъ исключительно предметъ частныхъ стремленій, а также и то, что̀ не подлежитъ принужденію. Цѣлью государства не могутъ быть ни нравственныя требованія, ни счастіе отдѣльныхъ лицъ. Государство не въ состояніи осуществить всеобщее счастіе; поэтому, неопредѣленное начало общественнаго блага должно быть совершенно устранено. Государству не подлежатъ и тѣ идеальныя цѣли, которыя нѣкоторые ему приписываютъ, какъ-то, воспитаніе человѣчества, осуществленіе человѣчности и т. д.; ибо 1) нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромное большинство гражданъ вовсе не стремится къ этимъ цѣлямъ, и никто не имѣетъ права ихъ къ тому принудить; 2) эти цѣли подлежатъ такому безконечно-разнообразному толкованію, что осуществленіе ихъ открываетъ просторъ самому широкому произволу, а потому крайне опасно для общества; наконецъ, 3) ихъ достиженіе въ большей или меньшей степени составляетъ задачу генія, а не государственной власти, геній же не требуетъ для себя ничего, кромѣ свободы дѣйствій. Сообразно съ этими началами, говоритъ Роттекъ, первая и

главная цѣль государства заключается въ установленіи права, а затѣмъ, въ охраненіи свободы отъ угрожающихъ ей внѣшнихъ опасностей. Къ этимъ двумъ цѣлямъ, къ праву и безопасности въ широкомъ смыслѣ, можетъ быть приведено все, что требуется отъ государства, даже попеченіе о промышленности и благосостояніи, о народномъ просвѣщеніи и наукѣ, о нравственности и религіи. Роттекъ признается однако, что считать все это только средствомъ для права и безопасности было бы слишкомъ натянутымъ толкованіемъ. Но, говоритъ онъ, ничто не мѣшаетъ намъ включить всѣ эти интересы въ государственную цѣль, насколько они отвѣчаютъ вышеозначеннымъ требованіямъ. Всѣ жизненныя цѣли человѣка, физическія, умственныя и нравственныя, которыя могутъ быть лучше, полнѣе и вѣрнѣе достигнуты совокупными усиліями всѣхъ, нежели личною дѣятельностью каждаго, содержатся въ государственной цѣли, и надобно предполагать, что каждый разумный человѣкъ дастъ на это свое согласіе, но только подъ условіемъ, чтобы всѣ равно пользовались этими благами, чтобы приносимыя для нихъ жертвы не были слишкомъ тяжелы, и чтобы во всякомъ случаѣ отъ этого не страдали право и безопасность*). Ясно, что эта послѣдняя уступка уничтожаетъ весь предыдущій выводъ. Сперва Роттекъ пытается утвердить государственную цѣль на чисто юридическомъ началѣ, увѣряя даже, что все остальное выходитъ изъ предѣловъ государственнаго договора, но затѣмъ онъ допускаетъ распространеніе этой цѣли на всю совокупность человѣ-

---

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapol. §§ 4 —6.

ческихъ интересовъ, при совершенно неопредѣленныхъ ограниченіяхъ. Все, что исключалось въ началѣ, вводится снова въ концѣ.

Согласно съ своимъ ученіемъ объ обществѣ, Роттекъ выводитъ и государственную власть непосредственно изъ общественнаго договора: она образуется сліяніемъ воль, которое и составляетъ содержаніе договора *). Но онъ различаетъ три формы власти, сообразно съ тремя способами выраженія воли. Истинная воля общества, какъ цѣлаго, есть *идеальная* воля; въ сущности, это ничто иное, какъ извѣстное юридическое отношеніе, которое, по этому самому, не имѣетъ самобытнаго существованія **). Для того, чтобы эта воля проявилась въ дѣйствительности, необходимъ извѣстный органъ или олицетвореніе. Этотъ органъ можетъ быть двоякій: естественный и искусственный. Естественнымъ органомъ является большинство полноправныхъ гражданъ; какъ скоро общество составилось, такъ рѣшеніе большинства становится обязательнымъ для всѣхъ. По психологическому закону, этотъ органъ всегда стремится къ общему благу, ибо никто самъ себѣ зла не желаетъ, а общія постановленія равно распространяются на всѣхъ. Однако, большинство можетъ и уклониться отъ правомѣрнаго пути. Не легко опредѣлить самый составъ собранія, отдѣливши полноправныхъ отъ неполноправныхъ. Въ немъ могутъ преобладать неспособность, незнаніе, личные интересы, внутреннія распри. Все это дѣлаетъ необходимымъ учрежденіе искусственнаго органа, который установляется рѣшеніемъ большинства. Но искусственный органъ,

*) Тамъ же, § 18.
**) Тамъ же, §§ 25, 30.

въ свою очередь, еще скорѣе можетъ уклониться отъ требованій права: въ немъ еще болѣе можетъ господствовать личный интересъ. Поэтому, полная передача верховной власти искусственному органу противорѣчитъ государственной цѣли, слѣдовательно, и общественному договору. Такое устройство можетъ быть признано только фактическимъ *). Изъ всего этого Роттекъ заключаетъ, что полнота верховной власти въ государствѣ принадлежитъ единственно идеальной волѣ; въ дѣйствительности же она не можетъ быть присвоена никакому органу исключительно, ни естественному, ни искусственному, но оба должны раздѣлять ее между собою. Только идеальная власть едина по своему существу; олицетворенная же власть не можетъ быть единою безъ установленія деспотизма. Такимъ образомъ, совокупная воля представляется здѣсь взаимнодѣйствіемъ двухъ ограничивающихъ другъ друга властей, которыя остаются самостоятельными, хотя отъ нихъ требуется единство дѣйствія во имя общей цѣли **).

Границы этихъ властей опредѣляются самымъ ихъ характеромъ. Естественный органъ ограничивается государственнымъ договоромъ: все, что выходитъ изъ предѣловъ этого договора, то есть, все неправомѣрное и безнравственное, исключается изъ вѣдомства государственной власти. Но въ этихъ границахъ рѣшеніе большинства должно считаться выраженіемъ дѣйствительной воли общества. Совсѣмъ другое имѣетъ мѣсто относительно искусственнаго органа. Здѣсь требуется, чтобы рѣшеніе его было согласно не только съ возможною, но и съ дѣйствительною

*) Тамъ же, II, §§ 21—23.

**) Тамъ же, §§ 24—26.

волею общества, котораго онъ служитъ выраженіемъ. Тутъ недостаточно одной теоретической границы; нужно ограниченіе практическое. Здѣсь должно считаться неправомѣрнымъ все, что искусственный органъ предпринимаетъ противъ явнаго или могущаго быть дознаннымъ направленія естественнаго органа, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ можно доказать неспособность или нравственную испорченность послѣдняго. Равнымъ образомъ, должно считаться неправомѣрнымъ все, что искусственный органъ предпринимаетъ, чтобы затруднить или подавить выраженіе мнѣнія большинства, или чтобы задержать политическое развитіе народа *).

Эти правила имѣютъ, впрочемъ, различное приложеніе въ двухъ разныхъ сферахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ искусственный органъ. Есть область, гдѣ естественный органъ, по самымъ своимъ свойствамъ, не можетъ дѣйствовать правильно; это — исполненіе. Поэтому, оно всецѣло предоставляется искусственному органу, который замѣняетъ собою естественный. Здѣсь границею власти можетъ быть только наука, то есть, мнѣніе знающихъ и безпристрастныхъ людей. Искусственный органъ обязанъ прислушиваться къ выражающемуся въ нихъ общественному мнѣнію, содѣйствуя въ тоже время развитію политической зрѣлости самого общества. Въ другой области, напротивъ, именно, въ законодательствѣ, естественный органъ имѣетъ полную возможность дѣйствовать; здѣсь искусственному органу принадлежитъ только право контроля или запрета на рѣшенія, уклоняющіяся отъ истинной цѣли государства. Въ обоихъ

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapol. §§ 32—33.

случаяхъ, слѣдовательно, высшимъ мѣриломъ правомѣрности рѣшенія служитъ дѣйствительная воля общества или возможно вѣрное ея выраженіе. Поэтому, можно считать начало полнѣйшей свободы общественной воли за истинный палладіумъ публичнаго права *).

Роттекъ соглашается, впрочемъ, что могутъ быть случаи, когда народъ дѣйствительно неспособенъ къ самоуправленію, вслѣдствіе чего онъ долженъ считаться малолѣтнимъ и состоять подъ опекою. Но правомѣрная опека не можетъ быть установлена одностороннею волею опекуна; для этого требуется высшая власть, стоящая надъ опекуномъ и опекаемымъ. А такъ какъ надъ государствомъ нѣтъ подобной власти, то здѣсь опекунскія отношенія могутъ быть только фактическими. Но съ другой стороны, чисто фактическія отношенія не могутъ считаться правомѣрными и входить въ составъ государственнаго права; поэтому, остается признать, что государство, какъ юридическое установленіе, возникаетъ единственно съ того времени, когда народъ становится совершеннолѣтнимъ, и когда въ немъ является истинная совокупная воля въ юридическомъ значеніи **).

Этотъ послѣдній выводъ обличаетъ несостоятельность всей этой теоріи. Можно видѣть въ конституціонной монархіи идеальный образъ правленія, въ которомъ сочетаются требованія свободы и порядка; но нѣтъ логической возможности считать ее единственнымъ правомѣрнымъ государственнымъ устройствомъ. Какъ скоро допускается перенесеніе власти

---

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapol. §§ 33—34.

**) Тамъ же. § 34.

на искусственный органъ, такъ размѣръ этого перенесенія становится уже вопросомъ не права, а политики. Если жизненная необходимость заставляетъ взять незрѣлое общество подъ опеку, то оно вслѣдствіе этого не перестаетъ быть государствомъ и управляться юридическими отношеніями. Самъ Роттекъ, объявляя неправомѣрнымъ все, что искусственный органъ дѣлаетъ въ противность общественной волѣ, исключаетъ случаи, когда общество является неспособнымъ или безнравственнымъ; но кто судья этихъ случаевъ? Сослаться на мнѣніе разумныхъ людей нѣтъ возможности, ибо какъ опредѣлить, кто разуменъ и кто неразуменъ? Кому принадлежитъ это право? Разумные люди — не юридическое установленіе; поэтому, ихъ голосъ не можетъ имѣть юридическаго значенія. Стараясь установить на почвѣ права то, что составляетъ вопросъ политики, Роттекъ долженъ былъ запутаться въ неразрѣшимыя противорѣчія.

Точно также тщетны его усилія опредѣлить границы власти и повиновенія. Мы видѣли, что Роттекъ полагаетъ частное право въ основаніе государственнаго. Предшествующія государству права лицъ должны оставаться неприкосновенными. Въ частномъ правѣ государственная власть находитъ свою границу *). Но съ другой стороны, оказывается, что въ силу государственнаго договора, соединяющіяся лица отрекаются отъ многихъ своихъ правъ, а другія права подвергаются ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ. Еще болѣе значительныя уклоненія вводятся положительнымъ закономъ. Роттекъ полагаетъ предѣлъ

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapol. § 35, стр. 127.

дѣйствію послѣдняго, допуская лишь такого рода измѣненія, на которыя сами лица должны разумнымъ образомъ дать свое согласіе. Поэтому требуется, во-первыхъ, чтобы могла быть доказана, убѣдительно для здравомыслящихъ людей, дѣйствительная необходимость ограниченія права, а также и то, что проистекающая изъ него польза превосходитъ налагаемую имъ жертву; во-вторыхъ, всякое стѣсненіе частнаго права должно установляться на основаніи начала равенства, то есть, въ силу общаго закона, одинаково простирающагося на всѣхъ, а въ случаѣ, если оно спеціально падаетъ на отдѣльныхъ лицъ, не иначе, какъ съ соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ *). Но тутъ опять спрашивается: кто же будетъ распознавать этихъ здравомыслящихъ людей, которые являются здѣсь судьями? Въ концѣ концовъ, Роттекъ признаетъ, что всякое ограниченіе права которое требуется государственною цѣлью, тѣмъ самымъ оправдывается **), — начало, очевидно, дающее просторъ самому широкому произволу. На этомъ основаніи, Роттекъ предоставляетъ отдѣльнымъ лицамъ право преслѣдовать лишь тѣ цѣли и употреблять лишь тѣ средства, которыя не вредятъ государству ***). Въ силу того же начала, за правительствомъ признается право запрещать всѣ частныя общества и товарищества, которыя оно считаетъ вредными ****). Ясно, что всякая опредѣленная граница права тутъ исчезаетъ.

Такая же непослѣдовательность является и въ

*) Тамъ же, § 37, стр. 130
**) Тамъ же, § 51.
***) Тамъ же, § 37, стр. 132.
****) Тамъ же, § 39, стр. 139.

опредѣленіи политическихъ правъ. Роттекъ, съ одной стороны, признаетъ неприкосновенными права гражданъ, вытекающія изъ общественнаго договора, какъ-то: право требовать, чтобы государственная власть соблюдала договоръ и не уклонялась отъ государственной цѣли, право участвовать въ выраженіи совокупной воли, наконецъ, право на равное со всѣми участіе въ выгодахъ и тягостяхъ общества. Но съ другой стороны, сужденіе о томъ, чтó именно требуется государственною цѣлью, опять-таки предоставляется власти. Участіе же въ общихъ рѣшеніяхъ обусловливается доказательствомъ способности, а право требовать установленія естественнаго органа, то есть, представительства, становится въ зависимость отъ степени образованія народа *). Что касается до равенства, то оно, по толкованію Роттека, заключается не въ томъ, чтобы всѣ лица безъ различія были равны по закону и передъ судомъ, а въ томъ, чтобы неравенство правъ вводилось лишь на разумныхъ основаніяхъ, на которыя всѣ граждане безъ различія *могли бы* дать свое согласіе. Поэтому допускается всякое неравенство, которое установляется во имя общественнаго блага. Сюда Роттекъ причисляетъ не только разныя освобожденія отъ воинской повинности, но и привилегіи дворянства и духовенства, цеховое устройство, торговыя монополіи, различія въ страдательномъ и дѣятельномъ правѣ гражданства и т. д. **).

Очевидно, что при такой неопредѣленности права нѣтъ возможности установить границы повиновенія. Роттекъ признаетъ, что повиновеніе должно быть

*) Тамъ же, § 41.

**) Тамъ же, § 42.

безусловное; однако, оно не должно быть слѣпымъ, ибо черезъ это лице превращается въ вещь. Всякій гражданинъ, получающій приказаніе, имѣетъ право изслѣдовать: 1) отъ кого оно исходитъ? 2) насколько оно дѣйствительно? 3) каково его содержаніе? Но, относительно перваго вопроса, у отдѣльнаго лица отрицается право подвергать сомнѣнію правомѣрность власти. Какъ скоро фактическая власть признана, по крайней мѣрѣ безмолвно, большинствомъ народа или иностранными державами, такъ ей должно быть оказано повиновеніе, а всякій, кто ей противится, правомѣрно подвергается наказанію. Обществу же, какъ цѣлому, говоритъ Роттекъ, несомнѣнно принадлежитъ право изслѣдовать юридическое основаніе власти; но приложеніе этого права возможно только тамъ, гдѣ общество имѣетъ законный органъ своей воли; иначе остается только фактическое выраженіе мнѣнія большинства посредствомъ подчиненія или сопротивленія, причемъ въ высшей степени опасны и даже достойны наказанія преждевременныя попытки отдѣльныхъ лицъ отказывать фактической власти въ повиновеніи *).

Что касается до втораго вопроса, то онъ относится собственно къ формѣ: приказаніе, изданное въ незаконной формѣ, недѣйствительно. Наконецъ, относительно третьяго вопроса, Роттекъ прямо отвергаетъ ученіе, по которому всякій обязанъ не повиноваться, если ему предписывается что-либо противное нравственному долгу, и имѣетъ право не повиноваться, если предписаніе противорѣчитъ его очевидному праву. Онъ допускаетъ, что приказаніе,

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapol. § 27.

противорѣчащее безусловной нравственной обязанности, не имѣетъ силы, ибо оно выходитъ изъ предѣловъ общественнаго договора, который не можетъ заключать въ себѣ ничего неразумнаго. Но есть нравственныя обязанности, которыя перестаютъ быть таковыми, какъ скоро онѣ приходятъ въ столкновеніе съ общественнымъ благомъ; здѣсь неповиновеніе само было бы нарушеніемъ обязанностей гражданъ въ отношеніи къ государству. Есть и такія обязанности, которыя зависятъ исключительно отъ личной совѣсти. На послѣднія государство не можетъ смотрѣть, какъ на ограниченія своей власти; напротивъ, оно въ правѣ требовать, чтобы общественныя нужды не встрѣчали противодѣйствія подъ предлогомъ произвольно понимаемыхъ нравственныхъ обязанностей. Тѣже соображенія прилагаются и къ приказаніямъ, требующимъ отъ гражданъ нарушенія права. Въ силу общественнаго договора, граждане отказываются отъ многихъ правъ, какъ скоро эти права приходятъ въ столкновеніе съ общественною пользою; слѣдовательно, право перестаетъ быть правомъ въ ту минуту, когда государственная власть объявляетъ его вреднымъ для общества, а потому гражданинъ, который становится орудіемъ подобнаго рѣшенія, не является нарушителемъ права. Неповиновеніе онъ въ правѣ оказать лишь въ томъ случаѣ, когда ему предписывается нарушеніе такихъ правъ, отъ которыхъ граждане *не могли* отказаться. Притомъ, это относится единственно къ чужимъ правамъ. Въ случаѣ же нарушенія собственно ему принадлежащаго права со стороны власти гражданинъ всегда обязанъ повиноваться, ибо отдѣльное лице не можетъ присвоить себѣ права ста-

вить свое мнѣніе выше мнѣнія другихъ и оказывать сопротивленіе тому, что одобряется другими. Даже въ случаѣ личныхъ нарушеній права со стороны правителя, каждый обязанъ покоряться, ибо, въ силу общественнаго договора, лице отказалось отъ самоуправства и обязалось терпѣть даже всякую неправду, которая могла бы пасть на него, какъ послѣдствіе неизбѣжныхъ несовершенствъ общественнаго устройства. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ можно считать извинительной самозащиту или воззваніе къ обществу. Правда, въ силу того же общественнаго договора, общество, въ замѣнъ отказа отъ самоуправства, обязалось помогать обиженнымъ; но и это оно можетъ дѣлать лишь тамъ, гдѣ у него есть законный органъ. Тамъ же, гдѣ такого органа нѣтъ, остается фактическій одновременный протестъ со стороны гражданъ, что, однако, по психологическимъ причинамъ, можетъ имѣть мѣсто только въ отчаянныхъ случаяхъ и всегда въ высшей степени опасно для начинателей*).

Итакъ, въ результатѣ оказывается, что право подчиняется требованіямъ общаго блага, судьею которыхъ можетъ быть только государственная власть. Стараясь утвердить государство чисто на почвѣ права, Роттекъ въ приложеніи своихъ началъ принужденъ постоянно отъ нихъ отступать. Чтобы оправдать эти отступленія, онъ старается вывести ихъ изъ предполагаемаго общественнаго договора: разбираются права, отъ которыхъ участники договора должны были отказаться, и тѣ, отъ которыхъ они не могли отказаться. Но, въ сущности, всѣ эти

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Metapol. § 28.

толкованія вымышленнаго договора совершенно произвольны. Твердой точки опоры тутъ нѣтъ, и въ концѣ концовъ, все предоставляется верховному рѣшенію правительства.

Несмотря на это, Роттекъ, переходя къ практической политикѣ, утверждаетъ, что право должно имѣть здѣсь безусловно повелѣвающій голосъ; благоразуміе же предъявляетъ свои совѣты единственно для осуществленія юридической идеи, или, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ, начертанныхъ правомъ*). На этомъ основаніи онъ отвергаетъ, какъ неправомѣрные, не только тѣ образы правленія, въ которыхъ, вмѣсто общей воли, явнымъ образомъ господствуетъ частная, чему примѣръ представляетъ деспотія, но и тѣ, которые, несмотря на явное признаніе государственной идеи, въ дѣйствительности не даютъ никакой гарантіи противъ господства частной воли надъ общею. Сюда онъ относитъ всѣ тѣ политическія формы, въ которыхъ вся верховная власть въ совокупности сосредоточена въ одномъ лицѣ, физическомъ или нравственномъ. Правомѣрно, по его мнѣнію, только свободное правленіе, республика въ истинномъ смыслѣ слова. Между тѣмъ, онъ тутъ же признаетъ, что многіе народы, именно, страстные, безхарактерные, преданные роскоши, по самымъ своимъ свойствамъ не переносятъ свободы. Они для собственной пользы нуждаются въ строгомъ правительствѣ. У другихъ, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бываетъ необходима диктатура. Наконецъ, есть и такіе, которые не хотятъ свободы и ея не заслуживаютъ**). Спрашивается:

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Prakt. Staatslehre, § 56.

**) Тамъ же, § 57.

что же дѣлать, когда правомѣрное устройство невозможно, а единственное возможное неправомѣрно?

Исходя отъ этихъ началъ, Роттекъ видитъ осуществленіе государственной идеи только въ смѣшанныхъ формахъ. Всѣ чистые образы правленія, по его мнѣнію, противорѣчатъ требованіямъ права. Монархія имѣетъ многія выгоды, которыя заставляютъ народы прибѣгать къ ней не только въ первобытныя времена, но и въ позднѣйшія эпохи развитія. Она обезпечиваетъ единство и силу власти; она связываетъ интересы правителя, въ особенности наслѣдственнаго, съ интересами народа; наконецъ, возвышая надъ всѣми одно лице, она не уничтожаетъ равенства въ обществѣ. Но для того, чтобы монархія соотвѣтствовала своему назначенію, необходимо соблюденіе двухъ правилъ: 1) лице государя должно быть священно, неприкосновенно и безотвѣтственно; въ этомъ состоитъ монархическое начало, которое отличаетъ монарха отъ простаго сановника. 2) Власть его должна быть ограничена основными законами и неприкосновенными правами подданныхъ *). Что касается до чистой аристократіи, то она можетъ имѣть различное устройство. Если она заключается только въ свободномъ выборѣ лучшихъ людей, то это ничто иное, какъ очищенная демократія. Но обыкновенно аристократія или сама себя восполняетъ или, еще чаще, основана на наслѣдственныхъ привилегіяхъ. Подобное правленіе, независимо отъ другихъ недостатковъ, является наглою насмѣшкою надъ общими правами человѣка и гражданина. Оно установляетъ наслѣдственное неравенство между

---

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Prakt. Staatsl. § 62.

людьми, обрекаетъ массу на униженіе и уничтожаетъ раціональное право во имя историческаго. Поэтому, чистая аристократія должна быть безусловно отвергнута *). Наконецъ, чистая демократія, по идеѣ, составляетъ первобытную форму вольнаго государства. Юридически, она непремѣнно когда-нибудь существовала и всегда продолжаетъ существовать въ той мѣрѣ, въ какой власть доказаннымъ образомъ не перенесена на другія лица. Но сколь неопровержимо вѣчное ея право, столь же очевидна политическая необходимость ея ограниченія. Чистая демократія ведетъ къ полнѣйшему деспотизму. Непосредственная демократія невозможна въ сколько-нибудь обширномъ государствѣ и опасна даже и въ маломъ; представительная же демократія всегда является крайне шаткою, если выборнымъ людямъ не предоставляется извѣстная доля самостоятельности, то есть, если къ демократическому началу не примѣшиваются монархическіе и аристократическіе элементы. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ она порождаетъ анархію и кончается тиранніею **).

Такимъ образомъ, заключаетъ Роттекъ, всѣ чистыя формы должны быть признаны неправомѣрными, ибо въ государствѣ неправомѣрно все, что противорѣчитъ его цѣли. Смѣшанные же образы правленія, по существу своему, сообразны съ правомъ, но могутъ быть болѣе или менѣе хороши, смотря по обстоятельствамъ. Разсмотрѣніе этихъ условій составляетъ дѣло политики. Вообще, можно сказать, что смѣшанное правленіе съ преобладаніемъ демократіи пригодно для небольшаго народа съ просты-

*) Тамъ же, § 63.

**) Тамъ же, § 64.

ми нравами и невысокимъ развитіемъ; преобладаніе монархіи умѣстно въ болѣе обширномъ и богатомъ государствѣ, при болѣе сложныхъ жизненныхъ отношеніяхъ; преобладаніе же аристократіи не умѣстно нигдѣ *).

Всякое смѣшанное правленіе основано на ограниченіи одной власти другою, то есть, на раздѣленіи властей. Раздѣленіе можетъ быть различное: по отраслямъ и по субъектамъ власти. Монтескьё пустилъ въ ходъ теорію раздѣленія властей на законодательную, исполнительную и судебную; но это ученіе, говоритъ Роттекъ, нуждается въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ. Дѣятельность власти въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ заключаетъ въ себѣ не одно исполненіе закона, но и самостоятельное рѣшеніе тамъ, гдѣ законъ не существуетъ или недостаточенъ. Поэтому, лучше назвать эту отрасль не исполнительною властью, а правительственною, или административною. Затѣмъ, судебная власть — вовсе не власть. Она представляетъ не болѣе, какъ сужденіе безпристрастныхъ людей о вопросахъ права. Вообще, государственную власть нельзя считать органомъ права; напротивъ, она служитъ праву, которое опредѣляется человѣческимъ разумомъ и наукою. Дѣло власти — выслушивать эти сужденія и прилагать ихъ. Поэтому, о судебной власти не можетъ быть рѣчи. Съ этими ограниченіями, теорія Монтескьё остается вѣрною: государственная власть раздѣляется на двѣ главныхъ отрасли, на законодательную и правительственную **). Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: должна ли каждая изъ этихъ вла-

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Prakt. Staatsl. § 64.

**) Тамъ же 67—68.

стей принадлежать отдѣльному органу или оба вмѣстѣ должны распредѣляться между различными органами?

Первый способъ, повидимому, самый простой, но противъ него можно сдѣлать существенныя возраженія. Установленіемъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга властей уничтожается единство государственной жизни. Такъ какъ законодательная власть, по своему положенію, выше исполнительной, то не встрѣчая задержекъ въ своей области, она непремѣнно будетъ стремиться подчинить себѣ послѣднюю или превратить ее въ простое орудіе. Исполнительная власть, съ своей стороны, принужденная исполнять законъ, въ составленіи котораго она не участвовала, будетъ ему противодѣйствовать и всегда окажется ненадежною. Отсюда безконечныя распри между властями, распри, которыя неизбѣжно должны привести къ побѣдѣ одной изъ сторонъ, то есть, къ деспотизму *).

Необходимо, слѣдовательно, дать различнымъ органамъ власти участіе въ каждой изъ ея отраслей. Но если всѣ эти органы остаются независимыми отъ народа, то раздѣленіе не достигаетъ цѣли. Такое правленіе, смѣшанное изъ монархическихъ и аристократическихъ элементовъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ права и не обезпечиваетъ свободы. Выше было доказано, что истинно правомѣрное государство существуетъ только тамъ, гдѣ народъ не переноситъ всей полноты власти на независимыхъ отъ него лицъ: рядомъ съ искусственнымъ органомъ всегда долженъ сохраняться естественный. Поэтому,

---

*) Lehrb. des Vernunftr., Prakt. Staatsl. § 71.

существенное раздѣленіе властей состоитъ въ различіи власти перенесенной и удержанной народомъ. Первая предоставляется правительству, вторая остается за народомъ или его представителями *). Оба органа должны участвовать, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ управленіи, но въ неравной степени. Представительству преимущественно принадлежитъ законодательство, правительству управленіе. Законъ, какъ общая норма, важнѣе приложенія къ отдѣльнымъ случаямъ; онъ требуетъ болѣе зрѣлаго и всесторонняго обсужденія; равно распространяясь на всѣхъ, онъ связанъ съ интересами каждаго. Поэтому, здѣсь всего умѣстнѣе рѣшеніе представительнаго собранія. Однако на собраніе не всегда можно полагаться. Законъ не всегда одинаково касается всѣхъ; опредѣляя отдѣльные предметы, онъ часто возбуждаетъ борьбу интересовъ и страстей. Иногда въ самомъ народѣ можетъ господствовать увлеченіе или превратное направленіе воли. Вслѣдствіе всего этого, законодательная власть собранія нуждается въ сдержкѣ. Эту сдержку она находитъ въ правительствѣ, которому предоставляется санкція закона, или право запрета. Ему же, совокупно съ собраніемъ, присвоивается иниціатива законовъ, а наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, право издавать временныя постановленія въ отсутствіи собранія, съ тѣмъ, чтобы эти постановленія впослѣдствіи представлялись на утвержденіе представителей. Съ другой стороны, управленіе, требуя единства, силы и быстроты, должно быть предоставлено правительству. Однако, есть случаи, которые, по своей важно-

*) Тамъ же, §§ 66—71.

сти, требуютъ предварительнаго согласія народныхъ представителей. Сюда относятся, прежде всего, взиманіе податей и отправленіе воинской повинности. Кромѣ того, представительное собраніе должно всегда имѣть возможность слѣдить за дѣйствіями правительства и обсуждать ихъ, дабы предупредить всякое отклоненіе отъ требованій общаго блага. Но здѣсь оно можетъ дѣйствовать только косвенно, путемъ представленій, жалобъ и, наконецъ, обвиненій *).

Эти начала приложимы ко всякому смѣшанному правленію. Основанная на нихъ демократія въ существенныхъ чертахъ сходится съ благоустроенною аристократіею или монархіею. Но полнѣйшее ихъ осуществленіе представляетъ конституціонная монархія. Здѣсь правительство имѣетъ болѣе самостоятельности, нежели въ демократіи, а съ другой стороны, оно менѣе разъединено съ народомъ и менѣе нуждается въ сложной внутренней организаціи и въ гарантіяхъ противъ собственныхъ членовъ, нежели аристократическое собраніе **). Конституціонный монархъ есть глава государства, однако не въ томъ смыслѣ, что ему нераздѣльно принадлежитъ совокупность верховной власти, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Эта теорія, весьма распространенная въ Германіи, основана на недоразумѣніи, ибо если власть ограничена, то она раздѣлена. Монарху принадлежитъ только совокупность перенесенной власти, въ противоположность той части, которая удержана народомъ ***). Несправедливо и принятое нѣкоторыми французскими публицистами

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Prakt. Staatsl. § 74.

**) Тамъ же, § 76.

***) Тамъ же, § 80.

отдѣленіе монархической власти отъ правительственной. Король не возвышается надъ отдѣльными властями, безъ всякаго участія въ ихъ дѣйствіяхъ; черезъ это онъ превратился бы въ призракъ. Ему принадлежитъ самостоятельная область, именно, управленіе; министры же являются только его слугами и представителями *). Но такъ какъ монархъ, по самому своему характеру, безотвѣтственъ, то въ видахъ политики требуется, чтобы онъ дѣйствовалъ не иначе, какъ черезъ этихъ представителей, которые и несутъ отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія, въ качествѣ пособниковъ и исполнителей. Отвѣтственность ихъ простирается не только на всякое нарушеніе права, но и на общее направленіе политики. Въ этомъ отношеніи, конечно, послѣдствіемъ осужденія можетъ быть только отставка; въ первомъ же случаѣ министры подлежатъ наказанію. Обвиненіе принадлежитъ народнымъ представителямъ; но послѣдніе, будучи обвинителями, не могутъ быть вмѣстѣ и судьями. Невозможно предоставить судъ и обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ, ибо черезъ это они сдѣлались бы политическою властью. Поэтому, необходимо учрежденіе особаго высшаго судилища, которое представляло бы собою судъ присяжныхъ въ самомъ лучшемъ его значеніи **).

Что касается до представительнаго собранія, то оно должно быть вѣрнымъ изображеніемъ общества. Оно представляетъ собою не отдѣльныя права сословій, какъ феодальные чины, а совокупную волю народа. Поэтому, оно должно составляться путемъ свободнаго выбора. Всякое вліяніе правительства на

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Prakt. Staatsl. § 70.

**) Тамъ же, §§ 81, 82.

избирателей есть нарушеніе представительнаго начала. Но такъ какъ народъ не составляетъ сплошной массы, а заключаетъ въ себѣ различные интересы, по состояніямъ и мѣстностямъ, то всѣ эти интересы должны быть представлены въ собраніи. Представительство одного большинства было бы невѣрнымъ изображеніемъ общества. Однако, не всѣ интересы имѣютъ право на представительство, а единственно тѣ, которые обладаютъ самостоятельнымъ значеніемъ и не противорѣчатъ государственной цѣли. На этомъ основаніи, изъ числа избирателей исключаются всѣ неполноправные, какъ-то: женщины, дѣти, несвободные и т. д.; они представляются взрослыми и свободными мужчинами. Исключаются и тѣ, которые, по недостатку имущества, не пользуются самостоятельностью. Не могутъ имѣть притязанія на представительство и слишкомъ мелкіе интересы, а наконецъ и такіе, которые или враждебны государственной цѣли или основаны на правахъ, дарованныхъ государствомъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ они опять же не имѣютъ самостоятельности. Поэтому не должны быть представляемы ни чиновники, ни состоящіе на военной службѣ, ни привилегированныя сословія, какъ таковыя. Всѣ они могутъ имѣть голосъ только въ качествѣ гражданъ. Истинное же различіе интересовъ опредѣляется занятіемъ, размѣромъ имущества и, наконецъ, мѣстностью. По занятіямъ граждане раздѣляются главнымъ образомъ на земледѣльцевъ и промышленниковъ, что̀ сводится къ различію городовъ и селъ. Политическія соображенія могутъ вести и къ отдѣльному представительству школы и церкви, хотя, собственно говоря, ученые и священнослужители должны входить въ

составъ остальныхъ гражданъ. По размѣру имущества, достаточно установить отдѣльныя категоріи для крупныхъ владѣльцевъ и мелкихъ; и тѣ и другіе должны составлять особыя избирательныя коллегіи. Къ первымъ принадлежитъ и аристократія. Роттекъ признаетъ, что поземельные владѣльцы вообще могутъ имѣть притязаніе на нѣкоторое преимущество въ политическомъ отношеніи: они — главные акціонеры государства; они связаны съ нимъ самымъ прочнымъ образомъ; наконецъ, они несутъ на себѣ большую часть его тягостей. Вслѣдствіе этого онъ допускаетъ, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, личное право голоса крупныхъ владѣльцевъ, а тамъ, гдѣ этого требуетъ историческое право, даже составленіе избирательныхъ коллегій крупныхъ владѣльцевъ исключительно изъ дворянъ. Нельзя не видѣть въ этихъ уступкахъ весьма значительнаго отступленія отъ принятой теоріи. Что касается до мѣстностей, то здѣсь требуется раздѣленіе на равные по возможности избирательные округи, на основаніи двоякаго отношенія народонаселенія и податнаго капитала. Таковы правила, которыми долженъ руководствоваться избирательный законъ *). Выборы должны быть прямые. Система двойныхъ выборовъ, по мнѣнію Роттека, изобрѣтена врагами истиннаго представительства. Она естественный органъ замѣняетъ искусственнымъ и можетъ быть допущена лишь тамъ, гдѣ масса народа стоитъ на очень низкой степени развитія **).

Затѣмъ представляется вопросъ: должно ли народное представительство образовать одну палату

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Prakt. Staatsl. §§ 86—90; ср. § 54.

**) Тамъ же, § 91.

или двѣ? Защитники двухъ палатъ обыкновенно требуютъ аристократической верхней палаты съ самостоятельными правами, для задержки и контроля демократическаго представительства. Но такое учреждение, по мнѣнію Роттека, совершенно искажаетъ истинный характеръ представительнаго устройства. Въ этой системѣ народъ, въ противоположность правительству, долженъ составлять одно цѣлое, а тутъ это естественное отношеніе замѣняется искусственною организаціею. Кромѣ того, этимъ уничтожается равенство между гражданами; народъ ставится подъ опеку привилегированной касты. Наконецъ, въ политическомъ отношеніи, хотя отдѣльнымъ интересамъ слѣдуетъ дать особое представительство, однако ни одинъ изъ нихъ не долженъ быть облеченъ правомъ абсолютнаго запрета на требованія остальныхъ. Аристократическій интересъ можетъ имѣть своихъ представителей въ общемъ собраніи, но онъ не долженъ дѣлаться самостоятельною властью, могущею сопротивляться самымъ справедливымъ стремленіямъ, какъ правительства, такъ и народа. Верхняя палата можетъ быть допущена лишь тамъ, гдѣ народное представительство, по своему плохому составу или вслѣдствіе низкаго уровня общества, не способно служить надлежащимъ противовѣсомъ правительству, или же, наоборотъ, тамъ, гдѣ монархическая власть слишкомъ ослаблена, а потому не можетъ представить достаточной сдержки выборному собранію. Въ нормальномъ же положеніи слѣдуетъ держаться одной палаты. Недостатки слишкомъ поспѣшнаго обсужденія дѣлъ могутъ быть устранены хорошимъ регламентомъ. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ установляется верхняя палата, она должна быть

составлена на основанiи какихъ-либо естественныхъ различiй, какъ-то, возраста, числа избирателей, способа и срока избранiя, а никакъ не рожденiя. Последнее всегда является нарушенiемъ человѣческихъ правъ и находитъ свою опору только въ идолопоклонствѣ передъ историческими учрежденiями *).

Этотъ взглядъ на верхнюю палату характеризуетъ конституцiонное ученiе Роттека. Становясь на почву представительной монархiи, онъ значительно смягчилъ вытекающiя изъ личнаго права требованiя демократiи; этимъ требованiямъ данъ было противовѣсъ въ лицѣ монарха. Но построенiе системы осталось у него чисто теоретическимъ. Противоположные политическiе элементы поставлены другъ противъ друга, но не показаны способы ихъ соглашенiя. Роттекъ не разъяснилъ парламентскаго правленiя и не понялъ роли, которую призвана играть Верхняя палата въ конституцiонномъ государствѣ. Послѣднему мѣшала воспитанная въ немъ демократическимъ духомъ нелюбовь къ аристократiи и вообще къ историческому праву. Исходною точкою были для него все-таки чисто отвлеченныя начала свободы и равенства, отъ которыхъ онъ рѣшался отступать лишь въ виду очевидно вредныхъ послѣдствiй, проистекающихъ отъ безусловнаго приложенiя ихъ къ государственной жизни. Изученiе же конституцiонной практики либеральныхъ государствъ, которое одно можетъ дать твердыя основанiя политикѣ, было ему чуждо. Въ Баденской палатѣ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ ораторовъ, онъ являлся бойцомъ за народное право; но онъ никогда

---

*) Тамъ же, § 92.

не могъ быть министромъ конституціоннаго государства.

Что касается до гарантій представительнаго устройства, которыя состоятъ не въ постановленіяхъ закона, а въ живыхъ силахъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, то Роттекъ, признавая ихъ необходимость, ссылается въ этомъ отношеніи на написанную имъ вторую часть *Государственнаго права конституціонной монархіи* *), начатаго баварскимъ публицистомъ Аретиномъ и оставшагося недоконченнымъ по случаю смерти автора. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ сочиненіи, которое содержитъ въ себѣ первое изложеніе конституціоннаго права въ нѣмецкой литературѣ.

Аретинъ, также какъ Роттекъ, основываетъ государство на чисто юридическихъ началахъ: оно призвано водворить юридическій порядокъ, то есть, обезпечить всѣ прирожденныя права человѣка **). Онъ идетъ даже далѣе Роттека въ этомъ отношеніи, ибо онъ совершенно исключаетъ изъ государственной цѣли попеченіе о народномъ благосостояніи ***). Также какъ Роттекъ, онъ раздѣляетъ образы правленія на два разряда, смотря по тому, имѣется ли въ виду общее благо или частное. Въ первомъ случаѣ образуется народное, или юридическое государство (Volksstaat, Rechtsstaat), во второмъ случаѣ является устройство, противорѣчащее разуму. Первое исходитъ изъ того принципа, что власть первоначально принадлежитъ народу, а правительство существуетъ только

*) Staatsrecht der constitutionellen Monarchie, von Aretin. Первая часть вышла въ 1824 году, вторая, конченная Роттекомъ, въ 1828 г.

**) Staatsr. der const. Monar., Einl. I, стр. 1.

***) Тамъ же, 2 Theil. VI, § 1.

для народа и через народъ. Поэтому, оно не допускаетъ неограниченной власти. Подобная власть можетъ принадлежать только Богу, а не слабому человѣку. Произволъ есть искушеніе, которому немногіе способны противостоять. Не только дурныя, но и хорошія стремленія человѣка нерѣдко нуждаются въ ограниченіи, ибо неосторожное рвеніе можетъ быть вреднѣе злаго умысла. Правитель долженъ хотѣть только того, что требуется вѣчною правдою, а правда не признаетъ правъ, которыя бы не были ограничены обязанностями, и не допускаетъ безпредѣльной власти, уничтожающей все, что можетъ ей противостоять. Конституціонная монархія не имѣетъ этихъ недостатковъ. Въ сущности, она ничто иное, какъ демократія, приспособленная къ большему пространству и болѣе продолжительному времени, нежели умѣстно при чисто демократическомъ устройствѣ. Это — республиканская монархія, допускающая свободное развитіе народа и обезпечивающая всѣ права и всѣ интересы *). Конституціонная монархія разрѣшаетъ великую задачу сочетанія силы власти съ свободою гражданъ **).

Но развивая эти начала, признаваемыя всѣми защитниками теоріи юридическаго государства, Аретинъ, въ противоположность Роттеку, возстаетъ противъ раздѣленія властей. Онъ приводитъ слова Сисмонди, который говорилъ, что раздѣльныя власти подобны лошадямъ, запряженнымъ въ коляску съ противоположныхъ сторонъ, не съ тѣмъ, чтобы двигать ее впередъ, а съ тѣмъ, чтобы разорвать ее на клочки. Одна законодательная власть представляетъ

*) Тамъ же, I, Einl. стр. 1—9.

**) Тамъ же, 1 Th., III, § 2.

волю безъ силы, и наоборотъ, одна исполнительная власть представляетъ силу безъ воли. Судебная же власть, въ сущности, вовсе не власть, а сужденіе. Власть есть воля, соединенная съ силою. Въ государственной власти выражается общая воля, а такъ какъ общая воля одна, то и власть можетъ быть только одна. Система равновѣсія властей ничто иное, какъ призракъ. Если одна изъ нихъ сильнѣе другихъ, то она скоро сдѣлается единственною; если же онѣ равносильны, то между ними будетъ безконечная война, ибо надъ ними нѣтъ высшей, сдерживающей власти. Но если власть, по существу своему, не можетъ быть раздѣлена, то она можетъ быть ограничена. На этомъ основана конституціонная монархія. Совокупность верховной власти сосредоточивается здѣсь въ монархѣ, но она ограничивается другими интересами или элементами. Аретинъ признаетъ существованіе въ каждомъ государствѣ трояcase интереса: аристократическаго, представляемаго дворянствомъ и вообще духомъ преданія, демократическаго, представляемаго низшими классами и вообще духомъ прогресса, и, наконецъ, монархическаго, который долженъ господствовать надъ обоими, сдерживая ихъ другъ другомъ и умѣряя кипящую между ними повсюду борьбу. Въ этомъ состоитъ существо конституціонной монархіи, главною представительницей которой является Англія *).

Такимъ образомъ, въ этой системѣ свобода обезпечивается не раздѣленіемъ властей, а ихъ соединеніемъ и ограниченіемъ. Цѣль государства, состоящая въ охраненіи свободы и права, говоритъ Аретинъ, достигается господствомъ закона, а для

*) Staatsr. der constit. Mon., Einl., VII, стр. 86—93.

этого, въ свою очередь, требуется установленіе неотразимой власти, охраняющей законъ и наказывающей всякое его нарушеніе. Для того, чтобы она могла дѣйствовать правильно, эту власть слѣдуетъ вручить одному лицу, которое не имѣло бы соперника, и котораго интересы совпадали бы съ интересами народа. По своему положенію, оно должно быть выше всякой отвѣтственности; но эта безотвѣтственность не должна простираться на его слугъ; послѣдніе подлежатъ наказанію въ случаѣ содѣйствія нарушенію законовъ. Затѣмъ, для огражденія правосудія отъ произвола, необходима независимость судовъ. Наконецъ, установленіе законовъ не можетъ быть исключительно дѣломъ монарха и его слугъ, ибо это ведетъ къ деспотизму. Имъ нельзя предоставить и неограниченныхъ средствъ распоряжаться властью. Въ обоихъ отношеніяхъ монархъ долженъ быть зависимъ отъ согласія народныхъ представителей. Самое же представительство не должно быть ни исключительно наслѣдственное, ни исключительно выборное. Въ первомъ случаѣ, монархъ легко бы могъ подчинить себѣ собраніе, или, наоборотъ, онъ самъ бы ему подчинился, вслѣдствіе чего монархія превратилась бы въ аристократію. Во второмъ случаѣ, правительство постоянно имѣло бы противъ себя замѣчательнѣйшихъ людей изъ народа и находилось бы съ ними съ борьбѣ, что̀ также повело бы къ измѣненію конституціи. Только уравновѣшивая другъ другомъ различные элементы общества, монархія можетъ остаться средоточіемъ государственной жизни *).

---

*) Staatsr. der const. Mon., Einl., VII, стр. 107—113.

Такова нѣмецкая теорія единой, но ограниченной власти, которую Аретинъ противополагаетъ ученію Монтескьё. Онъ ссылается при этомъ на то, что̀ въ Англіи называется прерогативою короля, доказывая, что заключающіяся въ этой прерогативѣ права не подходятъ ни подъ понятіе о законодательствѣ, ни подъ понятіе объ исполненіи, но могутъ принадлежать монарху, только какъ главѣ государства*). Эта теорія имѣетъ значеніе, какъ возраженіе противъ полнаго раздѣленія государственной власти на отдѣльныя отрасли; но сама она не выдерживаетъ критики, ибо ограниченіе власти, очевидно, составляетъ вмѣстѣ и ея раздѣленіе. Роттекъ справедливо отвергаетъ этотъ взглядъ, хотя собственная его теорія раздѣленія власти на перенесенную и удержанную народомъ, въ свою очередь, оказывается несостоятельною, ибо она основана на вымыслѣ.

Установивъ существенныя черты конституціонныхъ учрежденій, Аретинъ перебираетъ затѣмъ личныя права гражданъ, которыя должны быть обезпечены государствомъ, какъ-то: свободу лица, свободу и неприкосновенность собственности, равенство передъ закономъ, свободу мысли и совѣсти. Далѣе онъ разсматриваетъ различныя отрасли государственной дѣятельности, въ связи съ конституціоннымъ ученіемъ. Но застигнутый смертью, онъ не успѣлъ окончить своего сочиненія. Издатели его книги обратились къ Роттеку, который завершилъ ее изложеніемъ системы политическихъ гарантій.

Эта часть, можетъ быть, самая замѣчательная не только въ политической теоріи Роттека, но и вообще

---

*) Тамъ же, I Кар., V, §§ 1—7.

въ конституціонномъ ученіи Нѣмцевъ. Относительно разработки конституціоннаго права, нѣмецкая литература двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ находилась подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго либерализма. Роттекъ прямо говоритъ, что въ этой области Французы стоятъ впереди всѣхъ, Нѣмцы слѣдуютъ за ними, а Англичане не представляютъ почти ничего *). Но французскіе публицисты, обращая вниманіе преимущественно на отношенія властей и общія права народа, упускали изъ виду требованія мѣстной свободы, которыя слишкомъ мало цѣнились въ ихъ отечествѣ. Въ этомъ отношеніи выработанная Роттекомъ система конституціонныхъ гарантій представляетъ самостоятельный вкладъ въ политическую науку, хотя и здѣсь личные его взгляды, въ особенности непріязнь къ историческимъ формамъ, мѣшаютъ совершенно правильной оцѣнкѣ предмета.

Въ основаніе своего изложенія Роттекъ полагаетъ политическую аксіому, что правительство въ конституціонной монархіи должно быть сильнѣе всякой частной воли, но слабѣе общей воли. Поэтому, въ народѣ должны быть развиты всѣ тѣ силы, которыя способны дѣйствовать въ интересахъ цѣлаго. Такого рода силы могутъ принадлежать не отдѣльнымъ лицамъ, а единственно корпораціямъ. Отсюда политическое значеніе послѣднихъ. Разъединеніе же лицъ и отсутствіе всякой органической связи въ обществѣ предаютъ его въ жертву деспотизму **).

Изъ числа корпорацій, способныхъ поднять общественный духъ, Роттекъ исключаетъ однако дво-

*) Lehrb. des Vernunftr. II, Einl. § 18, стр. 44.

**) Staatsr. der const. Mon., II, 2 Abth., I, § 1.

рянство. По психологическому закону, говоритъ онъ. люди движутся не столько чувствомъ долга, сколько, интересомъ, а интересъ дворянства состоитъ въ томъ, чтобы возвышаться надъ народомъ и увеличивать свои привилегіи. Вслѣдствіе этого, естественное его стремленіе заключается въ противодѣйствіи народу Съ другой стороны, оно точно также становится въ оппозицію престолу, ибо оно само стремится къ участію въ верховной власти. Такимъ образомъ, оно можетъ стоять между престоломъ и народомъ только въ ущербъ тому и другому. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія. Въ конституціонной монархіи высшій классъ можетъ занять мѣсто, единственно какъ собраніе людей, отличающихся личнымъ достоинствомъ и общественнымъ положеніемъ, при добровольномъ признаніи со стороны другихъ, а отнюдь не какъ сословіе, облеченное привилегіями *).

Ссылаясь на исторію, Роттекъ не подкрѣпляетъ однако своего мнѣнія историческими примѣрами. Роль аристократіи въ развитіи конституціонныхъ учрежденій Англіи могла бы навести его на соображенія инаго рода. Онъ не разбираетъ и различныхъ формъ привилегированнаго сословія, изъ которыхъ однѣ болѣе, другія менѣе подходятъ къ требованіямъ конституціонной монархіи. Вообще, эти страницы отличаются односторонностью воззрѣній.

Съ такою же односторонностью Роттекъ исключаетъ и церковь изъ числа корпорацій, могущихъ имѣть полезное вліяніе на политическій бытъ. Привилегированное ея положеніе, говоритъ онъ, тѣмъ опаснѣе, что она владычествуетъ надъ человѣческимъ

---

*) Staatsr. der const. Mon., II, 2 Abth., I, § 2.

духомъ*). То великое значеніе, которое можетъ имѣть самостоятельная церковь, поставляя преграды деспотизму государства именно въ области духа, совершенно отъ него ускользаетъ.

Что же касается до разнаго рода другихъ корпорацій, то Роттекъ вообще признаетъ ихъ благодѣтельными учрежденіями. Съ одной стороны, онѣ умѣряютъ непосредственное дѣйствіе правительства на отдѣльныхъ лицъ, съ другой стороны, онѣ противодѣйствуютъ частному эгоизму и воспитываютъ въ народѣ общественный духъ, поставляя гражданамъ общія цѣли и общіе интересы въ ближайшей сферѣ ихъ дѣятельности. Въ томъ и другомъ отношеніи, связывая лица въ мелкіе союзы, онѣ представляютъ собою значительныя оборонительныя силы. Изъ всѣхъ этихъ корпорацій важнѣйшія суть мѣстные союзы — общины и области**).

Насчетъ общинъ, говоритъ Роттекъ, существуютъ два противоположныхъ мнѣнія. Одни считаютъ ихъ самостоятельными единицами, возникшими прежде государства, другіе видятъ въ нихъ созданія государства. Первые требуютъ для общинъ всей той свободы, которая не отчуждена ими въ силу общественнаго договора: эта свобода принадлежитъ имъ первоначально и не теряется вслѣдствіе вступленія ихъ въ политическій союзъ. Государство, въ этомъ воззрѣніи, является только восполненіемъ общины. По второму мнѣнію, напротивъ, общины, какъ государственныя учрежденія, могутъ имѣть только тѣ права, которыя перенесены на нихъ государствомъ; онѣ восполняютъ государство въ томъ, что оно само

*) Тамъ же, § 3.
**) Тамъ же, § 4.

дѣлать не можетъ. Послѣднее воззрѣніе принадлежитъ защитникамъ деспотизма, къ которымъ присоединяются и фанатическіе проповѣдники свободы и равенства. Первое же мнѣніе раздѣляется всѣми истинными друзьями свободы. Они въ общинахъ видятъ маленькія государства, которыя, при вступленіи въ болѣе обширный союзъ, отчуждаютъ только то, что необходимо для общей цѣли. Съ этой точки зрѣнія, всякое государство представляетъ собою, въ сущности, систему государствъ, членами которой являются, съ одной стороны, общины, съ другой стороны, отдѣльныя лица въ качествѣ гражданъ. Наконецъ, существуетъ и третье мнѣніе, которое старается сочетать оба первыя: но оно не имѣетъ самостоятельнаго принципа и не можетъ указать границы между обоими значеніями общиннаго союза. Наука требуетъ ясной основной идеи, изъ которой можно вывести всѣ необходимыя послѣдствія; поэтому первое мнѣніе безусловно заслуживаетъ предпочтенія *).

Отправляясь отъ этого начала, за государствомъ слѣдуетъ признать всѣ нынѣ принадлежащія ему права, но на иномъ основаніи. Общины подчиняются ему не какъ государственныя учрежденія, а какъ члены политическаго союза. Съ одной стороны, онѣ *обязаны* покоряться всему, чего требуетъ общее охраненіе права, съ другой стороны, онѣ имѣютъ *право*, наравнѣ съ другими, участвовать въ общественныхъ выгодахъ. Государственныя учрежденія, напротивъ, самостоятельныхъ правъ не имѣютъ; они являются не цѣлью, а средствомъ. Поэтому, въ отношеніи къ

*) Staatsr. der const. Mon., II, 2 Abth., II, §§ 1, 2.

нимъ дозволено все, что требуется цѣлью. Такимъ образомъ, вопросъ заключается не въ томъ, чего государство достигаетъ посредствомъ общинъ, а въ томъ, чего общины въ правѣ требовать отъ государства, и какія въ замѣнъ того онѣ принимаютъ на себя обязанности? Не общины существуютъ для государства, а государство для общинъ. На этомъ основаніи, все, что общины могутъ дѣлать сами, того государство не должно за нихъ дѣлать; ибо государственная власть — не единственная, а только высшая. Государству же, въ отношеніи къ общинамъ, принадлежатъ слѣдующія права: 1) оно должно вступаться вездѣ, гдѣ этого требуетъ собственный интересъ общинъ и ихъ членовъ. Нравственное лице нуждается въ постоянной опекѣ, для огражденія его отъ увлеченій и отъ корыстныхъ видовъ временныхъ его членовъ и правителей. Государство становится здѣсь блюстителемъ правъ и интересовъ меньшинства и будущихъ поколѣній. Однако, въ этой области господствующимъ началомъ остается общинная автономія; государственная дѣятельность является здѣсь только какъ ограниченіе, охраненіе или восполненіе. 2) Еще болѣе государство можетъ вступаться тамъ, гдѣ общины подчиняются извѣстнымъ обязанностямъ, какъ члены политическаго союза. Тутъ уже нераздѣльно господствуетъ государственная власть; но общины, черезъ своихъ представителей, участвуютъ въ составленіи общей воли. 3) Государство можетъ пользоваться общинами, какъ орудіями для исполненія административныхъ мѣръ. Здѣсь общинная власть является какъ *делегація* *).

---

*) Staatsr. der const. Mon., II, 2 Abth., II, § 3.

Роттекъ сознается, впрочемъ, что между правами общинъ и государства трудно провести точную границу. Столкновенія могутъ разрѣшаться только живымъ взаимодѣйствіемъ между общинами и народнымъ представительствомъ *). Ясно, что въ приложеніи на практикѣ эта теорія сбивается на то среднее мнѣніе, которое Роттекъ отвергалъ, какъ не основанное ни на какомъ твердомъ началѣ. Не смотря на одностороннюю точку отправленія, общины все-таки являются у него и самостоятельными союзами и орудіями государства. Поставляя ихъ подъ опеку даже во внутреннихъ ихъ дѣлахъ, Роттекъ признаетъ все, чего требуютъ умѣренные защитники централизаціи.

Что касается до устройства общинъ, то Роттекъ держится въ этомъ отношеніи самыхъ либеральныхъ началъ. Такъ какъ надъ ними есть высшая власть, которая можетъ воздерживать злоупотребленія, то здѣсь допускается бо́льшая свобода, нежели въ политической организаціи. Въ чистой монархіи общины могутъ имѣть республиканское устройство. Магистратъ, то есть управа съ бургомистромъ во главѣ, долженъ быть выборный; иначе исчезаетъ общинная самостоятельность. Самовосполняющаяся коллегія неизбѣжно заражается частными интересами; назначеніе же членовъ отъ правительства превращаетъ общины въ орудія государственной власти. Рядомъ съ управою, какъ искусственнымъ органомъ, должна стоять дума, какъ естественный органъ. Въ небольшихъ общинахъ она составляется изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ, въ болѣе обширныхъ — изъ выборныхъ. Права ея тѣже, что права

*) Тамъ же, § 4.

представительнаго собранія въ отношеніи къ правительству; здѣсь они могутъ быть даже шире, ибо менѣе возможны злоупотребленія. Однако, дума не должна вмѣшиваться въ администрацію; она является только представительницею управляемыхъ *).

Въ свободныхъ общинахъ Роттекъ видитъ самую крѣпкую основу конституціонной монархіи. На нихъ зиждется счастіе и благосостояніе гражданъ; въ нихъ вырабатывается общественный духъ, безъ котораго самые выборы представителей теряютъ свое значеніе; наконецъ, въ нихъ развивается чувство права и полагается оплотъ противъ захватовъ власти **).

Меньшее значеніе имѣетъ область. Большею частью она составляетъ только искусственное дѣленіе, установленное государствомъ. Однако и здѣсь возникаетъ общая жизнь, не столь крѣпкая, какъ въ общинахъ, но требующая тѣмъ не менѣе своего представительства. Тамъ, гдѣ провинціи имѣютъ историческій характеръ, онѣ пользуются иногда и болѣе широкою самостоятельностью. Но подобное устройство, склоняющееся къ федерализму, уничтожаетъ единство народной жизни и общественныхъ интересовъ, а потому несогласно съ духомъ конституціонной монархіи. Въ нормальномъ государственномъ порядкѣ областное представительство имѣетъ меньшее значеніе, нежели общинная дума или народное представительство. Оно представляетъ интересы лицъ, связанныхъ случайно и малою частью своей жизни. Поэтому, обыкновенно оно не облекается властью, а даетъ только совѣты и согласіе; управленіе же предоставляется органамъ государства. Тѣмъ не ме-

*) Staatsr. der const. Mon., II, 2 Abth., II, §§ 16–20.

**) Тамъ же, § 23.

нѣе, въ конституціонной монархіи такое учрежденіе необходимо, ибо, по духу этого образа правленія, гдѣ есть самостоятельные интересы, тамъ должно быть и представительство. Притомъ, оно составляетъ необходимое звено между общиннымъ представительствомъ и народнымъ. И оно способствуетъ развитію общественнаго духа; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно знакомитъ правительство съ нуждами края; наконецъ, оно образуетъ дѣльныхъ народныхъ представителей. Но областное представительство должно ограничиваться чисто мѣстными интересами, не вступаясь въ общіе государственные вопросы. Этимъ оно отличается отъ существующихъ въ нѣкоторыхъ странахъ провинціальныхъ чиновъ, которые развиваютъ въ гражданахъ узкія областныя стремленія и отчуждаютъ ихъ отъ общихъ интересовъ народа *).

Наконецъ, надъ мѣстными представителями возвышается общее представительное собраніе, хорошее устройство котораго составляетъ важнѣйшую гарантію конституціоннаго порядка. Роттекъ снова излагаетъ здѣсь тѣ начала избирательнаго права, которыя мы видѣли уже выше. Въ видахъ хорошихъ выборовъ, онъ еще болѣе настаиваетъ на необходимости исключенія ненадежныхъ въ политическомъ отношеніи классовъ: «Несостоятельность всеобщей подачи голосовъ, говоритъ онъ, признана всѣми. Безхарактерная, легко подвижная, невѣжественная, имущественно несостоятельная, не привязанная къ отечеству собственными интересами толпа можетъ сдѣлать только дурной выборъ» **). Въ основаніе избирательнаго права должно быть положено

*) Staatsr. der const. Mon., II, 2' Abth., III. Vom Landrath.

**) Тамъ же, IV, Von der Ständeversammlung, § 11.

аристократическое начало, съ тѣмъ, чтобы въ предѣлахъ избирательной коллегіи господствовало демократическое начало равенства. Роттекъ считаетъ преимущество, даваемое богатству, требованіемъ не одной политики, но и права. Богатые не только болѣе заинтересованы въ общемъ дѣлѣ, но и несутъ бóльшія тягости. Поэтому, законъ долженъ постановить извѣстный имущественный цензъ; иначе водворится охлократія *). Но сдѣлавши это ограниченіе, Роттекъ отвергаетъ всякое другое различіе въ представительствѣ. Въ особенности онъ возстаетъ противъ признаннаго Аретиномъ различія интересовъ монархическаго, аристократическаго и демократическаго. Въ народѣ, говоритъ онъ, долженъ господствовать одинъ интересъ — интересъ цѣлаго, то есть, демократическій. Монархическій интересъ совпадаетъ съ нимъ, а аристократическій не можетъ имѣть притязанія на представительство, если онъ ему противорѣчитъ. Если демократическій интересъ означаетъ равенство, то есть, право, а аристократическій — привилегіи, то послѣдній вовсе не долженъ быть представляемъ. Если же аристократическій интересъ долженъ означать охранительный духъ, преданія, историческій элементъ, а демократическій интересъ — подвижность, то и въ этомъ воззрѣніи являются противорѣчія и неясность. Желаніе сохранить существующій порядокъ имѣютъ всѣ тѣ, которые имъ довольны. Тамъ, гдѣ народъ счастливъ, охраненіе становится демократическимъ началомъ. И охраненіе, и прогрессъ могутъ быть хороши и дурны, смотря по тому, къ чему они прилагаются **).

*) Staatsr. der const. Mon., II, 2 Abth., IV, § 7.

**) Тамъ же, § 8.

Поэтому, привилегированная палата не можетъ считаться представительницею народа. Это — фикція, выходящая изъ предѣловъ дозволеннаго. Естественны два элемента: правительство и народъ; дворянская же палата, стоя посрединѣ между обоими, посягаетъ какъ на величіе престола, такъ и на самостоятельность народа. Между королемъ и народомъ не нужно инаго посредника, кромѣ писанаго права и психологическаго закона разумнаго самолюбія *).

Нельзя не замѣтить, что всѣ эти разсужденія Роттека, слабыя въ теоріи, еще болѣе оказываются таковыми на практикѣ. Опытъ убѣждаетъ насъ, что ни писаныя хартіи, ни законъ разумнаго самолюбія не обезпечиваютъ правильнаго хода свободныхъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, между двумя элементами, которые могутъ придти въ столкновеніе, всегда необходимъ посредникъ.

Выше всѣхъ другихъ гарантій Роттекъ ставитъ, однако, крѣпкое общественное мнѣніе, которое составляетъ истинную душу свободнаго правленія. Общественное же мнѣніе требуетъ духовнаго развитія народа и живаго общенія мыслей, что̀ невозможно безъ свободы печати. Вслѣдствіе этого, свобода печати, которая сама по себѣ есть первоначальное, абсолютное, священное человѣческое право, ввѣренное только охранѣ государства и не подлежащее стѣсненію, является вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимымъ элементомъ конституціи и самою надежною ея гарантіею. Злоупотребленія печати должны устраняться не предварительною цензурою, которая коренным образомъ противорѣчитъ праву, а закономъ,

---

*) Тамъ же, § 13.

пресѣкающимъ преступленія, и судомъ присяжныхъ *).

Роттекъ исчисляетъ и нѣкоторыя другія гарантіи, какъ-то, публичность всѣхъ дѣйствій правительства, широкое народное образованіе, систему ополченія вмѣсто постоянныхъ армій, наконецъ, мудрыя правила объ исправленіи конституціи. Сочиненіе заканчивается пламеннымъ воззваніемъ къ охраненію свободы **).

Таковы въ существенныхъ чертахъ воззрѣнія Роттека. Точкою отправленія служитъ ему ученіе Канта; на немъ строится теорія юридическаго государства. Но развитіе индивидуалистическихъ началъ смягчается здѣсь требованіями государственной жизни. Вмѣсто чистой республики, идеаломъ политическаго устройства является конституціонная монархія, основанная на противоположеніи монархическаго элемента и демократическаго, на сочетаніи порядка и свободы. Однако, монархическій элементъ служитъ здѣсь только сдержкою; главная цѣль конституціонныхъ учрежденій заключается въ развитіи свободы. Вліяніе французскаго либерализма временъ Реставраціи на разработку этого ученія очевидно. Роттекъ отличается отъ французскихъ публицистовъ развѣ только меньшимъ политическимъ смысломъ и болѣе одностороннимъ развитіемъ либеральныхъ началъ. Построеніе ученія — чисто теоретическое; изученія конституціонной исторіи либеральныхъ государствъ у него вовсе не видно. На Англію онъ даже не обращаетъ никакого вниманія: все конституціонное развитіе новаго времени онъ считаетъ произведені-

---

* Staatsr. der const. Mon., VII, 2 Abth., II: Von der Pressfreiheit.

**) Тамъ же, VII: Noch andere Garantien.

емъ Французской Революціи *). Въ самой теоріи онъ далеко не всегда является послѣдовательнымъ; отвлеченныя требованія права постоянно находятся въ противорѣчіи съ смягченными выводами политики. Однимъ словомъ, если въ развитіи нѣмецкой политической мысли воззрѣнія Роттека играли видную роль, то въ общемъ движеніи науки они представляютъ мало новаго. Во всякомъ случаѣ, они значительно уступаютъ тому, что выработано было другими народами.

13. ГАЛЛЕРЪ.

Въ противоположность индивидуалистическимъ теоріямъ, развившимся на почвѣ идеализма, и тутъ выступаетъ противореволюціонная, или богословская, школа. Она заключаетъ въ себѣ группу писателей, которые поставили себѣ задачею бороться съ революціею во имя нравственныхъ основъ жизни. Правамъ народа они противополагаютъ права законныхъ князей, созданіямъ человѣческаго произвола — нравственный порядокъ, установленный Богомъ на землѣ. Поэтому, главной опоры для своего ученія они ищутъ въ религіи. Это направленіе сдѣлалось господствующимъ во времена реакціи, послѣдовавшей въ европейскомъ мірѣ за Вѣнскимъ конгрессомъ, реакціи, центромъ которой была Австрія.

Въ позднѣйшемъ ученіи Фихте *) является уже противоположеніе нравственныхъ началъ революціоннымъ, но тамъ оно далеко не имѣло такой рѣзкости. Существенная его тема заключалась въ построеніи

*) Lehrb. des Vernunftr., II, Einl. § 18, стр. 44.

**) См. Исторія Полит. ученій, ч. IV, стр. 165—209.

нравственнаго міра на основаніи чистаго самосознанія разума; въ этой системѣ свобода играла важнѣйшую роль. Фихте искалъ осуществленія своего идеала впереди, а не назади; онъ стремился къ освобожденію человѣчества отъ историческихъ узъ. У означенныхъ писателей, напротивъ, историческія преданія становятся на первый планъ; у нихъ господствуетъ недовѣріе къ личному разуму. Поэтому, вмѣстѣ съ Революціею осуждается и предвѣстница ея, Реформація. Въ мыслителяхъ этой школы обнаруживается явная наклонность къ католицизму. Многіе изъ нихъ, какъ-то, Галлеръ, Адамъ Мюллеръ, Фридрихъ Шлегель, Ярке, изъ протестантовъ сдѣлались католиками. Эти обращенія были послѣдовательнымъ приложеніемъ принятыхъ ими началъ.

Изъ числа этихъ писателей, нѣкоторые, хотя и замѣчательные по дарованію, не выработали цѣльнаго политическаго ученія. Таковъ былъ знаменитый Фридрихъ Генцъ, составитель протоколовъ Вѣнскаго и другихъ конгрессовъ того времени, главный органъ политики князя Меттерниха. Точно также и Ярке, написавшій нѣсколько сочиненій по уголовному праву, въ области государственнаго права ограничивался журнальною полемикою противъ конституціонныхъ учрежденій и отрывочными статьями въ пользу возвышенія церкви на счетъ государства. Для насъ важны одни систематики.

Первое мѣсто въ ряду послѣднихъ принадлежитъ Карлу Людвигу Галлеру. Онъ былъ членъ Бернской патриціанской фамиліи, покинувшій свое отечество вслѣдствіе политическихъ переворотовъ и посвятившій всю свою жизнь борьбѣ съ революціонными началами. Первое сочиненіе, въ которомъ онъ выска-

залъ свои взгляды, вышло въ 1808 году, подъ заглавіемъ: *Руководство къ общему познанію государствъ* (Handbuch der allgemeinen Staatenkunde). Оно не обратило на себя вниманія публики. Не смущаясь этою неудачею, Галлеръ подробнѣе развилъ свою теорію въ другомъ, болѣе обширномъ сочиненіи, которое онъ назвалъ *Возстановленіемъ политической науки* (Die Restauration der Staatswissenschaft). Первая часть его явилась въ 1816 году, а послѣдняя, шестая, въ 1834-мъ. Эта книга имѣла громадный успѣхъ и возбудила горячую полемику въ политической литературѣ.

Ученіе Галлера отличается оригинальностью и самобытностью. Онъ возстаетъ противъ всѣхъ предшествовавшихъ ему писателей по естественному праву. Во всѣхъ онъ видитъ одинъ коренной недостатокъ, несмотря на различіе направленій: всѣ они выводятъ общество изъ договора, полагая такимъ образомъ въ основаніе общественнаго союза не вѣчный, установленный Богомъ порядокъ, а человѣческій произволъ. Отсюда неизбѣжно вытекаютъ всѣ тѣ логическія послѣдствія, которыя были развиты проповѣдниками революціи. Если государство установляется человѣческимъ соглашеніемъ, то источникомъ верховной власти является народъ, а правительство есть не болѣе, какъ его уполномоченный. Изъ этого слѣдуетъ, что если народъ недоволенъ своимъ правительствомъ, онъ всегда можетъ его смѣнить и установить другое, какое ему заблагоразсудится. Наслѣдственная монархія совершенно несовмѣстима съ подобнымъ воззрѣніемъ; она представляется чистымъ произведеніемъ насилія*). Эти теоріи окончательно

*) Restaurat. des Staatswiss., Vorrede, стр. VI; Einl., 3—5 Cap.

нашли свое приложенiе во Французской Революцiи и произвели тѣ смуты, которыя потрясли весь европейскiй порядокъ. Неудача этихъ попытокъ раскрыла глаза многимъ; но приверженцы теорiи договора и тутъ еще стараются оправдать свой взглядъ. Неуспѣхъ своего дѣла они объясняютъ незрѣлостью общества, испорченностью Французскаго народа, преувеличенiями въ приложенiи началъ и т. д. Но всѣ эти объясненiя совершенно несостоятельны. Общество всегда достаточно зрѣло для пользованiя настоящими правами и естественною человѣку свободою. И въ древности и въ среднiе вѣка существовали республики, хотя народъ былъ гораздо менѣе образованъ, нежели въ наше время. Французы — одинъ изъ самыхъ образованныхъ народовъ Европы и не болѣе испорчены, нежели другiе. Въ приложенiи же революцiонныхъ началъ не только не было крайности, а наоборотъ, можно сказать, что если сохранялся еще призракъ порядка, то единственно благодаря нѣкоторой непослѣдовательности, которая удерживала людей отъ крайнихъ выводовъ. Въ дѣйствительности, революцiя потерпѣла крушенiе потому, что не могла держаться, а не могла она держаться потому, что провозглашенныя ею начала ложны и противорѣчатъ естественному порядку человѣческихъ отношенiй. Это доказывается внимательнымъ разборомъ теорiи договора *).

Все это ученiе основано на томъ предположенiи, что люди первоначально жили безъ всякой общественной связи, въ состоянiи полной свободы и равенства; но такъ какъ въ этомъ состоянiи права ихъ

---

*) Restaurat. etc. I, Einl., 11 Cap., стр. 278—288 (изд. 1820 г.).

не были ограждены отъ насилія, то они соединились въ общественные союзы и, въ силу взаимнаго договора, установили между собою власть для обезпеченія правъ. Первое, что можно сказать противъ подобнаго воззрѣнія, это то, что оно противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ. Въ дѣйствительности, ни одно государство не возникало этимъ путемъ; даже республики имѣли иное основаніе, какъ показываетъ исторія. Внѣобщественное состояніе людей есть чистый вымыселъ. Человѣкъ никогда не жилъ и не могъ жить безъ общества. Естественное происхожденіе связываетъ уже людей другъ съ другомъ; семейство составляетъ первое, самою природою установленное общество. Затѣмъ и взрослыя, независимыя лица нуждаются другъ въ другѣ, а такъ какъ силы и потребности людей неравны, то между ними сами собою установляются разнообразнѣйшія общественныя отношенія, безъ всякаго общаго и формальнаго договора. Почему въ этомъ состояніи нѣтъ уваженія къ праву, а должна господствовать вѣчная война, непонятно. Въ сердцахъ людей написанъ вѣчный законъ правды, запрещающій имъ посягать на чужое; никому не дозволено оскорблять другаго, нарушать его свободу, отнимать у него правомѣрно пріобрѣтенную собственность. Тотъ, кто рѣшился бы на подобные поступки, всегда долженъ опасаться мести, тогда какъ, соблюдая право, онъ, напротивъ, надѣется, что и ему будетъ платиться тѣмъ же. Обиженный и тутъ можетъ получить чужую помощь. Наконецъ, всякій можетъ уйти отъ обиды. Полнаго обезпеченія правъ, разумѣется, здѣсь невозможно найти; но его нѣтъ и въ самомъ совершенномъ обществѣ. Такимъ образомъ, сама природа дала лю-

дямъ не только права, но и средства ихъ защищать; къ чему же тутъ формальный договоръ, который не только не улучшаетъ дѣла, но самъ по себѣ представляетъ безчисленныя затрудненія и противорѣчія?

Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого должно составиться это первоначальное общество? Кто участники первобытнаго договора, на которомъ оно зиждется? Если никто не можетъ сдѣлаться членомъ общества иначе, какъ по собственному согласію, то право голоса должно быть предоставлено женщинамъ и дѣтямъ наравнѣ съ мужчинами. Если же тѣ и другія исключаются, то это уже отступленіе отъ принятыхъ началъ. Притомъ, и здѣсь возникаетъ затрудненіе: какъ опредѣлить совершеннолѣтіе, и кто имѣетъ на это право? Наконецъ, и между взрослыми мужчинами существуютъ различныя отношенія подчиненія: есть независимые отцы семействъ, есть и слуги. Будутъ ли тѣ и другіе имѣть одинакое право голоса въ общихъ рѣшеніяхъ? Но въ такомъ случаѣ господа сочтутъ себя униженными и не захотятъ вступить въ союзъ, которымъ ухудшается ихъ положеніе. Если же правомъ голоса будутъ пользоваться одни независимые господа, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, то подобное устройство, конечно, заключаетъ въ себѣ болѣе элементовъ для образованія прочнаго общежитія; но куда же дѣнутся тогда основанія системы? И захотятъ ли независимые господа подчинить себя высшей власти, когда они могутъ охранять свои права иными путями?

Не менѣе затрудненій представляетъ установленіе правительства. Кому ввѣрится общественная власть? Если одному, то кому именно? Сильнѣйшему? Но противъ него всего нужнѣе гарантіи. Мудрѣйшему?

Но кто распознаетъ мудрѣйшаго, и въ комъ найдетъ онъ опору? Рѣшеніе, говорятъ, должно быть предоставлено волѣ большинства. Но почему же меньшинство должно подчиняться большинству? Что станется съ моею свободою, если я долженъ буду принять господина отъ чужихъ рукъ? Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда правленіе вручается нѣсколькимъ, не говоря уже о томъ, что послѣдніе могутъ враждовать другъ съ другомъ и преслѣдовать свои личные интересы, въ противоположность общественнымъ, чѣмъ уничтожается вся цѣль союза. Наконецъ, если, для избѣжанія этой опасности, народъ удерживаетъ верховную власть за собою, то и отъ этого становится не легче: 1) чистая демократія возможна лишь въ весьма небольшихъ размѣрахъ; 2) нѣтъ большей тираніи, чѣмъ владычество большинства, которому нечего бояться, ибо оно сильнѣе всѣхъ.

При этомъ возникаетъ новый вопросъ, именно: гдѣ границы общественной власти? Говорятъ, что люди, соединяясь въ общество, жертвуютъ частью своей свободы, чтобы обезпечить остальную. Но какая это часть? Кто тутъ судья? Кто рѣшитъ, что̀ должно быть запрещено и что̀ дозволено? Чтобы выпутаться изъ этихъ затрудненій, нѣкоторые утверждаютъ, что власть должна быть перенесена на правителя безъ всякаго ограниченія, такъ чтобы въ обществѣ исчезла всякая частная воля. Но тутъ непонятно одно: какимъ образомъ столь безумная мысль могла придти въ голову кому бы то ни было, и какъ она могла быть признана въ особенности тѣми, которые всего болѣе толкуютъ о свободѣ и объ обезпеченіи правъ. Возможно ли человѣку уступить дру-

гому свой разумъ, свою волю, свои тѣлесныя силы, всѣ эти въ буквальномъ смыслѣ неотчуждаемыя права? А если бы это и было возможно, то гдѣ же тутъ обезпеченіе правъ? Въ этомъ случаѣ, единственнымъ послѣдствіемъ общежитія было бы превращеніе свободныхъ людей въ рабовъ и низведеніе человѣка на болѣе низкую степень, чѣмъ даже животныя.

Да и къ чему, наконецъ, все это принужденіе, всѣ эти безконечныя жертвы? Развѣ свобода человѣка болѣе обезпечена вслѣдствіе того, что онъ поставилъ надъ собою новую власть, которой онъ не въ силахъ сопротивляться? Ясно, напротивъ, что опасность становится въ тысячу разъ больше. Если эта власть — верховная, то противъ нея нѣтъ спасенія; если же она контролируется другою, то послѣдняя будетъ верховною, и тогда противъ этой, въ свою очередь, надобно искать огражденія. Перенесеніе же власти, въ качествѣ полномочія, не уменьшаетъ опасности злоупотребленій. Напротивъ, тутъ болѣе поводовъ къ соблазну, какъ доказываетъ вся исторія человѣчества. Однимъ словомъ, съ какой стороны мы ни возьмемъ эту систему, мы найдемъ только рядъ безконечныхъ затрудненій и противорѣчій *).

Такова критика, которой Галлеръ подвергъ господствовавшую въ его время теорію договора, критика во многихъ отношеніяхъ совершенно вѣрная. Вымышленное состояніе природы было окончательно устранено. Галлеръ справедливо доказывалъ, что общежитіе не есть искусственное произведеніе человѣческаго произвола, а естественное состояніе человѣка; что всегда и вездѣ существуютъ отношенія

---

*) Restaurat. etc. I, Einl., 11 Cap., стр. 295—336.

семейныя и служебныя; что, наконецъ, государства возникаютъ не на основаніи теоретическихъ началъ, а историческимъ путемъ, изъ данныхъ элементовъ. Онъ вѣрно подмѣтилъ и тѣ противорѣчія, которыя вытекаютъ изъ теоріи договора, какъ скоро въ основаніе полагается абсолютное право лица и подчиненіе каждаго только собственной своей волѣ. Исключеніе женщинъ и дѣтей, подчиненіе меньшинства большинству являются здѣсь отступленіемъ отъ принятыхъ началъ. Невозможно ни опредѣленіе той доли свободы, которую каждый оставляетъ за собою, ни установленіе границъ общественной власти. Но Галлеръ шелъ слишкомъ далеко, когда онъ безусловно отвергалъ возможность возникновенія государства изъ договора. Онъ самъ, какъ увидимъ далѣе, выводитъ республики изъ договора свободныхъ и равныхъ между собою лицъ, и признаетъ ихъ за искусственныя созданія человѣка *). Какимъ же образомъ можно рядомъ съ этимъ утверждать, что исторія не представляетъ ни единаго примѣра образовавшагося этимъ путемъ государства? Можно сказать только, что этотъ способъ происхожденія не первоначальный, далеко не всеобщій, и что во всякомъ случаѣ его нельзя считать единственнымъ правомѣрнымъ.

Чѣмъ же замѣняетъ Галлеръ отвергнутую имъ теорію договора? Искусственному созданію произвола онъ противополагаетъ естественный законъ, установленный самимъ Богомъ и управляющій всѣми человѣческими отношеніями. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что сильнѣйшій властвуетъ, а слабѣйшій

---

*) Restaurat. etc., VI, 2 Cap.

подчиняется. Естественное состояніе человѣка, то, которое вытекаетъ изъ самой его природы, въ которомъ онъ всегда былъ, есть и будетъ, не есть состояніе полной независимости и разобщенія: человѣческій бытъ заключаетъ въ себѣ и взаимныя отношенія независимыхъ лицъ, и различныя общественныя соединенія. Съ самаго рожденія ребенокъ находится во власти родителей; бракъ установляетъ отношенія мужа къ женѣ; взрослые мужчины нуждаются другъ въ другѣ для взаимной помощи и защиты. При неравенствѣ силъ и способностей, само собою установляется неравенство и въ положеніи лицъ. Естественное превосходство даетъ одному преимущество передъ другимъ, вслѣдствіе чего одни властвуютъ, а другіе подчиняются. Этотъ законъ господствуетъ во всей природѣ; онъ установленъ самимъ Богомъ, который неравно распредѣляетъ людямъ свои дары. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ служитъ и къ пользѣ самихъ людей, ибо всѣ отношенія основаны здѣсь на взаимной потребности: сильный нуждается въ службѣ, слабый въ защитѣ. Поэтому, люди естественно примыкаютъ къ сильнѣйшему и признаютъ его превосходство. Извращеніе этого порядка всегда ведетъ къ смутамъ и не можетъ быть долговѣчно. Въ силу этого закона, отецъ властвуетъ надъ дѣтьми, хозяинъ надъ слугами, вождь надъ подчиненными, учитель надъ учениками, наконецъ, всякій свѣдущій надъ несвѣдущими. Это — законъ вѣчный, необходимый и непреложный, какъ все установленное Богомъ *).

При этомъ Галлеръ дѣлаетъ, однако, существенную

---

*) Тамъ же, I, 13 Cap.

оговорку. Власть, принадлежащая естественному превосходству, говоритъ онъ, не означаетъ, что сильному все позволено. Надобно различать полезную власть и вредную силу. Права властителей ограничены высшимъ закономъ, управляющимъ всѣми человѣческими отношеніями, закономъ, имѣющимъ въ виду согласить общій порядокъ съ свободою каждаго отдѣльнаго лица. Онъ гласитъ: не обижай никого, но старайся быть полезнымъ другимъ. Эти два предписанія неразрывны; первое есть законъ правды, второе — законъ любви. Первое абсолютно и сопровождается принужденіемъ, второе обращается къ совѣсти и исполняется по мѣрѣ возможности. Этотъ законъ, всеобщій, необходимый и неизмѣнный, написанъ въ сердцахъ всѣхъ людей. Обязательная сила его основана не на общей волѣ, которая измѣнчива, не на произвольныхъ договорахъ, не на разумѣ, который служитъ только средствомъ познанія, а не источникомъ закона, наконецъ, не на общемъ благѣ, которое трудно опредѣлить, а единственно на волѣ Божьей, ибо она одна можетъ связывать человѣческую совѣсть. Въ силу этого закона, самый могучій властитель, точно также какъ и послѣдній изъ людей, не имѣетъ права отнять у другаго то, что ему принадлежитъ, его свободу и собственность. Всякое нарушеніе этого правила есть злоупотребленіе властью *).

Природа, продолжаетъ Галлеръ, дала людямъ и средства для охраненія установленнаго ею закона. Первое состоитъ въ соблюденіи справедливости. Каждый долженъ исполнять это правило и внушать

---

*) Restaurat. etc. I, 14 Cap.

другимъ тоже самое. Кто уважаетъ права ближняго, тотъ и съ его стороны вызываетъ такое же обращеніе относительно себя. Второе средство есть сопротивленіе обидѣ: всякій обиженный имѣетъ право защищать себя даже силою, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ и при всякомъ общественномъ порядкѣ; это — право абсолютное. Третье средство заключается въ помощи другихъ: всякій имѣетъ право оказать пособіе обиженному, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. На этомъ основано все общественное правосудіе, которое есть ничто иное, какъ помощь, оказываемая сильнѣйшимъ слабѣйшему. Наконецъ, когда ничто не помогаетъ, можно прибѣгнуть къ четвертому средству, именно, къ удаленію или бѣгству. Всякая попытка удержать человѣка въ извѣстномъ мѣстѣ помимо его воли есть недозволенное насиліе *).

Галлеръ признается однако, что всѣ эти способы огражденія правъ нерѣдко оказываются недостаточными, и что въ концѣ концовъ все сводится къ внутреннему чувству обязанности. Нѣтъ человѣческихъ учрежденій, которыя могли бы безусловно оградить отдѣльныхъ лицъ отъ злоупотребленій власти. Сопротивленіе сильному часто бываетъ безуспѣшно, а чужая помощь ненадежна. Если же для устраненія злоупотребленій мы хотимъ установить контроль надъ дѣйствіями власти, то это ведетъ лишь къ учрежденію новой, высшей власти, которая, въ свою очередь, требуетъ контроля. Какъ бы далеко мы ни восходили, мы все-таки въ концѣ концовъ придемъ къ какой-нибудь верховной власти, которая никому не

*) Тамъ же. 15 Cap

подчинена и сдерживается только совѣстью. Поэтому, всегда и вездѣ единственное обезпеченіе противъ злоупотребленій власти заключается въ религіозномъ и нравственномъ духѣ властителей. Безъ религіи никогда не могло существовать ни одно государство *).

Этотъ послѣдній выводъ обличаетъ всю недостаточность теоріи Галлера. Если бы дѣло ограничивалось добровольнымъ признаніемъ естественнаго превосходства во имя обоюдной пользы, то противъ этого нечего было бы сказать. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что фактически во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ имѣетъ естественная сила, физическая или умственная. Она становится средоточіемъ, около котораго группируются остальные элементы; изъ этого образуется извѣстный общественный порядокъ. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ объ отношеніи силы къ праву. Если распредѣленіе силъ между людьми считать божественнымъ установленіемъ, то право измѣряется силою и идетъ такъ же далеко, какъ послѣдняя; это — система Спинозы. Но Галлеръ весьма далекъ отъ подобнаго заключенія; онъ различаетъ силу *полезную* и *вредную*, признавая за нею право на владычество единственно настолько, насколько она сообразуется съ высшимъ нравственнымъ закономъ. Слѣдовательно, тутъ является уже мѣрило совершенно инаго рода, а потому неизбѣжны столкновенія. Напрасно Галлеръ увѣряетъ, что оба начала мирятся самымъ дружелюбнымъ образомъ **); напрасно онъ утверждаетъ, что сильнѣйшій всегда благороднѣе, великодушнѣе и полезнѣе другихъ; напрасно онъ видитъ въ деспо-

*) Restaurat. etc. I, 15 Cap., стр. 432—439.

**) Тамъ же, 14 Cap., стр. 391.

тизмѣ только рѣдкое исключеніе, происходящее главнымъ образомъ отъ извращенія естественнаго порядка *): факты слишкомъ громко вопіютъ противъ подобныхъ положеній. Въ дѣйствительности, всякая ничѣмъ не сдерживаемая сила стремится уничтожить находящіяся передъ нею преграды, слѣдовательно, нарушить права слабѣйшихъ. Какія же существуютъ средства противъ этого зла? Чѣмъ обезпечивается соблюденіе нравственнаго закона, который одинъ даетъ силѣ высшее значеніе? Тѣ средства, на которыя указываетъ Галлеръ, всѣ принадлежатъ къ *неустроенному* общежитію. Какъ онъ ни защищаетъ самоуправство, оно, въ сущности, ведетъ лишь къ безконечнымъ возмездіямъ. Истиннымъ его выраженіемъ является родовая месть. Въ государствѣ самоуправство допускается только въ крайней нуждѣ, когда нѣтъ средства получить помощь; иначе оно считается преступленіемъ. Во всякомъ случаѣ, собственная сила служитъ весьма плохимъ ручательствомъ за охраненіе права; тутъ слабѣйшій всегда будетъ въ накладѣ. Точно также ненадежно и случайное пособіе другихъ, зависящее отъ доброй ихъ воли. Наконецъ, и бѣгство не спасаетъ отъ обидъ; иногда оно даже невозможно. Остается, слѣдовательно, добровольное исполненіе нравственнаго закона сильнѣйшими, что Галлеръ и признаетъ за единственное надежное обезпеченіе права. Но очевидно, что на это положиться нельзя. Недостаточность всѣхъ данныхъ природою средствъ именно и указываетъ на необходимость инаго, искусственнаго устройства общественныхъ отношеній. Чтобы оградить себя отъ

---

*) Тамъ же, стр. 382.

обидъ и обезпечить свои права отъ нарушеній, люди должны соединить свои силы и установить постоянныя учрежденія. Въ этомъ и состоитъ гражданскій порядокъ, который Галлеръ выдаетъ за произвольный вымыселъ философовъ, между тѣмъ какъ онъ составляетъ постоянную и необходимую форму всякаго сколько-нибудь развитаго человѣческаго общежитія.

На основаніи установленныхъ имъ началъ, Галлеръ отвергаетъ всякое существенное отличіе государства отъ другихъ союзовъ. Для него государство есть точно такой же союзъ, какъ семья, домъ, какъ всякое товарищество, какъ вотчина. Все отличіе состоитъ въ томъ, что государство независимо отъ какой бы то ни было другой власти, между тѣмъ какъ другіе союзы, будучи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свободны, въ другихъ отношеніяхъ являются подчиненными. Поэтому, всякій владѣлецъ или союзъ, который дѣлается вполнѣ независимымъ, тѣмъ самымъ становится государемъ. Отсюда тотъ основной признакъ, которымъ государство отличается отъ другихъ обществъ, именно, верховная власть. Все остальное второстепенно *). Тѣ цѣли, которыми различные писатели хотятъ опредѣлить существо государства, не имѣютъ специфическаго значенія. Безопасность, благосостояніе, просвѣщеніе точно также могутъ быть цѣлями частныхъ союзовъ. Государство своей особенной цѣли не имѣетъ. Въ монархіяхъ нѣтъ даже никакой общей цѣли, а есть множество частныхъ цѣлей, которыя всѣ сводятся къ пріятности жизни. Въ независимыхъ же корпораціяхъ дѣйствительно есть цѣль, общая всѣмъ членамъ;

*) Restaurat. etc. I, 16 Cap.

но она можетъ быть весьма различна, смотря по обстоятельствамъ. Специфическаго признака и тутъ нельзя найти *).

Такимъ образомъ, государство есть ничто иное, какъ частный союзъ, пріобрѣтшій полную самостоятельность. Основаніемъ его является не народъ, а то лице, или тѣ лица, которыя облечены верховною властью, и вокругъ которыхъ группируются подданные. Эта власть принадлежитъ имъ не какъ общественная должность, а какъ *собственное ихъ право*, которому противопоставляются собственныя права подданныхъ. Она пріобрѣтается и теряется ими, какъ и всѣ прочіе дары счастія, *по милости Божіей*. Поэтому, они могутъ пользоваться ею по своему усмотрѣнію, никому не давая въ томъ отчета. Противоположный взглядъ ведетъ, съ одной стороны, къ деспотизму, съ другой стороны, къ революціи: къ деспотизму, ибо во имя общественнаго блага, котораго они являются представителями, правители считаютъ себѣ все дозволеннымъ; къ революціи, ибо понятіе о верховной власти, какъ должности, ведетъ къ той мысли, что она перенесена отъ народа и въ источникѣ своемъ принадлежитъ народу. Въ изложенной системѣ, напротивъ, княжеская власть утверждается на незыблемомъ основаніи собственнаго права, на которое нельзя посягать, не нарушая высшаго закона правды, а съ другой стороны, ограждается и свобода подчиненныхъ, которая ставится подъ охрану того же закона **).

Таково воззрѣніе Галлера на государство. Нельзя отказать ему въ оригинальности и послѣдователь-

*) Тамъ же, 17 Cap.
**) Тамъ же, 18, 19 Cap.

ности. Это не простая проповѣдь деспотизма: признавая права князей независимыми отъ подданныхъ Галлеръ рядомъ съ этимъ признаетъ и права подданныхъ независимыми отъ произвола правителей. Но нельзя не замѣтить, что въ этомъ воззрѣніи истинное существо политическаго союза остается совершенно непонятымъ. Изслѣдуя историческое происхожденіе государствъ, Галлеръ остановился на средневѣковой формѣ, которая собственно есть не государство, а гражданское общество. Исторически, новыя государства дѣйствительно возникли изъ частныхъ союзовъ; но все развитіе новаго времени вело къ тому, чтобы эти частныя отношенія превратить въ органическій союзъ, представляющій единство народной жизни. Галлеръ объявляетъ это развитіе революціоннымъ; въ государствахъ новаго времени онъ видитъ плодъ искусственныхъ теорій, въ противоположность которымъ средневѣковыя формы представляются самородными произведеніями естественныхъ отношеній. Но это значитъ одинаково не понимать и теоріи государства, и смысла историческаго развитія. Въ теоріи, органическій союзъ, представляющій единство народной жизни, составляетъ высшую форму, чѣмъ случайное сочетаніе частныхъ отношеній; поэтому, послѣдній типъ долженъ уступить мѣсто первому. Исторически же, развитіе политической жизни въ новое время пришло къ этой формѣ именно потому, что средневѣковой типъ оказался несостоятельнымъ. Противоположеніе самостоятельныхъ частныхъ правъ князей самостоятельнымъ же частнымъ правамъ подданныхъ можетъ вести лишь къ безконечной анархіи. Тутъ нѣтъ высшаго судьи, который признавался бы верховнымъ

толкователемъ естественнаго закона и своимъ приговоромъ окончательно разрѣшалъ бы столкновенія. Все здѣсь рѣшается частнымъ отношеніемъ силъ, слѣдовательно, побѣдою сильнѣйшаго. Эта безпрерывная смѣна анархіи и произвола именно и повела къ паденію средневѣковаго общественнаго строя. Этимъ въ значительной степени объясняется и успѣхъ революціи. Поднимая знамя государственнаго порядка противъ остатковъ старины, она пріобрѣтала самое могущественное оружіе въ борьбѣ съ врагами. Побѣдить ее можно было только тѣмъ же оружіемъ, а никакъ не становясь на средневѣковую почву. Въ этомъ отношеніи усилія Галлера должны были остаться тщетными.

Согласно съ принятыми имъ началами, Галлеръ раздѣляетъ государства на княжества и республики, смотря по тому, принадлежитъ ли верховная власть одному лицу или владычествующей корпораціи. Княжества, въ свою очередь, подраздѣляются на вотчинныя, военныя и духовныя. Но такъ какъ независимость не можетъ быть прочна, если князь не сидитъ на собственной землѣ, то вотчина составляетъ основной типъ, по которому строятся остальныя формы *).

Вотчинное княжество естественнымъ путемъ возникаетъ изъ семейства, когда независимый отецъ семейства пріобрѣтаетъ землю и подчиненныхъ служителей, которые поселяются въ его владѣніяхъ. Основаніемъ власти служитъ здѣсь поземельная собственность, начало которой лежитъ не въ человѣческихъ учрежденіяхъ, а въ естественномъ правѣ.

---

*) Restaurat. etc. I, 20 Cap.; II, 24 Cap.

Это доказывается уже тѣмъ, что она составляетъ явленіе общее и необходимое. Человѣкъ, по природѣ своей, имѣетъ право поддерживать и устроивать свою жизнь. Поэтому, онъ имѣетъ право присвоивать себѣ то, что требуется для этой цѣли. Присвоеніе правомѣрно, если этимъ не нарушается чужое право. Другіе, съ своей стороны, обязаны уважать это присвоеніе, когда оно совершилось правомѣрно; всякое на него посягательство было бы нарушеніемъ чужаго права. Занятіе никому не принадлежащихъ вещей составляетъ, слѣдовательно, первоначальное основаніе собственности. Тутъ не нужно придумывать первобытнаго общенія имуществъ; не нужно также никакихъ договоровъ. Самъ естественный законъ предписываетъ уважать человѣческую волю, пока она не нарушаетъ чужой, а эта правомѣрная воля именно и выражается въ собственности *).

Такимъ образомъ, князь есть ничто иное, какъ независимый землевладѣлецъ. Отсюда вытекаютъ всѣ его права. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго; это — тѣ права, которыя принадлежатъ всѣмъ людямъ по естественному закону. Независимое положеніе даетъ имъ только бо̀льшую силу **).

Первое право состоитъ въ верховенствѣ, вытекающемъ изъ полной свободы. Князья не имѣютъ надъ собою высшаго, кромѣ Бога, а потому подчиняются только божественному, а не человѣческому закону, и никому не обязаны давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Народамъ нечего опасаться такого преимущества; по природѣ вещей, иначе быть не можетъ, слѣдовательно, это — божественное установле-

*) Restaurat. etc. II, 25 Cap.

**) Тамъ же, 26 Cap.

ніе, а божественное установленіе ни для кого не можетъ быть вредно *).

Второе право есть право войны и мира въ отношеніи къ свободнымъ сосѣдямъ. Оно вытекаетъ изъ принадлежащаго всѣмъ людямъ права самозащищенія. Поэтому, война есть собственное дѣло князя; онъ ведетъ ее по личному своему усмотрѣнію. Подданные же могутъ и даже нравственно обязаны ему помогать. Къ этому побуждаетъ ихъ собственный ихъ интересъ. Отдѣльныя лица могутъ, сверхъ того, обязываться къ тому особыми условіями. Но внѣ этого, на подчиненныхъ не лежитъ никакой военной обязанности; служба можетъ быть только добровольная. Вводимая нынѣ общая воинская повинность есть ничто иное, какъ тираническое изобрѣтеніе новѣйшаго времени. По той же причинѣ князь долженъ вести войну на собственныя средства: и тутъ помощь со стороны подданныхъ ограничивается добровольными приношеніями. Что касается до мирныхъ договоровъ, то князь и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ совершенно по своему усмотрѣнію. Онъ властенъ распоряжаться своими владѣніями, какъ ему угодно, уступать ихъ, мѣнять, продавать, лишь бы этимъ не нарушались частныя права подданныхъ **).

Въ-третьихъ, князь имѣетъ право назначать и смѣнять всѣхъ подчиненныхъ ему служителей,— право, опять-таки принадлежащее всякому землевладѣльцу и домохозяину. Это — личные его слуги, а не общественныя должностныя лица. Подобный взглядъ не только не клонится ко вреду подданныхъ, а напротивъ, всего лучше ограждаетъ ихъ интересы. Если

*) Restaurat. etc. II, 27 Cap.

**) Тамъ же, 28. 29 Cap.

князь назначаетъ слугъ единственно для собственныхъ своихъ дѣлъ, онъ ограничивается крайнею необходимостью. При иномъ воззрѣніи, напротивъ, является стремленіе вмѣшиваться во все и для каждаго дѣла назначать особаго чиновника. Черезъ это безмѣрно распложается бюрократія и стѣсняется свобода подданныхъ, которые разсматриваются, какъ несовершеннолѣтніе, во всѣхъ мелочахъ жизни подлежащіе правительственной опекѣ *).

Такое же стремленіе къ ничѣмъ неоправданному вмѣшательству въ чужія дѣла является и въ новѣйшемъ извращеніи другаго княжескаго права,—права законодательства. И оно принадлежитъ князю наравнѣ со всѣми другими людьми: всякій властенъ дѣлать распоряженія въ предѣлахъ своего права и своей силы. Княжескій законъ можетъ имѣть двоякое значеніе: какъ подтвержденіе естественнаго закона или какъ распоряженіе по собственному дѣлу князя. Все, что выходитъ изъ этихъ границъ, есть произволъ. Поэтому, большая часть законовъ состоитъ или изъ постановленій, связывающихъ самого правителя и его потомковъ, или изъ инструкцій для подчиненныхъ служителей. Законы же, касающіеся правъ подданныхъ, — самые малочисленные и самые безполезные изъ всѣхъ. Можно сказать, что чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ лучше Такъ называемые гражданскіе законы установляются договорами и обычаями людей; они записываются и собираются единственно для вѣдома судей, которые соображаютъ съ ними свои рѣшенія. Точно также и уголовные законы суть ничто иное, какъ инструкціи для судей **). Что же

*) Restaurat. etc. II, 31 Cap.

**) Тамъ же, 32 Cap.

касается до судебной власти, то она опять-таки принадлежитъ князю наравнѣ со всѣми людьми. Всѣ имѣютъ право разбирать споры подчиненныхъ и оказывать помощь обиженнымъ; но пользоваться этимъ правомъ могутъ только сильнѣйшіе. Поэтому, оно по преимуществу принадлежитъ князю. Судъ есть, слѣдовательно, не обязанность, а благодѣяніе. Судьи же, будучи назначаемы княземъ въ качествѣ подчиненныхъ слугъ, обязаны сообразоваться съ его инструкціями *).

Наконецъ, съ княжескою властью сопряжены и нѣкоторыя имущественныя права. Первымъ источникомъ богатства князей служатъ ихъ собственныя имѣнія. Затѣмъ, они властны установлять регаліи, то есть, присвоивать себѣ исключительное право на извѣстныя производства въ предѣлахъ своихъ владѣній; ибо, принимая постороннихъ лицъ на свои земли, они въ правѣ опредѣлять и условія этого пріема. Далѣе, они могутъ установлять таксы за извѣстныя правительственныя дѣйствія. Но они не въ правѣ облагать подданныхъ податями безъ ихъ согласія. Произвольное обложеніе частной собственности составляетъ нарушеніе чужаго права. Поэтому, если требуются подати, необходимо созвать чины. Послѣдніе должны состоять изъ лицъ, непосредственно подчиненныхъ князю; но они не являются представителями остальныхъ, а могутъ давать деньги только изъ собственнаго своего кармана. Если же они хотятъ привлечь къ платежу податей и своихъ подчиненныхъ, то они должны, въ свою очередь, испрашивать согласія послѣднихъ **).

*) Тамъ же, 34 Cap.

**) Тамъ же, 35—37 Cap.

Галлеръ признается однако, что особенно въ дѣлѣ податей нужда извиняетъ иногда отступленія отъ строгихъ правилъ. Поэтому, чины нерѣдко даютъ согласіе на подати, не только за себя, но и за весь народъ *).

Изъ всего этого ясно, заключаетъ Галлеръ, каковы предѣлы княжеской власти. Этотъ вопросъ неразрѣшимъ съ точки зрѣнія новой государственной теоріи, ибо здѣсь невозможно положить границы между личнымъ правомъ и общимъ. Во имя общественнаго блага открываются двери самому страшному деспотизму. Въ изложенной системѣ, напротивъ, границы верховной власти обозначаются сами собою: онѣ лежатъ тамъ же, гдѣ находятся границы всякаго права, именно, въ чужомъ правѣ. Князь властенъ дѣлать все, что ему угодно, въ предѣлахъ собственнаго права; но на свободу и собственность подчиненныхъ онъ не въ правѣ посягать. Это — прирожденныя, Богомъ дарованныя права, которыя должны оставаться столь же непоколебимы, какъ и власть княжеская. Такова черта, положенная неизмѣннымъ естественнымъ закономъ. Въ этихъ границахъ между княземъ и подданными могутъ быть установлены различныя условія, опредѣляющія права обѣихъ сторонъ. Новѣйшая конституціонная теорія видитъ въ этихъ хартіяхъ важнѣйшее обезпеченіе противъ произвола; но, въ сущности, такого рода постановленія по меньшей мѣрѣ безполезны, а нерѣдко и вредны. Князь всегда сильнѣйшая сторона, а потому онъ обыкновенно выговариваетъ себѣ гораздо болѣе того, что онъ

*) Тамъ же, стр. 339.

уступаетъ подданнымъ, напримѣръ, право взимать подати, набирать войско. Вообще, неизмѣнный естественный законъ служитъ гораздо болѣе надежною гарантіею права, нежели измѣнчивая воля человѣка, которая можетъ разрушить завтра то, что создается сегодня. Наконецъ, никакія хартіи не ограждаютъ отъ насилія, примѣромъ чему могутъ служить безчисленныя бумажныя конституціи, созданныя безумствомъ новѣйшаго времени. Самыя прочныя учрежденія тѣ, которыя не вписываются въ хартіи, а охраняются правами*). Подданные безъ всякихъ формальныхъ условій имѣютъ средства ограждать себя отъ произвола. Это — тѣ средства, которыя даны имъ естественнымъ закономъ относительно всѣхъ людей вообще; ибо обязанности подданныхъ къ князю ничѣмъ не отличаются отъ обязанностей ихъ ко всякому другому человѣку. Первое средство состоитъ въ томъ, чтобы они сами соблюдали естественный законъ, чѣмъ вызывается взаимность и устраняются столкновенія. Еще болѣе этому содѣйствуетъ распространеніе истиннаго ученія объ отношеніяхъ князя къ подданнымъ, ученія, основаніемъ котораго всегда есть и будетъ религія, то есть, уваженіе къ данному Богомъ естественному закону. Затѣмъ, въ случаѣ нарушенія права, подданные могутъ прибѣгать къ страдательному сопротивленію, къ жалобамъ, къ представленіямъ. Судебная помощь, конечно, въ этомъ случаѣ немыслима; но можно пріобрѣсти помощь и заступничество иными путями. Далѣе, подданнымъ остается бѣгство, и наконецъ, какъ крайнее средство, открытое возстаніе. Что ни говорятъ софисты,

---

*) Restaurat. etc. II, 39 Cap.

сопротивленіе тираніи есть право, котораго нельзя отнять у подчиненныхъ. Неправедной силѣ можетъ и должна быть противопоставлена сила. Обязанности людей взаимны; нельзя постановить правиломъ, что несправедливость дозволяется, а сопротивленіе запрещено. Право сопротивленія оправдывается какъ Священнымъ Писаніемъ, такъ и всею исторіею человѣчества. И нечего опасаться, что оно можетъ быть употреблено во зло. Князь всегда сильнѣе подданныхъ, а потому послѣдніе рѣдко рѣшатся на такой путь, который можетъ ухудшить ихъ состояніе. Благоразуміе обыкновенно предписываетъ уступить, чтобы не навлечь на себя еще бòльшаго зла. Только невыносимыя притѣсненія способны возбудить общее возстаніе, но тогда оно неизбѣжно, какія бы ему ни противополагались теоріи *).

Итакъ, Галлеръ приходитъ къ тому же заключенію, къ какому пришла и революціонная школа. Разница между ними та, что онъ и княжескую власть хочетъ произвести изъ прирожденныхъ каждому отдѣльному человѣку правъ. Но самое исчисленіе присвоенныхъ князю преимуществъ доказываетъ всю несостоятельность этого взгляда. Невозможно утверждать, какъ дѣлаетъ Галлеръ, что всякому лицу въ обществѣ принадлежатъ одинакія съ княземъ права и что только недостатокъ средствъ мѣшаетъ ими пользоваться. Все значеніе гражданскаго быта состоитъ въ томъ, что имъ устраняется самоуправство; личная месть замѣняется судомъ третьяго лица, которое является представителемъ высшаго, общественнаго начала. Если бы частный человѣкъ вздy-

*) Restaurat. etc. II, 41 Cap.

малъ творить судъ и расправу, подъ предлогомъ оказанія помощи обиженному, онъ самъ подлежалъ бы за то наказанію. Если бы всякій богачъ имѣлъ право строить крѣпости и содержать войско, насиліямъ и междоусобіямъ не было бы конца. Самъ Галлеръ сознается, что князья, въ видахъ собственной безопасности, обыкновенно запрещаютъ подобныя средства защиты. Наконецъ, только въ средніе вѣка князья могли вести войны на собственныя средства и съ помощью слугъ. При болѣе развитомъ общественномъ бытѣ, это сдѣлалось невозможнымъ; война, волею или неволею, принимаетъ всенародный характеръ. Даже при добровольной вербовкѣ войско можно содержать только на общія средства, и если для полученія этихъ средствъ требуется согласіе подданныхъ, то дѣло не ограничивается добровольными приношеніями, но созывается собраніе, котораго рѣшенія считаются обязательными для всѣхъ, то есть, признается общее представительство, облеченное принудительною властью. А съ этимъ вмѣстѣ, вся теорія Галлера рушится въ самомъ основаніи. Какъ скоро есть общее представительство и общія обязанности, такъ частныя отношенія замѣняются цѣльнымъ союзомъ, въ которомъ лице является подчиненнымъ членомъ, а правительство становится представителемъ общественнаго начала. И эта замѣна необходима. Частныя отношенія между свободными лицами, не признающими надъ собою высшаго судьи, могутъ породить только анархію, ибо соблюденіе закона, которымъ должны уководиться люди, предоставляется здѣсь доброй волѣ каждаго. Поэтому, Галлеръ принужденъ въ концѣ концовъ поставить весь этотъ порядокъ

подъ защиту религіи. «Различіе между противореволюціонными ученіями и революціонными, говоритъ онъ, есть, въ сущности, различіе между вѣрою и невѣріемъ» *).

Въ особомъ отдѣлѣ, подъ именемъ макробіотики, или ученія о долговѣчной жизни, Галлеръ излагаетъ средства поддержать и продолжить существованіе вотчинныхъ государствъ. Главнымъ правиломъ политики полагается здѣсь сохраненіе и увеличеніе того превосходства, которое даютъ князю независимость и власть. Средства же для достиженія этой цѣли суть: нераздѣльность и расширеніе владѣній, строгая бережливость, хорошій выборъ подчиненныхъ должностныхъ лицъ, поддержаніе личнаго значенія и достоинства князя въ глазахъ подданныхъ, военный духъ, необходимый для сохраненія независимости, и т. д. Все это вполнѣ сообразно съ существомъ вотчиннаго правленія. Важнѣе было бы приложеніе этихъ правилъ къ монархіи, имѣющей народное значеніе, но этого мы, разумѣется, у Галлера не находимъ **).

Военная монархія примыкаетъ къ вотчинной, ибо независимый предводитель дружины, для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, необходимо долженъ сидѣть на своей землѣ. Поэтому и здѣсь удерживаются существенныя черты вотчиннаго государства. Однако, военный бытъ влечетъ за собою и нѣкоторыя особенности. Первая состоитъ въ томъ, что покоренныя племена ставятся въ бо̀льшую или меньшую зависимость отъ побѣдителей. Эта зависимость сама въ себѣ не имѣетъ ничего неправомѣр-

*) Restaurat. etc. II, стр. 380, примѣч. 10

**) Тамъ же, III, 45—53 Cap.

наго, ибо она проистекаетъ изъ естественнаго отношенія силъ. Вторая особенность заключается въ военной организаціи управленія: оно получаетъ іерархическій характеръ и строго централизовано; дѣленіе областей здѣсь чисто искусственное. Смягчающимъ элементомъ являются тутъ ленныя учрежденія, которыя, усиливая мѣстную власть, дѣлаютъ ее болѣе доступною для подчиненныхъ и установляютъ между побѣдителями и побѣжденными патріархально-вотчинныя отношенія. При этомъ спутники князя, какъ участники побѣды, получаютъ награды землями и должностями. Изъ нихъ образуется дворянство, возвышающееся надъ остальнымъ народомъ. Всякій общественный бытъ влечетъ за собою образованіе извѣстнаго аристократическаго класса, ибо аристократія зиждется на уваженіи, которое подобаетъ высшей власти и свободѣ. Въ вотчинномъ государствѣ является вотчинная аристократія, состоящая изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ военномъ государствѣ военная, въ духовномъ духовная, наконецъ, въ республикахъ патриціанская. Тамъ, гдѣ эта высшая власть и свобода переходятъ по наслѣдству, аристократія получаетъ наслѣдственный характеръ. Въ военномъ государствѣ она образуется сословіемъ побѣдителей, которое, кромѣ подобающаго ему уваженія, пользуется еще разными льготами и привилегіями, опять же совершенно правомѣрными, хотя нѣтъ сомнѣнія, что тутъ открывается поле для злоупотребленій. Члены этого сословія, будучи товарищами князя, нерѣдко сзываются имъ для совѣта и помощи; отсюда собранія чиновъ, которыя имѣютъ здѣсь гораздо большее значеніе, нежели въ вотчинахъ. Однако, и эти собра-

нія отнюдь не облечены законодательною властью. По самому свойству отношеній, князь сзываетъ, кого и когда хочетъ; онъ распускаетъ чины по собственному усмотрѣнію, предлагаетъ имъ на обсужденіе тѣ дѣла, для которыхъ онъ считаетъ нужнымъ имѣть ихъ совѣтъ; наконецъ, только его верховная воля даетъ силу ихъ рѣшеніямъ. Совокупность принадлежащихъ товарищамъ правъ составляетъ то, что называется народными вольностями; онѣ относятся очевидно исключительно къ высшему сословію и сами по себѣ суть ничто иное, какъ благодѣянія князей или формальныя подтвержденія существующихъ уже отношеній *).

Обыкновенно, однако, между княземъ и его товарищами возгорается борьба, которая можетъ кончиться перевѣсомъ той или другой стороны. Вначалѣ князь, какъ сильнѣйшій, имѣетъ за себя всѣ шансы. Если онъ умѣетъ ими пользоваться, онъ мало-помалу ограничиваетъ права аристократіи, расширяетъ свою власть и свои владѣнія и, наконецъ, становится неограниченнымъ государемъ, или же, въ болѣе мягкой формѣ, превращаетъ военное государство въ вотчинное. Если же князь не умѣетъ пользоваться выгодами своего положенія, то перевѣсъ склоняется на сторону аристократіи. Права монарха подвергаются бо̀льшимъ и бо̀льшимъ ограниченіямъ, и государство неудержимо стремится къ распаденію. Нерѣдко торжество аристократіи ведетъ къ тому, что монархія становится выборною. Это устройство представляетъ нѣчто среднее между монархіею и республикою; но какъ сочетаніе противорѣчащихъ

*) Restaurat. etc. III, 51—62 Cap.

другъ другу началъ, оно не можетъ быть долговѣчно *).

Макробіотика военныхъ монархій основана на томъ же началѣ, какъ и макробіотика вотчинныхъ княжествъ, именно, на сохраненіи княземъ своего превосходства. Поэтому и правила здѣсь тѣже. Однако, тутъ есть и особенности, которыя вызываются отношеніями князя, съ одной стороны, къ товарищамъ, съ другой стороны, къ побѣжденнымъ. Относительно послѣднихъ правила политики не затруднительны: нужно только не раздражать народъ невыносимыми притѣсненіями. Гораздо труднѣе соблюдать должную мѣру въ отношеніи къ вельможамъ. Такъ какъ они являются главными соперниками князя, то не слѣдуетъ увеличивать ихъ власть. Въ особенности надобно стараться не допускать наслѣдственности леновъ и должностей и строго держать собранія чиновъ въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ правъ. Но съ другой стороны, аристократія составляетъ самую крѣпкую опору монархіи. Каждый вельможа въ маломъ видѣ—тоже, что князь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; права и интересы ихъ тожественны. Поэтому, нѣтъ болѣе пагубной политики, какъ та, которая полагаетъ силу монарха въ униженіи дворянства. Князь, который идетъ этимъ путемъ, подрываетъ основы собственной власти. Вообще, военныя монархіи, болѣе значительныя по объему, межели другія, имѣютъ и болѣе внѣшняго блеска, но заключаютъ въ себѣ сѣмена разрушенія. Ихъ строгое однообразіе подавляетъ свободу и отчуждаетъ отъ нихъ сердца подданныхъ. Могу-

*) Restaurat. etc. III, 63, 64, Cap.

чіе вассалы, съ своей стороны, стремятся къ самостоятельности, а потому, какъ скоро ослабѣваетъ тотъ военный духъ, который ихъ основалъ, такъ эти колоссальныя созданія разлагаются на множество мелкихъ владѣній. Военная монархія возвращается къ болѣе естественному и болѣе благодѣтельному для человѣчества типу монархіи вотчинной *).

Третій видъ княжествъ составляетъ духовная монархія. Галлеръ сознается, впрочемъ, что лучше было бы духовное государство противопоставить совокупности свѣтскихъ формъ, нежели дѣлать изъ него подчиненный видъ княжествъ **). Онъ съ особенною любовью излагаетъ сущность и устройство этого союза; въ церкви онъ видитъ идеалъ человѣческихъ обществъ. Вѣрный своей теоріи, онъ и церковное устройство производитъ сверху, а не снизу: основателемъ духовной монархіи является учитель, а не ученики. Поэтому Галлеръ отвергаетъ протестантскія начала, какъ революціонныя, и признаетъ католицизмъ за единственную истинную форму христіанства ***). Несмотря, однако, на всѣ его старанія подвести церковное устройство подъ общія принятыя имъ начала общественнаго быта, здѣсь оказываются существенныя противорѣчія съ послѣдними. Между тѣмъ какъ въ другихъ княжествахъ не признается никакой другой связи, кромѣ частныхъ отношеній между главою и каждымъ изъ подданныхъ отдѣльно, церковь, напротивъ, понимается какъ организмъ, на подобіе человѣческаго тѣла, «этого зеркала божественнаго порядка», по выраженію

*) Restaurat. etc. III, 65, 66 Cap.

**) Тамъ же, IV, Vorrede, стр. XXIX.

***) Тамъ же, IV, 67 Cap., стр. 7—10

Галлера, «въ которомъ ни одинъ членъ не существуетъ самъ для себя, но каждый живетъ для всѣхъ другихъ и служитъ не себѣ, а всѣмъ остальнымъ, черезъ что сохраняются красота, здоровье и крѣпость какъ цѣлаго тѣла, такъ и отдѣльныхъ членовъ» *). Вслѣдствіе этого, власть не является здѣсь частною собственностью владыки, но установляется для общей пользы, какъ общественная должность **). Поэтому и церковныя имущества составляютъ собственность не правителя, а всей церкви въ совокупности, вслѣдствіе чего они признаются неотчуждаемыми ***). Наконецъ, и общественныя учрежденія служатъ общей пользѣ и считаются достояніемъ всѣхъ ****). Однимъ словомъ, тутъ являются и органическое начало и общій элементъ, которые отвергались въ другихъ общественныхъ союзахъ. Самъ Галлеръ признаетъ, что церковь осуществляетъ въ себѣ все то, что новые писатели «въ безуміи своемъ» приписываютъ свѣтскому государству †). Но почему же въ безуміи? На какомъ основаніи признается въ одномъ случаѣ то, что въ другомъ отвергается, какъ нелѣпое и невозможное?

Органическій характеръ церковнаго союза отражается и на его устройствѣ. Тутъ власть не можетъ переходить по наслѣдству. Духовный авторитетъ, на которомъ она зиждется, не передается произвольно, какъ частная собственность. Вмѣсто наслѣдственности, здѣсь является выборное начало. Однако,

*) Restaurat. etc. IV, стр. 175—6.

**) Тамъ же, Vorrede, стр. XIX; стр. 290, примѣч. 2.

***) Тамъ же, стр. 161, 205, 290.

****) Тамъ же, Vorrede, стр. XVIII.

†) Тамъ же, IV; Vorrede, стр. XVIII,

Галлеръ старается придать этому началу какъ можно меньше значенія. Прежде всего, онъ не допускаетъ выбора учителя учениками, ибо послѣдніе къ этому неспособны. Выбирать могутъ только сами учителя между собою; низшіе же назначаются высшими *). Затѣмъ, права церковной власти расширяются совершенно несоотвѣтственно выборному ея происхожденію и органическому характеру союза. Галлеръ не только признаетъ необходимость единаго главы церкви, что вовсе не вытекаетъ изъ существа церковнаго союза, но онъ этому главѣ безусловно подчиняетъ всю іерархію пастырей. «Подобно основателю общества или какъ его преемникъ, говоритъ Галлеръ, онъ (то есть, глава) былъ прежде нихъ и не обязанъ имъ своимъ существованіемъ; они имъ поставлены и назначены, а не онъ ими; они подчинены его руководству, а не онъ ихнему; не онъ вышелъ изъ нихъ, а они изъ него, какъ гроздъ изъ виноградной лозы, и только пребывая въ немъ, они составляютъ общество. Не связанные между собою, разсѣянные и одинокіе, какъ члены безъ главы или колонны безъ фундамента, они только черезъ него и съ нимъ составляютъ одно цѣлое» **). Очевидно, что наклонность къ католицизму заставила Галлера впасть въ эту непослѣдовательность. Принятыя имъ здѣсь начала согласны съ общими его положеніями, но они противорѣчатъ имъ же самимъ признаннымъ основаніямъ церковнаго союза. Возводя этотъ союзъ въ идеалъ всего человѣческаго общежитія, Галлеръ утверждаетъ,

---

*) Тамъ же, IV, 78 Cap., стр. 292—294.

**) Тамъ же, стр. 323.

что онъ соединяетъ въ себѣ выгоды республикъ и монархій, составляя нѣчто среднее между тѣми и другими *); но въ сущности, тутъ соединяются только противорѣчащія направленія, которыя отнюдь не приводятся къ соглашенію.

Основанная на чисто духовномъ началѣ, на добровольномъ подчиненіи учениковъ духовному руководству учителя, церковь, для внѣшняго своего существованія, нуждается однако въ матеріальныхъ средствахъ. Она составляетъ постоянный союзъ съ извѣстными имуществами и учрежденіями. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, этотъ союзъ можетъ даже сдѣлаться совершенно независимымъ, и тогда онъ становится настоящимъ государствомъ. Галлеръ считаетъ такое положеніе весьма выгоднымъ для церкви, ибо оно всего лучше обезпечиваетъ ея независимость **). Тамъ же, гдѣ церковь не достигаетъ полной самостоятельности, она состоитъ въ государствѣ, либо какъ терпимая, либо какъ господствующая. Въ первомъ случаѣ, права ея совершенно зависятъ отъ милости князя. Галлеръ не признаетъ вѣротерпимости, какъ безусловнаго человѣческаго права. Но разъ извѣстная церковь признана государствомъ, князь не властенъ уже касаться пріобрѣтенныхъ ею правъ и вмѣшиваться во внутреннія ея дѣла. Это будетъ такимъ же нарушеніемъ справедливости, какъ и въ отношеніи къ частному лицу ***). Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно церкви господствующей. Получая льготы, церковь не становится черезъ это государственнымъ учре-

*) Restaurat. etc. стр. 373—376.

**) Тамъ же, V, IV, 72 Cap.

***) Тамъ же, 80 Cap., стр. 353—364.

жденіемъ. Она остается самостоятельнымъ союзомъ, и свѣтская власть должна относиться къ ней, какъ ко всякому независимому лицу. Этими началами должны разрѣшаться и всѣ столкновенія между церковью и государствомъ. Галлеръ утверждаетъ, что эти столкновенія потому только представляются затруднительными, что вмѣсто соблюденія справедливости, тутъ постоянно является вмѣшательство въ чужія дѣла *).

Если бы Галлеръ ограничился этими положеніями, за нимъ осталась бы заслуга признанія церкви независимымъ союзомъ, хотя и тутъ многое можно сказать противъ взгляда на дарованныя церкви преимущества, какъ на частное ея право. Но онъ идетъ гораздо далѣе. Онъ признаетъ вѣчною истиною, что духовная власть должна господствовать надъ свѣтскою. По его мнѣнію, она не только благороднѣе послѣдней, возвышаясь надъ нею, какъ душа надъ тѣломъ, какъ невидимое надъ видимымъ, или какъ вѣчное надъ временнымъ; но она въ дѣйствительности составляетъ источникъ и конечную цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій; она направляетъ и обезпечиваетъ свободное употребленіе всѣхъ земныхъ благъ и силъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи, говоритъ Галлеръ, оба меча, духовный и свѣтскій, орудуются церковною властью. Она даетъ законъ, а свѣтская власть его исполняетъ. Духовный мечъ составляетъ принадлежность царства Божьяго и находится въ рукахъ учителей; свѣтскій же мечъ употребляется для царства Божьяго и находится въ рукахъ князей и вообще могучихъ людей, но подъ мягкимъ и незамѣтнымъ

---

*) Тамъ же, стр. 364—429.

руководствомъ учителя. Такъ всегда было, есть и будетъ, ибо безъ духовнаго авторитета міръ не можетъ стоять *). «Если такимъ образомъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, по весьма мѣткому сравненію, церковь и государство, или, лучше сказать, духовная и свѣтская гласть относятся другъ къ другу, какъ душа и тѣло, какъ законъ и власть, какъ правило и дѣйствіе, причемъ обѣ не могутъ быть совершенно независимы другъ отъ друга, но одна должна уступить другой первенство, то, конечно, естественнѣе и справедливѣе, чтобы душа повелѣвала тѣлу, нежели тѣло душѣ, чтобы власть управлялась закономъ, нежели чтобы законъ преклонялся передъ властью, чтобы дѣйствіе было сообразно съ правиломъ, нежели чтобы правило приноровлялось къ противорѣчащимъ другъ другу дѣйствіямъ» **). Подобно средневѣковымъ учителямъ, Галлеръ противополагаетъ даже царство Божіе, воплощенное въ христіанской церкви, царству тьмы, или діавола, которое проявляется въ самообожаніи человѣчества, то есть, въ свѣтскомъ, построенномъ на чисто человѣческихъ началахъ государствѣ. Между тѣмъ и другимъ происходитъ великая борьба, которая раздираетъ современныя общества ***).

Тѣмъ же средневѣковымъ духомъ проникнута и его макробіотика духовныхъ княжествъ. Прежде всего, Галлеръ требуетъ единства вѣры, утверждая, что разногласіе мнѣній гибельно не только для духовной власти, но и для свѣтской. Внѣшній миръ и порядокъ возможны только при единствѣ мыслей; поэто-

*) Restaurat. etc. IV, стр. 23—25.

**) Тамъ же, V, стр. 292.

***) Тамъ же, IV, стр. 25—27.

му, свѣтскіе князья должны въ этомъ отношеніи поддерживать церковь. Галлеръ считаетъ расколъ такою же государственною измѣною противъ духовнаго общества, какимъ является открытое возмущеніе противъ свѣтскаго. Онъ утверждаетъ, что отпаденіе отъ церкви ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Источникъ его — единственно гордыня человѣка, который личное свое мнѣніе ставитъ выше общаго авторитета *). Но какія же существуютъ средства противъ этого зла? Терпимость ни къ чему не ведетъ, а съ другой стороны, Галлеръ признаетъ, что и внѣшняя сила не достигаетъ цѣли, ибо нельзя насильно внушить людямъ вѣру. Противъ духовнаго зла требуется духовное оружіе. Прежде всего, надобно чистотою ученія предупредить самое возникновеніе ложныхъ толковъ. Если же они возникли, слѣдуетъ по возможности препятствовать ихъ распространенію. Внутренно каждый можетъ вѣрить, во что хочетъ, но внѣшняя пропаганда должна быть строго запрещена. Свобода печати есть пагубный софизмъ. Всѣ сочиненія необходимо подвергать строжайшей цензурѣ, которая должна быть ввѣрена церковнымъ учителямъ, для того, чтобы ядъ не могъ заразить другихъ. Затѣмъ, надобно опровергать самое лжеученіе, обличая основное его начало и дѣлая его смѣшнымъ и достойнымъ презрѣнія въ его выводахъ. Наконецъ, если бы секта вздумала образовать изъ себя постоянное общество, то это общество должно быть уничтожено хотя бы силою **).

Галлеръ не ограничивается этими отрицательными

*) Restaurat. etc. V, 84 Cap.

**) Тамъ же, 85 Cap.

мѣрами. Если религія должна дѣйствительно сдѣлаться царицею міра, господствовать всюду и быть закономъ во дворцахъ, также какъ и въ хижинахъ, необходимо, чтобы она не оставалась въ отвлеченной области, но проникала всю человѣческую жизнь. Всѣ науки, всѣ искусства должны быть ей подчинены; она должна быть духомъ, направляющимъ и оживляющимъ всѣ другія знанія, конечною цѣлью, къ которой всѣ должны стремиться и которой всѣ должны содѣйствовать *). Очевидно, что о свободѣ тутъ нѣтъ уже и рѣчи. Тѣ личныя права, которыя въ свѣтскомъ государствѣ Галлеръ противопоставлялъ княжеской власти, исчезаютъ въ духовной области. Человѣкъ безусловно подчиняется высшему авторитету, отрекаясь отъ всякой самостоятельности. Въ основаніе церковнаго союза Галлеръ полагаетъ добровольное признаніе духовнаго превосходства, но въ результатѣ выходитъ, что непризнаніе этого превосходства есть преступленіе, и что духовный авторитетъ поддерживается даже внѣшнею силою.

Наконецъ, послѣдняя форма общественныхъ союзовъ, республика, основывается на началахъ добровольнаго товарищества. И тутъ, также какъ и въ церкви, являются общая цѣль, общія учрежденія и общія имущества. Верховная власть присвоивается здѣсь совокупности членовъ; рѣшеніе же вопросовъ принадлежитъ большинству, на основаніи общаго закона, по которому властвуетъ сильнѣйшій. Но, также какъ и во всѣхъ другихъ образахъ правленія, эта власть простирается единственно на собственныя права общины, то есть, на общее достояніе, а

---

*) Тамъ же, 89 Cap., стр. 236—237

никакъ не на личныя права членовъ, которыя должны оставаться неприкосновенными. Кромѣ того, свобода меньшинства ограждается тѣмъ, что ему всегда предоставляется право выйти изъ союза *). Тамъ, гдѣ община мала, она вся собирается для совѣщаній; въ противномъ случаѣ, изъ нея выдѣляется собраніе представителей, причемъ однако полезно, чтобы нѣкоторыя важнѣйшія дѣла предоставлены были утвержденію всей общины. Собраніе можетъ избираться по округамъ или восполняться само собою. Послѣдній способъ предпочтительнѣе, ибо избранный отдѣльнымъ округомъ не можетъ считаться представителемъ цѣлаго, да и самый выборъ бываетъ лучше, когда онъ предоставляется собранію отборныхъ людей. Наконецъ, для исполненія необходима особая правительственная коллегія **).

Въ организованной такимъ образомъ правящей корпораціи Галлеръ признаетъ полное равенство. Даже самыя подати должны, по его мнѣнію, распредѣляться не пропорціонально имуществу, а поровну на каждаго члена ***). Поэтому, онъ отвергаетъ всякое различіе правъ между гражданами. И здѣсь, какъ и вездѣ, образуется извѣстная аристократія, но она должна быть основана единственно на почетѣ, который оказывается преемственно передающимся богатству и положенію ****). Это равенство не распространяется, однако, на подчиненныхъ общинѣ лицъ. Республика, также какъ и князь, можетъ имѣть своихъ подданныхъ. И тутъ являются служебныя отношенія сла-

*) Restaurat. etc. VI, 7, 8 Cap.

**) Тамъ же, 14, 15 Cap.

***) Тамъ же, 12 Cap., стр. 129.

****) Тамъ же, 22 Cap. стр. 358—361.

бѣйшихъ къ сильнѣйшимъ. Первые сохраняютъ свою свободу и свою собственность, которыя должны оставаться неприкосновенными; но они не имѣютъ права требовать уравненія въ политическихъ правахъ съ членами владычествующей корпораціи. Отъ воли корпораціи зависитъ размѣръ тѣхъ правъ, которыя она предоставляетъ подчиненнымъ. Благоразумная политика требуетъ однако, чтобы не только не было притѣсненій, которыя здѣсь гораздо чувствительнѣе, нежели въ княжествахъ, но и чтобы знатнѣйшимъ изъ подданныхъ былъ предоставленъ доступъ въ гражданство. Иначе возбуждаются зависть и неудовольствіе, которыя легко могутъ привесть государство къ паденію *).

Въ макробіотикѣ республикъ Галлеръ излагаетъ средства для поддержанія республиканской власти. Это едва ли не лучшая часть всего сочиненія. Самъ будучи членомъ владычествующей корпораціи, Галлеръ видѣлъ на практикѣ и ея способы управленія, и угрожающія ей опасности. Но и здѣсь, какъ вездѣ, не выступаетъ изъ тѣсной рамки союзовъ, возникшихъ изъ средневѣковаго порядка. Широкое развитіе республиканской формы, образцы котораго представляетъ новѣйшая исторія, осталось ему чуждымъ.

Вообще, весь образъ мыслей Галлера коренится въ средневѣковомъ бытѣ, который возводится имъ на степень нравственнаго идеала. Владычество сильнѣйшаго, основанное на взаимной пользѣ и подчиненное нравственному закону, вотъ вся его теорія. Но если мы спросимъ: гдѣ же ручательство въ томъ, что сильнѣйшій будетъ подчиняться нравственному

---

*) Restaurat. etc. VI, 16 Cap.; 19 Cap., стр. 311—318.

закону, воздерживаться отъ нарушенія чужихъ правъ и употреблять свою власть именно для общей пользы, а не для своей собственной выгоды? — то въ отвѣтъ мы узнаемъ, что во всемъ этомъ надобно положиться въ концѣ концовъ на человѣческую совѣсть, то есть, на силу религіи,— отвѣтъ, очевидно, не политическій, а богословскій. Религія, по мнѣнію Галлера, должна служить связью между сильнымъ и слабымъ, между порядкомъ и свободою; поэтому церковь, какъ высшій нравственный союзъ, должна владычествовать въ гражданскомъ обществѣ. Если же мы станемъ разбирать, какимъ образомъ въ самомъ церковномъ устройствѣ примиряются противоположные элементы общежитія, то мы увидимъ, что свобода, которая вначалѣ признавалась основою церкви, въ результатѣ совершенно изъ нея изгоняется, и свѣтская власть призывается на помощь для поддержанія единства вѣры. Такой выводъ самъ себя опровергаетъ. Начало власти, даже при нравственной сдержкѣ, очевидно недостаточно для примиренія свободы съ закономъ. Въ результатѣ, свобода все-таки приносится въ жертву.

14. Гегель.

Развитіе нѣмецкаго идеализма, начало которому было положено Кантомъ, завершается Гегелемъ. Противоположныя направленія, индивидуалистическое и нравственное, сводятся имъ къ единству причины конечной. Это и есть настоящая точка зрѣнія идеализма, сущность котораго состоитъ именно въ томъ, что вышедшія изъ первоначальнаго единства про-

тивоположности снова связываются высшимъ единствомъ. Какъ логическое опредѣленіе, конечное единство есть *идея*, составляющая внутреннюю цѣль бытія, движущую пружину развитія; какъ міровое начало, это высшее единство противоположностей, эта связь разума и матеріи есть *духъ*, источникъ жизни, представляющій верховное благо или согласіе сущаго. Ученіе Гегеля понимаетъ абсолютное, какъ духъ, который, развиваясь въ силу внутренняго закона, самъ противополагаетъ себѣ свои опредѣленія, и затѣмъ снова приводитъ эти противоположности къ себѣ, подчиняя ихъ высшему единству. Поэтому, истинная сущность духа раскрывается только въ концѣ, въ полнотѣ его развитія. Первоначальныя же его опредѣленія представляютъ лишь скудные и односторонніе моменты, которые полагаются имъ съ тѣмъ, чтобы снова *сниматься*. Они составляютъ точки отправленія для дальнѣйшаго развитія, и чѣмъ они непосредственнѣе, тѣмъ они скуднѣе. Однако, эти опредѣленія не исчезаютъ въ высшемъ единствѣ; они сохраняются въ немъ, но не какъ самостоятельныя начала, а какъ моменты единаго бытія, имѣющіе относительную самостоятельность, но подчиненные цѣлому.

Такимъ образомъ, противоположные элементы мірозданія, общее и частное, разумъ и матерія, связываются въ одно живое цѣлое конечнымъ единствомъ идеи, или духа. Очевидно, что этимъ завершается и весь процессъ развитія философской мысли. Недостаточныя и одностороннія опредѣленія достигаютъ здѣсь высшей полноты. Тѣмъ не менѣе, и эта точка зрѣнія можетъ не удовлетворять требованіямъ разума. Когда развивающееся изъ нея ученіе является

не какъ вѣнецъ всего предыдущаго, а какъ исключительная система, замѣняющая всѣ остальныя и все выводящая изъ одного начала, то оно, въ свою очередь, впадаетъ въ односторонность. Конечное единство есть высшее, но не единственное начало бытія. Оно предполагаетъ и первоначальную основу, и самостоятельное значеніе противоположностей, которыя связываются имъ и приводятся къ высшей гармоніи, но сами не вытекаютъ изъ него. Если же оно признается не только концомъ, но и началомъ всего сущаго, то первоначальная основа исчезаетъ, а противоположные элементы превращаются въ простые моменты высшаго единства. А таково именно воззрѣніе Гегеля. У него нѣтъ ничего, кромѣ духа. Разумъ и природа составляютъ только противоположныя проявленія духа, которыя имъ полагаются, и затѣмъ собственнымъ, внутреннимъ процессомъ развитія снова къ нему возвращаются. Черезъ это все ученіе, очевидно, принимаетъ односторонній характеръ. Сохраняя свое высокое значеніе, какъ вѣнецъ развитія философской мысли, оно является недостаточнымъ, какъ исключительная система. Поэтому, совершенно ошибочно считать Гегеля представителемъ всей нѣмецкой философіи и по нему, какъ по результату, судить объ остальномъ. Это все равно, что крышу принимать за цѣлое зданіе.

Какъ сильныя, такъ и слабыя стороны ученія Гегеля выражаются въ томъ, что составляетъ характеристическую его особенность, можно сказать, самую душу его системы, — въ діалектикѣ. Діалектика есть развитіе системы опредѣленій чистой мысли. Законъ ея состоитъ въ выводѣ противоположностей изъ первоначальнаго единства и затѣмъ

въ обратномъ сведеніи противоположностей къ высшему единству. Этотъ законъ есть основной законъ разума, заключающійся въ разложеніи и сложеніи опредѣленій на основаніи внутреннихъ, необходимо присущихъ имъ признаковъ. Каждое опредѣленіе, или понятіе, по самому существу своему, составляетъ единство двухъ противоположныхъ началъ: общаго и частнаго, единаго и различнаго. Будучи противоположными, эти начала отрицаютъ другъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою связь. Черезъ это они полагаются, какъ самостоятельныя. Но такъ какъ ни единство не можетъ быть безъ различія, ни различіе безъ единства, то, взятыя отдѣльно, эти начала становятся въ противорѣчіе съ самими собою. Отрицая противоположное, каждое вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ и себя. Исключивъ изъ себя всякое отношеніе къ другому, они уничтожаютъ необходимое условіе собственнаго существованія и черезъ это сами превращаются въ ничто. Однако, это новое отрицаніе есть, въ сущности, только отрицаніе ихъ самостоятельности, то есть, отрицаніе отрицанія. Результатъ его — положительный, именно, необходимость связи противоположныхъ началъ. Это и ведетъ къ новому опредѣленію, къ высшему единству, содержащему въ себѣ противоположности уже не въ непосредственной слитности, а въ полномъ развитіи, какъ моменты цѣлаго, прошедшіе черезъ отрицаніе и поборовшіе въ себѣ это отрицаніе.

Этотъ діалектическій законъ составляетъ движущую пружину всего развитія человѣческой мысли. Исторія философіи служитъ самымъ блистательнымъ фактическимъ его подтвержденіемъ. Онъ одинъ объясняетъ и всю исторію человѣчества. Поэтому, въ

каждой философской системѣ мы непремѣнно найдемъ извѣстную долю діалектики. Но очевидно, что въ полнотѣ своей она могла быть выработана только идеализмомъ. Изобрѣтателемъ ея древніе считали Платона; сведеніе ея въ цѣльную науку въ новое время принадлежитъ Гегелю. Это — безсмертная его заслуга, которая даетъ ему первенствующее мѣсто въ исторіи человѣческаго ума. Можно сказать, что безъ діалектики нѣтъ философіи. Кто отвергаетъ діалектику, тотъ не принимаетъ первыхъ основаній философскаго мышленія. Ничто такъ не свидѣтельствуетъ о современномъ упадкѣ философіи, какъ то пренебреженіе, въ которое діалектика впала въ настоящее время.

Діалектическое зданіе, возведенное Гегелемъ, далеко однако не можетъ считаться послѣднимъ словомъ науки. Оно во многомъ требуетъ исправленія. Исключительность гегелевскаго идеализма отразилась и здѣсь. Она повела къ невѣрному пониманію самаго закона развитія, а вслѣдствіе того, къ неправильному во многихъ отношеніяхъ построенію системы. Изъ сказаннаго выше ясно, что законъ діалектическаго развитія влечетъ за собою установленіе четырехъ опредѣленій въ трехъ ступеняхъ. Первую ступень составляетъ первоначальное единство, вторую — двѣ противоположности, третью — единство конечное. Это во многихъ мѣстахъ признаетъ и Гегель. Такъ, проводя развитіе понятія черезъ слѣдующія другъ за другомъ ступени общаго, частнаго и единичнаго, онъ къ частному относитъ два противоположныхъ опредѣленія: чисто частное и отвлеченно общее. Послѣднее, какъ противоположное частному, само составляетъ частное опредѣленіе, тогда

какъ истинно общее заключаетъ въ себѣ и отвлеченно общее, и частное *). На тѣхъ же началахъ построенъ у Гегеля весь остовъ его логики. Первую ступень составляетъ непосредственное бытіе, вторую — противоположность отвлеченной сущности и явленія, третью — понятіе, какъ единство того и другаго. Но рядомъ съ этимъ является и построеніе инаго рода, вытекающее изъ исключительнаго преобладанія начала конечнаго. Какъ мы уже видѣли выше, послѣднее, по теоріи Гегеля, само полагаетъ свои противоположныя опредѣленія и затѣмъ снова приводитъ эти опредѣленія къ себѣ, какъ высшему единству. Вслѣдствіе этого, первоначальная основа исчезаетъ, и остаются только три опредѣленія: двѣ противоположности и конечное единство, которыя и развиваются въ трехъ ступеняхъ. Первую ступень составляетъ одна изъ противоположностей, вторую — другая, третью — ихъ единство. А такъ какъ начать можно одинаково съ той или другой противоположности, ибо каждая сама собою указываетъ на другую, то за первую ступень Гегель принимаетъ то отвлеченно общее, то частное, то субъективное начало, то объективное. Результатъ и тутъ выходитъ правильный, ибо діалектическое развитіе противоположностей все-таки ведетъ къ высшему единству; но въ послѣдовательномъ движеніи мысли оказываются пробѣлы, искусственные переходы, наконецъ, смѣшеніе различныхъ ступеней, именно, первоначальнаго единства съ одною изъ противоположностей, иногда съ отвлеченно общимъ началомъ, иногда съ частнымъ. При такихъ ошибкахъ, нѣтъ, конечно,

*) Logik: die Lehre vom Begriff, 1 Abschn., 1 Cap., B. Ссылаюсь вездѣ на Полное Собраніе Сочиненій.

ничего легче, какъ подвергнуть логику Гегеля критикѣ въ подробностяхъ. Но указаніе частныхъ недостатковъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о достоинствѣ цѣлаго.

Это не совсѣмъ правильное пониманіе діалектическаго закона отражается прежде всего на общемъ построеніи системы. Гегель раздѣляетъ философію на логику, философію природы и философію духа. Очевидно, что логика или, что́ тоже самое, діалектика, представляетъ отвлеченно общій элементъ, развитіе законовъ чистой мысли; въ природѣ, напротивъ, выражается форма частнаго бытія; наконецъ, духъ составляетъ высшее единство обоихъ. Но у Гегеля, вслѣдствіе смѣшенія первоначальнаго единства съ отвлеченно общимъ моментомъ, чистая мысль является первоначальною основою, которая затѣмъ переходитъ въ природу и, наконецъ, возвращается къ себѣ въ духѣ. Поэтому и логика начинается у него не съ непосредственнаго, то есть, конкретнаго бытія, а съ величайшаго отвлеченія, именно, съ чистаго бытія, которое, какъ чистое отвлеченіе, есть ничто иное, какъ чистое отрицаніе. Конечно, результатъ выходитъ тотъ же: истина для Гегеля заключается не въ этихъ первоначальныхъ, самыхъ скудныхъ опредѣленіяхъ мысли, которыя составляютъ для нея только точку отправленія; истина у Гегеля есть духъ, который является завершеніемъ всего процесса. Но по законамъ логики, не первоначальное бытіе полагается конечнымъ, а наоборотъ. Слѣдовательно, основа должна содержать въ себѣ обѣ противоположности, а не смѣшиваться съ одною изъ нихъ. Очевидно, что тутъ заключается поводъ къ невѣрному пониманію самой системы Гегеля.

Неправильная постановка исходной точки повела и къ неправильному построенію конца. Діалектическій законъ влечетъ за собою совпаденіе конца съ началомъ: высшее единство является сочетаніемъ противоположностей, также какъ и единство первоначальное. Это именно признаетъ Гегель. Но такъ какъ исходною точкою является у него не конкретное, а отвлеченное единство, то послѣднее должно составлять и завершеніе развитія. Поэтому, высшимъ проявленіемъ духа онъ признаетъ не исторію, а философію, которая представляетъ возвращеніе къ логикѣ. Такимъ образомъ, отвлеченная мысль становится началомъ и концомъ всего діалектическаго процесса, хотя духъ, какъ высшее единство всего сущаго, по самому смыслу системы, не есть отвлеченіе, а живое сочетаніе противоположностей.

Отсюда, наконецъ, невѣрное построеніе всей системы духовнаго міра. И здѣсь повторяются три ступени развитія: *духъ субъективный, духъ объективный* и *духъ абсолютный.* Первый есть духъ самъ въ себѣ взятый, въ совокупности внутреннихъ своихъ опредѣленій. Сначала онъ является въ непосредственной формѣ, какъ естественное произведеніе — *душа.* Затѣмъ, въ душѣ развивается *сознаніе:* субъектъ противополагаетъ себя внѣшнему міру. Наконецъ, вполнѣ развившееся сознаніе полагаетъ себя, какъ самоопредѣляющійся *разумъ;* это — духъ въ истинномъ своемъ значеніи: онъ является, какъ *духъ теоретическій*, въ познаніи, какъ *духъ практическій*, въ системѣ влеченій, какъ *духъ свободный*, въ разумной, самоопредѣляющейся волѣ. Такимъ образомъ, свободная воля составляетъ высшее опредѣленіе субъективнаго духа. Достигши этой ступени, онъ

переходитъ во внѣшнюю дѣятельность и строитъ изъ себя объективный міръ, гдѣ основнымъ началомъ является *свобода*. Ступени развитія свободы, или объективнаго духа, суть *право, мораль* и *нравственность*. Подъ именемъ нравственности Гегель разумѣетъ общественное начало, представляющее сочетаніе права и морали и выражающееся въ развитіи человѣческихъ союзовъ. Высшій изъ этихъ союзовъ есть *государство*. Но государство, какъ выраженіе извѣстной народности, само составляетъ только частное проявленіе міроваго духа. Поэтому, оно вступаетъ въ общій процессъ съ другими, подобными ему союзами. Этотъ процессъ есть *всемірная исторія*, высшее проявленіе объективнаго духа, проявленіе, которое составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ къ третьей и послѣдней ступени, къ сознанію абсолютнаго духа. Послѣднее развивается въ трехъ ступеняхъ: въ *искусствѣ*, въ *религіи* и въ *философіи*. Философіею завершается все развитіе мысли и бытія; здѣсь конецъ совпадаетъ съ началомъ*).

Таково общее построеніе философіи духа у Гегеля. Ему нельзя отказать въ широтѣ взгляда и въ значительной глубинѣ пониманія. Тѣмъ не менѣе, оно страдаетъ противорѣчіемъ. Если мы сравнимъ внутреннія опредѣленія духа съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ же самыхъ опредѣленій, то увидимъ, что одно не соотвѣтствуетъ другому. Самоопредѣляющійся духъ развивается, какъ сказано выше, въ трехъ ступеняхъ: какъ теоретическій духъ — въ познаніи, какъ практическій духъ — въ системѣ влеченій, наконецъ, какъ свободный духъ — въ волѣ. Это и есть

---

*) См. Encyclopädie, 3 Theil, Philos. des Geistes.

истинное отношеніе этихъ трехъ элементовъ. Если мы прибавимъ къ нимъ чувство, отнесенное Гегелемъ къ непосредственной формѣ духа, къ душѣ, то мы получимъ полную систему внутреннихъ опредѣленій духовнаго естества. Чувство представляетъ первоначальное, непосредственное его единство; разумъ и влеченія составляютъ двѣ противоположныя его стороны, изъ которыхъ одна обращена внутрь, а другая устремлена на внѣшній міръ; наконецъ, свободная воля является высшимъ единствомъ обоихъ. Сообразно съ этимъ должны быть построены и тѣ формы духовнаго міра, въ которыхъ проявляются эти опредѣленія. Міръ чувствъ есть внутренній міръ души; теоретическія идеи составляютъ область разума; покореніе природы, или система экономическихъ отношеній, соотвѣтствуетъ влеченіямъ; наконецъ, нравственный міръ образуетъ область воли. Послѣдній, очевидно, долженъ занимать высшее мѣсто въ развитіи духа, ибо онъ представляетъ живое или конкретное сочетаніе противоположностей: разума и природы, общаго и частнаго, безконечнаго и конечнаго. Между тѣмъ, у Гегеля о покореніи природы нѣтъ рѣчи; экономическія отношенія составляютъ, какъ увидимъ далѣе, только подчиненный моментъ юридическаго общества. Практическая сторона духа осуществляется въ нравственномъ мірѣ, а теоретическая сторона возвышается надъ послѣднимъ, какъ сознаніе абсолютнаго духа. Несоотвѣтствіе этого построенія изложенной выше системѣ внутреннихъ опредѣленій духовнаго естества очевидно. Изъ сказаннаго ясны и причины такого противорѣчія.

Посмотримъ теперь на внутреннее построеніе

объективнаго духа, который составляетъ настоящій предметъ нашихъ изслѣдованій. Несмотря на неправильно начначенное ему мѣсто въ общей системѣ, это построеніе, слѣдуя діалектическому закону, вообще говоря, развиваетъ истинную сущность нравственныхъ опредѣленій и вѣрно указываетъ на взаимныя ихъ отношенія. Однако и здѣсь, по объясненнымъ выше причинамъ, оказываются существенные пробѣлы и недостатки.

Основнымъ опредѣленіемъ объективнаго духа признается свободная воля. Воля есть практическій разумъ, то есть, разумъ, дѣйствующій на внѣшній міръ. Поэтому, воля заключаетъ въ себѣ два противоположныхъ опредѣленія: общее и частное. Съ одной стороны, какъ мысль, или какъ безусловное общее начало, она обладаетъ способностью абсолютнаго отвлеченія или чистой неопредѣленности. Воля не связана никакою цѣлью и никакимъ побужденіемъ; она можетъ отрѣшиться отъ всего. Это — элементъ безконечности. Съ другой стороны, воля имѣетъ содержаніе; она хочетъ чего-нибудь. Отъ неопредѣленности она переходитъ къ опредѣленію. Это опредѣленіе можетъ быть взято какъ изъ чистаго разума, такъ и изъ системы влеченій. Но каково бы оно ни было, воля всегда сознаетъ его своимъ, ею самою положеннымъ, ибо она имъ не связана и отъ всякаго опредѣленія можетъ снова перейти къ неопредѣленности. Воля есть именно единичное начало, представляющее высшее единство общаго и частнаго. Противоположныя опредѣленія заключаются въ ней, какъ идеальные моменты, отъ нея зависящіе и ею полагаемые; сама же она является какъ абсолютная возможность перехода

отъ одного къ другому. Опредѣляясь, она остается собою, то есть, сохраняетъ въ себѣ элементъ чистой неопредѣленности; поэтому она и сознаетъ опредѣленіе, какъ моментъ, отъ котораго она всегда можетъ отрѣшиться, точно также какъ и наоборотъ, отъ неопредѣленности она всегда можетъ перейти къ ею самою полагаемому опредѣленію. Въ этомъ и заключается ея свобода, которая составляетъ сущность воли, точно также какъ тяжесть составляетъ сущность матеріальнаго тѣла. Поэтому, всѣ существа, одаренныя волею, сознаютъ себя свободными; но одинъ идеализмъ способенъ раскрыть истинный смыслъ этого начала *).

Въ этихъ мысляхъ Гегеля заключается высшее и глубочайшее, что было когда-либо сказано о свободѣ воли. Инстинктивное чувство человѣка, которое прямо и непосредственно относится къ предмету въ его цѣлости, всегда признавало и признаетъ свободу, какъ фактъ, на которомъ строится весь нравственный міръ. Но объясненіе этого факта составляетъ загадку для испытующаго ума, ибо оно требуетъ высшаго разумѣнія метафизическихъ началъ. Поэтому, низшія формы познанія, опытъ и формальная логика неизбѣжно приходятъ къ отрицанію свободы воли. Неспособны постигнуть ее и одностороннія метафизическія системы. Только высшій идеализмъ проникаетъ въ истинную ея сущность, ибо онъ одинъ понимаетъ человѣка, какъ высшее единство противоположныхъ началъ, безконечнаго и конечнаго, съ абсолютною возможностью перехода отъ одного къ другому.

---

*) Philosophie des Rechts, §§ 4—7.

Но какъ всякое опредѣленіе, по ученію Гегеля, только въ концѣ раскрываетъ истинную свою сущность, такъ и воля только на высшей своей ступени является вполнѣ свободною. Въ низшихъ же своихъ формахъ она находится еще подъ вліяніемъ естественныхъ началъ. Здѣсь она получаетъ свое содержаніе извнѣ, отъ влеченій и наклонностей; сама же она, оставаясь отвлеченно общимъ началомъ, является тутъ въ видѣ способности *выбирать* между различными влеченіями. Эта форма воли есть *произволъ*. Содержаніе не соотвѣтствуетъ здѣсь формѣ, ибо оно для нея внѣшнее и случайное; вслѣдствіе этого, произволъ представляетъ внутреннее противорѣчіе своихъ опредѣленій. Это противорѣчіе является въ видѣ борьбы между различными влеченіями, которыя приходятъ въ столкновенія другъ съ другомъ. Выбирая между ними, произволъ полагаетъ себѣ общую цѣль — счастіе; но такъ какъ эта цѣль все-таки зависитъ отъ соглашенія случайныхъ влеченій, то и она является частною и случайною. Общаго въ ней, строго говоря, ничего нѣтъ, ибо влеченія безконечно разнообразны и исключаютъ другъ друга. Поэтому, счастіе, состоящее въ удовлетвореніи влеченій, недостижимо; оно представляетъ прогрессъ въ безконечность. Смыслъ этого прогресса заключается въ требованіи такого общаго начала, которое подчиняло бы себѣ все частное. Для этого необходимо отличить существенныя влеченія воли отъ несущественныхъ; существенными же слѣдуетъ признать тѣ, которыя не составляютъ только извнѣ взятаго содержанія, а отвѣчаютъ существу самой воли, собственнымъ ея опредѣленіямъ. Въ этомъ и состоитъ истинно общее начало, въ кото-

ромъ отвлеченно общее и частное являются только моментами. Самоопредѣляющаяся воля есть свободная воля въ истинномъ значеніи. Цѣль ея состоитъ въ осуществленіи своей свободы во внѣшнемъ мірѣ. Это — свободная воля, которая хочетъ свободной воли. Осуществленіе этой свободы составляетъ *право* въ обширномъ смыслѣ *).

Право развивается у Гегеля въ трехъ ступеняхъ: 1) какъ *отвлеченное*, или *формальное право*, выражающее самоопредѣленіе воли во внѣшнимъ мірѣ; 2) какъ *мораль*, или внутреннее самоопредѣленіе воли; 3) какъ *нравственность*, представляющая сочетаніе права и морали: общія требованія морали, осуществляясь во внѣшнемъ мірѣ, становятся системою юридическихъ учрежденій, опредѣляющихъ права и обязанности людей въ общественныхъ союзахъ **).

Отвлеченное право, или право въ тѣсномъ смыслѣ, есть проявленіе личной свободы. Въ этой области разсматриваются отдѣльныя лица и ихъ взаимныя отношенія. Отдѣльный человѣкъ, какъ свободное существо, имѣетъ правоспособность; въ этомъ качествѣ, онъ является *лицомъ*. Законъ права гласитъ: «будь лицемъ и уважай другихъ, какъ лица». Этотъ законъ — чисто формальный; онъ ограничивается однимъ отрицаніемъ, запрещеніемъ посягать на свободу лицъ. Содержаніе же, на этой ступени, дается естественными побужденіями человѣка, его влеченіями. Поэтому, оно имѣетъ характеръ случайный; законъ права ничего здѣсь не опредѣляетъ: онъ только дозволяетъ.

*) Philos. des Rechts, §§ 9—29.

**) Тамъ же, § 33.

Существенно въ дозволеніи то, что внѣшній міръ подчиняется свободѣ, какъ не имѣющій въ отношеніи къ ней самостоятельнаго значенія. Во имя права, свободное лице налагаетъ руку на природу, и это право должно быть уважаемо другими. Въ этомъ заключается основаніе *собственности*, перваго проявленія личной свободы человѣка. Вещь — моя, потому что я хочу ее имѣть; это — право моей свободы. Содержаніе же этого права случайно; я могу имѣть больше или меньше: для юридическаго закона это все равно. Онъ запрещаетъ только трогать вещи, принадлежащія другимъ. Вещи же, никому не принадлежащія, присвоиваются тому, кто ими овладѣетъ. Для законнаго присвоенія требуется однако, чтобы воля дѣйствительно выразилась въ вещи: это дѣлается посредствомъ физическаго овладѣнія, обдѣлки, наконецъ простаго означенія. Наоборотъ, когда воля перестаетъ проявляться въ вещи, послѣдняя можетъ быть присвоена другими. Вслѣдствіе этого, право собственности теряется давностью. Присвоенная вещь находится въ полномъ распоряженіи собственника. Онъ можетъ по произволу употреблять и даже уничтожать ее для своихъ потребностей. Точно также онъ воленъ предоставить часть ея употребленія другому. Наконецъ, онъ воленъ и самое свое право собственности передать другому, ибо вещи, по существу своему, могутъ переходить изъ рукъ въ руки, присвоиваться тѣмъ или другимъ лицемъ. Внѣшняя природа составляетъ общую среду, черезъ которую отдѣльныя лица вступаютъ въ юридическія отношенія другъ къ другу. Эти отношенія выражаются въ *договорѣ* *).

*) Phil. des Rechts, §§ 34—71.

Договоръ составляетъ второе проявленіе личной свободы. И тутъ содержаніе еще случайно; оно зависитъ отъ произвола лицъ. Существеннымъ моментомъ является здѣсь уговоръ, то есть, выраженіе воль; исполненіе же составляетъ только послѣдствіе этого акта, ибо черезъ уговоръ предметъ пересталъ уже быть собственностью одного и сдѣлался собственностью другаго. Вслѣдствіе этого, неисполненіе договора становится посягательствомъ на чужую собственность. Но соединенная такимъ образомъ воля не есть еще *общая* (allgemein), а только *совокупная* (gemeinsam) воля лицъ. Договаривающіеся не дѣйствуютъ здѣсь заодно, для общей цѣли; каждый остается самостоятельнымъ лицемъ, съ своими особенными цѣлями и интересами. Такимъ образомъ, общее начало, право, стоитъ здѣсь въ зависимости отъ частнаго элемента, отъ случайной воли лицъ, а такъ какъ частныя воли могутъ расходиться, то договоръ можетъ быть нарушенъ. Отсюда третье проявленіе личной свободы — *неправда* *).

Неправда составляетъ такое проявленіе свободы, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ ея отрицаніе, ибо она нарушаетъ свободу другаго. Слѣдовательно, она сама себѣ противорѣчитъ, а потому, въ свою очередь, должна быть отрицаема. Положительное проявленіе права состоитъ въ отрицаніи этого отрицанія, то есть, въ насиліи правомѣрномъ, уничтожающемъ насиліе неправомѣрное. Вслѣдствіе этого, юридическій законъ имѣетъ характеръ принудительный. Отрицаніе внѣшняго, нанесеннаго другому вреда составляетъ вознагражденіе за убытки. Но источникъ

---

*) Тамъ же, §§ 72—81.

неправды лежитъ въ самой волѣ нарушителя, отрицающей право; поэтому, возстановленіе права должно состоять въ отрицаніи этой воли, которая, какъ противорѣчащая праву, подлежитъ принужденію. Это отрицаніе отрицанія есть *возмездіе;* оно предписываетъ воздавать равное за равное, не въ матеріальномъ смыслѣ, какъ око за око, а по оцѣнкѣ дѣйствія. Въ этомъ заключается требованіе соразмѣрности преступленія съ наказаніемъ, требованіе карающаго правосудія, составляющее истинное основаніе уголовнаго законодательства. Всякія другія соображенія имѣютъ здѣсь только второстепенное значеніе. Но въ области личнаго права, гдѣ нѣтъ еще высшаго судьи надъ отдѣльными лицами, возмездіе предоставляется самому обиженному. Поэтому, оно не является чистымъ выраженіемъ закона, а имѣетъ характеръ личный и случайный; оно принимаетъ форму мести. Вслѣдствіе того месть, въ свою очередь, вызываетъ возмездіе и т. д. до безконечности. Въ этомъ прогрессѣ въ безконечность выражается недостаточность формальнаго, или отвлеченнаго, права: оно приводитъ къ требованію, которое не можетъ быть исполнено. Правосудіе должно быть не только местью, но и наказаніемъ, наказаніе же имѣетъ въ виду не случайное отношеніе внѣшнихъ дѣйствій, а самую внутреннюю волю преступника, въ которой долженъ быть возстановленъ общій законъ. Черезъ это внѣшнее право переходитъ въ другую область, въ область внутренняго самоопредѣленія, или морали *).

Въ морали воля сознаетъ себя опредѣляющеюся

---

*) Phil. des Rechts, §§ 82—104.

изнутри себя, независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ побужденій, единственно на основаніи лежащаго въ ней общаго начала. Но содержаніе этого начала моралью не дается; и тутъ законъ остается формальнымъ. Поэтому, онъ не опредѣляетъ воли въ ея конкретныхъ проявленіяхъ, а относится къ ней только какъ отвлеченное требованіе, или *должное*. Это — воля, какъ отвлеченно общій моментъ *).

Первое опредѣленіе воли въ этой сферѣ заключается въ отношеніи внутренняго самоопредѣленія къ проистекающему изъ него дѣйствію. Воля признаетъ своимъ только то дѣйствіе, къ которому она опредѣлилась умышленно, то есть, сознательно и свободно. Это — право *вины*. Затѣмъ и самое содержаніе дѣйствія, та цѣль, съ которою оно совершается, то есть, *намѣреніе*, должно отвѣчать внутреннимъ потребностямъ дѣйствующаго лица. Лице имѣетъ право находить въ дѣйствіи личное свое удовлетвореніе. Въ этомъ заключается его *благо*. Но личное благо можетъ быть и случайнымъ. Воля имъ не связана; какъ общее, разумное начало, она опредѣляется не личною, а общею цѣлью, и въ ней находитъ свое удовлетвореніе. Эта общая цѣль есть идея *добра*, которая составляетъ внутренній законъ для самоопредѣляющейся воли. Но такъ какъ эта идея противополагается личному благу, то здѣсь она является въ видѣ требованія: субъектъ стоитъ къ ней въ отношеніи *обязанности*. Притомъ, это требованіе — чисто отвлеченное и формальное. Человѣкъ долженъ дѣйствовать по общему закону; онъ долженъ

---

*) Phil. des Rechts, §§ 105—108.

исполнять обязанность для обязанности; но чего именно требуетъ отъ него обязанность, это общимъ закономъ морали не опредѣляется. Наполненіе ея живымъ содержаніемъ предоставляется здѣсь собственному усмотрѣнію лица, которое въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшаетъ, чтó для него составляетъ обязанность, и чтó нѣтъ. Это рѣшающее, субъективное начало есть *совѣсть,* внутреннее, неприкосновенное святилище свободы человѣка, средоточіе его нравственнаго міра. Человѣкъ имѣетъ право опредѣляться къ добру только на основаніи собственной совѣсти. Однако, и совѣсть не соотвѣтствуетъ вполнѣ идеѣ добра. Какъ центръ всей нравственной жизни человѣка, она заключаетъ въ себѣ оба противоположныя опредѣленія воли, общее и частное, законъ и произволъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность перехода отъ одного къ другому. Совѣсть можетъ уклоняться отъ добра и перейти къ началу противоположному, которое, какъ таковое, является *зломъ.* Явленіе зла обнаруживаетъ недостаточность опредѣленій морали, недостаточность, состоящую именно въ томъ, что идея добра является здѣсь отвлеченно общимъ, формальнымъ, а потому чисто субъективнымъ началомъ, лишеннымъ вслѣдствіе этого живаго содержанія. Восполнить этотъ недостатокъ можно только переходомъ субъективнаго начала въ объективное. Внутреннее самоопредѣленіе должно соединиться съ внѣшнимъ; общее должно проникнуть частное. Это высшее единство права и морали составляетъ нравственность *).

Въ области нравственности лица связываются своею

---

*) Phil. des Rechts, §§ 131—141.

общею нравственною сущностью. Эта сущность является здѣсь уже не какъ субъективная, формальная идея, а какъ объективная система законовъ и учрежденій, въ которыхъ осуществляется идея добра. Лице исполняетъ эти законы; въ этомъ состоитъ его обязанность. Такимъ образомъ, здѣсь обязанности становятся уже опредѣленными. Съ другой стороны, въ законахъ выражается самое разумное существо воли, содержаніе нравственной свободы; въ нихъ воплощаются начала права и общаго блага. Поэтому, исполненіе законовъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право лица; въ нихъ оно находитъ личное свое удовлетвореніе. Въ области нравственности, права́ и обязанности связаны неразрывно: лице имѣетъ настолько правъ, насколько оно имѣетъ обязанностей, и наоборотъ. Вслѣдствіе этого, исполненіе законовъ становится для лицъ второю, высшею ихъ природою, что и называется *нравами*. Соотвѣтствіе свойствъ лица требованіямъ нравственности составляетъ его *добродѣтель*. А такъ какъ эти нравы одинаковы у многихъ, то изъ нихъ образуется *духъ* людей, живущихъ подъ общими законами. Такимъ образомъ, общая нравственная сущность является живымъ духомъ нравственно-юридическаго союза, одушевленнаго общею цѣлью. Лица же состоятъ членами этого союза и въ немъ находятъ свое удовлетвореніе. Этимъ достигается полное соглашеніе субъективнаго начала съ объективнымъ *).

Союзы, соединяющіе людей, суть: 1) семейство; 2) гражданское общество; 3) государство. Они пред-

---

*) Тамъ же, §§ 142—156.

ставляютъ собою различныя ступени развитія нравственнаго начала.

Семейство есть союзъ, основанный на отношеніяхъ естественныхъ, данныхъ природою. Связью его служитъ естественное чувство — любовь. Это чувство составляетъ основаніе брака. Но сила нравственно-юридическаго начала превращаетъ естественное соединеніе половъ въ союзъ духовный, образующій одно нравственное лице, а потому возвышенный надъ случайностью влеченій и по существу своему неразрывный. Это духовное единство становится видимымъ, внѣшнимъ, въ дѣтяхъ, которыя составляютъ цѣль союза. Съ достиженіемъ цѣли, съ воспитаніемъ дѣтей, семья распадается. Дѣти дѣлаются самостоятельными и основываютъ каждый свое отдѣльное семейство. Черезъ это между ними устанавливаются уже инаго рода отношенія. Семейство переходитъ въ гражданское общество *).

Гражданское общество есть союзъ людей, какъ самостоятельныхъ единицъ. Основнымъ его элементомъ является отдѣльная личность съ ея потребностями и интересами. Общее начало служитъ здѣсь только средствомъ для удовлетворенія личныхъ цѣлей. Отсюда возникаетъ сложная сѣть частныхъ отношеній, составляющихъ существо этого союза. Прежде всего, въ силу взаимныхъ потребностей, люди вступаютъ въ экономическія отношенія другъ къ другу. Образуется общая *система потребностей*, которая ведетъ къ систематическому распредѣленію самыхъ способовъ удовлетворенія, то есть, къ *раздѣленію труда;* послѣднее же, въ свою очередь, вле-

*) Phil. des Rechts, §§ 158—181.

четъ за собою *различіе состояній.* Это различіе вытекаетъ изъ самаго развитія лежащаго въ основаніи ихъ понятія. Первымъ является состояніе *естественное,* которое добываетъ произведенія природы, именно, земледѣльцы; второе есть состояніе *формирующее,* или промышленное, заключающее въ себѣ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ; третье, наконецъ, есть состояніе *общее,* которое исполняетъ общественныя цѣли. Общее начало, господствующее надъ всею этою системою, есть *право,* охраняющее трудъ и собственность каждаго. Въ гражданскомъ обществѣ право является уже какъ положительный законъ, которымъ установляются признаваемыя всѣми нормы. Вслѣдствіе этого, личность и собственность получаютъ здѣсь законное признаніе; договоръ дѣлается ненарушимымъ, а преступленіе влечетъ за собою общественное наказаніе. Приложеніе закона къ отдѣльнымъ случаямъ становится дѣломъ *суда,* который получаетъ бытіе въ гражданскомъ обществѣ. Но для охраненія интересовъ недостаточно одного суда, возстановляющаго нарушенное право. Безопасность лицъ и имуществъ требуетъ устраненія тѣхъ случайностей, которымъ они могутъ подвергнуться, а съ другой стороны, связь интересовъ ведетъ къ принятію общихъ мѣръ, удовлетворяющихъ совокупнымъ потребностямъ общества. Отсюда необходимость *полиціи,* которая установляетъ внѣшній порядокъ и завѣдываетъ общими учрежденіями. Однако, одного внѣшняго порядка недостаточно; требуется внутренняя связь между правомъ и интересами. Въ гражданскомъ обществѣ эта связь создается частными союзами, или *корпораціями.* Каждое лице примыкаетъ къ сословію, къ общинѣ, къ цеху; оно въ

нихъ находитъ обезпеченіе своихъ частныхъ цѣлей, помощь противъ случайностей, наконецъ, сословную честь. Корпораціи составляютъ нравственный элементъ гражданскаго общества; это — второе основаніе общества послѣ семейства. Но ограничиваясь частными цѣлями союза, эти мелкія единицы имѣютъ наклонность обособляться и коснѣть въ своей узкой рамкѣ. Чтобы поддержать между ними общую связь, необходимъ надъ ними высшій надзоръ во имя единой общественной цѣли, которой всѣ частныя цѣли должны подчиняться. Этотъ высшій надзоръ принадлежитъ новому союзу — государству, которое, въ отличіе отъ гражданскаго общества, является представителемъ общественнаго единства и безусловно общей цѣли *).

Государство представляетъ полное осуществленіе нравственной идеи, дѣйствительность нравственнаго духа, или объективнаго разума. Оно не составляетъ уже средства для достиженія другихъ цѣлей; оно само есть абсолютная цѣль. Поэтому, оно имѣетъ верховное право надъ человѣкомъ, который въ немъ достигаетъ высшаго своего назначенія. Высшая обязанность человѣка — быть членомъ государства. Но и наоборотъ, въ немъ человѣкъ находитъ высшее осуществленіе своей свободы и своего права. Субъективное начало и объективное приходятъ здѣсь къ полному согласію. Объективное начало само вытекаетъ изъ субъективнаго, то есть, изъ воли, но не изъ личной и случайной воли, какъ договоръ, а изъ существенной воли членовъ союза. Основаніемъ государства является народный духъ, живущій въ

---

*) Phil. des Rechts, §§ 182—256.

гражданахъ и достигающій въ государствѣ высшаго самосознанія *).

Идея государства развивается: 1) какъ внутренній организмъ; 2) какъ внѣшнія отношенія различныхъ государствъ между собою; 3) какъ общій духъ, владычествующій надъ совокупнымъ процессомъ ихъ развитія, то есть, какъ всемірная исторія.

Государство, какъ высшее осуществленіе идеи свободы, возвышается надъ семействомъ и гражданскимъ обществомъ; но оно не поглощаетъ ихъ въ себѣ, а признаетъ ихъ права и оставляетъ имъ должную самостоятельность, подчиняя ихъ только себѣ, какъ высшей власти, и само составляя для нихъ верховную цѣль. Такимъ образомъ, частная свобода сохраняетъ въ государствѣ все свое значеніе, но къ ней прибавляется свобода политическая, основанная на сознаніи общей государственной цѣли. Таковъ въ особенности характеръ новыхъ государствъ, въ отличіе отъ древнихъ. Въ послѣднихъ господствовала еще первоначальная слитность; вслѣдствіе этого, частныя сферы не получили еще полнаго развитія, и частная свобода поглощалась общественною. Новое государство, напротивъ, представляетъ возвращеніе уже вполнѣ развившихся частныхъ элементовъ къ общему, какъ высшему единству; здѣсь оба начала пришли къ согласію **).

Но государство не ограничивается владычествомъ надъ другими, подчиненными сферами. Какъ самостоятельный союзъ, оно образуетъ свой собственный организмъ, выражающійся въ политическомъ устрой-

---

*) Phil. des Rechts, §§ 257—258.

**) Тамъ же, §§ 260—262.

ствѣ. Организмъ, вообще, представляетъ развитіе идеи въ совокупности ея опредѣленій. Въ государствѣ эти внутреннія различія образуютъ систему раздѣльныхъ властей, которыя однако, въ силу своей органической связи, не распадаются врозь и не ограничиваютъ другъ друга, какъ самостоятельныя силы, а дѣйствуютъ согласно, какъ члены единаго цѣлаго. Эти власти суть: законодательная, установляющая общія нормы, правительственная, прилагающая эти нормы къ отдѣльнымъ случаямъ, и, наконецъ, княжеская, представляющая послѣднее, верховное рѣшеніе воли и связывающая все остальное. Онѣ соотвѣтствуютъ тремъ моментамъ развитія идеи: общему, частному и единичному. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ политическихъ формъ полное развитіе идеи государства представляетъ только конституціонная монархія. Остальные образы правленія: монархія, аристократія и демократія, относятся къ низшимъ ступенямъ государственнаго развитія, гдѣ общая идея не достигла еще полнаго своего расчлененія. Здѣсь господствуетъ еще чисто поверхностное различіе, основанное на количественномъ опредѣленіи властвующихъ лицъ *).

Каково же должно быть сообразное съ идеею устройство конституціонной монархіи? Первое мѣсто въ ней принадлежитъ князю. Онъ является представителемъ государственнаго полновластія, которое состоитъ въ подчиненіи всѣхъ частей цѣлому и всѣхъ частныхъ цѣлей общей цѣли союза. Полновластіе, по идеѣ, принадлежитъ не народу, какъ массѣ, а государству, какъ единичному лицу, содержащему

---

*) Phil des Rechts, §§ 263—274.

въ своемъ верховномъ единствѣ всѣ отдѣльныя части и элементы. Единичное же лице можетъ въ дѣйствительности быть представлено только физическимъ лицемъ, которому поэтому и должно быть предоставлено верховное рѣшеніе. Всякаго рода собранія служатъ недостаточнымъ выраженіемъ этого момента. По той же причинѣ монархія должна быть наслѣдственною; иначе верховная воля государства ставится въ зависимость отъ частныхъ воль отдѣльныхъ лицъ, отъ борьбы людей и партій. Такое единичное представительство политическаго союза лицемъ монарха не предаетъ, однако, государства на жертву всѣмъ случайностямъ рожденія и произвола. Господство случайности возможно только на низшихъ ступеняхъ государственнаго быта, гдѣ различные моменты идеи не получили еще надлежащей самостоятельности; въ устройствѣ же, вполнѣ развившемъ свои опредѣленія, единичное рѣшеніе является только завершеніемъ всего остальнаго. Отъ конституціоннаго монарха не требуется никакихъ личныхъ качествъ. Ему вовсе не нужно вмѣшиваться во все и направлять всѣ дѣла. Онъ долженъ только сказать: *да*, и поставить точку (Er muss nur *ja* sagen und den Punkt auf das *i* setzen). Здѣсь самое положеніе монарха дѣлаетъ его истиннымъ органомъ государства *).

Отъ княжеской власти отличается власть правительственная, которая заключаетъ въ себѣ полицію и судъ. Назначеніе ея состоитъ въ приложеніи закона къ частнымъ случаямъ. Вслѣдствіе этого, она приходитъ въ прямое соприкосновеніе съ гражда-

*) Phil. des Rechts, §§ 275—286.

нами и съ тѣми частными союзами, на которые раздѣляется гражданское общество. Эти союзы непосредственно завѣдываютъ мѣстными и корпоративными интересами; задача же государственнаго управленія заключается въ охраненіи общаго государственнаго интереса. Исполненіе этой задачи возлагается на особое состояніе государственныхъ служителей, назначаемыхъ монархомъ и получающихъ свое содержаніе отъ государства. Главное начало въ организаціи этой части состоитъ въ раздѣленіи труда, причемъ, однако, на вершинѣ различныя отрасли должны связываться общими учрежденіями. Затрудненіе заключается здѣсь въ соглашеніи этого раздѣльнаго устройства съ соединеніемъ различныхъ отраслей въ корпоративныхъ союзахъ. Послѣдніе должны сохранять свою самостоятельность; иначе исчезаютъ органическое устройство гражданскаго общества и свобода частной жизни. Управляемые должны быть ограждены отъ произвола управляющихъ. Отчасти гарантія заключается въ іерархическомъ устройствѣ правительственныхъ властей и въ контролѣ высшихъ надъ низшими. Но отдаленіе высшихъ властей отъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ дѣлаетъ эту гарантію весьма недостаточною. Она необходимо должна быть восполнена тою преградою, которую представляетъ произволу чиновниковъ самостоятельность корпоративныхъ правъ *).

Наконецъ, что касается до законодательной власти, то въ ней участвуютъ всѣ три элемента: монархъ посредствомъ верховнаго рѣшенія,—правитель-

---

*) Тамъ же, §§ 287—295.

ство — доставленіемъ матеріала для законодательной дѣятельности, народъ — обсужденіемъ законовъ черезъ своихъ представителей. Начало народнаго представительства основано не на томъ, что народъ будто бы лучше понимаетъ общія потребности и интересы, нежели правительство: напротивъ, онъ обыкновенно понимаетъ ихъ хуже, чѣмъ тѣ, которые стоятъ наверху. Истинная причина заключается въ необходимости сочетанія субъективной свободы съ объективною. Черезъ представительство, законъ и государство входятъ въ народное сознаніе и въ немъ получаютъ самую крѣпкую свою опору. Но въ законодательствѣ должна быть представлена не личная воля разсѣянныхъ единицъ, а народъ, какъ онъ есть, въ живой своей организаціи, расчлененный на корпораціи и сословія. Черезъ это, всѣ существенные интересы общества получаютъ голосъ въ представительствѣ. Изъ трехъ состояній, на которыя раздѣляется гражданское общество, одно, именно то, которое исключительно посвящаетъ себя общественнымъ дѣламъ, имѣетъ уже свою отдѣльную сферу дѣятельности въ государственномъ управленіи; слѣдовательно, представительство должно быть отъ двухъ остальныхъ — отъ земледѣльческаго и промышленнаго. Но значеніе этихъ двухъ состояній въ политическомъ устройствѣ не одинаково: одно изъ нихъ по преимуществу назначено къ тому, чтобы играть роль посредника между другими элементами. Вообще, органическая связь частей вездѣ требуетъ посредствующихъ членовъ. Они должны существовать и между княземъ и представительствомъ, для того чтобы эти два органа власти не были въ постоянномъ противоположеніи, а дѣйствовали бы согласно.

Со стороны князя, такимъ посредствующимъ членомъ служатъ правительственныя лица, которыя несутъ на себѣ отвѣтственность за управленіе; со стороны же представительства посредникомъ должно быть то состояніе, которое преимущественно носитъ въ себѣ сознаніе общихъ началъ, то есть, состояніе земледѣльческое. Но для того, чтобы представители его могли исполнять свое назначеніе, необходимо не только, чтобы они принадлежали къ высшей, образованнѣйшей его части, но и чтобы у нихъ было независимое и вполнѣ обезпеченное положеніе. Это достигается учрежденіемъ маіоратовъ, которые дѣлаютъ ихъ имущество неотчуждаемымъ. Это — жертва, приносимая требованіямъ государства. Въ качествѣ посредниковъ, они должны составлять особую, верхнюю палату. Нижняя же палата должна состоять изъ представителей промышленнаго состоянія въ его раздѣленіи на корпораціи и общины. И тутъ государство въ правѣ требовать гарантій дѣльнаго обсужденія законовъ. Главная можетъ заключаться въ томъ, чтобы избираемые доказали уже свое знаніе общественныхъ дѣлъ занятіемъ какихъ-либо общественныхъ должностей. Значеніе субъективной свободы въ государствѣ не ограничивается, впрочемъ, участіемъ гражданъ въ законодательной власти. Пренія палатъ, которыя непремѣнно должны быть публичныя, распространяютъ знакомство съ политическими вопросами во всей массѣ народа, которая вліяетъ на ихъ рѣшеніе обсужденіемъ ихъ путемъ устной рѣчи и печати. Въ этомъ состоитъ общественное мнѣніе, выражающее субъективную свободу уже не въ органической формѣ, а какъ чисто личное начало. Въ немъ поэтому соединяются два противопо-

ложныхъ элемента: существенное и вѣчное, лежащее въ глубинѣ народнаго духа, съ произволомъ и случайностью, составляющими свойство частныхъ мнѣній. Дѣло государственнаго человѣка — раздѣлить эти два элемента и доискаться истины, скрывающейся въ хаотической массѣ личныхъ сужденій *).

Такъ развиваются внутреннія опредѣленія государства. Въ результатѣ, оно является цѣльнымъ духовнымъ организмомъ, единичнымъ лицемъ, и какъ таковое, вступаетъ въ отношенія съ другими, подобными же лицами. Въ этомъ состоитъ его внѣшнее полновластіе. Здѣсь уже видимымъ образомъ выражается безусловное подчиненіе всѣхъ частныхъ цѣлей государственной. Всѣ граждане обязаны жертвовать своею жизнью и имуществомъ для защиты отечества. Государство является здѣсь не только средствомъ для охраненія частныхъ интересовъ, но высшимъ началомъ, для котораго послѣдніе служатъ только орудіемъ. Но такъ какъ внѣшняя защита составляетъ лишь одну изъ сторонъ государственной жизни, то она становится предметомъ занятій особаго сословія — войска. Только въ минуты крайней опасности, когда ставится вопросъ о самомъ существованіи государства, всѣ граждане призываются къ оружію **).

Будучи полновластнымъ, государство требуетъ признанія со стороны другихъ. Этимъ установляется правомѣрная его независимость въ ряду державъ. Дальнѣйшія же отношенія государствъ опредѣляются договорами. Соблюденіе договоровъ составляетъ осно-

---

*) Phil. des Rechts, §§ 298—319.
**) Тамъ же, §§ 321—329.

ваніе международнаго права. Но такъ какъ государства обладаютъ полною независимостью рѣшенія, то они всегда могутъ нарушать договоры. Отсюда, при невозможности соглашенія, возникаетъ война. Въ войнѣ самое существованіе государства подвергается опасности и становится случайнымъ. Какъ проявленіе извѣстнаго народнаго духа, государство ограничено, а потому конечно. Оно можетъ погибнуть, но мѣсто его занимается другими. Возникающіе отсюда перевороты составляютъ ходъ всемірной исторіи, въ которомъ государственная жизнь сама становится орудіемъ всемірнаго духа *).

Исторія человѣчества представляетъ изложеніе внутренняго содержанія духа, развитіе его самосознанія и свободы. Въ ней духъ является независимымъ отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій; онъ опредѣляется чисто изнутри себя и самъ себя дѣлаетъ въ дѣйствительности тѣмъ, что онъ есть въ существѣ своемъ. Въ этомъ состоитъ всякое развитіе; но духъ, въ отличіе отъ природы, развивается не органическимъ путемъ, то есть, безпрепятственнымъ раскрытіемъ внутреннихъ своихъ опредѣленій, а черезъ посредство сознанія и свободы, борьбою противоположностей. Орудіями этого движенія являются лица съ ихъ страстями и интересами. Каждое изъ нихъ преслѣдуетъ свои частныя цѣли, ищетъ личнаго удовлетворенія, но безсознательно оно исполняетъ общія цѣли и осуществляетъ то, что требуется духомъ. Таковы въ особенности историческія личности, которыя возвышаются надъ современниками и играютъ историческую роль имен-

---

*) Phil. d. Rechts, §§ 330—340.

но потому, что онѣ лучше другихъ понимаютъ потребности своего времени. Среда же, въ которой осуществляется самоопредѣленіе духа, есть государство, высшее выраженіе свободы на землѣ. Только тѣ народы играютъ историческую роль, которые образуютъ изъ себя политическое тѣло. Но государство, какъ выраженіе извѣстной народности, есть только частное проявленіе всемірнаго духа. Историческіе народы и государства представляютъ различныя ступени его развитія. Тотъ народъ, который въ данное время болѣе всѣхъ выражаетъ въ себѣ настоящую ступень, является господствующимъ; когда же онъ исполнилъ свое назначеніе, онъ сходитъ съ историческаго поприща и уступаетъ мѣсто другимъ.

Такихъ ступеней въ исторіи четыре. Въ послѣдовательности ихъ выражается развитіе свободы, или существа духа. Сначала владычествуетъ общая субстанція, въ которую личность всецѣло погружена. Свободенъ только одинъ, стоящій во главѣ государства; поэтому онъ является деспотомъ. Таковъ міръ восточный. Затѣмъ, мало-по-малу пробуждается сознаніе свободы, которая, однако, не вдругъ отрѣшается отъ общей субстанціи, а состоитъ еще съ нею въ гармонической связи. Отсюда художественное міросозерцаніе, составляющее характеристическую черту греческой жизни. Но эта юношеская гармонія быстро исчезаетъ, ибо она не поборола еще въ себѣ раздвоенія. Послѣднее наступаетъ съ переходомъ исторіи въ Римъ. Здѣсь является противоположность между отвлеченно-общимъ началомъ и частнымъ, сначала въ видѣ борьбы аристократіи съ демократіею, затѣмъ какъ развитіе, съ одной стороны, отвле-

ченнаго, всемірнаго государства, а съ другой стороны, частнаго права и личныхъ интересовъ. Въ Римѣ человѣчество доходитъ до крайней степени внутренняго разлада; но съ этимъ вмѣстѣ является и примиреніе, составляющее поворотную точку исторіи. Достигшая крайняго развитія личность, углубляясь въ себя, признаетъ свое тожество съ божественнымъ началомъ. Этимъ возстановляется внутреннее единство духа, примиреніе его съ самимъ собою. Таково значеніе христіанства. Но на первыхъ порахъ это примиреніе остается еще чисто внутреннимъ; оно образуетъ высшій духовный міръ, противоположный міру свѣтскому. Дальнѣйшее развитіе исторіи состоитъ въ перенесеніи этого начала въ жизнь, при взаимномъ проникновеніи свѣтской области и духовной. Это и есть задача новой исторіи, задача, исполненіе которой составляетъ призваніе Германскаго народа и германскаго государства *).

Таково содержаніе философіи права Гегеля. Изъ предыдущаго можно судить объ ея достоинствахъ и недостаткахъ. Первыя, несомнѣнно, перевѣшиваютъ. Философія права Гегеля, какъ и вообще его система, составляетъ завершеніе всего предшествующаго развитія мысли. Различныя направленія человѣческаго ума сходятся здѣсь, какъ въ средоточіи, и достигаютъ высшей гармоніи. Никто изъ предшествующихъ мыслителей такъ глубоко и вѣрно не опредѣлилъ мѣста и взаимныхъ отношеній различныхъ элементовъ нравственнаго міра. Въ основаніе положено истинное ихъ начало, свобода воли, которая

*) Phil. des Rechts, §§ 341—360; ср. Phil. der Geschichte, Einleit.

выведена съ такимъ глубокомысліемъ, что больше ничего не остается желать. Противоположныя опредѣленія свободы, право и мораль, составляющія внѣшнюю и внутреннюю ея стороны, противопоставлены другъ другу и затѣмъ сведены къ высшему единству въ организмѣ общественныхъ союзовъ, въ которыхъ нравственныя идеи сочетаются съ удовлетвореніемъ личности; въ нихъ человѣкъ, въ обоихъ опредѣленіяхъ своего естества, какъ отдѣльная особь и какъ существо разумно-нравственное, достигаетъ высшаго своего назначенія. Развитіе этихъ началъ составляетъ одну изъ самыхъ плодотворныхъ мыслей въ философіи права и останется безсмертною заслугою Гегеля. И все это діалектическое движеніе завершается, наконецъ, воззрѣніемъ на государство, какъ на органъ всемірнаго духа, раскрывающаго свое содержаніе въ исторіи. Можно сказать, что существенныя основы построеннаго Гегелемъ зданія, несомнѣнно, вѣрны. Читатель можетъ убѣдиться, что вся предшествующая исторія политической мысли служитъ имъ подтвержденіемъ. Опытъ блистательнымъ образомъ оправдываетъ здѣсь выводы умозрѣнія. Критика можетъ относиться только къ частностямъ. Она обнаруживаетъ скорѣе недостаточное развитіе и непослѣдовательное проведеніе началъ, нежели невѣрное ихъ пониманіе. Общее же воззрѣніе выходитъ очищеннымъ и дополненнымъ изъ критической его оцѣнки.

Въ чемъ же состоятъ недостатки теоріи Гегеля? И тутъ, мы прежде всего должны указать на неправильность діалектическаго построенія. Вмѣсто четырехъ опредѣленій, мы опять находимъ только три. Если мы возьмемъ всю совокупность отношеній

человѣческихъ воль, то мы увидимъ, что первоначальную, непосредственную ихъ основу составляетъ общежитіе, какъ естественное опредѣленіе человѣка. Оно заключаетъ въ себѣ четыре существенныхъ элемента: власть, законъ, свободу и цѣль. Изъ него развивается, съ одной стороны, право, какъ частное, съ другой стороны, мораль, какъ отвлеченно-общее начало. Это доказывается самою исторіею политической мысли. Первая школа, съ которой начинается философія права въ новое время, есть школа общежительная, которой коренныя основанія выяснены уже Гуго Гроціемъ. Послѣ того мысль разбивается на два противоположныхъ направленія, нравственное и индивидуальное, которыя, наконецъ, опять сводятся къ высшему единству въ идеализмѣ. У Гегеля, по объясненнымъ выше причинамъ, эта первоначальная основа и тутъ исчезаетъ. Вмѣсто нея, первою ступенью развитія свободы является одно изъ противоположныхъ ея опредѣленій, и на этотъ разъ не субъективное, внутреннее, отвлеченно-общее, а объективное, внѣшнее, частное, именно, право. Отсюда слишкомъ обширное значеніе, данное началу права, значеніе, которое ведетъ къ смѣшенію понятій. Вслѣдствіе этого самая мораль является какъ будто дальнѣйшимъ развитіемъ началъ права, чтó очевидно невѣрно, если принять право въ точномъ смыслѣ слова. Отсюда, наконецъ, совершенно искусственный переходъ отъ первой ступени ко второй. Развитіе началъ уголовнаго права ведетъ къ необходимости сочетанія права и морали въ государствѣ, а никакъ не къ переходу изъ одного понятія въ другое. Несмотря однако на эти недостатки, опредѣленія права въ существенныхъ чертахъ выведены

вѣрно; но за то опредѣленія морали развиты у Гегеля весьма недостаточно. Сущность морали, какъ отвлеченно-общаго начала, вытекающаго изъ чистыхъ, или формальныхъ требованій разума, понята, какъ слѣдуетъ, но систематическая разработка этого начала остается крайне скудною. Добродѣтель Гегель неправильно отнесъ не къ морали, а къ нравственности, да и тамъ онъ едва коснулся этого понятія. Начало закона имъ вовсе не развито; идея же совершенства, опредѣляющая нравственный идеалъ, совершенно оставлена имъ въ сторонѣ. Можно сказать, что ученіе о морали составляетъ самую слабую сторону философіи права Гегеля. Оно требуетъ гораздо болѣе полной обработки.

Несравнено выше стоитъ ученіе о нравственности. Послѣдовательное развитіе общественныхъ союзовъ указано вѣрно и гораздо болѣе подтверждается исторіею, нежели это могъ подозрѣвать самъ Гегель. Но и тутъ мы находимъ тотъ же недостатокъ діалектическаго построенія. Вмѣсто четырехъ союзовъ, опять являются только три. Четвертый союзъ, церковь, опущенъ. Отнесши религію къ области абсолютнаго духа, возвышающейся надъ государствомъ, Гегель, очевидно, не могъ поставить церковь въ ряду общественныхъ союзовъ, занимающихъ низшую ступень. Только мимоходомъ касается онъ вопроса объ отношеніи религіи и церкви къ государству, и хотя воззрѣніе, которое онъ здѣсь развиваетъ, совершенно основательно, однако, оно не соотвѣтствуетъ общему построенію системы. Религія, говоритъ Гегель, выражая собою сознаніе абсолютнаго духа, несомнѣнно, составляетъ основу всякой нравственности, а потому и политической жизни. Но это только основа,

въ отношеніи къ которой государство является какъ высшая ступень, ибо здѣсь духъ строитъ изъ себя объективный міръ. Эти два момента раздѣляются громаднымъ переходомъ отъ внутренняго къ внѣшнему, проникновеніемъ разума въ жизнь, тѣмъ шагомъ, надъ которымъ работала вся исторія и которымъ человѣчество пріобрѣло сознаніе разумной дѣйствительности. Поэтому, государству принадлежитъ высшее право. Церковь не только подчиняется ему, какъ внѣшній союзъ, но представляя собою субъективное начало, она не можетъ имѣть притязанія опредѣлять объективныя основы государства. Въ противоположность субъективной вѣрѣ и убѣжденіямъ, государство имѣетъ высшее право объективнаго знанія. Съ другой стороны, однако, субъективное начало, составляя принадлежность внутренняго человѣка и будучи опредѣляемо его совѣстью, должно оставаться неприкосновеннымъ для государства. Поэтому, эти два союза должны быть раздѣлены. Государство, вторгающееся въ область церкви, также какъ и церковь, налагающая руку на государство, равно становятся тираническими. Государство исполняетъ свою обязанность, когда оно религіозной общинѣ оказываетъ защиту и покровительство, сохраняя надъ нею высшій надзоръ. Заботясь о нравственномъ духѣ гражданъ и видя въ религіи главную опору нравственности, оно можетъ требовать отъ подданныхъ, чтобы каждый изъ нихъ принадлежалъ къ какой-нибудь церкви; но далѣе этого его права не простираются: оно не можетъ предписать какого-либо ученія, а должно относиться безразлично ко всѣмъ *).

Изъ этихъ положеній Гегеля слѣдуетъ, 1) что объ-

*) Phil. des Rechts, § 270.

ективный духъ, какъ осуществленіе абсолютныхъ началъ въ дѣйствительномъ мірѣ, долженъ быть поставленъ выше субъективнаго сознанія абсолютнаго; 2) что церковь должна быть поставлена въ ряду общественныхъ союзовъ, какъ представительница субъективной морали или какъ союзъ, руководящій человѣческою совѣстью. Въ этомъ отношеніи она противополагается гражданскому обществу, которое представляетъ собою развитіе началъ отвлеченнаго права, то есть, чисто личнаго, или частнаго элемента общежитія. Послѣднее такъ и было понято Гегелемъ, хотя онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смѣшиваетъ частныя цѣли съ общею. Такимъ образомъ, и тутъ мы получаемъ діалектическое развитіе не трехъ, а четырехъ опредѣленій. Первоначальную основу представляетъ союзъ естественный — семейство; затѣмъ является противоположность союза юридическаго, то есть, гражданскаго общества, и союза нравственнаго— церкви; наконецъ, эти противоположности сводятся къ единству въ высшемъ союзѣ — въ государствѣ. Эти четыре союза соотвѣтствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и четыремъ существеннымъ началамъ общежитія: семейство — внутренней цѣли или идеѣ, гражданское общество — свободѣ, церковь — закону, государство — власти. Они соотвѣтствуютъ, наконецъ, и четыремъ основнымъ опредѣленіямъ человѣческой души: чувству, влеченіямъ, разуму и волѣ, причемъ, разумѣется, каждое изъ этихъ началъ и опредѣленій, образуя цѣльный нравственный союзъ, заключаетъ въ себѣ и всѣ остальныя, но какъ подчиненные моменты.

Замѣтимъ, что по этой схемѣ въ государствѣ осуществляется не внутренняя цѣль, а главнымъ образомъ власть, слѣдовательно, не внутреннее, а внѣшнее

единство. Еслибы противоположныя начала сочетались въ немъ внутреннимъ образомъ, какъ въ семействѣ, гдѣ право и нравственность связаны неразрывно, обнимая всю жизнь человѣка, то самостоятельность частныхъ союзовъ могла бы исчезнуть. Напротивъ, начало власти, воздвигаясь надъ ними, оставляетъ имъ относительную независимость. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что государство составляетъ первоначальную основу, а семейство — высшій, идеальный союзъ. Государство является все-таки высшимъ единствомъ противоположностей. Это видимое противорѣчіе объясняется закономъ развитія духа, въ противоположность природѣ. Развитіе природы идетъ отъ общихъ силъ къ единичному началу, представляемому органическимъ существомъ. Послѣднее ея произведеніе есть животное. Задача духа заключается, напротивъ, въ обратномъ возведеніи единичнаго къ общему. Точку отправленія составляетъ для него единичная душа, а высшимъ его опредѣленіемъ является всемірный духъ, излагающій свое содержаніе въ исторіи. Поэтому и въ развитіи общественныхъ союзовъ первоначальнымъ, естественнымъ опредѣленіемъ является единичное начало, то есть, внутренняя цѣль, которая осуществляется въ семействѣ, какъ органическомъ союзѣ, представляющемъ полное единеніе особей; конечное же опредѣленіе есть государство, воплощающее въ себѣ идею власти. Но въ силу этого развитія, государство составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшее единство противоположностей, то есть, и оно носитъ въ себѣ единичное начало. Поэтому оно является не только внѣшнею властью, но и нравственнымъ лицемъ, какъ единичное выраженіе народнаго духа. Народъ имѣетъ волю только въ государствѣ.

Мы видимъ, что опредѣленіе мѣста и значенія каждаго союза, а также и ихъ взаимныхъ отношеній, стоитъ въ прямой зависимости отъ общаго философскаго взгляда, отъ пониманія началъ и законовъ, руководящихъ всемірнымъ развитіемъ духа.

У Гегеля мы не встрѣчаемъ указанія на соотвѣтствіе человѣческихъ союзовъ основнымъ элементамъ общежитія: власти, закону, свободѣ и цѣли. Государство, какъ единство противоположностей, является у него высшимъ осуществленіемъ нравственной идеи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили выше, относительная самостоятельность подчиненныхъ союзовъ вполнѣ признается имъ. Только нѣкоторыя неточныя выраженія могли подать поводъ къ обвиненію, что у него государство поглощаетъ въ себѣ все, не оставляя мѣста свободѣ лица. Мы видѣли, что именно въ признаніи самостоятельности субъективнаго начала полагаетъ онъ существенное отличіе новаго государства отъ древняго. Съ глубокимъ и вѣрнымъ своимъ взглядомъ, Гегель не поддался присущему чистому идеализму поползновенію все слить въ конечномъ опредѣленіи, поползновенію, которое побудило Платона начертать свой идеалъ государства и которое воодушевило новыхъ соціалистовъ. У Платона это всецѣлое принесеніе лица въ жертву государству объясняется слабымъ развитіемъ личной свободы въ древнемъ мірѣ. Но и онъ уже понялъ невозможность осуществленія этого идеала, вслѣдствіе чего онъ изобразилъ иное устройство въ своихъ *Законахъ*. Послѣ него, Аристотель опровергъ самыя основанія этого взгляда. У новыхъ же соціалистовъ крайнее развитіе идеализма идетъ не только наперекоръ правильному пониманію вещей, но и

наперекоръ исторіи. Ими отрицаются всѣ плоды развитія новаго времени. Все прошедшее и настоящее отвергается во имя чисто теоретическаго построенія будущаго. Идеализмъ Гегеля существенно отличается отъ этихъ утопій. И онъ нерѣдко становится исключительнымъ; и у него предшествующіе моменты понимаются иногда, какъ мимолетныя явленія, а не какъ выраженіе постоянныхъ элементовъ жизни. Но все же эти моменты, подчиняясь высшему единству, сохраняютъ относительную самостоятельность. Гегель понималъ развитіе не какъ отрицательный, а какъ положительный процессъ, какъ раскрытіе внутренняго содержанія предмета. Поэтому, онъ искалъ своихъ идеаловъ не въ фантастическомъ представленіи будущаго, а въ живой дѣйствительности, въ пониманіи разумныхъ требованій жизни и развивающихся въ ней началъ. Въ политической области, идеаломъ для него было не соціалистическое устройство общества, а конституціонная монархія, то есть, та государственная форма, которая представлялась высшимъ плодомъ всего предшествующаго развитія европейской жизни и таковою была признана лучшими умами того времени.

Въ изображеніи этого политическаго идеала, Гегель, согласно съ общимъ духомъ своей системы, идетъ путемъ чистаго умозрѣнія. Онъ отличаетъ власть законодательную, правительственную и княжескую, какъ моменты общій, частный и единичный. И тутъ обнаруживается общій недостатокъ системы: вмѣсто четырехъ опредѣленій опять являются три. Это и повело къ неправильному смѣшенію правительственной власти съ судебною. Послѣдней при-

надлежитъ собственно приложеніе закона къ частнымъ случаямъ; поэтому, она можетъ быть опредѣлена какъ моментъ частный. Задача же правительственной власти состоитъ, главнымъ образомъ, въ управленіи общими интересами государства. По принятой схемѣ, она представляетъ собою моментъ общій, въ отличіе отъ котораго законодательство является осуществленіемъ отвлеченно-общаго начала, а князь представителемъ момента единичнаго. Если мы сравнимъ эти различныя отрасли власти съ основными элементами общежитія, то увидимъ, что правительственная власть имѣетъ въ виду осуществленіе государственной цѣли, судебная — охраненіе свободы и права, законодательная — установленіе закона, наконецъ, монархъ является представителемъ чистаго начала власти. При такомъ взглядѣ, мы поймемъ и отношеніе конституціонной монархіи къ другимъ образамъ правленія, различіе которыхъ Гегель понялъ слишкомъ поверхностно. Въ дѣйствительности, монархія представляетъ собою начало власти, аристократія — начало закона, демократія — свободу, наконецъ, смѣшанныя формы и преимущественно конституціонная монархія — сочетаніе различныхъ элементовъ и приведеніе ихъ къ идеальному единству. Такимъ образомъ, вездѣ повторяется одинъ и тотъ же законъ, что̀, впрочемъ, естественно, ибо во всѣхъ политическихъ формахъ выражаются одни и тѣже элементы, лежащіе въ основаніи всякаго общежитія.

Мы видимъ, что поставленіе монарха во главѣ идеально построеннаго государства послѣдовательно вытекаетъ изъ воззрѣній Гегеля. Единичное начало, какъ связь противоположностей, должно составлять вершину политическаго зданія; но какъ представи-

тель чистой воли государства, князь долженъ быть свободенъ отъ всякаго частнаго произвола. Значеніе должны имѣть не личныя качества, а положеніе монарха. Тотъ же самый взглядъ мы находимъ и у современныхъ Гегелю французскихъ публицистовъ, которые, идя совершенно инымъ путемъ, строили идеалъ конституціонной монархіи на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ. И у нихъ надъ отдѣльными властями, законодательною, правительственною и судебною, возвышается власть королевская, какъ высшая, единичная вершина зданія, связывающая противоположные элементы въ одно согласное цѣлое. Самое изреченіе Гегеля, что князь долженъ только сказать *да* и поставить точку, совершенно тожественно съ другимъ знаменитымъ изреченіемъ: «король царствуетъ, а не управляетъ». Такъ, въ силу внутренняго закона, однородное движеніе мысли, хотя и по различнымъ путямъ, приводитъ къ одинаковымъ результатамъ.

Не станемъ разбирать подробностей политической теоріи Гегеля. Въ умозрительныхъ выводахъ философіи гораздо важнѣе установленіе общихъ началъ, нежели практическое ихъ примѣненіе. Послѣдняго Гегель вовсе не имѣлъ въ виду. Что же касается до его философіи исторіи, то и здѣсь мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ ней уничтоженіе свободы и поглощеніе лица общею субстанціею. Вопросъ состоитъ въ томъ: слѣдуетъ ли видѣть въ исторіи произведеніе человѣческаго произвола и случайностей, или же движеніе, управляемое общими законами? Сказать, что человѣкъ, преслѣдуя личныя свои цѣли, нерѣдко дѣлаетъ то, чего онъ вовсе не имѣлъ въ виду, и такимъ образомъ безсознательно

становится орудіемъ высшихъ силъ, что въ историческихъ дѣятеляхъ выражаются потребности времени, духъ народа и т. п., это — самая простая и ставшая даже пошлою истина. Тѣ, которые видятъ въ человѣкѣ орудіе Провидѣнія, говорятъ тоже самое. Этимъ не уничтожаются ни личная свобода, ни нравственная отвѣтственность, какъ прямо признаетъ и Гегель. Человѣкъ, въ силу своей свободы, воленъ дѣлать все, что ему угодно; но онъ не властенъ идти наперекоръ законамъ духа, также какъ онъ не властенъ преступить законы природы. Случайное дѣйствіе остается случайнымъ; прочныя послѣдствія оно имѣетъ только тогда, когда оно отвѣчаетъ общимъ потребностямъ. Этотъ взглядъ одинъ согласуется и съ истинными требованіями свободы. Для разумнаго существа не можетъ быть высшаго удовлетворенія, какъ сознавать себя орудіемъ общихъ цѣлей. Не случайная игра произвола, а развитіе существенныхъ опредѣленій духа составляетъ содержаніе исторіи. Это Гегель и имѣлъ въ виду, когда онъ утверждалъ, что все дѣйствительное разумно, а все разумное дѣйствительно. Онъ прямо говоритъ, что подъ именемъ дѣйствительности онъ отнюдь не разумѣетъ всего, что явленія представляютъ случайнаго и произвольнаго, а лишь тѣ существенныя основы жизни, которыя вытекаютъ изъ глубины общаго духа. Изъ этого нельзя вывести ни нравственнаго оправданія удачныхъ преступленій, ни узаконенія всякаго установившагося порядка вещей. Законъ духа — не застой, а развитіе. Отрицаніе установленнаго порядка, если оно основывается на требованіяхъ разума, само является выраженіемъ присущей духу діалектики. Вообще, можно сказать, что истин-

ный смыслъ развитія, какъ внутренняго самоопредѣленія духа, никѣмъ и никогда не былъ такъ глубоко понятъ, какъ Гегелемъ. Имъ же раскрытъ и діалектическій законъ этого развитія. Это опять безсмертная его заслуга, которая должна все болѣе и болѣе выясняться въ послѣдующемъ движеніи науки. Фактическое изученіе исторіи въ цѣломъ ея ходѣ несомнѣнно убѣждаетъ насъ, что она движется не произволомъ, а идеями, въ послѣдовательной ихъ связи. Всякій истинный историкъ носитъ въ себѣ это убѣжденіе.

Но если общія основанія философіи исторіи глубоко и вѣрно схвачены Гегелемъ, то нельзя того же сказать о приложеніи этого взгляда къ фактамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ границы умозрѣнія и отличіе его отъ опыта. Иное дѣло вывести a priori общій законъ, иное — показать дѣйствіе этого закона въ явленіяхъ. Послѣднее требуетъ опытнаго изученія самихъ явленій, какъ признаетъ и Гегель*), а это — работа совершенно инаго рода, нежели первая. Тутъ необходимы полнота свѣдѣній, критическая оцѣнка матеріала, точность фактическихъ выводовъ; однимъ словомъ, здѣсь настоящее мѣсто для приложенія опытной методы. Очевидно, однако, что при различіи путей выводы не всегда совпадутъ. Законъ можетъ быть выведенъ вѣрно, но при недостаточномъ опытѣ, приложеніе его къ фактамъ окажется неправильнымъ. Если же собранный и недостаточно провѣренный матеріалъ будетъ искусственно подводиться подъ общій законъ, то выйдетъ натяжка. Это именно и случилось съ Гегелемъ. Сильный въ умозрѣніи, онъ былъ

*) Phil. der Gesch., Einl., стр. 14.

слабъ въ опытѣ. Выводя логически общіе законы, онъ старался подыскивать къ нимъ явленія, причемъ, конечно, далеко не всегда дѣлалъ это правильно. Это ясно показываетъ, что законы были выведены имъ не изъ опыта, а изъ умозрѣнія. Еслибы опытъ былъ единственнымъ руководителемъ человѣческаго знанія, то изъ невѣрнаго опыта никогда нельзя было бы вывести вѣрныхъ законовъ.

Первый упрекъ, который можно сдѣлать философіи исторіи Гегеля, касается слишкомъ ограниченнаго пониманія народности, какъ извѣстной ступени развитія духа. Нѣтъ никакой причины, почему бы данной эпохѣ соотвѣтствовала непремѣнно одна владычествующая народность, которая затѣмъ, исполнивъ свое назначеніе, сходила бы съ историческаго поприща. Такой взглядъ можетъ еще найти свое оправданіе, хотя съ оговорками, въ древней исторіи; новая же исторія представляетъ явленіе совершенно инаго рода. Здѣсь, при болѣе сложныхъ отношеніяхъ, различныя стороны духа находятъ свое выраженіе въ одно и тоже время, въ различныхъ народахъ, а общее движеніе совершается ихъ взаимодѣйствіемъ. Поэтому, никакъ нельзя согласиться съ Гегелемъ, когда онъ всю новую исторію признаетъ плодомъ германскаго духа. Въ новой исторіи ни одинъ народъ не является владычествующимъ въ данную эпоху; всѣ состоятъ членами общей системы. А съ другой стороны, одинъ и тотъ же народъ проходитъ черезъ различныя ступени развитія, участвуя въ общемъ движеніи сообразно съ своею природою. Отсюда гораздо болѣе широкое значеніе народности въ новое время и діалектическое развитіе въ самой ея средѣ. Къ новой народности менѣе всего прило-

жимо изреченіе Гегеля, что народность, какъ опредѣленное явленіе духа, непремѣнно требуетъ извѣстной государственной формы, а съ тѣмъ вмѣстѣ, извѣстной религіи, извѣстной философіи и извѣстнаго искусства *). Такой взглядъ противорѣчитъ даже исторіи древнихъ государствъ. Духъ народный, какъ проявленіе общечеловѣческаго духа, не ограничивается тѣми или другими жизненными формами и направленіями; проходя различныя ступени развитія, вступая во взаимодѣйствіе съ другими, онъ мѣняетъ и самое свое содержаніе.

Другой, еще болѣе важный недостатокъ философіи исторіи Гегеля заключается въ неправильномъ построеніи общаго хода человѣческаго развитія. Онъ вѣрно понялъ Востокъ, какъ среду, представляющую первоначальное погруженіе лица въ общую субстанцію, а Грецію, какъ первое гармоническое проявленіе свободы; но при опредѣленіи дальнѣйшихъ ступеней, онъ впалъ въ значительныя ошибки. Задавшись мыслью, что примиренія противоположностей слѣдуетъ искать въ христіанствѣ, онъ Риму приписалъ абсолютное раздвоеніе сознанія, а это бросаетъ совершенно ложный свѣтъ какъ на римскую исторію, такъ и на средневѣковой порядокъ. Историческое движеніе духа дѣйствительно идетъ отъ единства къ раздвоенію и затѣмъ отъ раздвоенія къ единству; но раздвоеніе является господствующимъ началомъ не въ Римѣ, а въ средніе вѣка. Классическія же государства представляютъ процессъ постепеннаго разложенія духовной субстанціи, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отвлеченно-общихъ началъ, съ другой стороны, частныхъ интересовъ

*) Phil. der Gesch., Einl., стр. 65—66.

Результатомъ этого процесса является средневѣковое устройство, представляющее два противоположные другъ другу міра: свѣтскій и духовный, гражданское общество и церковь, — одинъ, воплощающій въ себѣ идею личнаго права, другой — начало нравственно-религіозное. Между этими двумя мірами возгорается борьба, которая ведетъ, наконецъ, къ потребности примиренія. Послѣднее составляетъ содержаніе новой исторіи. Надъ двумя противоположными союзами воздвигается третій, высшій, государство, которое, являясь носителемъ идей новаго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ возвращеніе къ началамъ, господствовавшимъ въ древности. Тотъ же самый путь мы можемъ прослѣдить и въ искусствѣ, и въ философіи.

Мы предоставляемъ себѣ въ другомъ мѣстѣ подробнѣе и точнѣе опредѣлить этотъ законъ, которымъ объясняется вся исторія человѣчества *). Здѣсь мы должны ограничиться изложенными указаніями; но читатель найдетъ его подтвержденіе во всей предшествующей исторіи политической мысли. Такимъ образомъ, фактическое изученіе исторіи, исправляя недостатки построенія Гегеля, вполнѣ оправдываетъ основные его взгляды. Оно подтверждаетъ и самое развитіе его философіи права. Разложеніе государства ведетъ къ противоположенію началъ права и морали, гражданскаго общества и церкви, и наоборотъ, объединеніе этихъ союзовъ ведетъ къ возстановленію государства. Можно спросить: куда же дѣвалось семейство, которое должно составлять первую ступень развитія общественныхъ союзовъ? И тутъ исторія даетъ намъ отвѣтъ. Семейный, или родовой

*) См. *Наука и Религія*, кн. 3-я и *Курсъ Государственной Науки*, ч. 2-я.

бытъ дѣйствительно составляетъ первую ступень развитія всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Но въ древности переходъ его въ государственную форму совершился въ доисторическую эпоху и не могъ имѣть того характера, какой онъ принялъ въ средніе вѣка. Господство первоначальнаго единства не допускало рѣзкаго противоположенія крайностей. Поэтому, въ древности, при разложеніи родоваго быта, теократическое начало сливается съ гражданскимъ; черезъ это образуется теократическое государство, которое въ первобытной цѣльности заключаетъ въ себѣ какъ родовыя, такъ и гражданскія формы. Таковъ Востокъ; таковы же первоначально были Греція и Римъ. Когда же древнее государство, разлагаясь, снова пришло къ противоположенію церкви и гражданскаго общества, то для осуществленія этой системы потребовались новые народы, которые, точно также исходя отъ родоваго быта, проходятъ черезъ противоположные союзы, нравственный и юридическій, и наконецъ, приходятъ къ государству, какъ высшему союзу, объединяющему всѣ остальные. Существенное отличіе отъ древности заключается здѣсь въ томъ, что новые народы, вступая на историческое поприще, нашли уже абсолютное раздвоеніе подготовленнымъ всею предшествующею исторіею. Они осилили это раздвоеніе и перешли къ высшему единству. Поэтому, имъ нечего опасаться новаго разложенія; оно лежитъ позади ихъ. Новые народы носятъ въ себѣ сѣмена развитія, способнаго завершить весь историческій процессъ человѣчества.

Итакъ, исторія подтверждаетъ построеніе философіи права Гегеля. Мы видимъ здѣсь болѣе сложный

законъ, нежели тотъ, который имъ выведенъ, но основныя опредѣленія остаются тѣже. Самъ Гегель не подозрѣвалъ, до какой степени умозрительные его выводы оправдываются явленіями; выяснить это можетъ только фактическая разработка предмета. Здѣсь мы достигаемъ границъ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости инаго пути. Гегелемъ завершается все предшествующее развитіе мысли; онъ составляетъ вѣнецъ всей новой философіи. Но философія, какъ умозрительная наука, не можетъ идти далѣе вывода общихъ началъ и законовъ. Показать осуществленіе этихъ началъ въ дѣйствительности составляетъ задачу совершенно другаго рода, задачу прямо противоположную первой, ибо тутъ надобно начинать съ частнаго и постепенно возвышаться къ общему. Такой путь служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и провѣркою умозрѣнія. Если законы выведены вѣрно, то они должны найти свое подтвержденіе въ явленіяхъ. Пока этого нѣтъ, умъ остается неудовлетвореннымъ, и самое довѣріе къ умозрительнымъ выводамъ падаетъ. Чѣмъ болѣе философы, для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, прибѣгаютъ къ натяжкамъ, тѣмъ болѣе обнаруживается недостаточность избраннаго ими пути. Этимъ объясняется недовѣріе, постигшее философію въ новѣйшее время. Достигши вершины своего развитія, философія внезапно теряетъ всякій кредитъ. Умъ человѣческій отъ нея отвращается и вступаетъ на новую дорогу. Изъ сказаннаго ясно, что этотъ поворотъ — совершенно законный. Реализмъ, также какъ и раціонализмъ, составляетъ необходимую ступень развитія духа; изученіе фактовъ служитъ не только восполненіемъ, но и провѣркою выводовъ чистаго разума.

Но, какъ водится, одна крайность вызываетъ другую. Опытъ, въ свою очередь, становится въ отрицательное отношеніе къ философіи и считаетъ себя единственнымъ источникомъ познанія. Между тѣмъ, односторонній опытъ, еще менѣе, нежели философія, можетъ имѣть притязаніе на безусловное господство въ наукѣ. Чистый опытъ не идетъ далѣе изслѣдованія частностей. Самое несогласіе его съ философіею отнюдь еще не можетъ служить доказательствомъ противъ послѣдней. Оно можетъ точно также быть признакомъ недостаточности фактическихъ изслѣдованій. Ограниченный опытъ допускаетъ только ограниченную философію. Таковъ, напримѣръ, характеръ современнаго естествознанія, которое всюду ищетъ механическихъ причинъ и законовъ. Оно неизбѣжно приводитъ къ механическому міросозерцанію, то есть, къ низшей формѣ философіи, къ матеріализму. Напротивъ, болѣе широкій опытъ, имѣющій предметомъ духовный міръ, приводитъ и къ болѣе широкимъ философскимъ воззрѣніямъ. Здѣсь матеріализмъ служитъ только признакомъ невѣдѣнія. Но каковъ бы ни былъ опытъ, если онъ не остается простымъ сборомъ матеріала, онъ не можетъ обойтись безъ философіи, ибо онъ не можетъ обойтись безъ извѣстнаго способа пониманія вещей, а способы пониманія даются намъ законами нашего разума, которые находятъ свое чистое выраженіе въ философіи. Разумъ составляетъ для насъ единственное орудіе познанія; поэтому, мы во внѣшнемъ мірѣ можемъ познавать только то, что соотвѣтствуетъ внутреннимъ его свойствамъ и опредѣленіямъ. Остальное, еслибы и существовало, вѣчно оставалось бы для насъ скрытымъ. Отсюда ясно, что опытъ

только въ частности можетъ не согласоваться съ философіею; въ цѣломъ, онъ непремѣнно съ нею совпадаетъ, ибо оба пути представляютъ развитіе однихъ и тѣхъ же началъ, началъ разумнаго познанія. Ограниченный и односторонній опытъ становится въ отрицательное отношеніе къ философіи; полный и всесторонній опытъ служитъ ей необходимымъ восполненіемъ и подтвержденіемъ. Тѣ, которые стоятъ на ограниченной точкѣ зрѣнія, воображаютъ, что все ею исчерпывается; но тѣ, которые возвышаются къ пониманію общаго движенія человѣческой мысли, видятъ въ одностороннихъ точкахъ зрѣнія только отдѣльныя звенья общей умственной цѣпи. Можно сказать, что въ этомъ процессѣ раціонализмъ представляетъ бóльшую посылку, реализмъ — меньшую, а заключеніе предстоитъ еще впереди.

Изъ всего этого мы можемъ вынести убѣжденіе, что начала, выработанныя нѣмецкимъ идеализмомъ, должны остаться прочнымъ достояніемъ науки. И теперь уже многіе добытые имъ результаты вошли въ плоть и кровь современнаго человѣчества. Начало историческаго развитія, значеніе народностей, существо права и государства, все это усвоено современною мыслью. Но еще высшая роль предстоитъ идеализму въ будущемъ, когда, на основаніи обѣихъ посылокъ, философіи и опыта, придется выводить окончательное заключеніе. Не реализмъ, а универсализмъ составляетъ будущую задачу человѣческаго ума. Конечно, на этомъ пути не одинъ идеализмъ можетъ служить руководящимъ началомъ. При такой широкой постановкѣ вопроса невозможно уже держаться исключительно одной какой-либо точки зрѣнія и еще менѣе слѣдовать той или другой си-

стемѣ. Руководительницею человѣческой мысли въ этомъ выводѣ можетъ быть только всемірная исторія философіи, то есть, развитіе разума во всей послѣдовательности его ступеней. Но въ этомъ преемственномъ движеніи нѣмецкій идеализмъ составляетъ послѣднее и высшее звено. Онъ даетъ намъ ключъ къ пониманію всего остальнаго. Въ особенности, онъ озаряетъ яркимъ свѣтомъ науки, касающіяся человѣка. Идеализмъ есть, по преимуществу, философія духа; поэтому, онъ глубже всѣхъ другихъ воззрѣній раскрываетъ намъ существо и дѣятельность Духа.

Конецъ втораго выпуска.

СОДЕРЖАНІЕ.

Новое время (продолженіе).

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, домъ Рихтеръ, кв. № 3.

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ

на II-й годъ систематическаго курса,

цѣна **40** к., съ перес.—**58** к., наложеннымъ платежомъ—**75** к.

ПРОГРАММЫ I ГОДА —Ц. 25 к., съ перес.—35 к., наложеннымъ платежомъ—50 коп.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ Комиссіи: a) обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; b) представляя Комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные Комиссіей; c) представляя на просмотръ и оцѣнку Комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія (науки математическія, физико-химическія, біологическія. философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы)—по 3 рубля за годичный курсъ по каждому изъ этихъ семи отдѣловъ; при занятіяхъ по этнографіи и по каждой изъ отдѣльныхъ темъ—по 1 руб. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напр., химію, педагогику, русскую исторію и т. п.), платятъ какъ за руководство по отдѣльной темѣ (т. е. 1 р.). Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, при чемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Читатели имѣютъ право получать письменные отвѣты на свои обращенія къ Комиссіи, по возможности, не позднѣе двухъ недѣль. **На каждый отвѣтъ должна быть прилагаема почтовая марка;** въ противномъ случаѣ Комиссія не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства, занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса, съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: a) возрастъ, b) какое и гдѣ получили образованіе, c) общественное положеніе, d) главное занятіе, e) знаютъ ли иностранные языки и какіе.

5) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ слѣдующія льготныя условія по пріобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

a) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку.* При покупкѣ

книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ—не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами.

b) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по минованіи надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ *номинальной цѣны* за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ принимается обратно за 95 коп., по истеченіи 2 мѣс.—за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

c) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ—20—25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. Обратно принимаются только переплетенныя книги.

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1-го и 15-го чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. **Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.** Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

6) Лица, записавшіяся на руководство Комиссіи, но въ продолженіе года со времени вступленія въ число читателей не выписывавшія книгъ или не дававшія никакихъ свѣдѣній о ходѣ своихъ занятій, считаются выбывшими изъ числа читателей.

7) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненій, провѣрки письменныхъ отвѣтовъ и т. п. Прочія же сношенія (запись въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаются **круглый годъ.**

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по пріобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія въ настоящее время находитъ возможнымъ для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея „программахъ“ книгъ на слѣдующихъ, временно установленныхъ, условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи, или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемыя Комиссіей книги считаются купленными поименно извѣстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ возвратить задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, 24% годовыхъ на общую номинальную стоимость забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія воспользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользованія ими, произвести окончательный расчетъ съ Комиссіей, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

